

**Андрей
Чародейкин**

**КОСМОФЛОТ:
ВОЙНА И МИРЫ**

2017

Космоопера.

Человечество готовится к ужасной войне с превосходящими в технологиях инопланетянами. Ещё не зажили раны гражданской войны человеческих колоний за независимость от Земли, но объединённый Космофлот поднимает боевые знамёна. Пока фиане спасаются бегством от разумных хищников, пока цивилизация упрямых миносов гибнет в безнадёжной борьбе... Пока капитан космической полиции Редхат жаждет отомстить за предательство другу детства, ставшему самым дерзким командором космических пиратов... В центр переплетения различных интересов попадает молодой человек, который слышит песни инопланетянки по имени Аритайя.

Андрей Чародейкин

Космофлот. Война и мир

*Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пойдёт орбитами наш бравый космофлот!
Когда суровый час войны настанет,
И нас в атаку Родина пошлёт!*

Задворки системы красного карлика С654-321DX, по соседству с системой Кирибея-3

В чёрном и безнадежно бездонном, как её меланхолия, космосе застыл навеки фейерверк звёзд, и только музыка Рахманинова несла её сознание и покачивала бортовые огни патрульного катера космического департамента полиции.

— База вызывает борт двадцать один двенадцать! Капитан Редхат, ответьте базе!

— Все двенадцать сотен статей уголовного кодекса тебе в твой чёртов утренний кофе! — рывкнула капитан Виктория Редхат, выныривая из музыки в реальность, и вдавила кнопку радиосвязи. Пяткой, потому что ноги уже на пульте управления, а рукам туда ещё тянуться лень.

— Редхат — базе: принимаю вас на 80! — рывкнула она.

— Ситуация в секторе Кирибея-три!

— Принято! Запрашиваю целеуказание, координаты, и уровень полномочий!

— Координаты загружены. Объект на позывные не отвечает. Конструкция однозначной идентификации не поддаётся, но по тоннажу тянет на крупный транспорт. По оперативным данным на борту субъект под оперативным псевдонимом «Волк». Предположительно, сейчас он ожидает там курьера с товаром. Как приняли?

— Принято, база!

— Уровень полномочий — третий! Третий уровень полномочий и ни йотой больше! Повторяю: действовать согласно инструкции, наблюдение, выявление преступных связей! Никаких ядерных фугасов, Редхат! Как поняли, подтвердите!

Тупые ублюдки! Крупный транспорт, как же! Если там Волчонок, он же Волков Сергей, то эта треклятая «конструкция», которая «однозначной идентификации не поддаётся» — не меньше чем крейсер! Наверняка вооружённый на одной из тех помоек, что зовутся «базами скрытого дислоцирования непримиримой оппозиции», алиены их пожри!

— Принимаю вас где-то на 60, база, тут какие-то помехи пошли... — бросила сквозь зубы капитан, и отключила дальнюю связь.

— Ты, канцелярская крыса, свою попу инструкцией прикрыл — вот и успокойся! А теперь я буду работу работать! — рыкнула капитан в онемевшие микрофоны. И подключила внутреннюю связь.

— Слушать в отсеках! По местам стоять! К смене курса товсь! Кирибея-три. Боевое расписание. Будут танцы, ребята!

— Ай-ай, кэп, мэ! Машинное тов! Навигация тов! — понеслись доклады на мостик.

— К танцам тов, кэп, мэ! — доложил оружейник. — Какую музыку ставить?

— «Слёзы Сатаны» на направляющие, — выдохнула капитан. В отсеках повисла недоверчивая тишина.

— Вы слышали приказ! У нас на борту реквизированные запрещённые игрушки, подписанные к утилизации — вот и утилизируем!

— Есть «Слёзы Сатаны», кэптан, мэ! Шевелитесь, ленивые обезьяны! Фугасы на направляющих!

— Первый, второй — товы!

— Кормовые товы!

— «Незабудки» в кассетах к пуску товы! «Светляки» в шахте!

— Батарея тов!

Маленькая команда маленького патрульного катера сыпала докладами готовности, но капитан их не слышала. Их капитан сейчас была далеко. Далеко и давно. В обшарпанных стенах специального интерната для беспризорных. Она смотрела сквозь грязное, разбитое и заклеенное бумажным скотчем стекло, на умирающий город под грустным химическим дождём. Рядом стоял худенький подросток с большими щенячьими глазами, и сжимал её ладошку в своей руке так, будто держал маленькую птичку, которую боялся раздавить, но не мог позволить вырваться. Сергей Волков — Серый Волчонок.

— «Вот, значит, как мы встретимся. И теперь ты мне станцуешь, Серый! Ты станцуешь, а я сыграю музыку!» — мрачно подумала капитан Редхат, возвращаясь в настоящее.

— Орудийная! — бросила в микрофоны капитан.

— Слушаю!

— Не стрелять! Без моей команды — не стрелять! Держать готовность! В отсеках пристегнуться! Старт!

В чёрном и безнадёжно бездонном, как неизбывная тоска её сердца, космосе застыл навеки фейерверк звёзд, и только музыка Рахманинова подпевала маршевым двигателям храброго патрульного катера, ложащегося в боевой разворот.

* * *

Несколько дней спустя...

Арита́йя: Злые звёзды

Система звезды «Звон-лопнувшей-струны» в созвездии «Хрустальной чаши»

«Что же не так? Что-то не так!», — билась пленённой птичкой испуганная мысль, метался взгляд по экранам радаров. Тревожно.

Флот вышел из гипервоя в режиме полной тишины, и дрейфовал к орбите газового гиганта. Щедрый россыпи сверкающих звёзд в бархатно-чёрной предвечной пустоте — мириады гигантских термоядерных костров — и вся их непомерная мощь бессильна сделать тьму космической бездны хоть капельку светлее. И горстка жалких скорлупок с дерзкими искорками жизни внутри, крохотными песчинками падают в бурлящий вечными яростными бурями газовый гигант. Падают тягуче медленно, мимо его сверкающих колец, сотканных из крупинки замёрзшего метана. Должно быть, это захватывающее зрелище, если взглянуть со стороны.

Реакторы погашены, аппаратура обесточена — только скудное аварийное освещение, только пассивные сенсоры, работающие на приём, невесомость и звенящая в ушах тишина. И напряжённое ожидание. И хрупкая надежда.

Но что-то не так. Какое-то тревожное предощущение, неуловимое, ускользающее, на самом краешке сознания.

Дальний поход через бескрайнюю мёртвую бездну космоса — это всегда тревожно. Тут не бывает иначе. Может, это просто волнение? Арита́йя — второй офицер наблюдения — самый молодой офицер на корабле, она может ошибаться. Но, если верить капитану...

Девушка украдкой бросила взгляд на точёный профиль капитана. Собран, спокоен, сосредоточен, внимателен. Во флоте кланов нет более опытного и удачливого капитана.

Их корабль — «Песнь о доме» выполнял задачу флангового охранения, и занимал правый фланг. Корабли авангарда вышли раньше, уже просканировали пространство, уже запустились, и, не скрываясь, ушли уже далеко вперёд. Сканеры показывали лишь мёртвую пустыню вокруг. Датчики уверенно подмигивали приветливым зелёным цветом. Но Арита́йя — не просто оператор приборов наблюдения. Она — «сенсорик» — телеэмпат. И, если верить их капитану, Арита́йя — самый талантливый сенсорик из всех, кого он встречал.

Сейчас оба корабля авангарда сканировали безымянный планетоид, спутник газового гиганта. Планетоид каменный, высокое содержание металлов, включая тяжёлые, много кратеров — очень удобное место, что бы поставить там пушки. Пушки. Огромные, чудовищные пушки, способные в миг...

Арита́йя закусил губу и тряхнула головой, отгоняя кошмарные фантазии. Ей нужно сосредоточиться, и выполнять свою работу. Работа наблюдателя-сенсорика основывается не столько на приборах, сколько на интуиции. В этом-то и проблема: что бы попытаться заглянуть под то, чем представляется реальность, и предугадать то, чем она является на самом деле, сумев отличить предчувствия дара сенсорика от собственных фантазий и страхов. Кроме таланта тут необходим опыт.

— Наблюдение, рапорт! — спокойно скомандовал капитан Нелнишнош. Арита́йя замерла в надежде: вот сейчас Ахутехоут — первый офицер наблюдения — опытный старый сенсорик — доложит капитану о проблеме.

— Ничего подозрительного не вижу, — медленно проговорил после долгой паузы первый офицер наблюдения, дядюшка Ахутехоут. Если бы он был уверен, рапорт звучал бы чётче и короче: — «Чисто!». Но уверенность у наблюдателя-сенсорика в таком походе — редкая роскошь. Приборы могли обмануться. А тонким чувствам телепата ощутимые помехи создавали многочисленные пассажиры на лайнерах флота, замершие сейчас в тревожном ожидании и страхе. Может, им всем снотворное выдавать при каждом выходе из гипер?

Капитан кивнул первому офицеру наблюдения, ещё раз взглянул на телеметрию двух лёгких кораблей авангарда, и потянулся к микрофону внутренней связи:

— Машинное! Дядюшка Уохинтонкан, раскочегаривай реактор. Ложимся на курс.

— Десять минут! — доложило машинное отделение.

— Абекойя, подавай напряжение на камбуз, — продолжил капитан, обращаясь уже к их коку, — полагаю, мы отметим удачный переход чем-нибудь вкусненьким?

Аритайя испуганно сжалась. Проклятье! Ей всё же придётся принимать решение! Сглотнув ком в горле, девушка сжала подлокотники вмиг вспотевшими пальцами.

— Капитан, внимание! Т...т... — слово «тревога» наотрез отказалась проходить через горло, — Тут что-то не так!

— Внимание в отсеках! — тут же, не колеблясь, уверенно распорядился капитан, — Режим тишины! Обесточить все активные цепи. Дядюшка Уохинтонкан, прикрой-ка пока реактор. Ждём, — капитан отключил общий канал корабельной связи, и обратился к ней: — Наблюдение, доклад по отметкам!

— Отметок нет, — голос предательски дрогнул, но Аритайя взяла себя в руки, и как смогла уверенно доложила: — Что-то не так.

Минуту капитан Нелнишнош размышлял, наблюдая, как по закрытому каналу связи приходят доклады готовности от кораблей флота. Аритайя, отчаявшись уже разобраться в своих предчувствиях, ждала его решения, замороженно глядя на своего капитана. Стольких усилий ей стоило пробиться на этот корабль! Кто бы знал, чего ей стоило кресло второго наблюдателя! И всё — ради того, что бы быть рядом с ним. Быть рядом с ним в каждом его дальнем походе. Неужели она просит у судьбы слишком многого?

Вот авангард дал добро. Время на размышления вышло. Капитан нахмурился. Он ведь наверняка понимает, что если хищников не видно, это ещё не значит, что хищников нет. Вот капитан бросил короткий взгляд на Аритайю. И принял решение.

— Стартовая палуба, — спокойно скомандовал Нелнишнош в микрофон внутрикорабельной связи, — Два имитатора на старт! Программа «приманка».

— Три минуты, капитан! — доложила стартовая палуба звонким мальчишечьим голосом.

Время загустело вязкой патокой, потянулось резиною, остановилось почти. Флот замер, не дождавшись условного сигнала готовности от своего правофлангового охранения. Аритайя чувствовала, как штурман на всякий случай просчитывает варианты. Чувствовала, как напряжён старший инженер — беспокоится за реактор: дедушка Уохинтонкан всегда хитрил, не соблюдал правила. Наверняка и сейчас то же. С другой стороны — никто ж так не знает, не чувствует реактор, как дедушка Уохинтонкан. И что там так долго молчит стартовая палуба?

Аритайя мысленно потянулась туда, на стартовую палубу — там сейчас несли вахту её кузены. Два молодых шалопаи, скорых на глупую выдумку, острых на язык — в этом походе они уже не практиканты. Теперь они — обслуга стартовой палубы.

Вот они — она их чувствует. В полумраке, потому что там функционировали не все лампы аварийного освещения, два паренька — её кузены — спешно готовили к старту сразу два имитатора. Срывая в кровь пальцы, ибо невесомость вовсе не отменяет ни инерционную массу, ни силы трения, мальчишки тащили слишком тяжёлые для них железяки, ворочали массивные ограничители и фиксаторы, и крутили неподатливую ручную лебёдку. Потому что в режиме тишины отключены генераторы, обесточены моторы — все без исключения, включая помпы систем охлаждения, и вентиляторы подачи воздуха. Так что ко всему прочему, парни сейчас задыхались в дыхательных масках. Ох и достанется ей от них, если выяснится, что Аритайя зря подняла тревогу!

«Ну и пусть достанется!» — на грани истерики молилась про себя девушка, — «Пусть все её ругают! Пусть эта её тревога окажется напрасной!»

— Готовы к старту! — доложили, наконец, кузены. Парни уложились в четыре минуты, вместо заявленных ими же трёх, а это значит, что на ближайшей стоянке их ждут усиленные тренировки по отработке заряжания стартовых шлюзов вручную. — Капитан! Мы хотим зарядить один имитатор на подсветку! — доложил старший из кузенов, Уонехтон. Положительно, эти двое не могут, что бы что-нибудь не отчебучить.

— Хорошо, — спокойно откликнулся капитан, — Два имитатора в режиме «приманка», подсветка электромагнитным импульсом, старт по готовности!

Через минуту на радаре весело мигнув дружественными зелёными опознавательными кодами, два крупнотоннажных лайнера уверенно легли на курс на орбиту газового гиганта, работая маршевыми и отфыркиваясь маневровыми, в окружении нескольких мелких ремонтных шлюпов и четырёх малых дежурных шаттлов. Зачарованно наблюдая эту красоту на экранах сканеров, Аритайя подумала, что на ближайшей стоянке, после усиленных тренировок на стартовой палубе, кузенов ждёт ещё и поощрение. Имитаторы — беспилотные аппараты, умеющие создавать интерференционную картинку реального корабля. Но настроить имитатор так, что бы он не только корабль изображал, но ещё и крутящихся вокруг него ремонтников — это, пожалуй, высший пилотаж! Кузенов точно наградят! Ну, если только те на тренировках не нахалтурят.

Вот один дежурный шаттл набрал скорость, резко уходя от лайнеров куда-то в открытый космос. Это аппарат отстрелил ракету с импульсным разрядником для подсветки. Даже так имитатор продолжал прикрывать ракету, маскируя её под дежурный шаттл.

Сейчас! Вот-вот всё может проясниться! Аритайя замерла, забыв дышать, внимательно наблюдая за пылевыми кольцами газового гиганта. «Никого нет. Но что-то не так. Звёзды... злятся. Выжидают» — вот снова мелькнула мысль о злых звёздах, и тут Аритайя ясно осознала вдруг: звёзды ни при чём, просто здесь есть кто-то, кто-то злой, их флот явно ждут! Ах! Что? Мелькнуло, и пропало. Показалось? Может, это нервы?

Улетающий в бездну шаттл лихо заложил «бочку», озорно мигая бортовыми огнями, и... взорвался. Видимая лишь приборам волна... высветила на экранах сенсоров пугающе хищные силуэты боевых кораблей в крошечной черноте космоса, где до сих пор было абсолютно пусто.

— Хищники! — крикнула Аритайя, — Два, нет, три боевых фрегата! Начинают маневрирование! Там четвёртый! И пятый! Вижу два звена перехватчиков! Нет, четыре!

Бездна проклятий! Откуда их тут столько?! Какжетакакжетакакже...

— Правофланговый, флоту! Хищники. Много. Я их уведу, — отрапортовал капитан по закрытому каналу, и тут же спокойно скомандовал по внутренней связи:

— Держаться в отсеках! Стартовая палуба! Мне нужен имитатор с программой «паника» в нижний шлюз через три минуты! Повторяю: держитесь, сейчас будем маневрировать!

— Имитатор «паника» в нижнем через три! Сделаем! — откликнулась стартовая палуба.

— Хищники открыли огонь по имитаторам! — доложила Аритайя, внутренне холодея от шальной, непрошенной фантазии: что, если бы на месте имитатора сейчас был бы их корабль? От такой мысли у неё даже хвост мелко задрожал.

— Машинное! Мне нужен полный ход.

— Будет полный ход! — Дядюшка Уохинтонкан, так всегда, невероятен. Он часто не глушит реактор, как велят правила, но опустив часть поглотителей, перекрывает охлаждение, и опускает полностью защитный кожух. Эффект внешне тот же: сканеры больше не могут обнаружить реактор. Зато с каждой минутой в таком состоянии реактор становится опаснее и опаснее. Если его не запустить, он взорвётся. Зато, если запустить — он стартует почти что мгновенно.

Щелкнули реле, освещение с аварийного сменилось на полное, зашуршали привычным уютным шумовым фоном воздуховоды.

А вот затушенный по правилам реактор вывести вновь в рабочий режим будет очень не быстро. Флот сможет стартовать минут через десять, не раньше. Ещё минут десять им понадобится, что бы подготовиться к прыжку. Хищники успеют быстрее. Выход у флота только один: нырять в плотную атмосферу газового гиганта, куда флот сейчас дрейфует, прикинувшись кучкой астероидов. Им остаётся только нырять в атмосферу, и там попытаться скрыться от хищников. Вот ведь наверняка хищники именно этого от них и добиваются! Потому и не поставили артиллерию на том планетоиде. И не стали прятаться за пылевыми кольцами. Из атмосферы газового гиганта корабли не смогут уйти в прыжок. Хищникам предстоит неспешная «рыбалка»: будут вылавливать из грозовых туч и ураганов беззащитные корабли с живой добычей — один за другим. Клан обречён.

Был бы обречён, но ворчливый, вечно критикующий правила старик Уохинтонкан, и их решительный капитан Нелнишнош дадут флоту шанс спастись!

— Готов имитатор в нижнем! — доложили кузены, уложившись на этот раз в две с половиной минуты.

— Старт! — скомандовал капитан.

— Имитатор пошёл, — доложил первый офицер наблюдения. Аритайя наблюдала на приборах, как в миле позади их корабля спешно выполняет разворот его точная копия.

— Машинное! Полный ход! — командует отец, и Аритайя догадывается, что он задумал: хищники должны решить, что настоящий корабль сейчас удирает, а тот, что спокойно летит прямо в газовый гигант — имитатор, конечно же. Аритайя украдкой бросила полный гордости взгляд на напряжённый профиль капитана: сейчас ей страсть как хотелось крикнуть всем: это — её отец!

После гибели матери отец как-то сразу заметно постарел. Гордый капитан Нелнишнош не подавал, конечно, вида, но Аритайя чувствовала, как горе пожирает его изнутри. Поэтому столько отчаянных усилий, бессонных ночей над учебниками, ужасы тренировочных полётов, и всё-всё! Аритайя прошла через всё, что бы не оставить отца одного с этим чёрным горем в каком-нибудь очередном дальнем походе. Ей без него тоже было тяжело. Как бы не сочувствовали родные, как бы не уговаривал её врач, сколько бы не выдавал успокоительных. Мать была для неё слишком многим. И потому теперь она ни за что не отпустила бы отца в

дальний поход одного.

— Готовимся к прыжку! — скомандовал тем временем капитан. — Штурман! Вертикальный прыжок!

«Вертикальным» называют такой прыжок в гипер, когда корабль после прыжка вываливается обратно, туда, откуда стартовал. Это либо ошибка команды, в первую очередь штурмана и пилота, либо неисправность, либо — как сейчас — хитрость. Капитан явно рассчитывает, что хищники скопируют вектор ускорения и деферент, и прыгнут следом, и улетят в соседнюю звёздную систему. Все знают: хищники не бывают искусственными штурманами, и их техника всегда хуже в гипер. Об этом ходит много смешных и обидных для хищников шуток. В мирное время ходят эти шуточки, в безопасности. А вот сейчас помнится другое: хищники великолепны в боевом маневрировании, и в вооружении. И не ведают ни жалости, ни пощады, ни сожалений.

— Хищники перестраиваются! — Аритайя сосредоточилась на своих обязанностях наблюдателя: — Два фрегата ложатся в разворот на перехват имитатора. Один идёт на... на нас! Остальные охватывают сектор, начинают активный поиск, считаю, они будут сейчас бить! П-подсветкой!

— Подтверждаю! — подал голос первый офицер наблюдения.

В горле снова колючий ком, и уже не только её хвост, но и пальцы предательски дрожат. Когда-то давно, в той жизни, когда мама была жива, Аритайя ходила с родителями в поход. Фиане веками скитаются по галактике, и в соответствии с заветами предков, каждый фианин должен быть знаком с космическими путешествиями. Ей было двенадцать, когда она в первый раз пережила это: гибель корабля сородичей. Если верить их капитану, Аритайя — талантливый сенсорик, а это означает, что она способна почувствовать живые существа через многие лиги мёртвой бездны космоса. И это же означает, что всю боль умирающих сородичей она переживает как свою собственную.

— Хорошая работа, наблюдатели! — ободрил их капитан. — А сейчас уберите все сканеры! Внимание! Нижняя палуба! «Сюрпризы» за борт! Задержка три!

Аритайя спохватилась: надо спрятать всё антенное хозяйство под обшивку, заглушить все сенсоры, обесточить все чувствительные цепи, входные тракты. Быстрее! Иначе, когда через три минуты сработают «сюрпризы» — мощные электромагнитные разрядники — вся чувствительная аппаратура погорит! Пальцы перестают дрожать, щёлкают тумблеры, меняют цвет сигнальные индикаторы готовности аппаратуры. Успела!

— Вспышка! — командует капитан — Поднять сканеры!

Это опять ей! Быстрее! Сейчас корабль слеп, но Аритайя, как хороший сенсорик, и без аппаратуры чувствует:

— Фрегат хищников на четыре, с шестого на три! Ослеплён, пройдёт мимо, — уверенно доложила она.

— Подтверждаю! — тут же откликнулся первый офицер наблюдения.

— Капитан, нас опознали, как цель с дальних бортов! — продолжала Аритайя, — Огонь открыть будут готовы... через шесть минут, минимум: они тоже ослеплены.

Ещё бы: хищники ведь готовились бить на подсветку, так что их сканеры были наготове, когда взорвались электромагнитные импульсные разрядники. Аритайя почувствовала злобное раздражение хищников неожиданной проблемой. И... жажду крови! От внезапно нахлынувшего желания рвать живую трепещущую плоть клыками, ей сделалось дурно. Пришлось сосредоточиться: у её расы нет клыков, фиане — травоядные, а это чувство —

чужое! Полегчало.

— Подтверждаю! — снова откликнулся первый наблюдатель.

— Отлично, — голос капитана напряжён. — Штурман? Инженеры?

— Готов! — доложил штурман.

— В норме, — доложил старший инженер.

— Внимание в отсеках: приготовиться к прыжку! — объявил капитан по корабельной связи. — Дорогие мои, для переживаний пока нет повода. Пожалуйста, ещё немного потерпите, — и кивнул пилотам.

— Прыжок!

Дыхание разом вышибло, полная потеря всяческих ощущений. Затем чувства возвратились, набросились, словно истосковались в разлуке, щедро одаривая подробностями о том, как плотно зажал тело антиперегрузочный костюм — ощущения уже знакомые, но привычными эти ощущения не станут никогда.

Сквозь ставшую полупрозрачной обшивку корабля видно, как звёзды срываются со своих мест, несутся вперёд, и вот уже вся вселенная стекла прямо по курсу, сжалась в пульсирующее нечто — световой барьер прошли. И да, внезапный приступ смертной тоски — это тоже нормально. Сейчас отпустит.

— Пи-и-ло-о-ты! — голос капитана звучит глухо, тягуче, со странными реверберациями. Пилоты, конечно, слышат капитана, но напоминать им не было нужды — вон, они и так уже задирают деферент, стрелки приборов уходят за отметку «опасно». Всё правильно — сейчас пилоты валят корабль назад, в привычное трёхмерье.

Вообще, управлять полётом в гипере считается невозможным. Никто во всей галактике не умеет. Космический корабль в гипере подобен рыбине, выпрыгнувшей из воды — сколько не маши своими плавниками, а траекторию не изменишь. И только фианские корабли прыгают, подобно летучим рыбам, только у фианских кораблей есть плазменные парусакрылья, технология, работающая только в гипере, и позволяющая управлять прыжком, затягивать полёт. Но фиане, если вдруг придётся, покончат с собой — все разом и каждый в отдельности, но не выдадут священный секрет хоть кому-то ещё во вселенной!

Вдруг чужая ярость буквально бьёт Аритайю по нервам, словно током, и всё вокруг разом тускнеет, темнеет, словно хищная тень загородила свет. Совсем рядом с их кораблём ощущается нечто холодное и мерзкое. Это фрегат хищников. Значит, их маневр удался, и хищники бросились в погоню.

Точно, вот ещё одна холодная тень угрюмо проплыла совсем рядом. Но тут светящееся нечто впереди дёрнулось, и рванулось на встречу, рассыпаясь звёздами. Те, безумно вращаясь, кинулись на свои привычные места.

Едва корабль вернулся в нормальное пространство-время, как под пугающий скрип переборок хором запищали приборы, замигали аварийной индикацией, зазвенели тревожные зуммеры. Ничего, это тоже нормально. Сейчас пройдёт. Даже раньше, чем тошнота.

Пилот стабилизировал горизонт, офицер связи выполнил сведение лучей для связи с флотом, и перед капитаном замелькали строчки условных кодов. Сообщения от флота. Экстренные.

— Фиане, вы же понимаете, что это означает? — холодно и строго спросил капитан по корабельной связи. — Хищники прятались в открытом космосе. Прятались успешно.

Только тут до Аритайи, наконец, дошло, и догадка словно обожгла её: корабли хищников использовали технологии сокрытия в пространстве, которые есть только у фиан!

Вернее, теперь «были только у фиан». Технологии, которые позволяли фианам выживать, теперь в руках хищников! И следом вторая обжигающая догадка: именно утечка секретных фианских технологий, скорее всего, и стала причиной внезапной активности хищников! Вот почему они вдруг развернули широкомасштабные облавы и травлю! Облавы и травлю, которые и вынудили её клан бежать с уютной планеты в неизвестность.

— Старейшины всё поняли, — продолжил говорить капитан Нелнишнош по корабельной связи, неотрывно читая сообщения флота. — Поэтому они приняли решение, — капитан поморщился, видимо, он-то такое решение считал спорным, — разделить флот!

О, нет! Как же так?! Понятно, что если корабли флота сейчас бросятся врассыпную, так больше шансов, что хоть кто-то спасётся. Но что потом делать спасшимся? Как потом собраться клану вместе? Ох, а как же выживать врозь?

— Капитан! — внезапно резко заговорил первый офицер наблюдения, Ахутехоут: — Фрегат хищников только что прыгнул за нами!

Аритайя вздрогнула, вновь закусила многострадальную губу, и мысленно обругала себя: она забыла о своих прямых обязанностях! Отвлеклась!

Девушка внимательно взгляделась в показания приборов. Их корабль вышел из гипера не штатно, а попросту вывалился сразу за тем самым газовым гигантом, и они получили в нормальном пространстве-времени сразу больше третьей космической. Сейчас они уносились прочь, а флот клана и хищники остались где-то там, позади. Поскольку прятаться было уже бессмысленно, больше нет нужды полагаться только на пассивные сенсоры. И да, первый офицер наблюдения уже запустил активную радарную систему, и даже сбросил пару радиолокационных зондов за борт. И точно: один из фрегатов хищников только что ушёл в гипер-прыжок. Судя по всему, прыжок короткий — наверняка, что бы догнать их корабль.

— Подтверждаю! — бросила Аритайя нервно. Так, два хищника прыгнули куда-то в соседнюю звёздную систему, ещё один только что стартовал в короткий прыжок сюда, значит, осталось ещё два фрегата и целая туча перехватчиков. Перехватчики — это очень плохо! Перехватчики — это абордаж. А абордаж — это плен, муки, и смерть. И где они?

Аритайя взгляделась в телеметрию флота. Вот: два оставшихся фрегата хищников гоняются сейчас за кораблями авангарда. В авангарде клан специально выставил самые скоростные и маневренные корабли класса «дальний разведчик». И самых дерзких капитанов. Один из этих кораблей сейчас пытается отвлечь на себя перехватчики хищников. А второй безрассудно бросился прямо на фрегат, ловко изворачиваясь в довольно плотном потоке огня!

Аритайя даже не нуждается в подсказках опознавательных кодов, ей и так очевидно: этот второй корабль — «Смелый свистун». Только капитан Абуксигун может так дерзко дразнить хищников! Да он просто откровенно над ними потешается! Вот, получив всего два удара вскользь по обшивке, «Свистун», скинул имитаторы, ловко переложил вектор тяги, и вышел из-под огня. Что бы лишь минуту спустя включить бортовые огни, и нагло помахать ими хищникам!

У Аритайи от одного только вида этой сцены сердце замирает, скованное страхом. Есть только один такой ненормальный капитан, способный дёргать смерть за усы! Определённо капитан Абуксигун не доживёт до старости!

Видный красавец, молодой, весёлый, Абуксигун очень нравится девчонкам. И у Аритайи сердечко, случалось, трепетало, когда этот красавчик бросал на неё взгляд. При этом Аритайя, как эмпат, чувствовала — Абуксигун рисковал не ради острых ощущений, не

для того, что бы что-то доказать кому-то, и даже не ради внимания девчонок. Удивительно, но этот не взрослеющий мальчишка по-детски наивно и искренне верил, что рискованные выходки — и есть смысл жизни, и лично его, Абуksiгуна, предназначение. Абуksiгун просто дышал риском, как другие дышат кислородом. Явно проживет он красиво, но слишком быстро. И Аритайе хватило одного раза представить себя зарёванной вдовой, в длинных и мрачных ритуальных одеждах, что бы переболеть, и получить стойкий иммунитет к харизме молодого капитана.

Тем временем флот родного клана сбросил маскировку, корабли сородичей спешно прогревали реакторы — через десять минут они разлетятся, кто куда.

— Что ж, раз старейшины так решили, — капитан Нелнишнош кивнул, внешне оставаясь всё таким же собранным, уверенным, и спокойным, как всегда: — сейчас и мы покидаем флот, и отвлечём на себя столько хищников, сколько сможем! Штурман, сейчас я обеспечу нам внимание хищников, а минут через десять нам нужно будет оторваться от них.

— Предлагаю прыгнуть к звезде, — отозвался штурман, — уйти из системы мы сейчас уже не сможем, а так можно спрятаться за второй планетой, отработать торможение, и лечь на орбиту поближе к звезде.

— На фоне звезды нас будет трудно отыскать, — кивнул капитан одобрительно, — там мы подзарядимся, и сможем продолжить поход. Командуй, штурман! Инженеры! Дайте мне дальнюю связь!

Затренькала тревожная сигнализация: это разворачивается ненаправленная система галактической связи. Пока система развёрнута, прыгать в гипер нельзя. И спрятаться нельзя. И маневрировать, вообще-то, тоже нельзя. Что ж, если у капитана будет время на то, что бы отправить к звёздам глобальное сообщение, это определённо привлечёт к их кораблю внимание хищников!

А вот и хищник! Тот, что прыгнул за ними вдогонку — сейчас будет выходить из гипера.

— Чую хищника! — доложила Аритайя, — будет выходить из гипера в половине полуспиралы от нас! Через три, две, одну, вышел!

Далеко. Хищники, к счастью, как всегда, плохо прыгают. Вот бы гипер однажды их всех выплюнул в какую-нибудь чёрную дыру!

— Подтверждаю! — откликнулся первый наблюдатель.

— Есть связь! — доложил главный инженер.

И капитан запел. Он пел Песнь Тревоги. То было древнее ритуальное песнопение, завещанное предками. У такой вот ненаправленной, глобальной передачи нет защищённых каналов. Но расшифровать истинный смысл Песни могут только фиане. Язык их певуч и чрезвычайно ёмок. Смысл слов меняется при изменении интонации, тембра, тона. Хищникам мешает отсутствие у их хищной расы музыкального слуха. А сложная структура и богатая культура речи позволяет фианам поверх очевидного, основного смысла, вкладывать в слова и фразы дополнительный смысл, слой за слоем. Понять истинный смысл Песни могут только фиане. Да. А вот запеленговать источник Песни могут все.

Аритайя почувствовала, как оставшиеся на орбите газового гиганта хищники разворачиваются в их сторону. Сердце болезненно сжалось. Желание сбежать, и обида на незаслуженно свалившееся несчастье захлестнули её. А ещё было очень страшно. Тогда девушка достала из кармашка на поясе свой заветный талисман: чудную, кружевную раковину, созданную странной космической формой жизни. Уже не бактерии, но ещё не грибы, странные, непонятные и не привычные живые комочки слизи прятались в такие вот

чудесные ракушки тысячи, а может, и миллионы лет ожидая, пока их комета не приблизится к звезде. Ненадолго. Что бы потом вновь улететь в безжизненный холод на самый дальний край звёздной системы.

Отец Аритайи, как капитан их корабля, пел звёздам Песнь тревоги, что бы предупредить всех фиан, где бы они сейчас не были. Он пел о том, что в тринадцатом секторе второй спирали, у звезды, по имени «Звон-лопнувшей-хрустальной-струны» в созвездии «Серебряной чаши», целый клан фиан, клан «Идущих-в-опавшей-листве», попал в засаду хищников. Он пел о том, что старейшины приняли решение разделиться. И о том, что впереди их ждёт полная тревог и опасностей неизвестность. Он пел о том, что хищники каким-то неизвестным образом раздобыли технологии фиан. Не все, и пока не ясно, какие, но у хищников точно есть технологии скрытности. Берегитесь, фиане! Берегитесь в путешествии через пустоту меж звёзд! Не можно более надеяться на свою скрытность. И не можно более полагаться на свои сенсоры обнаружения. Берегитесь!

Он пел, а Аритайя ему подпевала, прижимая к груди чудесную космическую раковину.

А фрегаты хищников уже спешили к ним, и это неизбежно отражалось в ритме Песни, в её звучании.

Да, план её капитана увести за собой хищников отчасти уже сработал: привлечь к себе хищников им, безусловно, удалось. Дело осталось за малым: сбежать от них!

Зелёное поле под голубым небом, и лёгкий ветерок перекачивает зеленые волны до самых далёких холмов на горизонте. Эти волны переливаются от цвета английского плюща до цвета зелёного лайма. А ведь скок бы им уже переходить в цвет свежей оливы, и далее к горчичным оттенкам! Самое время набирать сок.

Молодой человек в растоптанных кроссовках, синих джинсах, и клетчатой, выцветшей, некогда голубой рубашке вздохнул. Фермерский парнишка с короткой, но непокорно взъерошенной соломенного цвета шевелюрой, зелёного цвета кожей, и явным сомнением в голубых глазах, посмотрел в небеса.

Топураг Альф — звезда класса G6 — клонился к закату, а его подруга, Бета, со своим M0, только выходила в зенит. Отсюда, сквозь толщу плотной атмосферы, она смотрится тёплым и добрым маленьким светилом. На деле же — жуткая вредина, оцетинившаяся протуберанцами, как дикобраз. Именно Бета — причина всех местных магнитных бурь, а через них — и низкого колониального индекса планеты. Вместе эти двое сейчас раскрашивали небеса богатой палитрой оттенков от небесно-голубого до фиолетового. Лучи заходящего Альфа подсвечивали перистые облака розовым перламутром. Перистые облака — толку нет, но хотя бы для глаза приятно. Но толку нет.

Парнишка со вздохом опустил глаза в электронный планшет. А толку и не предвидится — так говорил прогноз погоды. Сомнение, плескавшееся в голубых глазах, прибавило и в глубине, и в силе колебаний, когда парнишка, слегка склонив голову, бросил взгляд на стоявшую рядом пушку.

Здоровенный чёрный ствол торчал в небо грозным обещанием. Казалось, эта штука не заметила минувших эпох, и по-прежнему излучала дикую первобытную жажду боя... этих, как их там..., каких-нибудь флибустьеров-берсеркеров, или кто там, в древности стрелял из таких пушек..., мушкетёры, может быть?

Впрочем, нашему герою про историю пушек и мушкетёров известно было совсем мало, если не сказать — ничего. Он лично прикоснулся к этому замшелому пласту истории только вчера, когда спёр эту пушку из запасников музея.

Нет, ну, не спёр, а позаимствовал.

Ну, как из запасников... с заднего двора.

Ну, как двора... там пустырь за музеем, заваленный разным громоздким историческим хламом.

Ну, как историческим... где ж нынче найдёшь что-то историческое? Реконструкция, распечатанная на 3D-принтере из современных программируемых нано-материалов, имитирующих старинные. Кто ж знает, насколько оно похоже имитирует? Реконструкторы те сами таких пушек в жизни-то не видели.

Ну, как реконструкторы..., местные энтузиасты, любители истории. Просто мэрия кинула клич: «Даёшь исторический музей!», вот энтузиасты и завалили реконструкциями.

Но что нам в пушке главное? Что бы стреляло! Теоретически, дело не хитрое.

Следующим объектом для сомневающегося взгляда стал чёрный снаряд. И тут парнишка

не сдержал расстроенного вздоха. Он сам сделал этот снаряд. По рецептам из интернета. Алиенски муторная работа, надо сказать! И, алиен побери! Это был уже третий снаряд! Первые два оказались глубоким разочарованием. И если и третья отчаянная попытка окажется обманутой надежной... — испутив тоскливый вздох, парнишка покачал головой, и глянул на свои руки, заклеенные пластырем.

За эту злосчастную неделю вышел из строя уже второй ороситель. И каждый раз эти громоздкие штуковины в чётком соответствии с законом вселенской подлости, ломаются в самом неудобном месте. Так, что одному никак не подлезть! Вот вернётся отец! Но пока ещё отец вернётся — а время идёт, почва пересыхает. Да и не это важно! Важно, что бы Вацлав со всем справился сам! Ведь взрослый же уже мужчина. И руки и голова — на нужных местах. Он справится! Сейчас вот пушку зарядит, и справится.

Нет, другой путь, разумеется, есть. Летят над планетой метеоспутники — будет тебе нужная погода, только заполни бланк заказа, и перечисли кучу денег космическим бродягам. Кучу заработанных честным потом и сорванными в кровь мозолями денег. Космическим бездельникам.

Нет уж! Он же серьёзный человек, настоящий потомственный фермер! Паренёк сдвинул светлые редкие брови. Он — мужчина, тысяча горелых алиенов! Взвесив в руке пакет с порохом, он закинул в ствол пару штук, а потом решительно схватился за чёрный снаряд, и, изрядно поднатужившись, затолкал его в пушку. Ещё и потыкал длинной, сучковатой, и местами сильно опалённой палкой в ствол. Ну, вроде, встало. Что ж, пока не бабахнешь — не узнаешь.

Зачем городить на орбитах спутники, когда всё можно делать проще! Можно старым дедовским способом распылить йодистое серебро. И без всяких космических бомжей! Ибо толковый фермер ни в каких спутниках не нуждается!

Наш герой осторожно достал из заветного кармашка солидную толстую сигару, и с важным видом зажал ее в зубах. Нет, он не курил, и даже не собирался, но сделать его безнадежно детское лицо достаточно взрослым, и соответствующим его крутому нраву — может только солидная сигара! Ну, это он так считал. И это была единственная у него сигара, так что он бы ее ни за что не поджог! Ещё чего, нашли дурака! Он уже как-то сделал такую глупость — потом пришлось кусок сигары отрезать! А если сигара сгорит? Где ему вторую такую взять? Это ж на 3Д-принтере не печатаешь — понимать надо! Это вам не прогрессивные технологии — это настоящая сигара! Это круто — чтоб вы знали!

Глянул из-под по-детски узкой, но по-взрослому мозолистой, зелёной своей ладошки на горизонт. Солидно кивнул головой. Солидно сплюнул сквозь зубы. Ну, именно так, как это делал его любимый киногерой. А потом достал из кармана зажигалку и подпалил огрызок бикфордова шнура, торчащий из пушки. И предвидя, что сейчас будет, наш герой заткнул свои зелёные уши, глубоко ввинтив в них зелёные пальцы.

— Бабах! — сказала пушка.

— Ох-ты-ж-ты-ж! — удивились небеса, перекатывая гром от горизонта к горизонту.

Парнишка открыл один глаз, и глянул на пушку. Пушка устало валялась на земле — лафет всё-таки не выдержал, и развалился. Видать, энтузиасты-любители истории что-то напутали. Эх! Любители, что с них взять!

Тут наш герой рискнул открыть второй глаз, и недоверчиво уставился в небо. В небе над бескрайними зелёными полями раскидала дымные щупальца уродливая клякса.

— Получилось? — промолвил паренёк, осторожно перекатывая сигару в другой край

рта.

Клякса в небе бледнела, и вокруг того места уже начинало белеть. Через пару часов лёгкие облачка разрастутся в грозные тучи! И вот тогда, стоя под струями столь долгожданного дождя, он крикнет: — «У меня получилось!»

Но надежду юного фермера убил какой-то космический шаттл, алиены его пожри! Вынырнув из бездны, он, резко сбрасывая скорость, запустил по небесам мощную воздушную волну с характерным «Бух-х-ш!», разогнав столь желанное облачко.

— Да чтоб вам <пик-пик-пи-и-ик> в ваших летающих консервных банках! — с горечью выругался паренёк. Как и все уважаемые фермеры — люди, твёрдо стоящие ногами на своей земле — он недолюбливал всех этих космонавтов. Ходят такие важные, будто они цвет человеческой расы! А на деле-то — бродяги бездомные, которым дела на планете не нашлось!

(В том, что ему чуточку завидно, Вацлав не сознался бы даже самому себе.)

К вящему раздражению Вацлава, злосчастный шаттл, прочертив во всё небо инерционный след, заложил вираж где-то на краю горизонта, и вернулся к его ферме. Это оказался лёгкий штабной военно-космический шаттл. А кто может быть хуже космонавтов? Вот именно! Военные космонавты!

Чудо военной техники, воспетое старыми фильмами и рекламными роликами зубной пасты, самым возмутительным образом плюхнулось на дорогу перед домом Вацлава. Прямо на пяточок перед воротами, некогда отсыпанный щебёнкой, а ныне укатанный трактором до состояния близкого к камню. Скрипя и покачиваясь, в клубах пара и дыма, эта космическая колымага подкатилась к воротам. Пошарканный нелёгкой военной службой люк распахнулся, и из челнока выпрыгнули трое в парадной форме военно-космического флота.

Нет, Вацлав не удивился, нет. Вот, если бы ожили керамические фигурки садовых гномов — вот тогда Вацлав бы удивился. А тут он решительно офигел! Просто выпал в осадок! Потерял связь с реальностью!

— Господин Вацлав Баньски?

— Бондски, — автоматически поправил Вацлав, всё ещё не пришедший в себя. Они разговаривают! Не то что бы это было так уж удивительно само по себе, но, аalien побери, они разговаривают с ним, с Вацлавом!

— Так точно, Бомжски, — кивнул офицер с яркими звёздами на погонах. — От имени Верховного Главнокомандования я уполномочен передать Вам, господин Вацлав, извещение. Э... мы могли бы... э... войти внутрь?

У офицера был чудной говор, знакомые слова казались какими-то сказочными гостями с далёких планет, и их семантика не сразу дошла до сознания изумлённого парня.

— Наверняка могли бы, — выдал после некоторой паузы Вацлав, мысленно сопоставив габариты гостей с габаритами дверного поёма. — Не вижу в этом проблемы.

— Благодарю! — отчеканил военный, и выжидающе уставился на Вацлава. Вацлав не понял — его мозг наслаждался созерцанием, и вмешиваться не собирался. С учётом невероятности происходящего Вацлав не мог его винить.

Тогда военный выразительно показал глазами на дверь. Вацлав, наконец, понял, и отправился туда. Поднялся на открытую веранду, широко распахнул дверь — обычную дверь типового фермерского дома — и вошёл внутрь. Следом вошёл главный военный, и сопровождавшие его офицеры. Э... то есть, офицерши. Сейчас Вацлав обратил внимание, что это — офицерши. Сложно было сказать, глядя на их квадратные лица, и холодный

прищур глаз, пока они не прошли совсем рядом. Вацлав пожал плечами. Ему ещё пока сложно было принять происходящее за реальность. Хотя это и для сна было... как-то слишком.

— С прискорбием вынужден сообщить, — огорошил парнишку старший офицер сразу, едва прикрыл за собой дверь, — что Ваш отец, Роджер Бодунски... отставить, Ботцки... э... пардон. Роджер, Ваш отец, э... геройски погиб в печальном инциденте на Кирибее-три. Особым приказом Верховного Главнокомандования Ваш отец посмертно представлен к ордену мужества.

Вот теперь Вацлав был уверен — его контузило при взрыве пушки, и это всё — бред контуженого мозга. Ну, раз уж так, почему бы не спросить:

— Как он погиб?

— Э... он заболел.

— Чем?

— Э... ветрянкой.

— На Кирибее-три?

— Точно так. На борту крейсера.

— Крейсера?

— Э... я сказал «крейсера»? Я оговорился. Баржи. Не важно.

— А разве умерших от ветрянки фермеров награждают боевыми орденами?

— Э... он спасал детей. Больных ветрянкой сирот. Во время инцидента. Очень мужественно спасал, геройски. Но, к сожалению, оказалось, что Ваш отец в детстве ветрянкой не переболел, и иммунитета не имел.

— Эх меня контузило, — поразился Вацлав, — пушка, наверное, взорвалась, а я лежу сейчас в поле и брежу.

— Не переживайте так, — участливо отозвалась одна из военно-космических дам, — сейчас это лечат. Примите успокоительного.

— Господин Вацлав, — несколько сконфуженно прервал их старший офицер, — я настоятельно советую Вам придерживаться версии, что в список представленных к награде Ваш отец попал случайно. Понимаете? Не за дело, а с лёгкой руки некоего лично Вам не известного друга его детства, который сейчас работает письмоводителем в штабе четвёртого ударного флота. Вы, как семья героя, будете получать хорошую пенсию. Рассчитываю, что такая версия снимет вопросы любопытных. Поверьте, людское любопытство... э... в случаях, подобных этому... э... может быть хуже любой ветрянки. На этом, прошу меня простить! Если я что-то могу для Вас сделать...

— Ага, — кивнул Вацлав, спохватившись, — там, на веранде в углу, рядом с вёдрами такая чёрная банка стоит — будете улетать — взорвите километрах в двадцати над полем.

— Взорвать? Над полем? Э-м... конечно, да, — офицер явно чувствовал себя «не в своей тарелке». — Если я чем-то смогу быть полезен, позвоните. В любое время суток. Код: девять, два ноля, и на вопрос связиста просто назовите моё звание и фамилию. Вот с этой визитки. Честь имею!

Все трое военных слаженно щёлкнули каблуками, синхронно козырнули, чётко развернулись, и быстро вышли на «кругом, правое плечо вперёд, арш!»

Вацлав остался, задумчиво вертя в руках коробочку красного бархата. Парень не уловил, откуда она взялась. Наверное, тот офицер вручил — если рассуждать логически. Внутри лежали три новеньких ордена «За мужество» первой, второй, и третьей степени. И орден

«Боевого знамени» с формулировкой: «за вклад в обороноспособность человечества».

— Ветрянка нынче озверела, — глупо пробормотал бедолага Вацлав, пытаясь осознать, какого чёрта тут вообще происходит. На столике возле входной двери остались лежать официальные бумаги с голографическими печатями Комиссариата Обороны Человечества, и Верховного Главнокомандования. Извещение, свидетельство о смерти, и удостоверение о назначении пенсии семье за потерю кормильца. Сознание наотрез отказывалось верить в реальность произошедшего.

Нет, это не ветрянка озверела, это военные нынче озверели! Что за глупый розыгрыш! Вот вернётся отец!

Парень мрачно выругался, и молча вышел из дома. Как раз вовремя, что бы наблюдать, как военный космический шаттл набирает высоту.

Вдруг яркая вспышка, и — Бух!

Они всё-таки взорвали банку с оставшимся йодистым серебром.

— Ох, бедна проклятых алиенов! — воскликнул парнишка, в отчаянии заламывая руки, — Да они же тупо аннигилировали банку! Идиоты! Просил же: взорвать, а не уничтожить! Распылить, а не сжечь! А-р-р! Тьфу! Что б вас!

Вацлав с досадой сплюнул и ушёл в сарай. С час возился со сломанным оросителем, пытался как-то приладить лебёдку, домкрат, и привязанные к ноге грабли — последнее в качестве средства удалённого управления лебёдкой. Толку не добился. Только что-то где-то в станине оросителя хрустнуло, и звук этот лишь подтвердил очевидное: надо найти нормального гуманоида с двумя руками в помощники, а не корячиться одному. Либо дождаться отца.

Какого алиена эти космические военные себе позволяют!

Вацлав бросил злосчастный ороситель, и вернулся домой. Несколько минут тупо стоял посреди просторной комнаты и тупо смотрел на любимое отцовское кресло-качалку. Возле камина. Отец сам это кресло сделал. И камин сам сложил.

Отец Вацлава — фермер, и всю жизнь был фермером. Он помогает соседу — Мицковичу — выводить новый сорт яблонь, а сам втихушку занимается селекцией дождевых червей. Он объяснял Вацлаву нюансы использования удобрений, и как при этом не потравить птиц. Учил водить трактор, и растолковывал, как правильно выбрать глубину вспашки, и почему именно так. Он... да он...

Во-первых, отец никогда ничем не болел. Вообще. Даже насморком. Ни разу.

Во-вторых, сейчас никто не умирает от ветрянки. Да нынче даже оторванные руки-ноги заново отрастают! Да что это за болезнь вообще? И как он умудрился подцепить эту «ветрянку» в космосе? В космосе же нет ветра!

В третьих, отец никаких дел с военными никогда не имел! Любой, кто хоть немного знал этого человека, никогда не поверит! Какие военные?! Отец был просто паталогически не способен драться! Он избегал любых конфликтов любыми путями! Он даже торговаться не умел! Да он вообще!

Однажды, у них в доме завелись муравьи. Так отец, вместо того, что бы побрызгать мелких паразитов дустом, или другой какой отравой, несколько суток неотрывно наблюдал за неутихающей деятельностью тупых муравьёв, исследовал их повадки. То есть инстинкты, да. А потом нашёл способ обмануть тупых насекомых, и заставил их убраться из дома. Муравьи переселились во двор.

И вот как это вяжется с тремя орденами за личное мужество? Бред!

А орден боевого знамени? Такой вручается только полководцам, генералам. Да что бы получить такой орден, мало выиграть пару сражений, необходимо как минимум решить судьбу целого театра военных действий. Отец Вацлава — кавалер «Боевого знамени»? Бред!

Эти тупые военные что-то напутали! Да! Отец уже скоро вернётся, Вацлав покажет ему бумаги, расскажет о залётных военных космонавтах, и они вместе посмеются. А потом отец свяжется с кем надо и покажет этим воякам, как шутить подобными вещами!

Вацлав включил инфор, открыл канал новостей, и вывел изображение на стену в гостиной, а потом запустил поиск по «Кирибее-три». Ничего. Ни слова, ни об инцидентах ни о «ветрянках». «Кирибее-три» оказалась отстойной дырой где-то на самом фронтире. Там даже не живёт никто! Вообще! Есть только аванпост пограничников, и всё. Единственная новость, обнаружившаяся в инфо-сети, оказалась двухгодичной давности новостным сюжетом об успешно прошедших учениях седьмого ударного флота в этой самой Кирибее-три.

Диктор бодро рапортовал о том, как успешно седьмой ударный провёл плановые учения с боевыми стрельбами. Кирибее-три — это тройная звезда, система со сложной навигацией. Броненосные дредноуты прорыва и баттлстар «Боевая слава предков» обеспечили достойное прикрытие. Линкор «За Родину!» при поддержке приданных фрегатов боевой поддержки смелым фланговым обходом обеспечил стратегический перелом. В ударно сжатые сроки на тактически выигрышных планетоидах развёрнуты инженерные комплексы огневого подавления. Вход в систему тяжёлых авианосцев поставил жирную точку.

За спиной диктора плавно сменялись кадры то со щитом броненосца, медленно и неуступчиво, но рассыпающимся под плотным и отнюдь не условным огнём условного противника. То со стремительно пикирующими в тёмные недра древних кратеров штурмовиками. Рвались в бой brave космодесантники. Звено за звеном «Жнецы смерти» заливали безжизненные планетоиды коврами бомбардировками. Баттлстар «Боевая слава предков» специально для программы новостей показательно расплыл залпом какой-то несчастный астероид, и на несколько секунд система Кирибее-три осветилась четвёртой звездой.

— Я ни на секунду не сомневаюсь в том, что человечество стоит на грани страшной войны на тотальное уничтожение! — говорил с экрана какой-то космофлотский офицер. — Алиены прямо высказали человечеству свои злодейские намерения, и глумливо определили нам срок отсрочки. Мы знаем, что техника жестоких фиан, как сами алиены себя называют, превосходит нашу, и что эти твари не ведают ни жалости, ни пощады! Но я, и мои друзья, не колеблясь, пойдём в безнадёжный бой, когда наступит страшный час войны! Пойдём и умрём спокойно, зная, что каждая выигранная нами для человечества минута...

Вацлав поморщился, и отключил инфор. Эти учения в системе «Кирибее-три» прошли два года назад. За два года больше ни одной новости! Что в этой самой Кирибее-три делать фермеру? И откуда там взяться каким-то больным детям?! Эти странные военные космонавты явно всё перепутали!

На улице, наконец, стемнело. То есть, обе звезды зашли. Это означало, что до начала нового дня осталось всего пара часов.

Вацлав осознал, что так не пойдёт. Это никуда не годится. Достал из холодильника вчерашний борщ, налил себе порцию, и бездумно выхлебал до дна прямо так — холодным. Забыл, что надо разогреть. Потом поднялся к себе и завалился спать. Алиеновы военные космонавты! Что б их!

Осторожно Вацлав достал с полочки их с отцом сокровище. И забрался под одеяло.

* * *

«Это что? Ну, что это? Что?» — маленький Вацлав крутил в руках непонятную штуковину, решительно ни на что не похожую.

«Это... это раковина», — отец ухмыльнулся, как-то загадочно, светло и печально.

«Раковина? Разве бывают такие моллюски?»

«В морях — не бывают. Это раковина космического моллюска. Они живут в поясах Койпера. Представь себе: миллионы лет кристаллизуется такая раковина, а потом — когда комета подлетает достаточно близко к звезде, внутри всего на несколько месяцев оживает загадочное существо. Они успевают прожить бурную жизнь, и дать начало потомству прежде, чем комета вернётся в безжизненный холод пояса Койпера».

«Невероятно!»

«Да, именно так! Невероятно. А знаешь что? Если приложишь эту раковину к уху, ты сможешь услышать песни далёких звёзд...»

«Но откуда у тебя такое?!»

«Это подарок» — отец делается вдруг очень грустным, — «Мне оставила на память... один друг... очень, очень хороший... друг»

* * *

Вацлав не решился расспрашивать подробнее. Никогда больше не спрашивал.

Если прислонить удивительную раковину к уху — услышишь шум. Это твоя кровь шумит в твоих же ушах. Но иногда..., иногда...

Иногда Вацлав слышал песню далёких загадочных звёзд. Невероятно красивый, просто таки нечеловечески прекрасный женский голос пел на неведомом языке. Пел так нежно, как могла бы петь мать, любящая и заботливая. И всякий раз Вацлаву делалось легче от этой песни. Песня убаюкивала, обещая чудесные сны о звёздах. Песня обещала сказку. И Вацлав ей верил.

Раньше Вацлав представлял себе, что чудесная космическая раковина доносит пение какой-то волшебной звёздной феи. Позже ему захотелось верить, что фея не сказочная, а вполне себе научно-фантастическая, пусть неведомым науке образом, но существующая вполне реально — ну, то есть достаточно реально для того, что бы... ну, вы понимаете — что бы с ней можно было поговорить..., может... подружиться. Что тут такого? Существуют же разумные аlienы, безжалостные и беспредельно жестокие. Они оказались достаточно реальны, что бы нагло заявиться к людям, и в красках расписать в каких именно муках будет уничтожено человечество. Так почему бы не существовать доброй поющей фее? И поёт она..., ну, может быть... специально для него?

Но в этот раз чудесная ракушка не пожелала успокоить беднягу Вацлава. Напротив, впервые волшебная космическая песня буквально звенела от тревоги, плакала о неминуемых бедах! И на этот раз голосов было двое, мужской и женский, и пели они дуэтом. Разумеется, звуки неведомого языка Вацлаву были совершенно непонятны, но это пение трогало в душе

тревожные струны и навивало тревожные образы. Вацлаву представлялось, что космические голоса пели об опасностях межзвёздных трасс, о безжалостности мёртвого пространства, о том, что звёзды злы! Голоса пели о том, как плохо остаться среди злых звёзд совсем одному, и предупреждали о неминуемой опасности, взывали то спрятаться, то бежать, и оборвались на самой трагической ноте!

Бедняга Вацлав места себе не находил. Что это было? Совпадение? Предсказание? Дурное известие? Космическая ракушка угадала о навалившемся на Вацлава горе? Долго ещё он ворочался с боку на бок. Мысли всякие в голову лезли, одна другой дурнее. Наконец, Вацлав осознал, что ему совершенно не выносимо оставаться одному в доме, и решил, что надо бы обратиться к соседям — вдруг, чем-нибудь помогут. Посоветуют что-то дельное. Теперь, когда он об этом подумал, эта мысль показалась Вацлаву такой очевидной, что стало странным и удивительным, как это она раньше ему в голову не пришла! Решено! Он немедленно поедет к соседу! Ну, прямо немедленно, пожалуй, не получится — ещё слишком рано, выйдет неудобно. Вот, через часик или два — уже можно будет. Решив так, бедолага тут же забылся тяжёлым сном без сновидений.

Арита́йя: Оборвавшаяся песнь

Система звезды «Звон-лопнувшей-струны» в созвездии «Хрустальной чаши»

Отец Арита́йи, как капитан их корабля, пел звёздам Песнь тревоги, что бы предупредить всех фиан, где бы они сейчас не были. Он пел, а Арита́йя ему подпевала, прижимая к груди чудесную космическую раковину.

А фрегаты хищников уже спешили к ним. Да, план её капитана отчасти уже сработал: привлечь к себе хищников им, безусловно, удалось. Дело осталось за малым: сбежать от них!

— Хищники рядом! — пропела Арита́йя, — Хищники открыли огонь!

— Штурман, пилоты! Пры-ыжок! — пропел капитан. Ему пришлось повторить, дополняя свои слова энергичными жестами, прежде чем до пилотов и штурмана дошло: их капитан задумал уйти в прыжок, немедленно, не сворачивая аппаратуру дальней связи, и не прерывая Песнь. И это было верно: хищники уже открыли огонь! Пока что они слишком далеко — с такого расстояния вряд ли попадут, но они быстро приближаются, и лучше убраться отсюда немедленно! Правда, прыгать, не свернув аппаратуру дальней связи — значит потерять её. Но выбора нет.

«Песнь-о-доме» ушёл в прыжок, и на этот раз пилоты постарались затянуть его, продлить, изменить направление, дотянуть до заветной тени за второй планетой. Классически, направление и дальность гиперпрыжка однозначно определяются вектором ускорения и углом деферента, какие имел корабль в начале прыжка. Замерив эти параметры, любой, даже самый тупой хищник может рассчитать, куда корабль прыгнул. И только корабли фиан умеют распускать в гиперплазменные паруса-крылья, благодаря которым могут значительно изменить точку выхода.

Переборки скрипели, местами срываясь на визг, но не подвели. Накопители сдохли, выдав всё до последней капли, реактор работал в опасной зоне перегрузки, но снова выдержал.

Пока хищники погнались за «Песней-о-доме», остальной флот фиан благополучно ушёл в гипер. Последним прыгнул «Смелый свистун». Его облепили перехватчики хищников, но ведь такой корабль, как «Смелый свистун» сможет стряхнуть их в гипер? Ведь сможет? Арита́йя горячо шептала традиционное пожелание удачи.

«Песнь-о-доме» старательно отработывал торможение, прячась от хищников в тени второй планеты, перегрузка вдавила экипаж в кресла. Арита́йю вновь сжал в тесных объятиях антиперегрузочный костюм, и девушка порадовалась, что ничего не ела. Со всеми этими скачками «Песнь» исчерпала свои накопители, так что кораблю предстоял вынужденный отдых и перезарядка. А экипажу — тревожное ожидание. Следующий ход будет за хищниками.

— Стар я стал для таких походов! — заявил Ахутехоут, первый офицер наблюдения. — Для меня это уже слишком! Пора в отставку!

— О чём ты, старый друг? — удивился их капитан.

— Я о том, что твоя молодая дочь всякий раз меня опережала! — преодолевая перегрузку, натужно рассмеялся Ахутехоут.

— Что вы! — Арита́йя смутилась.

— Нет, не смущайся, — улыбнулся ей первый наблюдатель корабля, и подмигнул: — Ты молодец!

— Почти хорошо, — кивнул отец сдержанно, не глядя на неё. Аритайя поняла, что капитан заметил, как она отвлеклась, и чуть не прозевала погоню.

— Я буду стараться! — горячо пообещала девушка, залившись от стыда краской, и отвернулась, что бы скрыть лицо. Вот теперь капитан тепло усмехнулся. Аритайя почувствовала это и не глядя — не зря же она сенсорик. А отец включил корабельную связь:

— Внимание! Осмотреться в отсеках! Доложите о повреждениях!

— Мы потеряли систему дальней связи, — с досадой крикнув, доложил главный инженер.

— Ну, так у меня для вас принеприятнейшие новости! — раздался по связи грозный голос тётушки Абекойи, — У меня тесто сбежало! — гневно заявила она, и не преминула уточнить трагические детали: — В буквальном! В буквальном смысле сбежало! Разлетелось по всему камбузу! Сперва, значит, они «чем-нибудь вкусненьким» требуют, понимаешь, «отметить» им, а потом начинают космическую, понимаешь, акробатику устраивать! Это безобразие, я считаю!

Аритайя, с тревогой задержавшая было дыхание при первых словах, с облегчением расслабилась, капитан рассмеялся, его смех подхватили остальные офицеры на мостике, а корабельная связь донесла дружный хохот из отсеков.

Аритайя ещё подумала мимоходом о том, что фрегаты хищников обычно не способны переносить перехватчики в таких количествах. И, значит, где-то рядом может быть какой-то их крупный корабль. Крейсер или что-то ещё хуже. Подумала, но решила, что капитану эта мысль тоже не могла не прийти, так что Аритайя вполне может положиться на отца.

Вацлав проснулся уже через три часа. Подскочил, суетливо собрался, и поехал... нет, вернулся, взял с собой те официальные бумаги с печатями. Подумал. И всё же сунул в карман ещё и ту коробочку красного бархата — с орденами. И поехал.

Дорога приглушённо журчала под шинами, под капотом удовлетворённо ворчал движок, поскрипывала подвеска, и ветер милосердно выдувал мысли из головы Вацлава. Нет, не встречный ветер — кабина старенького типичного фермерского трудяги пикапа была закрыта, а ветер дул из кондиционера. Но какая мыслям-то разница? Знаете, бывает такое состояние, когда мыслить мысли... ну, не то что бы тяжело, но... муторно. Потому что мысли сплошь насыщены мрачной депрессией, как грозовые тучи влагой, а сердце такими эмоциями уже порядком утомлено. Вот Вацлав и включил кондиционер — если внушать себе, что ветер помогает — он действительно помогает.

Соседская ферма выросла навстречу из зелёного моря как заколдованный замок в сказке. Только она не заколдована, и на замок не похожа. Единственная башня и та — водонапорная. Типичный фермерский дом стандартного проекта, сарай маслянисто поблёскивает свежей краской, во дворе разобранный комбайн.

Вацлав остановился перед распахнутыми воротами (они всегда были распахнуты, и уже успели так в землю врасти, так что теперь их и не запахнуть). Соседи были на открытой веранде — завтракали.

Теодор Мицкович — зеленокожий человек в клетчатой рубашке, обычных джинсах, и в тапочках на босу ногу, с волосатой грудью, брюшком, широкими ладошками, с крупным лицом на лобастой голове с залысиной. Вот, такие же почти лица художники любят изображать на плакатах за колонизацию доступных человечеству планет: «Они утверждают знамя Человечества!». Такие же, только без залысин, и без морщин, типичных для лиц, пренебрегавших защитой от ультрафиолета Альфа Топурага, и убеждённых, что косметическая подтяжка и омоложение кожи лица — это нечто сугубо женское.

Хозяйка — Марта Мицкович — женщина не по-фермерски щуплая, подвижная, со строгим лицом, с убранными под косынку волосами, и в таких же джинсах и клетчатой рубашке, что и муж, только вместо тапочек — кроссовки, суетилась, курсируя с посудой с веранды на кухню и обратно. А их дочка Варвара (нет, никаких клетчатых рубашек и джинсов, а лёгкое, легкомысленное даже платьице в горошек, и босиком) — задумчиво жевала пончики, запивая чаем, и смотрела что-то на своём мобильном инфоре, не отрываясь от завтрака. Вацлав шмыгнул носом, и тщательно утёр глаза рукавом, и только потом выпрыгнул из машины на дорогу.

Подошёл к крыльцу, поднялся на веранду, глянул мельком, что за фильм Варька смотрит. Так и есть — очередная землянская мелодрама. Сейчас шёл уже финал.

Влюблённые, наконец, встретились после разлуки (легко можно догадаться — их, должно быть, в самом начале фильма разлучила война: аиены напали, его призвали, она ушла добровольцем). И вот они случайно встретились на разбитой бомбёжкой Лунной базе,

среди обломков и разорванных в клочья тел. Радостно обнялись, неумело поцеловались, мило смущаясь. Тут Ставка с Земли сообщает, что планета захвачена безжалостными фианами, и вызывает огонь на себя. Влюблённые волокут болванки к последнему уцелевшему орудью под военный марш:

*Артиллеристы, Ставка шлёт приказ!
Артиллеристы, люди верят в нас!
За слёзы наших матерей!
За гибель наших сыновей!
За нашу Родину!
Огонь! Огонь!*

Земля — такая красивая и кишящая аalienами — в перекрестии прицела. Последняя уцелевшая установка инженерного артиллерийского дивизиона дальнего огневого подавления «Гнев Преисподней» открывает огонь, и влюблённые целуются на фоне горящей планеты.

Типичная землянская мелодрама, да — сплошные штампы, и бабские сопли.

— А, наш Вацлав! Как раз к завтраку, Вацлав! Подходи, присажись..., - начал было господин Мицкович бодрым голосом, с добродушной улыбкой, но, разглядев лицо Вацлава, запнулся, и тревожно спросил: — Что случилось?

— Доигрался, пооди! — сердито выкрикнула из кухни хозяйка, и грозно поинтересовалась: — Это чего ты там вчера бабахал, Вацлав?

— Доброго вам дня, — вежливо поздоровался Вацлав с соседями, и раскрыл было рот, что бы объяснить им всё, но слова ринулись сразу всем скопом, устроили в глотке давку, и выговорить Вацлав ничего не сумел. Только сглотнул судорожно и так, молча, протянул извещение.

Теодор осторожно взял протянутую Вацлавом бумагу. Из дома появилась Марта. На ходу вытирая тряпкой руки, она заглянула в бумагу через мужнино плечо, и переменилась в лице: из строгого оно стало растерянным. Теодор, читая, хмурился. Нахмурилась и Варька, отложила недоеденный пончик, метнула на Вацлова вопросительный взгляд из-под русой чёлки, и требовательно дёрнула головой: — «что там у тебя?».

— Как же это так? — растерянно протянул Теодор Мицкович, хлопая выгоревшими ресницами.

— Ты садись, — засуетилась вокруг Вацлава хозяйка, — Ну-ка, вот, присядь. Поешь? Ты когда ел?

— Не помню, — сознался Вацлав, неотрывно глядя на злосчастную бумагу, но под напором Марты Мицкович за стол всё же сел.

— Марта! — потребовал хозяин, и жена поняла его с полуслова: быстро принесла из кухни бутылку и рюмки.

— Ты, давай, того, — приговаривал Теодор, наливая Вацлаву, — тебе сейчас надо стресс снять.

— Да что случилось-то?! — возмутилась Варвара. Вацлав только тяжело вздохнул.

Сняли стресс. Закусили.

— Ой, как же ж это, а? — всхлипывала-вздыхала Марта.

— Что-то я не пойму, — буркнул Теодор, нахмурился, и налил по второй.

— Это, наверное, какая-то ошибка, — потерянно вымолвил Вацлав.

— Тут же ничего не написано! — проворчал Теодор. — Что значит «погиб»? Как? Где?

Когда?

— Кто погиб? — обмерла Варвара.

— Сказали, где-то на «Кирибее-три», — потерянно сообщил Вацлав. — Но что отцу делать в той Кирибее? Тут какая-то ошибка.

— А где эта Кирибея? — спросила Марта, глядя на мужа.

— Не знаю, — буркнул ей Теодор, и спросил у Вацлава: — У вас там, что, родственники? В Киребее?

— На Кирибее-три нет обитаемых планет, — сообщил парнишка, — в сети пишут, там только пограничный форпост, и всё.

— Так это в космосе, что ли?! Может, и правда, ошибка? — Марта растерянно переглянулась с мужем.

— Щас, — пообещал тот, и залпом опрокинул в себя вторую рюмку. Крякнул, вытер губы рукавом, и в самом деле выдал здравую идею: — Так надо в полицию позвонить, и выяснить!

Варвара сорвалась с места, и ветром унеслась в дом. Почти тут же выскочила обратно, но уже с отцовым инфором в руках. Отец взял у неё инфор, взглянул, и его зрачки полыхнули красным светом — лазерный проектор рисовал дополненную реальность через хрусталик на сетчатку глаза. Теодор повращал глазами, помахал в воздухе рукой, и наконец вывел изображение на стену.

— Полиция планеты на связи, — объявила строгая женщина в форме полицейского офицера.

— Мы хотим знать, что случилось с Роджером Бондски, — сообщил ей Теодор. — Нам доставили уведомление о смерти Роджера! Мы хотим знать, что с ним случилось.

— А Вы ему кто?

— Близкие, — буркнул Теодор.

— Я его сын, — сообщил Вацлав.

— Минуту. Странно, но у нас информация отсутствует, — офицер полиции выглядела растерянной. — Попробуйте обратиться в полицейское управление сектора, — и отключилась.

— Да чтоб Вас! — рыкнул Теодор, и набрал другой номер. Пока устанавливалась межзвёздная связь, Теодор налил ещё по рюмке, кивнув Вацлаву: — Держись, сынок!

— Ты его сейчас вусмерть алкоголем накачаешь! — возмутилась Варвара.

— Он мужик! — возразил ей отец, и спросил у Вацлава: — Мужик?

Вацлав пил алкоголь первый раз в жизни, так что понятия не имел, чего ожидать. После первой он ничего не почувствовал, зато после второй ощутил заметное облегчение, так что сейчас был согласен добавить. Паренёк молча взял предложенную рюмку, и выпил залпом. На этот раз парнишку передёрнуло, и Теодор поспешил предложить Вацлаву закуску.

Тем временем по инфору им ответила женщина-полицейская из далекой столицы сектора. Пока Теодор описал ей вкратце ситуацию, Вацлав почувствовал, что растекшееся внутри его тепло третьей рюмки начинает медленно успокаивающе покачивать мир вокруг него. Ноги и руки стали мягкими и усталыми, щеки заалели. В общем-то Вацлаву было

плевать на эти симптомы, главное, что стягивавшая грудь стальным обручем холодная тьма внутри него отступила. А вместо отступившей от сердца тяжести пришла решимость действовать.

Капитан Редхат

Планета EYO («yet other Earth»), она же «Йо», административный центр сектора

Здание полицейского управления — строгих классических очертаний солидное строение из секлостали, с тяжеловесными намёками на древний стиль «нео-тех», возвышалось над весёленьким зелёным сквером. В наушниках звучал «Остров Мёртвых» Рахманинова. Низкие струнные, арфы, литавры перекачивали тяжёлые волны в мерном и необычном пятидольном ритме, добавляя зданию монументальности, многозначительной мрачности истинной цитадели правосудия.

Обезболивающие и антистрессовые начали отпускать: сквозь тупую вату безразличия уже прорывались отчаяние и боль. И винить некого, кроме себя. Бездарно! Непрофессионально!

Небольшой мелодический отрывок у виолончелей повторяется вновь и вновь, переходит к альтам, а затем скрипкам, передавая бесконечное движение волн. Кажется, будто лодка Харона везет в царство мертвых погибшие души: слышатся всплески под веслами, время от времени прорезаются горестные возгласы, всплывают отдельные интонации сурового средневекового напева «Dies irae» — «День гнева». Капитан Редхат поморщилась, споткнувшись на пороге полицейского управления, и вошла, придерживая здоровой правой рукой упакованную в лоток левую. Бронированные створки без заминки отворились, и с привычным лязгом сошлись за спиной.

Стены коридора управления украшали сводки, ориентировки, «Разыскиваются: капитан Сергей Волков и его банда пиратов», и всего три плаката: седая женщина с мудрыми печальными глазами: «Родина мать зовёт!»; стройные силуэты алиенов: «Готовься: враг на пороге!»; молодой космодесантник хмурит брови на измазанном копотью лице — без шлема, доспех побит — смотрит задумчиво на зажатую в кулаке гранату: «Быть или не быть?». Судя по отсутствию чеки на гранате, вопрос уже риторический.

— Капитан Редхат, — голос киберсекретаря, спокойный и выверено-приятный окликнул её по громкой связи в коридоре уже около оперативного зала её отделения, — зайдите к шефу полиции.

Редхат с чувством помянула алиенов, но послушно развернулась по команде «кругом» и двинулась по длинному коридору назад к лестнице. Затем по широким ступеням — уже заметно потёртый подошвами форменных ботинок искусственный мрамор — на этаж вверх, и к кабинету шефа. По пути она успела в красках представить, что бы сама на месте шефа сделала бы с собой. Получалось мрачно, круто, и печально.

Контрастный узор красным на чёрном — ковровая дорожка в приёмной шефа, а у неё перед глазами — раскалённые до красна пузыри горячей обшивки на фоне чёрной бездны космоса. И отголоски криков в ушах. Редхат покачнулась, побледнела, но устояла. Киберсекретарь высветил мельком иконки «сочувствую» и «бодришь!», и зажёл приглашающую зелёную стрелку. Редхат выключила музыку, стянула наушники, сунула их в задний карман форменных брюк, и вошла в кабинет шефа. Шеф выглядел усталым. Он сидел за столом, прямой, как на строевом смотре, аккуратно сложив ладони на столешнице, и сурово смотрел куда-то сквозь стол, вниз.

— Капитан Редхат! — шеф даже не поднял глаза на вошедшую и вытянувшуюся перед ним девушку-офицера. — Каковы, по-вашему, функции космического отделения гражданской полиции? — голос ровный, холодный, ничем на чувства и настроения шефа не намекающий. Редхат почувствовала некоторую дурноту, и рефлекторно сглотнула.

— Наблюдение, сбор информации, сопровождение, по необходимости — досмотр гражданских космических судов на орбите.

— Оперативная работа по задержанию и аресту судов, подозреваемых в пиратстве или контрабанде? — всё так же сухо спросил шеф.

— Осуществляется силами объединённого военно-космического флота человечества, — отчеканила капитан Редхат, и посмела добавить: — Кроме случаев, имеющих политическую окраску. Космофлот человечества не имеет права вмешиваться в политику.

В наступившей тишине было отчётливо слышно, как шеф заскрежетал зубами. Но сдержался. Когда он заговорил, его голос опять был сух и беспристрастен:

— Совершенно верно, капитан! — и совершенно без связи с таким странным вступлением: — Секретарь! Статус капитана Редхат!

— Капитан Редхат в настоящее время находится в отпуске на излечении и восстановлении после ранений в инциденте у «Кирибей-три», — услужливо сообщил кибер-секретарь.

— Вот так! — удовлетворённо подытожил шеф, и, оставив официальный сухой тон, хмуро рыкнул: — И не смей делать две вещи! Не смей винить себя! Не смей впредь лезть, куда не посылали! — наконец-то, эмоции шефа вырвались наружу.

Капитан Редхат замерла по стойке «смирно», забыв о необходимости дышать. Она сама на месте шефа расстреляла бы себя на месте. Без суда и без зазрений совести. А шеф лишь указал ей... на то, на что всегда указывал. И запретил винить себя. Проклятая бездна алиенов!

— Не слышу! — потребовал шеф полиции, по-прежнему не глядя на девушку.

— Есть, сэр! — хрипло гаркнула Редхат.

— Что есть? — прорычал шеф.

— Сэр, есть впредь... — воздух в лёгких внезапно кончился.

Не дождавшись продолжения, шеф полиции — седой полковник с волевым лицом отца-командира тяжело вздохнул, тяжело поднялся, вышел из-за своего стола — то же тяжело, и тяжелым же шагом подошёл к ней. Теперь он смотрел прямо ей в глаза, и капитану Редхат захотелось не рождаться на свет. Её предупреждали о неуместности проявляемого ею рвения, и опасности проявляемого ею же пренебрежения к инструкциям. Она лишь упрямо стискивала зубы, и шла вперёд, напролом. Принципиально и бескомпромиссно. Не ведая ни страха, ни сомнений. Повинуясь единственно лишь горячей в душе давней боли. И вот теперь в её снах навеки красный на чёрном. И крики смертельно испуганных детей.

— Те подонки, — слова давались шефу полиции тяжело, каждое из них он уверенно и твёрдо вбивал, словно сваи в грунт, — Продали детей. На опыты. Алиенам. Не смей! Винить Себя! Я клянусь: мы найдём тварей! Лично! Зубами..., — полковник дрогнул, замолчал, отошёл в сторону и отвернулся к окну:

— Лечись! Всё, свободна! — бросил глухо.

Из кабинета шефа Редхат вышла разбитой, раздавленной, и совершенно не способной к тому, зачем она пришла в управление. Наверное, ей и правда, нужно улететь в одно из этих принадлежащих полиции заведений для реабилитации. Как их там? Санаторий, точно.

Глотать успокоительное, и дремать на пляже в шезлонге в тенёчке под мерный шум волн. Или наслаждаться высокогорным воздухом и величественным пейзажем. И что бы никаких красно-чёрных узоров!

Редхат всё же зашла в оперативный зал, добралась до своего стола. Включила терминал, бездумно полистала дела, глянула переписку. Передать дела? Без неё возьмут, что надо, те, кому положено. Отчёты написаны, показания приложены. Пошло оно всё!

— Ой, Вика! — ойкнула знакомая сержант связи, пробежавшая мимо. — Дело по «Кирибее-три» твоё?

— А что там? — капитан живо сделала стойку, как служебная собака на знакомый свисток, забыв, что только что решила же послать все дела к алиенам, и отправиться в предписанный докторами и начальством санаторий.

— Да там родственники погибшего запрашивают справку. У них все официальные документа на руках, но они не верят, просят перепроверить, уточнить, и сообщить подробности.

— Кто такие? Откуда?

— Фермеры с Топурага, висят на связи, канал восемьдесят шесть на удержании, ждут, — сообщила сержант и замерла в ожидании решения капитана. Редхат нахмурилась. Интуиция капитана полиции вопила, что тут что-то не так, но никаких оснований для подобных воплей интуиции Редхат найти не смогла. Надо разобраться.

— Я займусь, — кивнула капитан, и сержант убежала куда-то по своим делам, а Редхат подключила свой терминал к восемьдесят шестому каналу связи. С полминуты экран ещё держал заставку — задержка межзвёздной связи. Наконец, где-то синхронизовалось всё, чему положено, и с экрана капитану кивнул зелёный мужчина. То есть зелёным была только его кожа, просто здесь капитан Редхат к такому не привыкла. Эти колонии фронта — ну, вы понимаете.

— Капитан Редхат, — представилась она, — я виду сейчас дело по «Кирибее-три».

Через полминуты задержки мужчина заговорил:

— Капитан, приветствуем Вас. Мы тут получили извещение о смерти гражданина Роджера Бондски, моего друга и соседа, фермера, и доброго моего друга, — мужчина явно чувствовал себя не в своей тарелке, мялся, и терялся, изображение покачивалось, а фермер продолжал: — Это как-то невероятно, знаете ли. Мы требуем. Просим. То есть. Где тело, в конце-то концов? Что вообще случилось? Почему нам не говорят?

— Боннки, — проговорила капитан Редхат, перебирая в уме всех пострадавших в инциденте. Алиен побери! Кто этот Бомки?! А почему этот странный фермер говорит о себе во множественном лице? Тут вдруг на экране появился ещё один персонаж — молодой паренёк с непослушной соломенного цвета шевелюрой. Тоже зеленокожий. Это у них там не болезнь такая, случаем?

— Да! Это мой отец! — заявил паренёк, и тут же твёрдо потребовал: — Будьте любезны, проверьте, пожалуйста, у себя ещё раз! И сообщите, наконец, что там случилось, и где мой отец! Тут военные наверняка напугали!

Изображение дёрнулось и на секунду сделалось чёрно-белым — помехи где-то на линии. Но в эту секунду Редхат вдруг осознала, что паренёк этот ей знаком. Бездна проклятий! Тогда его кожа не была зелёной, сам он был на двенадцать лет младше, и... она может ошибиться! Надо поднять архивы и проверить. Но архивы засекречены военными, алиены их пожри! А Редхат нынче официально отстранена от всех дел, поскольку находится

на излечении!

Стоп. Соберись, капитан! Этот погибший — он точно не из её команды. Из подоспевших на выручку военных никто не погиб. Ранены — да, но не погиб же никто! Значит... этот фермер... с ТОГО корабля!

— Простите, откуда, говорите, Вам пришло извещение о смерти? — как смогла спокойно спросила она.

— Тут космофлотские прилетали на шаттле, — взволнованно сообщил паренёк-фермер, — привезли мне извещение о смерти отца! Это же ошибка! Вы можете проверить? Бондски! Бэ-О-Эн-Дэ-Эс-Кей-И! Пожалуйста!

— Уже проверяю, — сообщила Редхат, набивая в другом окне поисковый запрос. — Мы обязательно разберёмся! Я лично прилечу к Вам. Прошу Вас, никуда не исчезайте, и дождитесь меня.

Окно поисковой системы полицейского управления выдало отчёт. «Роджер Бондски» действительно есть в списке «тех». Алиенски странно, что уведомление родным доставили космофлотские. Да ещё и на шаттле привезли, а не почтой прислали. В этой истории вопиющим образом не сходится ничего! К алиенам лечение! К алиенам отдых в санатории, алиен его поberi! Она немедленно вылетает!

— Что там? Ну же, что? — взволнованно спрашивал молодой фермер из далёкой звёздной системы у алиенов на куличках, но со знакомыми голубыми глазами.

— Подтверждаю, гражданин Роджер Бондски погиб в инциденте на «Кирибее-три», — сообщила капитан. Разговор записывался, и она не имела никакого права соврать или утаить информацию. К тому же, космофлотские уже доставили документы.

— Пожалуйста, не покидайте планету, и не уезжайте из дома надолго, — ещё раз настойчиво попросила-потребовала капитан Редхат. — Я незамедлительно вылетаю к Вам! Лично! Это очень важно! Дождитесь и встретьтесь со мной!

— Ага, да, хорошо, спасибо, капитан, — сникшим и потерянным голосом пробормотал явно подавленный подтверждением смерти отца паренёк, изображение его в последний раз качнулось, и фермер разорвал связь.

— Проклятье! — не сдержавшись, рывкнула Редхат. До неё дошло: оба фермера были пьяны, вот почему они покачивались в кадре, и вот откуда этот странный говор! Это не помехи на линии связи. Да у них просто язык заплетался! Эти безутешные простодушные фермеры напились! И что-то подсказывало капитану полиции: фермеры, вероятно, только начали напиваться! Дошёл ли до них смысл просьбы, оставаться на месте и дождаться капитана полиции? На грех, этот их Топураг находится алиенски далеко от центра сектора! На сердце капитана было очень тревожно. Очень. К сожалению, эта топтаная алиенами интуиция ещё ни разу не подводила капитана в плохих предчувствиях. В хороших — сколько угодно. В плохих — ни разу! Нет во Вселенной справедливости! К алиенам!

Капитан Редхат быстренько оформила запрос в архивы по гражданину Роджеру Бондски, проживавшему на Топураге. Ответ пришёл неожиданный: личное дело отсутствует, изъято. Что значит «изъято»? Такое что, бывает?

Подумав, капитан заполнила ещё один запрос — на этот раз в архивы Космофлота, и в архивы Комиссариата Оборона. Ответ пришёл ошеломляюще быстро: в доступе категорически отказано. Категорически.

Пожалуй, капитану полиции Редхат следовало бы на этом закончить. Следовало бы забыть о странном фермере с трудно выговариваемой фамилией. Если бы не парнишка со

знакомыми голубыми глазами. Она обязана лично убедиться!

Определённо, это он правильно сделал, что к соседям обратился за помощью и советом — вот, вчера ещё так надо было поступить! Сейчас они разберутся.

— Капитан Редхат, — прозвучал молодой, но уверенный женский голос. — Я вижу сейчас дело по «Кирибее-три».

Опять женщина! Три полицейских за десять минут, и все — женщины. Куда они своих мужиков полицейских подевали? Эм..., мысли путались. Вот, какое ему дело до мужиков тех полицейских женщин?

— Капитан, приветствуем Вас, — заговорил Теодор Мицкович. — Мы тут получили извещение о смерти гражданина Роджера Бондски, моего друга и соседа. Это как-то невероятно, знаете ли. Мы просим пояснить: где тело? Что вообще случилось? Почему нам не говорят?

— Боннки, — неуверенно протянула леди полицейская.

— Да! Это мой отец! — вмешался Вацлав, и прямо потребовал: — Будьте любезны, проверьте, пожалуйста, у себя ещё раз! И сообщите, наконец, что там случилось, и где мой отец! Тут военные наверняка напутали!

— Простите, откуда, говорите, Вам пришло извещение о смерти?

— Тут космофлотские прилетали на шаттле, — Вацлав с готовностью пояснил, — привезли мне извещение о смерти отца! Это же ошибка! Вы можете проверить? Бондски! Бэ-О-Эн-Дэ-Эс-Кей-И! Пожалуйста!

— Уже проверяю. Мы обязательно разберёмся! Я лично прилечу к Вам.

Чего? К кому она собралась прилетать? Зачем? А, не важно!

— Что там? Ну же, что? — поторопил её Вацлав.

— Подтверждаю, гражданин Роджер Бондски погиб в инциденте на «Кирибее-три», — сообщила капитан.

Планета под ногами опасно качнулась, небо потемнело, но Вацлав осознал вдруг: под жалким слоем надежды в его сердце давно уже надёжно расположилось тёмное знание: отца больше нет, и он, Роджер, остался один-одинёшенек во всей вселенной.

— Ага, да, хорошо, спасибо, капитан, — вымолвил Вацлав на автомате, и, покачнувшись, отключил связь, проведя ладонью над инфором.

— Ты, это..., мужайся, — дядька Теодор опустил глаза в пустую рюмку, осознал, что рюмка пуста, и потянулся к бутылке налить ещё по одной. — Вишь, как оно. Никто не знает когда, а только все мы там будем! Каждый в свой черёд. Никто не знает.

Вацлав его не слышал. Мир рухнул, вся вселенная коллапсировала, но каким-то удивительным, непостижимым образом этот стол, и эта веранда, продолжали быть. И небо. Странно. Всё это разом потеряло уже всякий смысл, но почему-то продолжало быть. И он — Вацлав — то же быть продолжал. А отец — нет. Алиены побери, не зря волшебная космическая ракушка так печально пела.

— Помянем...

Помянули.

Мир качался. Вацлав махнул на мир рукой. Мир принялся кружиться. Варька отобрала у Вацлава рюмку, и настойчиво подсунула ему тарелку с борщом. Борщ откуда взялся? Не важно. Должно быть, тётя Марта принесла. Вацлав вздохнул, и принялся есть.

Мицкович что-то говорил, рассуждал философски, а Вацлав хлебал борщ, и про себя удивлялся: оказалось, что где-то в глубине души он, приехав сюда, уже знал, что никакой ошибки нет, и что отец его действительно погиб, сгинул где-то.

— И очень даже понятно! — заявил тем временем дядька Теодор жене, — У нас тут, вишь, регулярного-то сообщения нет. Ну, надо было человеку лететь куда-то! По делам! И чего? Вот, он там с каким-нибудь залётным военным договорился, что бы, значит, подкинули его, куда надо. У нас тут как по другому-то улетишь? А военные — дело служивое — пришёл приказ сменить курс — и всё! Вот тебе и Кирибея!

— Складно, — кивала ему Марта, но не сдавалась: — А вот, смотри, чего тут пишут: «геройски погиб». Это чего же это, как же, геройски, если он «зайцем» летел?

— Дык! Ясно же всё! Вот ты женщина! Логистистически... логигиски... э-м, соображай! Погубили военные человека! Гражданского! Соображаешь? Вот, отмазываются теперь! Прикрылись они так, что бы нам теперь к ним, значит, не с руки было с претензиями. Как погиб? Геройски. Геройски, значит что? Значит, секретное военное дело. И баста! Поняла? Логисиськи!

По мере уменьшения борща в тарелке, Вацлав медленно терял мрачную болезненную хандру, и взамен наливался здоровой злостью. Ведь точно дядька Теодор говорит! Это космические военные виноваты! «Пенсию по утрате кормильца»! Откупиться придумали!

— Ты, сынок, не унывай! — участливо обратилась к нему тётя Марта.

— Да! — подхватил дядька Теодор, — Ты парень умный, собою статный, руки у тебя — откуда надо растут. Не пропадёшь! Ферма, вон, у тебя...

Тут Теодора Мицковича прямо на полуслове переклинило на минуточку — мысль неожиданная пришла. Забегая немного в сторону, скажу я вам, что Теодор Мицкович — он вообще мужик хороший, но есть у него пунктик: если вдруг на жизненном горизонте мелькнёт возможность нажиться, просыпалась в Теодоре Мицковиче страсть к стяжательству. При этом Теодор вовсе не был ни скупым, ни жадным. Эта его страсть была скорее похожа на охотничий азарт. Сумма выигрыша не была так уж важна. Да и полученную наживу, в случае удачи, Теодор запросто мог на радостях потратить на празднование своей победы, и щедро угощал по этому поводу друзей и соседей. Нет, не жадный он был человек, Теодор Мицкович. Но азартный. А тут — целая ферма! Молодой Вацлав истинных размеров принадлежащих его отцу земель не знал. Ведь Роджер Бондски возделывал отнюдь не всю свою землю. А вот Теодор случайно про те размеры знал.

Так что дядька Теодор налил им с Вацлавом ещё по рюмке, и принялся парня уговаривать:

— Да, мой юный друг, да! Ты, сынок, молод, здоров, умён — ты далеко пойдёшь! Верно тебе говорю! Ты бы, уж мне поверь, смог бы ты и в Метрополии себя показать! Да! Ну, давай, за твоё будущее!

Вацлав в слова дядьки Теодора особо не вслушивался. Но за рюмкой потянулся. А думал он в это время застрявшую в мозгу мысль про военных, что это они в гибели отца виноваты. И хитрят, дело всё шиворот навыворот повернули.

А Варька его под столом приболжно по ноге пнула. И рожу состроила эдакую. Ладно, Вацлав с Варькой ссориться не хотел, рюмку отставил.

— Только тебе деньги на первых порах будут нужны, — продолжал излагать дядька Теодор. — Метрополия, понимаешь, — там всё на деньгах крутится, всё деньгами смазывается. Ну, ты-то понимаешь! А знаешь что? Эх, была — не была! Ты мне всегда нравился! Я могу тебя деньгами выручить! Так и быть, куплю я у тебя твою ферму!

Вайлав глянул удивлённо — он половину слов из речи дядьки Теодора пропустил, и связь логическую утерял, а сейчас удивился: с чего бы ему, Вацлаву, ферму-то продавать? Это как же он, прирождённый фермер, без фермы будет? А Варвара его поддержала, вскрикнула возмущённо:

— Чего?!

— Цыц, дочь! — оборвал её Теодор, и протянул Вацлаву полную рюмку. Варька снова под столом пнула. Но дядька Теодор весело заявил: — Вацлав сам знает! Он — мужик!

— Мужик! — согласился Вацлав, глянул на Варьку с вызовом, и взял рюмку. Варька соорудила рожицу. Вацлав так понял, что девчонка не верит, что он — Вацлав — мужик. И показательно вылил в себя содержимое рюмки одним залпом. А пусть она знает!

— Вот! Это по-нашему! — похвалил его дядька Теодор. — Это по-мужски! Вацлав, сынок, я тебя уважаю! — и тоже выпил свою рюмку. Крякнул удовлетворённо, закуску в рот кинул, и, жуя, заговорил дальше: — Ты, Вацлав, не слушай женщин! Они не лосицки мыслят! Ты меня слушай! Я тебе так скажу: ты сможешь!

— Смогу! — согласился парень, и в голове его снова проснулась мысль о военных космонавтах.

— И смоги! — поддержал его Теодор.

— А вот прямо щас! — пьяно заявил Вацлав, поднялся из-за стола, и, качаясь, двинулся к своей машине.

— А... ты чего? Куда? — не понял Теодор, но тут его жена осадила. Зашипела:

— Сиди уж! Напился! Парня споил! Плохо человеку, не видишь?!

Но Вацлаву было хорошо. Только ноги малость заплетались, но это не беда — тут главное в машину залезть, а там он и без ног обойдётся. Он мужик! И он смогёт! Э? То есть, сможет!

Забравшись в кабину старенького верного пикапа, Вацлав включил автопилот, и машина тронулась, аккуратно развернулась, и покатила через поле. Курс понятен — в город. Куда ж ещё ехать на этой планете? На этой планете не так много городов, да и те — городки. А такой город, что бы с космическим лифтом до орбитальной станции и вовсе один на планете. Вот там-то, наверняка, военные космонавты водятся.

Виктор и Константин: Под гром пушек

Планета Топураг в система Топураг-два

Невидимые динамики грянули «марш валькирий». Среди светлого дня вдруг померкло солнце, и уже через минуту небеса полыхали грандиозным световым шоу, которое наглядно демонстрировало публике, как это выглядит, когда работают штурмовые ударные дивизионы.

Маленький провинциальный городок связки воздушных шариков и разноцветные флажки на растяжках превращали в подобие ярмарки. Толпы празднично одетых горожан, дети, лотки мороженщиков для детей, прохладное пиво для взрослых. Люди замерли, задрав головы к полыхающим небесам. Через минуту взвыли серены гражданской обороны, заурчало, загремело глухо из-под земли, и высокие небоскрёбы стали чинно опускаться вниз, в скальное основание.

С утробным воем вошли в атмосферу десантные капсулы. С вершин окружающих город аккумулятивных холмов расчертили небо плазмомёты. Космодесантники и не думали открывать парашюты, они падали в сполохах огня, оставляя дымные следы от сгорающих защитных оболочек, падали точно в старый песчаный карьер.

Падали они громко, взрывом вздымали тонны песка, что бы тут же молодецки выпрыгнуть из огромной воронки, в раскалённой от удара об атмосферу планеты броне. Земля дрожала под ними, как барабан. Надёжно укрытая за толстым железобетонным бруствером в траншеях вокруг старого карьера публика восторженно свистела, орала и улюлюкала, рукоплескала космодесанту.

— Ну вот, — вздохнул молодой высокий парень в форме рядового космофлота, откупоривая баночку прохладного пива, — сейчас эти воображалы начнут тут, понимаешь ли, кирпичи лбами ломать!

Был он высок, но худ, и тёмно-синяя форма висела на нём, как на вешалке, и казалась мятой, хотя была тщательно выглажена накануне.

— Ты идиот, Витёк! — рыкнул на него стоящий рядом друг и боевой товарищ, и помахал пакетом томатного сока в руке: — На этот раз я с тобой за компанию «на губу» не пойду! Так и знай!

Этот был ниже на целую голову, но зато на целое плечо шире.

— Да чего я-то? — удивился Виктор, — Это вообще не моё! Это мне дали подержать! — и сделал затяжной глоток. — О-ох! — выдохнул он с явным удовольствием, и продолжил: — Дали подержать. Так я скажу патрулю. Если что. А ты, Брут, просто... подтвердишь, что твой товарищ честный парень, и не склонен врать.

— Не склонен, пока не выпьет, — кивнул Брут, которого звали вовсе не Брут, а очень даже наоборот: Константин, и ткнул пакетом сока куда-то вперёд: — А вот и «кирпичи» десантуре подвезли!

В указанном направлении появился броневой ударный батальон батлботов. Сверкая полированными боками машины стальными баранками выкатились на огневой рубеж, и с металлическим лязгом развернулись в трансформацию «ДОТ». Со свистом закрутились барабаны скорострельных лёгких пушек, на что десант взревел своё сакральное: — «Если не

мы! То никто!», и в следующее мгновение батлботы дружно погрузили старый карьер в бездну огня и поднятого взрывами песка. В сверкании рикошетов и брызгах разбитых бронепластин космодесант рванул в атаку. Потеряв треть личного состава десантники дорвались до батлботов, и началось, собственно, «ломание кирпичей»: бойцы, ревя бешено и страшно, рвали бронированные боевые платформы в клочья! Через несколько минут всё было кончено.

— Космодесант! — хрипло проорал старшина, попирая кованым ботинком раскуроченный корпус последней боевой машины, и на его зов из дымящихся воронок медленно поднялись присыпанные взрывами «павшие» десантники. Пошатываясь и прихрамывая, они брели к своему командиру, что бы встать в строй.

Публика восторженно визжала. Десантники снимали закопчённые шлемы, и устало улыбались. На фоне их потемневших от копоти лиц белозубые улыбки, казалось, сверкали. А по склонам старого карьера к героям уже спешили барышни с букетами цветов, и, визжа от восторга, неслись дети со всех ног к обломкам боевых роботов.

— В этот раз десантура, должен заметить, прибавила реализма, и, признаю, это несколько добавило их выступлению драматизма, — тоном заядлого провинциального театрала проговорил Константин.

— Тю! — скривился Виктор, — Переигрывают! Эти их павшие десантники, присыпанные землёй, медленно поднимаются на зов своего старшины... это как-то... уже того!

Виктор аккуратно смял, словно сложил, пустую баночку из-под пива, развернулся, и отправился к ближайшей урне.

— Они круты, — грустно вздохнул Константин, провожая глазами девушек с цветами, спешащих поздравить храбрых десантников, и пробурчал себе под нос: — И нынче опять им достанутся все... цветочки.

А шоу продолжалось. Невидимый оркестр грянул «Этим храбым парням», и под восторженные крики толпы в небе из сброшенных в атмосферу микромодулей сконденсировалась боевая десантная платформа огневой поддержки класса «серп войны». На бреющем прошлись над карьером «чёрные коршуны». А потом ближайший живописный холм с розовыми кустами, аккуратными, посыпанными песочком дорожками, и увитыми плющом беседками типа «ля мур», с лязгом раскрылся, и любимица города, «Толстушка Баньши», высунула в дыру свой уродливый гигантский ствол. Дать холостой залп, разумеется, никто не рискнул, даже в честь праздника. Но горизонт послушно полыхнул пожарищем до самых небес, наглядно демонстрируя с безопасного расстояния тот ад, что готов развернуться по зову «Баньши». Разумеется, это, как и обстрел планетарного щита, было всего лишь визуальными спецэффектами. Военные старались внушить налогоплательщикам истинную гордость за то, что те отдают военным налоги. Народ не возражал, искренне радовался блеску военной мощи, растущей на их деньги, и по-детски непосредственно восхищался как новой, так и старой боевой технике.

Парни уже почти дошли до полевого мобилизационного пункта Космофлота, где их поджидал вредный и строгий старшина, и та работа, ради которой они, собственно, здесь. Нарядные шатры полевых мобилизационных пунктов со стороны напоминали ярмарочный городок. Тут даже аттракционы были: выставка некоторых образцов вооружений, центрифуга, на которой якобы испытывали на пригодность к службе в десантуре. Подумаешь! Космофлот мог бы поставить такую же! А десантники ещё и катапульту

поставили: желающие время от времени с воплями улетали куда-то в облака.

— Надеюсь, их там кто-нибудь ловит, — Костя проводил взглядом очередного катапультирующегося гражданина.

— Глянь! Сейчас наши пойдут! — дернул его за рукав Витёк.

И в самом деле: над городком величаво поплыли голограммы лучших кораблей четвёртого ударного флота. Первыми гордо шли броненосцы: «Редут непокорных», «Слава павших», «Священный стяг». Гордо реяли боевые знамёна. Сияли на тяжёлых броневых щитах боевые награды и герб флота.

— Нифигушки же за щитами у них не видно! — громко проворчал какой-то нахального вида пацан.

За дредноутами выплыл великолепный линкор «Сила праведных» в сопровождении почти легендарной эскадрильи «потрошителей — s19» Святогора. А за ним шёл грозный и величественный ударный крейсер «Гнев небес», в сопровождении знаменитой эскадрильи чёрных, как смоль, «мстителей», старой, ещё не модифицированной версии fg-2.

— Тю! Банальная голограмма! — сплюнул всё тот же нахальный пацан.

Виктор дёрнулся, и замер, напряжённый, как струна, и холодный, как... как очень холодная струна. Косте хватило беглого взгляда на друга, что бы в красках представить себе и этого нахального пацана — в виде уже далеко не нахальном и с распухшим ухом, и красное от гнева лицо старшины, и холодные нары гаупвахты.

— А вот десантники даже пострелять из настоящих бластеров дают! — продолжил меж тем глупый пацан, не замечая надвигающейся бури. Не, — понял Костя, — распухшим ухом пацан не обойдётся. Сейчас Витёк этого пацана засунет в ту центрифугу и катапультирует в стратосферу во славу космодесанта. Костя вздохнул, и ринулся спасать ситуацию:

— Это потому, детка, — тяжёлым голосом, подражая старшине, начал Костя, положив руку на плечо наглого пацана, — что десантуре мяса не хватает.

— Какого мяса? — не понял пацан, с подозрением косясь на двух флотских.

— Пушечного, — пожал плечами Витёк, подхватив игру друга, — Расходного. Какого же ещё?

— Ты погляди на них, — предложил Костя, кивая на довольных жизнью храбрых десантников, раздающих автографы, и принимающих цветы у девушек возле шатра походного мобилизационного пункта космодесанта. У входа было не протолкнуться.

— Погляди: как они разряжены! Пряжки сияют! И аксельбанты, и нашивки, и значки всякие понацепляли! Прямо карнавал! — продолжал Костя, мысленно вздыхая грустно и завистливо: на их форме рядовых космофлота ничего из перечисленного не было. Больше всего, что им с другом всякие такие аксельбанты и уж тем более значки отличников боевой подготовки и в будущем никак не светили.

— Это всё нужно, что бы внимание привлечь, — кивнул между тем Витёк, и продолжил игру: — Если жертву блеском мишуры не ослепить, она же думать начнёт!

— О чём тут думать?! — попытался возмутиться наглый пацан, желая, видимо, вернуть себе инициативу в дискуссии. Но не с теми связался.

— О том, что такое служба в десанте на самом деле, — принимая вид скучающий, человека, обогащенного неким тайным пониманием сакрального смысла, проворчал Константин.

— Ну да! А то! — подхватил Виктор. — Настоящим-то мужикам мишура эта вся не нужна. Капитально говорю!

— Серьёзным космическим воинам мишура не к чему, да, — многозначительно покивал головой Константин.

— Вон, на шатёр космофлота погляди, — предложил Виктор, — Скромно, по-уставному чётко, ровно.

— Потому что там показуха не нужна, — с видом знатока кивнул Костя. — Любому же ясно, где служить интереснее.

— Ну так! А ведь там и дембель, — не глядя на замершую вокруг публику, с любопытством прислушивающуюся к разговору, сообщил Виктор Константину с видом заговорщика: — а ты видал на гражданке бывших десантников?

— На день десантника, — с пониманием кивнул друг. — В прочие дни этим бедолагам похвастать-то и нечем.

— Только и утешения, что в день десантника, — кивнул и Виктор, с видом искреннего сожаления.

— Эх, дружище! А мы-то с тобой развернёмся после службы! Капитально развернёмся! — радостно воссиял улыбкой Константин. Настроение Виталия разом упало в мрачные бездны тревожного ожидания неминуемых бед. Мечтания своего друга он прекрасно знал, в перспективы романтической авантюры не верил, но понимал, что не сможет бросить друга одного. Ну как не сможет: тот ведь не отвяжется.

— На «отвальные» выкупим подходящий «борт», займёмся настоящим мужским делом! И пусть звёзды нам завидуют! — разошёлся меж тем Константин, оседлавший свою любимую мечту.

— Какого алиена здесь происходит? — мрачно поинтересовался вдруг голос старшины. Оба флотских замерли, рефлекторно вытянувшись по стойке «смирно».

— Где вас, бациллы, носит, и кто, по-вашему, за вас вахтить должен, это я у вас чуть позже спрошу, на! — очень тихо и очень хмуро пообещал парням внезапно материализовавшийся перед ними старшина. — А сейчас проясните мне, что вы, два ходячих недоразумения, успели тут намотить, на?

— Проводим разъяснительную работу с местным населением призывного возраста, — доложил Виктор. Старшина моргнул недоумённо. Константин солидно кивнул — дескать, да, так точно, делом заняты. Старшина перевёл взгляд на стоящего рядом пацана, который уже не казался наглым. Скорее, слегка заинтригованным.

— А что нужно, что бы к вам во флот поступить? — поинтересовался пацан. Старшина крикнул:

— Нужно, что бы мамка разрешила.

— Соображать нужно уметь, — проявил инициативу Виктор, на полном серьёзе заявляя: — вот, скажем, придётся тебе за время учебки инопланетянский язык выучить — ты как? Потянешь?

— А вы двое! — сердито буркнул старшина, которому столь высокие требования к кандидатам показались явным перегибом: распугают всех рекрутов! — Вы у меня получаете взыскание!

— За что?! — удивился Виктор.

— За то, что я вас вовремя на месте не вижу, на! — рассердился старшина, и, покосившись на кучку местных пацанов подходящего для призыва возраста, что с любопытством наблюдали за происходящим, вдруг ляпнул: — До конца похода я вас двоих лишаю права входить в состав призовой команды к алиенам! Вы у меня до конца похода ни

одной живой фианки не увидите!

Местные пацаны переглянулись, а лицо того нагловатого, с которого всё началось при этих словах вытянулось. Легко можно было догадаться, о чём он сейчас подумал: — «С этих космофлотских станется!». Хм, ну да. Официально человечество сидит себе тихо в глухой изоляции, не смея высунуть и носа за очерченные фианами пределы. Но что если... ну, скажем, в целях военной разведки... космофлот иногда... того? Никто ж не знает, где их по космосу носит!

— А если у меня в аттестате тройки будут, можно я хотя бы юнгой? — спросил растерявший всю наглость пацан, — Я согласен на самую грязную работу!

— За мной, бакланы, — буркнул старшина, разворачиваясь, призывно махнул рукой, и пошёл себе — солидно так, вразвалочку, как привык ходить у себя на оружейной палубе.

Оркестр играл «Прощание славянки». В песчаный карьер за городом десантировалась инженерная техника. Немного совсем — так, что бы только отметить. Инженерные вообще устроились лучше всех: они себе кадры ещё со школьных скамеек подбирали, растили, баловали грантами на дополнительное образование и престижные колледжи, а потом собирали урожай долгосрочных контрактов.

Под «прощание славянки» вся процессия во главе со старшиной дошла до временного призывного пункта космофлота. Виктор с Константином окинули взглядом кучку увязавшихся за ними пацанов, и переглянулись, довольные собой: неплохой улов для начала!

И тут...!

Позже Константин не раз возвращался мыслями к этому самому «Итуту» — чудилась ему некая глубокая, фундаментальная закономерность, некий незамеченный наукой закон бытия: всякий раз, когда Константин радуется тому, как всё удачно складывается, обязательно появляется этот самый «Итут». Возможно, удача — это некий колебательный процесс? Как бы там ни было, а искусство жить заключается в умелом маневрировании между удачей, и следующим за нею «Итутом». Пожалуй, секрет в том, что бы на очередном «Итуте» не дать себе пасть духом, сохранить оптимизм. Если правильно сориентироваться — «Итут» может обернуться новой возможностью! Да, так думал Константин на следующий день, когда они с Виктором на пару своими зубными щётками гальюны драили на борту родного броненосца. Но это было на следующий день. А в тот вечер было так.

И тут появился Неприятный Клиент. Само по себе событие ожидаемое, прогнозируемое, и регламентируемое соответствующими инструкциями. Вот только Костя с Виктором эти инструкции, разумеется, не читали — там слишком много букв и нет картинок. Не то, что бы парни не любили такое замечательно интеллектуальное дело, как чтение — что вы! Они не любили только чтение служебных инструкций. Это с одной стороны, а с другой — всегда же есть надежда, что именно с тобой такого не случится, и инструкция не понадобится. И ведь тогда будет обидно за бездарно потраченные часы единственной жизни! В конце концов, если что-то вдруг — есть же мудрый старшина!

«Откупиться решили?!», «Погубили человека!», и ещё что-то про загубленную последнюю банку йодистого серебра, — немногие связные обрывки речи Неприятного Клиента удавалось разобрать. А ругался он так себе — оно и понятно: мышь же береговая, куды ж таким «шляпам» ругаться — только флотских людей смешить невнятными потугами.

Мудрый старшина окинул взглядом Неприятного Клиента: щуплый, невысокий, всклокоченный зеленокожий человек, в мятой одежде, с дёрганными нервными движениями, громким и мерзким голосом, и убойным запахом изо рта, однозначно

свидетельствующим, что человек этотпил какую-то крепкую дрянь, и закусывал какой-то пахучей дрянью. Короче, клиент был не просто неприятным, а капитально неприятным.

При этом Неприятный Клиент продолжал что-то возмущённо кричать, сыпать обвинениями, и требовать немедленно... э... нет, слишком невнятно, не понять, чего. Одно ясно: Неприятный Клиент принёс Неприятности. Это мудрый старшина понял с полувзгляда. Вторая половина взгляда была потрачена на оценку рисков и размеров грядущих неприятностей.

— Мы займёмся призывниками, — с надеждой в голосе предложил старшине Константин. Старшина окинул мудрым взглядом обоих своих помощников. Этих двух бацил. «Послал же Бог. Второй год службы, а в башках одна извилина на двоих и та неуставная», — явственно прочли Виктор с Константином на челе своего мудрого старшины. Нет, они не были дипломированными физиогномистами, просто несложная эта мысль старшины ранее уже не единожды доходчиво доносилась до них лично самим старшиной.

Третьим взглядом мудрый старшина окинул потенциальных добровольцев-новобранцев, которых сейчас требовалось аккуратно довести до кондиции и должным образом оформить по бумагам. Что бы получить заслуженную премию — не много, но приятно.

И ещё один взгляд на Неприятного Клиента. Премия явно под угрозой. Которым из двух дел заняться самому, а которое доверить двум бацилам — вот какой вопрос стоял перед мудрым старшиной. Не, тут всё не так просто, тут есть свои «за» и «против», но старшина был реально мудр, и решение принял быстро, твёрдо, и единственно верно:

— Уберите это с глаз моих, на! — негромко, но весомо рыкнул старшина Косте с Виктором, и ткнул пальцем в Неприятного Клиента. Виктор многозначительно провёл большим пальцем по горлу, глумливо улыбаясь от уха до уха.

— Делайте что хотите, но потом ответите по всей строгости, на! — поставил условия боевой задачи старшина, и коротким взмахом руки подал сигнал к началу операции. Костя с Виктором синхронно метнулись к Неприятному Клиенту, синхронно подхватили того под руки, и быстро, но аккуратно, вынесли наружу. Не останавливаясь, завернули за угол, и только там, укрывшись от взглядов праздной толпы, заговорили.

Постарались успокоить, с претензиями и обвинениями спорить не стали, а пообещали всё урегулировать в лучшем виде. Хорошее начало. Но поскольку инструкций по обходу с Неприятными и Злыми Клиентами наши герои не читали, то поступили они не по-научному, а положившись на своё житейское чутьё. Отыскав решение — ага — по дороге в бар.

В бар — это логично: в баре с Неприятными Клиентами разбираться умели без всяких инструкций, полагаясь исключительно на богатый жизненный опыт. Тамошние опытные охранники быстро поставили диагноз, и направили клиента с сопровождающими лицами к опытному же бармену. И что бы вы думали? Когда Неприятного Клиента опохмелили, он оказался не таким уж и неприятным. А после третьей рюмки он оказался вообще хорошим парнем! Из местных фермеров. Звать Вацлавом. Отец у человека погиб — понять надо, е положение войти!

Выслушав историю Вацлава, Витёк преисполнился сочувствия, но будучи человеком флотским, постарался объяснить фермеру, что тот зря на флот гонит. Флот фермеров не губит, и вообще никакими паскудствами не занимается! Флот — он фермеров спасает! И пусть неизвестно, что там в той Кирибее-три случилось, но — зуб в заклад — флотские фермера бы не обидели, это капитально!

Константин внёс конструктивную струю в диалог. Пообещал содействие и протекцию. Можно пойти официальным путём, можно. И он — Константин — даже готов честно озвучить, куда этот путь ведёт. Может озвучить, да, хотя и не очень хочет материться по причине приличного воспитания. Сам посудит, друг Вацлав: если дело засекречено, то какими путями не иди — ничего не узнаешь. Потому что штатский ты — уж извини, но в твоём случае «штатский» — это не обзывательство, а констатация сугубо грустного факта.

Тут Виктор проявил свои лучшие качества: чутьё на приключения и невероятную сообразительность, и принялся обстоятельно и доходчиво доказывать Вацлаву, что в сложившихся обстоятельствах тому прямая дорога во флот! Будешь флотский — сможешь узнать некоторые секреты, может, и про Кирибею-три... или даже четыре! Поскольку у космофлотских доступ служебный имеется. Поди, на то ж и положено различие флотских от штатских! И вообще, если взглянуть на вещи трезво... кхм, сейчас это звучит смешно, учитывая количество выпитого..., а завтра будет совсем не смешно, когда о количестве выпитого узнает мудрый, но очень строгий старшина..., то..., о чем бишь мы тут? Официант! Ты не официант? Бармены — все такие классные ребята! И ты классный! Видишь этого парня? Это Вацлав! Запомни — будешь детям своим потом хвастаться, на пенсии. Кстати, Вацлав, а ты вообще в курсе, какие у космофлотцев пенсии? Вот, скажи мне честно, как другу, у ваших там фермеров есть пенсия? Вот! Неча думать, подписывай! Рядовой Вацлав! Ха-ха-ха!

* * *

— Витёк, ты совсем дурной? — обречённо поинтересовался слегка захмелевший Константин у слегка захмелевшего друга, когда тот вытаскивал у повалившегося на соседний стол пьяного в стельку молодого лейтенанта — только что из училища, салага — из кармана предписание.

— Традиции, Брут! Священ — ик! — ные флотские традиции надо уважать! Молодого положено раз-ик! — грать! Вот, вспомни своё время золотое. А? Помнишь, как космические якоря — ик! — искал? С напильником в руках по корпусу в вакууме в тяжёлом скафандре ползал? Ик!

— Я с тобой на этот раз на губу не пойду! — неодобрительно пробурчал Константин.

— И ты, это, Брут..., - вздохнул Виктор, — Ты, Брут, того: не сикай, всё путём!

* * *

Пожалуй, это всё. Это, пожалуй, всё, что сохранила о том вечере память обоих храбрых космофлотцев. Не, там были ещё какие-то героические моменты — в памяти у Виктора. Память Константина героические моменты подтвердить наотрез отказалась, так что пришлось признать эти моменты информацией сомнительной достоверности. Были ещё и другие... кхм... эпизоды — в памяти Константина. Но Виктор достоверность этих Константиновых воспоминаний отрицал наотрез! И даже немного обижался на друга за подобные инсинуации. Хотя свежий фингал под глазом у Виктора место быть имел..., но Виктор отрицал наотрез! Да мало ли — фингал! Ещё не факт, что это вообще фингал.

Может, это отёчность такая, приключившаяся у космофлотского человека по причине излишне долгого пребывания на поверхности планеты с не очень здоровой экологией. Вон, местные — через одного зеленокожие — неспроста же!

Таким вот образом, со вздохом сожаления приходится подытожить, что больше нет никакой дополнительной информации о невероятном повороте в судьбе сугубо, казалось бы, гражданского фермера Вацлава.

Арита́йя: Сны и реальность

Система звезды «Звон-лопнувшей-струны» в созвездии «Хрустальной чаши»

— Тинь-дилинь-динь — мелодично и нежно-нежно прозвенели хрустальные друзья, подвешенные на ветку дерева шалух, когда Арита́йя проходила мимо. Эту хрустальную дружзю сюда подвесил её отец. Отец и этот дом ей построил. На самом краю Города у подножия Поющих Гор. Он капитан космического корабля, подолгу пропадает в дальних походах, вот, построил дом для дочери. А Арита́йя разбила вокруг сад. Ну, как разбила — эти деревья шалух здесь ещё до строительства дома росли.

Дерево шалух знаменито своей цветущей шалупонью, и полезно своими листьями. Только не вздумайте сорвать лист! Шалух начнёт визжать на ультразвуке, а чувствительный сенсорик, окажись поблизости — вообще рухнет в обморок. Лучше всего собирать те листья, которые шалух само сбрасывает. Из них получается восхитительный чай! Глоток такого чая — словно привет старого друга.

А есть ещё способ: если обдать дерево шалух волной эмоций — всё равно каких, лишь бы сильных — оно тут же сбросит горсть листьев. Из таких листьев тоже варят чай, но этот чай получается совсем другой и ароматом, и послевкусием. Если то был привет старого друга, то это может запросто оказаться ворчанием любящей бабушки, или шалостью соседского ребёнка. На словах такое не объяснишь, тут попробовать надо.

— Тинь-дилинь-динь — пропела стоящая рядом на одной ноге птица кварах, явно передразнивая звон хрустальной дружзю. Птицы кварах знамениты своими способностями передразнивать звуки. А эта конкретная кварах, очевидно, шалупонью с дерева шалух обожралась, вот и стоит тут, цветёт, словно клумба.

Зрелая шалупонь очень сочная и вкусная, жаль мелкая. А незрелая — покрыта мелкими-мелкими крючками-колючками, и цепляется, словно репей. Кварах — птицы не летающие, зато длинноногие, грациозные, красивые. Оперение у них изумрудное, с удивительным янтарным отливом, и различные оттенки с полутонами образуют по телу птицы затейливые узоры. Зрелую шалупонь птицы кварах очень любят, и пока ею лакомятся, сплошь облепятся колючками незрелой шалупони. А та незрелая шалупонь, что на птицу нацеплялась, потом — если её не стряхнуть — зацветает. Тогда птица кварах замирает надолго на месте, словно в изумлении от такого чуда, и стоит на одной ноге несколько суток, пока шалупонь на ней не отцветёт. А когда шалупонь отцветает, из самой серединки цветка подымается в воздух невесомая пушистая вертушинка. Стоит обвешенной цветами птице кварух шевельнуться резко — над ней подымается облачко пушистых вертушинок шалупони шалух. Выглядит это удивительно красиво, особенно в сумерках, когда пушистые вертушинки шелупони мягко светятся.

Арита́йя осторожно, что бы не испугнуть усыпанную цветами грациозную птицу, поздоровалась с ней — вдруг да птица научится здороваться. Но птица ей не ответила. И тогда Арита́йя сказала:

— А мне надо на рынок сходить, — и осторожно птицу обошла.

Огромный диск Праздного Мерцала выглядывал из-под горизонта, занимая пока лишь четверть неба. Потухший коричневый карлик светил не ярко, свет его дрожал, словно от

костра, и переливался красками. Не звезда, а так — праздничный фонарь.

Если говорить совсем честно, на рынок Аритайи идти пока совсем нет нужды. Это просто повод прогуляться. Городской рынок — место, где всегда можно встретить старого друга или интересного незнакомца. Можно услышать новости и песни с далёких звёзд, что доносит сюда дальняя межзвёздная связь, или привозят редкие караваны.

— Аритайя! Услышь меня, Аритайя! — сказала ей в спину птица кварух голосом кого-то знакомого, — Ты же одарённый сенсорик, Аритайя, ты можешь. Фиане ведь умрут здесь...

* * *

Аритайя проснулась резко, рывком, с тревогой на сердце, и не сразу поняла, где находится. А находилась она в своей капсуле на борту космического корабля «Песнь-о-доме». В капсуле было темно и тихо. Не удивительно, что Аритайя не сразу сообразила, где находится! Только что ей снилось, будто она живёт на планете Поющих Гор, и вдруг такой резкий переход — наглухо задраенная капсула!

На фианских кораблях такого типа, как «Песнь-о-доме», индивидуальных жилых кают нет, только персональные капсулы в жилом отсеке — штабелем вдоль борта корабля. Такая капсула — как гроб, только для живых. И крышка, в отличие от гроба не сверху, а в изголовье. Открываешь крышку, и влезает в капсулу вперёд ногами. Если залезть наоборот — головой вперёд, то потом обратно не вылезешь: развернуться места не хватит, а ногами крышку не открыть.

Аритайя потянулась рукой за голову, наощупь нажала клавишу открытия крышки, но это не сработало, и фианка вспомнила: их корабль истощил энергию в накопителях, и спрятался от хищников в тени второй планеты. Пока планета заслоняла его от хищников, корабль работал торможение маршевым двигателем, а перед выходом из тени планеты на «Песне-о-доме» всё обесточили, и двигатель с реактором погасили. Сейчас корабль дрейфовал к местной звезде в режиме полной тишины. Так что автоматика крышку капсулы не откроет.

Индивидуальная капсула — это не просто герметично закрытая кровать. В случае беды в этой же капсуле можно катапультироваться с корабля, и даже спуститься на ближайшую планету. Изнутри капсула покрыта специальным пузырчатым покрытием: пузырьки раздуваются, и тело плотно обжимают — могут и перегрузки компенсировать, как лётный костюм, могут и массаж сделать. А на голову, лёжа в капсуле, надевают специальный полушлем — для погружения в виртуальную реальность корабля — это что бы в тесноте, темноте, и тишине капсулы скучно не было.

Аритайя нащупала клапан регулятора давления, повернула, дождалась щелчка, и тогда потянула ручку защёлки. Крышка, тихонько щелкнув, плавно отошла, открывая выход из капсулы, и девушка вытолкнула своё тело наружу, в жилой отсек. В мягком полумраке светились полосы, нанесённые люминесцентной краской с радиоактивными изотопами. В коридоре тоже был полумрак, тоже не работало даже аварийное освещение, только светились полосы той же люминесцентной краски. Как-то это... уныло. Отчего было бы не изрисовать этой краской затейливые узоры? А если взять люминесцентную краску разных оттенков, выйдет ещё лучше. Аритайя решила, что надо обязательно попросить капитана разрешить раскрасить стены. Вот только сама Аритайя рисовать не рискнёт: дело

ответственное, а она не настолько искусный художник. Надо придумать, кого попросить рисовать.

Девушка осторожно прикоснулась пальцами к мягко светящейся полоске на стене. И задумалась. Но не о раскраске коридора, нет, не совсем. Ей вспомнился узор на крыльях птиц кварах, и девушка постаралась вспомнить свой сон. Но не смогла: сон улетучивался, ускользал от её внимания, как туман просачивается сквозь пальцы, когда хочешь его поймать. Вроде бы, во сне она жила на планете Поющих Гор, в системе карликовой звезды Праздное Мерцало. На самом деле Аритайя была на той планете не долго, только один раз, в гостях. А во сне у неё был дом, который ей построил отец. Ну, на то он и сон, правда?

Но вот в чём штука: Аритайя была уверена, что её разбудило что-то очень тревожное, что-то важное, но не могла понять, что именно. Здесь — снаружи — всё было спокойно, выходит, что-то тревожное было в её сне. Вот только Аритайя не могла вспомнить, что это было. Почему-то это казалось важным. Но ведь это же сон! Если кому-то сказать — отмахнуться. Скажут, ерунда.

Кхм, а если так: что, если кому-то сказать, что одарённому сенсорику, второму офицеру наблюдения космического корабля фиан во сне померешилось что-то важное и тревожное? Да, в такой вот формулировке, с упоминанием её должности и дара, это звучит достаточно веско. Например, что было бы, не поверь она своим предчувствиям в прошлый раз? Вот именно! Катастрофа была бы. Значит, она должна разобраться.

Аритайя было развернулась в сторону рубки управления — первый офицер наблюдения корабля сейчас там на вахте. Но заколебалась, и передумала. Что она скажет? Кажется, что-то приснилось, почему-то мнится, что это важно, бу-бу-бу, му-му-му. Ничего вразумительного. Надо сначала успокоиться и обдумать это. Решив так, Аритайя развернулась в сторону кают-компания: время до начала вахты у неё ещё есть, а успокаиваться и обдумывать удобнее, когда что-нибудь жуёшь.

Дверь в кают-компанию была открыта, и оттуда доносились возбуждённые радостные голоса. Аритайя немного удивилась, и сильно заинтересовалась: что такого могло случиться? Заглянула, а кают-компания оказалась полна: здесь собрались, кажется, все свободные от вахты фиане. Стучали столовые приборы, кто-то шутил, кто-то смеялся. В том углу со звоном сдвинули кружки (узкие, с горлышком, и особой закрывашкой — специально приспособленные, что бы из них в невесомости пить можно было). Повсюду в невесомости летали хлопья воздушной кукурузы. А причиной оказалась тётушка Абекойя! Вернее её фирменные блюда, которые она всё же приготовила! Тут были и всеми любимые космические пирожки — фирменное блюдо тётушки Абекойя!

— ...тесто при такой перегрузке?! — долетел обрывок чьего-то вопроса, заданного тоном настолько же восторженным, насколько удивлённым.

— Видали бы вы, какие сумки я с рынка таскаю! Вашу Абекойю такой-то жалкой перегрузкой не согнёшь! Да! — важно и задорно отвечала шеф-кок корабля.

— Но как же при такой перегрузке смогло подняться тесто? Как так получилось?

— Семейный секрет!

— М-м! Вкусно! А если я готов к тебе посвататься? Ради такого семейного секрета!

— А попробуй! — рассмеялась довольная повариха.

Тут Аритайю заметили, кажется, кузен Уонехтон — взлохмаченный (ну, это как обычно), пальцы перемотаны изолентой (сорвал во время вахты на стартовой палубе, в медчасть идти, как обычно, у него времени не было). Заметил, и радостно воскликнул:

— Аритайя! Вот она, феане — сенсорик, спасающая всех нас и весь наш клан! Ура, Аритайя!

Кают-компания одобрительно загудела, взгляды устремились к ней, чьи-то руки протянули девушке свежий космический пирог фирменной выпечки тётушки Абекойи, ещё чьи-то протянули космический бокал с чем-то розовым (компот из ягод фифельника? Вот это фантастика!). Аритайя смутилась от такого внимания, неловко приняла пирожок — не заставляя же фианина стоять с протянутым пирожком. Бокал выронила, но хвала невесомости — далеко он не улетел, поймала.

— Но... не надо! Это же не так! Это..., - пролепетала смущенная девушка, — это же не моя заслуга. Это капитан, и все-все: машинное быстро дало полный ход, имитаторы были убедительны, пилоты — молодцы!

— Ура, Аритайя! — радостно кричала кают-компания, сдвигая бокалы, размахивая пирожками, и запуская воздушную кукурузу вместо конфетти. У донельзя смущённой девушки мелькнуло ощущение, что она попала на хулиганскую вечеринку школьников младших классов, устроенную по поводу внезапного отъезда всех учителей разом накануне важной контрольной. Второй пилот похлопал её по плечу, и сказал что-то ободряющее. Тётушка Абекойя погладила по голове.

— Спой нам, Аритайя! — громко попросил её дедушка Уохинтонкан, тепло улыбаясь.

— Спой! Спой! Аритайя! — подхватили все собравшиеся.

— Не бойся, мы поддержим! — подбодрила девушку тётушка Абекойя.

Чистые, добрые чувства участия и поддержки собравшихся в кают-компании фиан захлестнули сенсорика, Аритайя собралась с духом, и запела. Ей стали подпевать, отбивая такт в ладоши.

Гуляние было в самом разгаре, когда в кают-компанию заглянул чем-то встревоженный Ахутехоут — первый офицер наблюдения корабля. Окинул тревожным взором стихийное собрание, и, очевидно, не найдя искомого, выкрикнул:

— Капитан!

В кают-компании мгновенно установилась полная тишина.

— Да? — откликнулся капитан Нелнишнош.

— Э..., - протянул несколько смущённо Ахутехоут, и выразительно покосился на остальных.

— Чего уж теперь! — поморщился капитан, — Говори, что там у тебя?

— Есть отметки, телеметрия, и интерференционная картинка, — заявил Ахутехоут, — от нашего зонда, сброшенного над газовым гигантом.

— И что там? — капитан нахмурился.

— Думаю, лучше Вам пройти в рубку..., - неуверенно предложил первый наблюдатель.

— Да уж говори! — всплеснула руками тётушка Абекойя. — Праздник испортил уже! Хочешь нас любопытством уморить?!

Капитан кивнул, всё так же хмуро. И первый наблюдатель, решившись, рассказал:

— Крейсер хищников. Крупный. И это... это... «Потрошитель Лазурного Берега»! — прозвище проклятого крейсера офицер выдохнул тяжело, мрачно, с некоторой обречённостью.

Лазурным берегом называли одну некогда прекрасную планету, очень любимую фианами. Однажды крупная стая хищников устроила там чудовищную бойню, и флагманом той стаи, возглавлявшем бойню, был крейсер, прозванный за то «Потрошителем Лазурного

Берега».

Капитан обвёл замершую кают-компанию невидящим взглядом, и медленно проговорил:

— Успокойтесь, друзья мои. Нам везёт. Скажи, Ахутехоут, чем сейчас занят «Потрошитель»?

— Спасает перехватчики, упавшие в газовый котёл, — мрачно буркнул тот.

— Ну, вот. Я и говорю: успокойтесь. Нам повезло, — капитан развёл руками. Однако никто не понял, что он имеет в виду.

— Да, кто-нибудь! — не выдержала Абекойя, — Мед-часть! Мы капитана теряем! Вколите ему что-нибудь! У него, похоже, бред от переутомления.

— Это был молодняк, — пояснил капитан, и улыбнулся, но как-то криво.

— Молодняк? — переспросил кто-то растерянно.

— Хищники натаскивали неопытный молодняк, — объяснил капитан, — на нашем караване натаскивали. Матёрые и опытные хищники наблюдали со стороны и не вмешивались.

— Теперь они будут нам мстить? — спросил кто-то испуганным голосом. Ой! Кажется, это Аритайя! Девушка вздрогнула, зажала рот ладошкой, и немедленно покраснела от смущения.

— Нет, что ты! — отмахнулся капитан. — Мстить! Хищники не мстят, это же не миносы. По их понятиям, если какой-то хищник не справился, свалился куда-то — это его проблемы. Нет, мстить матёрые не будут. А будут показывать молодым, как надо охотиться.

— О, бездна! — выдала тётушка Абекойя.

— И что нам делать?

— Сохранять спокойствие! И хорошенько подготовиться! — отчеканил капитан Нелнишнош. — Тщательно всё проверить, починить всё, что нужно. Отрепетировать действия на маневре. Так что сейчас покушаете, и мы сформируем команды, распределим по отсекам, подсистемам, и службам. И надо пройтись снаружи по обшивке дефектоскопами, пока есть такая возможность. Короче говоря, поработаем!

— Да, капитан! — почти дружно прокричала вся кают-компания.

Эти сутки, до самого их конца, Аритайя работала: лазила в технические тоннели, такие узкие и забитые перепутавшимися кабелями, что пролезть смогла лишь она — благодаря гибкому стройному телу и узкой кости. Отстояла свою вахту на мостике, а потом ещё ползала по обшивке корабля в открытом космосе с дефектоскопом в руках, осматривала важные подвижные части, очень нужные кораблю фиан во время прыжка в гипере, на пробу подымала с инженерами мачту солнечного паруса. Что-то ещё таскала по коридорам, помогала искать нужные запчасти в трюме. Устала так, как никогда не уставала!

Наконец, её отправили спать. Условный день давно закончился, и уже скоро у неё новая вахта — надо выспаться. Аритайя добралась до своей капсулы с ощущением песка в глазах, забралась внутрь с мыслями про ищущих их корабль матёрых хищников, и уснула раньше, чем вспомнила, что надо бы принять перед сном душ.

Вацлав: Крутой поворот

Место и время — странные, большего Вацлаву пока не известно

Вацлав проснулся в незнакомом месте. Незнакомом и очень неудобном. Какое-то жуткое место. Но внутри у Вацлава было ещё более неудобно и жутко, чем снаружи: голова страшно болела, болели глазные яблоки, будто кто-то их зачем-то вынимал, наждачкой протёр, а назад вставил не по резьбе. Во рту было так мерзко, что мерзко было даже думать о том, как мерзко сейчас во рту. Впрочем, думать бедняге Вацлаву было тяжело и больно, вне зависимости от направления мыслей.

Мерный шум разговоров, шаркающие шаги, покашливания, и прочие неприятные звуки, какие обычно издаёт неуместно большое скопление людей, делали состояние Вацлава ещё более болезненным и неприятным. А когда он поднял красные веки, всё стало ещё хуже: оказалось, что находился он в «не-пойми-где», и происходит вокруг «не-пойми-что».

Раньше Вацлаву ни разу не приходилось оказаться вдруг в «не-пойми-где», и он не представлял себе, что надо делать в такой ситуации. Покатав осторожно между большими извилинами мозга злосчастный вопрос «что делать?», Вацлав пришёл к успокаивающему выводу: — если ты «не-пойми-где», и вокруг творится «не-пойми-что», то и делать с этим ничего не надо, поскольку правильного действия всё равно не придумаешь, а неправильные могут всё только усугубить.

К тому же, все эти неуместные люди, и это ужасное место, вызывали сейчас у Вацлава стойкое отвращение. Ох уж! Правильнее будет сказать, что стойкое отвращение — единственное чувство, на которое бедолага оказался сейчас способен, так что испытывал он его ко всему и ко всем, включая себя самого. Да, к себе самому, пожалуй — в первую очередь. И если получится вот прямо сейчас не сдохнуть — он обязательно займётся самоедством.

Вопрос про «не сдохнуть» стоял актуально. Стоял, и требовал немедленно добыть где-то воды. Много. А очнувшееся самоедство тут же подсказывало: желательно столько воды, что бы сразу утопиться. Боль поддакивала: утопиться — верный способ, что бы прекратить мучения. Тут Вацлав осознал, что сама вода ему в рот не потечёт, и придётся корячиться и мучиться, от чего стало грустно и жалко себя, но он вздохнул — протяжно и тоскливо, и невероятными усилиями сел на жёсткой скамейке, на которой лежал. Тело тут же отозвалось болью, разом вывалив бедолаге все накопившиеся у рёбер, спины и шеи претензии к неудобному ложу, и неудобной позе. Вацлав охнул и поморщился.

— Фу! — отшатнулся незнакомый молодой человек, оказавшийся рядом, и махнул рукой вдаль: — направо по коридору, слева будет дверь!

Вацлав промычал что-то, и сам не понял, толи это было: — «спасибо, Вы так любезны!», а толи: — «отвали, и без тебя тошно!», а может — и то и другое сразу. Однако он нашёл в себе силы встать, и, понурив голову, отправился по указанному маршруту.

И нашёл туалет. За заветной дверью с крупной буквой «М» оказалась вода! Чистые белые раковины, блестящие краники, возможность умыться и напиться. О! А главное: тут нет толпы и создаваемого ею шума. Вацлав с наслаждением напился, долго плескал в лицо замечательно холодной водой, а потом некоторое время с нездоровым интересом

разглядывал отвратительную рожу напротив. Сообразил, что перед ним зеркало, и интересу прибавилось. Живительная вода, однако, сотворила животворящее чудо, и Вацлав ощутил себя человеком. Больным, жутко недовольным всем, и глубоко расстроенным, но всё же человеком. Умылся, попытался причесаться пятернёй. Отряхнул одежду. Да, Вы правильно догадались — и нужду справил, конечно, и руки помыл. А потом, наконец, решил выйти в коридор.

Полегчало Вацлаву настолько, что даже очнулось любопытство: а что это за место, и что тут делают все эти люди? Вацлав огляделся повнимательнее, и вопрос прояснился: все эти люди, очевидно же, слоняются тут без дела. Непонятно только, зачем им это. Впрочем, не наплевать ли Вацлаву на это? Проснувшееся, было, любопытство махнуло рукой, и заснуло обратно. Наплевать. У Вацлава слишком болит голова, что бы интересоваться чем-то, кроме таблеточки обезболивающего.

Прокашлявшись, Вацлав обратился к какому-то незнакомому молодому человеку, оказавшемуся поблизости:

— А где бы мне доктора какого-нибудь найти? Плохо мне...

— Вижу, что плохо, братишка! — почему-то развеселился незнакомец. — Знатно, видать, ты свои проводы отметил! А доктора все там! — и незнакомец ткнул пальцем в тот конец коридора, где толпилось больше всего народу.

Когда Вацлав туда дошёл, оказалось, что все эти люди собрались тут именно на приём к докторам, и у них тут очередь. Ждать в очереди Вацлав категорически не мог: если он срочно не выпросит у доктора таблетку от головной боли, он тут сдохнет. Или покусает кого-нибудь. А потом точно сдохнет.

Тут Вацлаву вдруг вспомнилось — в одном популярном сериале про врачей видел: доктора тех, у кого острая боль, без очереди принимают. Вроде бы. Сам-то Вацлав у врачей не был ни разу — отец его сам лечил, без докторов. А тот сериал был, конечно же, про нашествие аlienов, так что врачи в том фильме без очереди принимали сильно покусанных: кому аliены руку откусили, кому ногу. Так что некоторое сомнение у Вацлава было. Но он всё же решился — выхода другого не было. Решился, и прямо так — решительно, заявил, что он без очереди, поскольку за неотложной помощью.

Его пропустили, похихикивая тихонько в спину. Вацлав успел отметить, что все люди тут были исключительно молодыми парнями. Что это за болезнь такая приводит к врачам толпы молодых парней, да ещё и в таком виде: в трусах и майках?

— Встать прямо! — сходу скомандовал ему врач в белом халате. Вацлав подчинился. Рефлекторно, от удивления. А как же: — «на что жалуетесь»?

— Руки в стороны! Вес и рост в норме! Задержать дыхание! Дышите! Лёгкие в норме кости в норме! Годен!

Вацлав от этого странного доктора шарахнулся в сторону. Ну его, мало ли что с ним такое. Тут вон и другие доктора есть.

— Жалобы есть? — как-то устало спросил его следующий доктор.

— Конечно, — осторожно, что бы не расплескать головную боль, кивнул Вацлав, — с тем и пришёл.

— На что жалуетесь?

— На голову, — пожаловался бедолага. Доктор ничего больше спрашивать не стал, а только указал на другого доктора — тот сидел отдельно, отгороженный ширмой. Вацлав прошёл за ту ширму, и с удовольствием обнаружил, что вот этот-то доктор устроился

правильно: у него тут за ширмой и диванчик удобный есть.

— Доктор, у меня голова, — пожаловался Вацлав.

— Часто? — участливо осведомился доктор.

— Вот прямо сейчас, — сообщил Вацлав нетерпеливо. Чего спрашивать? Давай таблетку! Потом поговорим. Говорят же тебе: голова болит! А ты в эту больную голову вопросы задаёшь!

— Ясно, — кивнул доктор. — А голоса слышите?

Вацлав прислушался. Голоса в коридоре бубнили невнятно.

— Ну, да, слышу. Невнятно, правда, слов не разобрать, — доверительно сообщил он доктору.

— Идеи навязчивые? — спросил странный доктор.

— Вы полагаете? — растерялся Вацлав.

— Есть у Вас какая-то идея, от которой Вы не можете отделаться? — пояснил свой вопрос тот.

Нет, он что, издевается? Сказали же тебе: голова болит! Таблетку дай, жалко, что ли?! Вот ведь зловредный докторишка! Какие могут быть вопросы-обсуждения, когда так голова трещит?!

— Странные у Вас вопросы, доктор! — возмутился Вацлав, и, не выдержав, высказал доктору: — Давайте уже таблетку, алиены Вас пожри! У меня одна единственная идея, и я другую думать никак не могу! А вы вопросы задаёте!

— Даже так. Внезапные неконтролируемые вспышки агрессии. Любопытно, — пробормотал доктор и, внезапно подавшись вперёд, вдруг спросил странное: — Последний вопрос, дорогой мой. Где Вы, по-вашему, находитесь?

— Честно? Понятия не имею, — сознался Вацлав.

— Ясно, болезный Вы мой, ясно! — вздохнул доктор, потыкал пальчиком в электронный свой планшет, и махнул рукой: — Идите!

Вацлав испытал мгновение сильной злости. Какого алиена?! Этот шарлатан, что, возомнил себя чудотворцем, исцеляющим словом? «Встань, и иди!» Тоже мне! Но от злости голова разболелась ещё сильнее, он скривился, и поспешил убратсья от вредного доктора. По счастью в его больных мозгах всплыла чудесная идея: аптека! Ему нужна аптека, а не доктора!

К великому облегчению, аптека отыскалась, причём прямо в том просторном холле, где Вацлав спал на скамейке! Милый такой аптечный ларёчек, в котором милейший дедулечка в старомодных очёчках с одного только взгляда на страдальческую физиономию Вацлава тут же определил верный диагноз, и даже тут же выдал лекарство!

— Похмелин. Усиленный. Два кредита с четвертушкой.

Вацлав расплатился, благодарно кивнул доброму дедулечке, и тут же заглотил таблетку.

— Возможна дезориентация, усиленное потоотделение, и приступы зуда, — предупредил добрый аптекарь. — Рекомендуются выпить побольше воды.

— С удовольствием! — расплылся в улыбке Вацлав, и отправился искать туалет с чудесными чистенькими раковинами, со сверкающими хромом краниками с водой.

Прошёл в правый, кажется, коридор, свернул к левой, вроде бы, двери, и вместе с парой других молодых людей зашёл внутрь. Оказавшись у зеркала Вацлав внимательно изучил своё лицо, и остался в общем доволен. Вид, конечно, несколько помятый, но глаза уже не такие красные, как у алиенских вампиров в фильмах ужасов, а вполне себе человеческие. Таблетка

замечательно работает. Голова уже почти не болит. Правда, это оказался совсем не туалет, а вовсе даже лифт. Который увёз Вацлава на пару этажей... э... по вертикали. Наверное.

Как там сказал добрый аптекарь? Дезориентация?

Потоптавшись по неприветливым коридорам, в которых, к слову сказать, уже не было толпы молодых парней в майках и трусах, а вместо того прохаживались туда-сюда с деловым видом какие-то военные, Вацлав решил, что с него хватит. Надо выбираться из этого... что бы это ни было. Кстати, странно — тут окон нет. Вообще нет окон — только панели инфоров на стенах вместо окон. Да и ладно — зачем ему окна? Он же не собирается в окно вылезать. Вацлав — приличный фермер, он выйдет через дверь. А дверь та должна быть на самом первом этаже, если рассуждать логически. Значит, нужно что? Нужно вернуться к лифту, конечно же!

Вопреки некоторым проблемам с ориентацией, Вацлав таки нашёл лифт, нажал самую нижнюю кнопку, и лифт поехал. А когда лифт остановился, и двери его раскрылись, бедолага Вацлав успел сделать пару шагов, и рухнул на колени!

— Проклятье! — простонал он, сильно-сильно зажмурив глаза.

Думаете, бедняга вышел на подземной парковке? Это было бы «Упс!», это было бы «Ой!», но никак не «Проклятье!». Оказаться на подземной парковке, когда спускался на первый этаж — это, конечно, конфуз. А тут не конфуз, тут всё хуже, тут — катастрофа! Бедняга Вацлав оказался на обзорной площадке космической станции. А знаете, почему на космической станции привычная сила тяготения? Правильно, потому что это центробежная сила, а не сила тяготения. Обитаемая часть станции вращается. И нижняя обзорная площадка — на самом конце этого маховика. Звёздное небо и вид родной планеты — вся вселенная вращалась вокруг бедного Вацлава, как сумасшедшая. Да, у бедолаги закружилась голова, и его слегка замутило. Ладно, ладно, Вы правы, бедолагу совсем даже не слегка, и не просто замутило, а порядком стошнило, да так, что едва кишки наружу не вывернуло.

Вацлав немного посидел на корточках с закрытыми глазами, дрожа, и пытаясь собраться с силами. Было очень-очень обидно. Он точно помнил, что накануне отправился к военным космонавтам разбираться, и требовать справедливости. А они, подлые, вона с ним как — в космос на орбиту забросили! Хотя, постойте... тут в памяти мелькнули какие-то бессвязные эпизоды, симпатичные улыбающиеся лица двух космофлотских, бармен, ловко наполняющий стаканы.... Ой.

А потом к Вацлаву подошёл военный патруль.

— Военный патруль! Минуту внимания, пожалуйста! Попрошу встать, и представиться, — сказал главный патрульный.

— Я бы с удовольствием, — прохрипел Вацлав.

— В таком случае, разрешите Вам помочь, — командир патруля сказал вежливые слова каким-то не очень вежливым тоном, и по его знаку двое его товарищей аккуратно подхватили бедолагу Вацлава под руки, и утащили в лифт.

Когда лифт закрыл двери и поехал, Вацлаву полегчало, и он даже смог стоять на всё ещё ватных ногах, упёршись спиной в стенку лифта. Тем временем командир патруля провёл сканером по Вацлаву, уделяя особое внимание его карманам. Напротив нагрудного кармана сканер пиликнул. Командир взглянул на экран, и удивился.

— Не желаете объясниться? — поинтересовался он у Вацлава, и тот отметил, что тон патрульного подозрительным образом стал вдруг как-то куда более вежливым.

— Я заблудился, — признал Вацлав очевидный факт.

— Прошу прощения, — осторожно произнёс командир патруля, — я в замешательстве.

— А что не так? — поинтересовался наш герой.

— Если Вы нарушаете форму одежды, то я обязан препроводить Вас в комендатуру, где Вы получите взыскание, — заявил патрульный. — Но на Вас вообще нет формы, так что я не знаю, что мне делать. Наверное, нельзя считать нарушенной форму одежды, если это вообще не форма. Поэтому разрешите поинтересоваться, почему Вы в штатском, господин лейтенант.

Вопрос действительно интересный. Вацлав на всякий случай оглянулся: вдруг да некий господин лейтенант стоит прямо за его спиной, и именно с ним разговаривает военный патруль. Но нет, в лифте были только патрульные и он — Вацлав — молодой, несчастный фермер с Топурага. Тогда вопрос патрульного становится ещё интереснее. Вацлав подумал. Голова уже не болела — хвала чудо таблетке и доброму аптекарю, так что Вацлав действительно подумал. И у него это получилось.

— Очевидно, это оттого, что другой одежды у меня нет, — ответил он.

— Бардак, — покачал головой патрульный, как показалось Вацлаву, сочувственно. — Полагаю, в таком случае, Вам надлежит сразу по прибытию обратиться к интенданту, а уж после представляться командованию.

— Так и сделаю, — буркнул Вацлав.

Лифт остановился, двери открылись.

— Мы проводим Вас до туалета, где вы приведёте себя в порядок, а мы подождём, — сообщил ему командир патруля.

— А потом? — поинтересовался наш фермер.

— Потом, что бы Вы опять ненароком не заблудились, мы проводим Вас до терминала, где Вы будете ожидать посадки на шаттл.

— На какой?

— В соответствии с Вашим предписанием. И я Вас прошу, господин лейтенант! Я всё понимаю. Но! — и командир патруля уставился на Вацлава. Тот сглотнул, и выдал свою лучшую догадку:

— Я понял. Больше ни-ни!

— Хорошо, — кивнул патрульный вполне благосклонно.

Догадка Вацлава была в том, что либо это бредовый сон, вызванный алкогольным отравлением, либо побочное действие чудо-таблетки. Ведь головную боль таблетка сняла? Сняла. А боль была сильная. А мы-то знаем, что за препараты могут быстро снимать сильную боль, верно? Их ещё в аптеках не продают обычно. Зато они есть в военных аптечках, да? Точно. Если тут станция полна военных, почему бы и тому аптекарю не быть военным аптекарем. Такой добрый дедулечка. С доступом ко всяким препаратам, каких нет в гражданских аптеках. Может, оттого и такой добрый.... А в такой ситуации главное не ляпнуть что-то не то. Так решил наш герой. Надо подождать, пока ситуация немного прояснится.

Тем временем патрульные проводили Вацлава куда обещали, держа себя по отношению к нему вполне вежливо и даже предупредительно. И потом проводили его дальше, дальше, и, наконец, провели они нашего фермера через рамку сканера (сканер пикнул и мигнул зелёным, Вацлав вздрогнул, а патрульные и бровью не повели). Провели в небольшой зал с рядами кресел, заполненный людьми преимущественно в военной форме, и заботливо

усадили на свободное место. Точно такой зал, в каких собираются пассажиры после регистрации на рейс в ожидании посадки на шаттл. Хотя почему «такой же»... кажется, это он и есть.

— Ваш посадочный талон, — протянул ему картонку с каким-то шифром командир патруля.

— Благодарю, — откликнулся наш герой, принимая картонку.

— Если опять во что-то вляпаешься... — многозначительно произнёс патрульный, понизив голос едва не до шопота, и наклонившись к самому лицу Вацлава.

«Да куда уж больше!» — подумал про себя бедолага Вацлав.

— ... то у меня будут неприятности, за то, что я тебя покрываю, — закончил патрульный. — Понимаешь?

— Ни-ни! — пообещал Вацлав.

Патрульные козырнули, развернулись, и ушли.

Тут Вацлав смог немного расслабиться, и подумать. А подумав, вспомнил, что вчера в баре двое космофлотских уговаривали его пойти добровольцем в космофлот! Ох, ты ж, aliens их пожри! Это что же выходит? Выходит, Вацлав вчера что-то подписал, и теперь он — военный?! Катастрофа! Нельзя было столько пить! Нельзя было вообще пить! Трезвость — норма жизни!

Но, постойте, патрульный назвал его лейтенантом! Как же это? Как простого фермера могут произвести в лейтенанты? Тут какое-то недоразумение!

Вацлаву очень захотелось кричать, требовать, и доказывать, что это всё не правда, и что это всё ошибка! Чудовищная ошибка! Или даже преступление! Те двое космофлотских его споили и похитили в военное рабство!

Но Вацлав не стал ничего ни кричать, ни кому-то доказывать. Он помнил предупреждение командира патруля. Как не прискорбно это признавать, но, похоже, он крепко влип, так что теперь может сделать только хуже. И потом, откуда ему знать, может, у военных так положено? Может, у них акция? Ну, как в супермаркетах в праздники: «только сегодня, только для Вас: внеочередное звание добровольцу!». Или типа того. В конце-то концов, если что-то действительно не так, уж наверное кто-то, кому положено, разберётся, и вернёт всё на свои места.

— Хорошо вчера погуляли? Да? — с пониманием в лукавых глазах, и добродушной улыбкой обратился к нему сосед: мужчина в форме, с подернутыми сединой висками, подёрнутыми жирком мускулами, простым лицом, короткой причёской, и слегка раскосыми глазами. В общем, мужчина производил приятное впечатление, располагающее. Лицо казалось добродушным, а лучики морщинок в углах глаз указывали на то, что человек этот часто улыбается. Вот только его раскосые глаза создавали у Вацлава ощущение какой-то хитрости. Ну, не привык Вацлав к такому разрезу глаз. Люди разные бывают, у кого-то нос картошкой, у кого-то волосы кудрявые, а вот у кого-то глаза раскосые — так и что? Человек же не виноват. Это Вацлав прекрасно понимал, но не мог отделаться от ощущения, будто с ним разговаривает хитрый лис.

— Да уж, погуляли, — вздохнул Вацлав, и отчего-то с жаром добавил: — я больше ни грамма спиртного!

— Настрой верный! — одобрил незнакомец, и подмигнул: — Однако сформулировано излишне категорично. Ты ведь теперь человек военный!

— Что, без этого никак? — удивился Вацлав. Удивился и расстроился. Он имел в виду:

— «что, действительно, я теперь военный?! Неужели этого уже не отменить теперь никак?», но незнакомец понял его иначе.

— Не пойми неправильно, салага. Ничего такого. Иногда, знаешь ли, можно снять стресс стопочкой водки. Послужишь — поймёшь! Главное, запомни, не увлекаться!

Вацлав сник. «Послужишь» — прозвучало приговором. И жаловаться не на кого — сам виноват! Вляпался, дурень!

— Олег! — после небольшой паузы внезапно представился этот разговорчивый дядька.

— Вацлав.

— Что ж, ждать нам ещё долго, Вацлав, к тому же нам по пути.

— Как Вы догадались? — поинтересовался Вацлав, гадая про себя: — «А, собственно, куда именно по пути-то?».

— Это легко, — отмахнулся Олег. — Ты же не рядовой новобранец, как и все в этом зале, значит, тебе первым делом положено в службу безопасности представиться. Ну, там, пропуск-допуск, формальности-нормальности, всякое такое. А отдел безопасности где? При штабе. Штаб эскадры где? На авианосце. Вернее, конечно, Battlecarrier, но некоторым, включая меня, больше нравится словечко «авианосец», — Олег погладил пальцем значок на петлице, обозначающий принадлежность к палубной авиации: — И мне туда же. Так почему бы нам не скоротать время непринуждённой болтовнёй?

Вацлав пожал плечами. Олег подавил зевок, и со скучающим видом начал «болтовню»:

— Вот, к примеру, ты кто по специальности, Вацлав?

— Фермер, — честно сознался фермер.

— Хм, — хмыкнул Олег, — каждый выпуск обязательно какое-нибудь новенькое словечко изобретает! И кого же вы «фермерами» окрестили, молодёжь? Инженеров, что ли? За то, что те в грунте копаются? Или артиллеристов? За то, что те «садят»?

Вацлав не нашёл что сказать.

— А позволё-ка взглянуть? — спросил Олег, озорно улыбнувшись, и, не дожидаясь разрешения, потянулся к нагрудному карману Вацлава. Двумя пальцами приподнял над краем кармана пластиковую карточку. Про карточку эту Вацлав не мог вспомнить — хоть убей! — откуда та в его кармане взялась. Но рассмотреть успел: серенький плоский прямоугольник с рядом букв: «предписание», и рядом цифр, и всё.

— О, да ты «летучая мышь», значит, — хмыкнул Олег, вернул карточку вглубь кармана, и откинулся беззаботно на спинку своего кресла.

— Кто? — удивился Вацлав.

— «Кто»! — передразнил Олег. — Да ты не бойся, салажонок. Циферки на предписании — информация не секретная. Они ничего не скажут, кому не положено.

— А Вам, значит, положено? — осторожно уточнил Вацлав.

— Скажем так: мне можно. Ну, так получилось, что я кое-что слышал о том, как формируются эти номера, и что означают некоторые из цифр, — подмигнул ему Олег. — А это многое объясняет!

— Что, например? — ещё осторожнее уточнил Вацлав.

— Военная разведка, — улыбнулся ему Олег. — Шеврон с летучей мышью разрешается носить только на территории закрытой части. Ну, или закрытого же училища. Поэтому те, кто поумнее, после выпуска из училища вообще свою форму не носят. Вот, как ты. Прибудешь на место назначения — получишь форму... э... скорее всего — связиста.

— Это почему? — удивился Вацлав.

— Потому что под лётчиков маскируется стратегическая разведка. И, ты уж прости, Вацлав, но мало вероятно, что бы тебя назначили в стратегическую. Ты, может, и умничка, отличник, но новичок же! А разведка уровня флота, фронта, округа — они под связистов «косят».

— Откуда Вы всё знаете? — с подозрением в голосе поинтересовался обескураженный Вацлав.

— Знаю. Потому меня и прозвали «Вещим» Олегом, — хохотнул собеседник, и продолжил веселиться: — Да ты в зеркало сегодня на себя смотрел, Вацлав, друг? Ты же с перепоя! Так может выглядеть только отличник, сорвавшийся по поводу выпуска! Нормальный троечник к выпуску уже закалённый боец, и после пьянки выглядит огурцом!

Вацлав смутился, потупился, и задумался.

— Не тушуйся, молодой! — подбадривал его Олег. — Хочешь, я и направление твоё угадаю? Вот, кажется мне, что направили тебя заниматься радионаблюдениями и пеленгацией на какой-то далёкий астероид из внешнего астероидного пояса какой-нибудь такой звездюлины, что у неё и имени-то нет, а только номер.

— С чего Вы это взяли? — испугался Вацлав.

— Из обречённости в твоих глазах, — беззаботно хохотнул развеселившийся собеседник. — Такой потерянный взгляд может быть только у курсанта, который получил направление в самую попу вселенной. Ох, видел бы ты своё лицо, Вацлав!

Вацлав вздохнул. Ну, ясно, что Олег — человек, безусловно, наблюдательный и не глупый, но явно не вещей. Обречённость во взгляде Вацлава объяснялось совсем иными обстоятельствами, настолько невероятными, что никакой гениальный аналитик такое не угадает, а угадает — так и не поверит! С другой стороны, этот факт вовсе не означает, что «вещий» Олег не ошибся. Может, военным своих-то жалко на далёкие астероиды на скучное дежурство многолетнее посылать, вот они фермеров заманивают, и звание офицерское дают, как бы, в утешение и компенсацию. Кто ж их знает? Вацлав — точно не знает.

— Да ты не дрейфь, братишка! — Олег ободряюще улыбался, стараясь поймать взгляд Вацлава. — Такому направлению радоваться надо!

— Это ещё почему?

— Вот, скажи мне, салага, что на первых годах службы будет для тебя самой главной проблемой? А самой главной проблемой будет не хватать слишком много взысканий. Потому что очередное твоё звание — оно что? Оно идёт за выслугой лет, но минус что? Минус взыскания. Лейтенантом до пенсии остаться, конечно, никак не получится, но с грузом взысканий хорошей должности ты не получишь, и как итог, на капитане ты и закончишь. А что бы не хватать взыскания, надо что? Ну же, отличник, догадайся! Взыскания откуда берутся?

— Э... за допущенные «косяки»? — предположил Вацлав.

— Взыскания берутся от начальства, отличник! И лучший способ их избежать, это что? Правильно! Находиться подальше от начальства. А далёкий пост на забытом всеми астероиде — это то сказочное место, где начальство не бывает вообще! Всего-то несколько лет на астероиде, и ты уже капитан!

— Так, тоска же, — прикинул перспективы жизни на астероиде Вацлав.

— На службе тоски не бывает, молодой! — опять развеселился Олег. — Далёкий пост в попе мироздания лучше в молодости пройти. А потом, будучи капитаном ты сможешь подать рапорт!

— Чего?

— Не «чего», а «куда»! В академию при генеральном штабе, салага. Ты просекай мазуту, молодой! Смекай! В военной разведке ты можешь попасть в технари. Это когда ты дело имеешь с железом, которое что? Которое будет тебя подводить. Аккумуляторы осыпаются, твердотельные усилители садятся, электролиты усыхают — нет ничего вечного в технике. А виноватым будет кто? Ты!

Вацлав хотел возразить, но Олег его перебил:

— Да, да, конечно: ЗИП. Но, во-первых, твой ЗИП будет полностью укомплектован только на бумаге. Реально там, скорее всего, что-то из деталей уже сдохло. В смысле: усохло, осыпалось, село и тому подобное. А во-вторых, ломаться будет что-то, чего в ЗИП-е нет. Или есть, но не с той резьбой.

Вацлав вздохнул.

— Ещё ты можешь попасть в командный состав. А это что? А это бездна свежих впечатлений, необыкновенных приключений, и тотальное попадалово в неприятности. Потому что личный состав, в отличие от железа, подводит чаще, разнообразнее, и куда как менее предсказуемо, зато более затейливо. Поэтому, ежели, скажем, не дурак ты, то одной верной дороги тебе надо держаться. Какой? Правильно. В аналитику. Аналитик запросто сможет получить одобрение на поступление в академию. Потому что толковых аналитиков всегда дефицит. А придя в академию капитаном, выйдешь ты оттуда майором. Если только совсем не дурак. А выпускник академии генерального штаба получает направление на что? На должность, соответствующую его званию, плюс ещё одно. На вырост, так сказать! А стоя на должности, которой положено более высокое звание, ты его автоматом получаешь с выслугой лет. Как видишь, если не будешь дураком, то подполковником станешь практически автоматом!

— А дальше? Увлёкся наш фермер.

— Ну а дальше наезженных схем нет! — рассмеялся Олег. — Ну, так куда тебя направили, салага?

— Пока не знаю, — признался Вацлав.

— Эх тебя особисты запугали, когда подписку брали, — усмехнулся Олег.

— А почему, интересно, аналитики стратегической разведки «косят» под лётчиков? — спросил Вацлав, разглядывая значок палубной авиации на петлице кителя Олега. Олег этот взгляд перехватил, значок свой пальцем погладил, и улыбнулся Вацлаву одобрительно:

— Понятия не имею, но думаю, это от того, что лётчики больше девушкам нравятся. А знаешь, Вацлав, у меня идея: хочу тебя, салагу, угостить!

— Чем? — Вацлав вдруг немножко испугался: вдруг опять спиртное?

— Да ничего такого! — улыбнулся Олег и весело подмигнул: — Бутылочкой минеральной воды! Вот, погоди пока! — и Олег отправился к торговому автомату, у которого вдруг начала собираться очередь.

Вернулся он с двумя бутылками минералки, одну протянул Вацлаву, а вторую открыл сам, сел обратно на своё место, и с удовольствием сделал большой глоток. Вацлав тормозить не стал, поскольку и рекомендации аптекаря про обильное питьё помнил, и действительно пить очень хотел.

Олег принялся травить байки из своей жизни, которая, как оказалось, была чрезвычайно богата на удивительные события и интересные встречи. Под эти байки они распили по бутылке минералки, и скоротали время ожидания, пока их шаттл проходил предполётную

подготовку.

Олег как раз рассказывал о своей нечаянной встрече с актрисой известного сериала во время отдыха в ведомственном санатории министерства обороны, когда объявили о скорой посадке.

— Ну вот, очень вовремя! — прервал Олег свой рассказ, — идём!

— Куда? — засомневался Вацлав, хотя уже минут пять хотел кое-куда сходить, но стеснялся прервать говорливого попутчика.

— В туалет, разумеется, салага, — угадал Олег.

— Удивляюсь я твоей наивности, молодой! — взялся выговаривать Олег Вацлаву, пока они стояли в очередь в мужской туалет. Очередь двигалась споро, несмотря на то, что практически весь зал одновременно собрался справить нужду. — Уж очень ты наивный человек, Вацлав! Вот, с чего ты так наивно мне поверил?

— Когда? — удивился Вацлав.

— Когда я тебя угостил минералкой, — пояснил Олег, и добавил: — ты этикетку внимательно читал?

Вацлав взгляделся в этикетку на протянутой Олегом пустой бутылке, и прочитал вслух:

— «Мочегонный эффект».

— Именно! Говорю же, наивный ты до неприличия! А что, если бы тут туалет не работал?

— Погоди-ка, они же все это пили, — спохватился Вацлав, вспоминая, что к минералке стояла очередь, и по бутылке мочегонной минералки купили почти все, кто ожидал в зале посадку на шаттл.

— Ты меня удивляешь, салага! — хмыкнул Олег, — С какой из лун ты свалился? Это же традиция! — весело сообщил Олег. — Пожалуй, одна из древнейших в космофлоте! Там — Олег кивнул на дверь в туалет, — в писсуары вмонтированы старые колёса от автобусов. Все эти люди, отправляются на шаттле по кораблям эскадры четвёртого ударного флота, которая идёт в дальний поход! Вот, эти офицеры собрались здесь, что бы перед дальним космическим походом помочиться на автобусные колёса!

— Но зачем? — удивился Вацлав, никогда не слышавший ничего о космических традициях.

— Затем, салага, что это традиция! — торжественно изрёк Олег, подумал, и пожал плечами: — Я не знаю. Могу предположить, что когда-то очень давно, на заре космической эры космонавты облегчали мочевой пузырь перед стартом, потому что так легче было перенести перегрузки на примитивных химических ракетах. Видимо, подготовка к старту была длинная, и они..., ну, я не знаю. — Олег на пару секунд замолчал, нахмурившись, но махнул рукой, и с энтузиазмом продолжил:

— Но это же совершенно не важно! Ты, Вацлав, не понимаешь кое-чего очень важного. Вот, смотри: вот человеческое общество, подчинившее себе ужасающую мощь первозданных стихий, достигшее далёких звёзд! А ведь сплотить толпу говорящих обезьян в некое подобие общества, заставить ораву жадных, завистливых и ленивых индивидов соблюдать хотя бы элементарные правила общежития, можно только тремя вещами: страх, стыд, и традиции! Всё, больше никак! А если никак — то никакого общества не будет, а будет просто толпа людей, в которой мораль падает, как тот пикирующий бомбардировщик, пилот которого потерял сознание при входе в пике! То есть: строго вниз, очень быстро, и совершенно без шансов на выживание! Так что страх, стыд и традиции. Страх — штука из них самая простая,

но самая ненадёжная: жадный, завистливый, и ленивый индивид легко преступит любой страх перед искушением наживой. Поэтому законы регулярно нарушаются, несмотря на предписываемое наказание. Стыд гораздо сильнее! От стыда человек прячет взгляд в землю, и в старину это называли «потерять лицо». Потерявший лицо древний самурай, обычно, выходил на площадь, доставал специальный нож, читал прощальный стих, и взрезал себе брюхо зигзагом.

— Зачем? — испугался Вацлав картины, невольно представшей перед его мысленным взором.

— Затем, что не мог жить со стыдом, и затем, что бы боль физическая хоть немного притупила моральные страдания. Говорю же: стыд сильнее страха, даже страха смерти.

— А традиция? — заинтересовался фермер.

— О! Традиция! Это нечто такое, что больше чем ты, я, мы все вместе взятые, понимаешь? Если страх и стыд подчиняют закону и порядку отдельного человека, то традиция — она направляет коллективное подсознание целиком! Традиция... она.... Да чего тут расскажешь?! Вот, сейчас на колесо помочишься — сам прочувствуешь!

Вацлав не понимал и сомневался, но тут подошла их очередь, и они вошли в туалет. Там действительно были необычайно большие писсуары, и каждый вмещал старое автобусное колесо! Мужчины в военной форме различных родов войск и званий дружно справляли малую нужду на те колёса, и выходили, довольны улыбаясь.

Впрочем, наш фермер быстро опомнился, взял себя в руки, и сделал тоже, что и все: помочился на свободное автобусное колесо. Прислушался к себе. Внимательнее прислушался. Не-а, ничего такого не ощутил. Наверное, Вацлав далёк от всякой такой возвышенной философии, толи по молодости лет, а толи в силу того, что фермеры, крепко стоящие на своей земле, ни в какой философии не нуждаются, вот!

Застегнул наш фермер ширинку на джинсах, вышел в зал терминала, а там уже посадка на шаттл идёт. Олег вскоре его догнал, и опять озадачил:

— Кстати, о традициях, Вацлав. Знаешь, салага, какая традиция в космофлоте столь же священна, как мочиться на автобусное колесо? — Олег вдруг нахмурился, и посмотрел Вацлаву прямо в глаза очень серьёзным взглядом. — Разыграть новичка! Мы с тобой, конечно, люди не флотские. Мы армейскими считаемся. Но если уж тебя к кораблю припишут, то придётся тебе как-то с флотскими уживаться, верно? Надо будет в коллектив вливаться, и все эти — ну, ты знаешь — флотские словечки эти забавные. И все флотские традиции знать и соблюдать придётся. Ну, может, не все, но хотя бы основные — это уж по любому!. Уж традицию разыграть новичка они на тебе отработают по полной! Вот я тебе и толкую: очень ты наивный, братец! И глаза у тебя такие, будто ты наивный мальчик, сбежавший от родителей! Нет, не так. Будто ты наивный мальчик, отставший от родителей, и потерявшийся! Они тебя не просто разыграют, они тебя живьём сожрут. Фигурально выражаясь, конечно. Кстати, о фигуре: ты чего такой зелёный? Это не заразно?

— А, это, — Вацлав отмахнулся, — это просто генетическая коррекция клеток кожи. Это для защиты от ультрафиолета Беты Топурага. Среди продвинутых челов нынче этот способ защиты в тренде. Странно, что Вы не знаете. — Вацлав довольно хмыкнул: хоть в чём-то он уел этого «вещего» Олега.

— Вот хорошо, что ты об этом заговорил! — обрадовался Олег. — В смысле: о модификациях. Ты же в курсе, что такое невесомость, да? Вот мы на шаттл сейчас садиться будем в нулевой зоне, через стыковочный модуль и шлюз — там невесомость настоящая,

родная, никакими центробежными силами не тронутая. Вот, заодно и посмотришь. А случись тебе служить на астероиде — там не слишком отличаться будет. Сколько на астероиде той силы тяжести? Тьфу и маленько! Дёрнулся резко — и улетел в открытый космос! Ну, на кораблях, оно само собой, тоже не всегда ускорение разгона/торможения есть. Часто приходится в невесомости работать. Тут тоже разные способы есть. Но у продвинутых челоч нынче в тренде четыре руки иметь. Вот, хорошо, что напомнил.

— Это как это, четыре руки? — удивился наш фермер.

— Коррекция, — хмыкнул Олег. Весомо так хмыкнул. И объяснил: — Тоже коррекция, только не генетическая, а обыкновенная, хирургическая. У нас, ты знаешь, запросто руки-ноги заново отрастают. Ну, так и вот: могут и лишнюю отрастить. Только мозг человеческий, как показала практика, плохо с шестью конечностями ладит. Так что самое оптимальное для работы в космосе — это ампутировать ноги, и вырастить на их месте пару дополнительных рук. Чего тут такого-то?! Обычное дело. Многие считают, что человек от обезьяны произошёл. Ну, ты же обезьян видел? У них же вместо ног — руки — и очень даже ничего! Вот, жаль, что уже посадка началась! Тебе, как челу продвинутому, надо было на станции операцию сделать — тут медицинский центр, говорят, хороший!

— Мне местные врачи не понравились, — поморщился Вацлав, вспоминая свой поход по тем самым местным врачам. — А Вы-то сами, Олег, чего при ногах?

— Эх, друг Вацлав! Авиаторам не положено! Там педали под ноги рассчитаны. Ну, ты понимаешь, проектировщики наших крылатых машин — планетные шляпы же. Вот, приходится как-то так. А то бы я давно уже, что ты!

* * *

Двадцать восемь минут спустя Вацлав уже пристёгивался в пассажирском кресле шаттла. Да, именно так выражаются военные: — «двадцать восемь минут», а не: — «полчаса» — как сказал бы какой-нибудь «шляпа» — то есть гражданский. И даже нисколько уже не удивительно, что Вацлав с Олегом оказались в шаттле на соседних местах.

Застегнув ремни безопасности, Вацлав наконец-то вздохнул с облегчением: путь через стыковочный модуль и шлюз в полной невесомости показал, что: во-первых, содержимое желудка, не оттягиваемое силой тяжести вниз, легко может оказаться в горле, а во-вторых, перемещаться в невесомости надо уметь. Вацлав даже подумал, что иметь дополнительную пару рук вместо бесполезных в невесомости ног — может действительно оказаться удобнее. Но сейчас все его неловкие кульбиты в невесомости — стыдно перед остальными пассажирами шаттла, которые все оказались к невесомости привычными, и спасибо Олегу за терпеливую и молчаливую помощь — были позади, и можно было расслабиться. Наконец-то. Вацлав вздохнул с искренним облегчением и уставился в иллюминатор.

За толстым бронестеклом был космос, и на этот раз он не собирался бешено вращаться. Звёзд было удивительно много! Фермер, живущий не в городе, где от смога и огней звёзд не видно, но под чистым распахнутым над просторными полями небом, Вацлав привык, что звезд много, но оказалось, что он даже не подозревал, сколько их на самом деле!

А родная планета отсюда смотрелась неким сказочным миром! Такая потрясающе красивая! Где-то там его ферма. Но грустить по брошенной совершенно без присмотра ферме Вацлав сейчас не мог: его целиком захватило величественное зрелище!

И главным номером этой программы был космический флот, уверенно и гордо плывущий над сказочным миром. Величественные ударные линкоры и баттлшипы. Хищные обводы фрегатов огневой поддержки и подавления. Авианосцы, похожие на летающие космические города неведомой цивилизации. Сверкающие огнями, отфыркивающиеся маневровыми, благосклонно принимающие внимание снующих вокруг них ботов технических служб. Стволы главных и вспомогательных калибров, ракетные установки, пусковые шахты. И росчерки маршевых выхлопов стремительных истребителей, что в красивом ровном строе облетали эскадру.

— Первый раз, да, — тихо не то спросил, не то констатировал Олег рядом. — Понимаю. Нам тут маневрировать часа два или больше: орбита, брат, это не поле. Так что наслаждайся. А я, пожалуй, в инфор повтыкаю.

Вацлав оглянулся на попутчика, но тот уже «втыкал в инфор»: глаза блуждали, рассматривая что-то, невидимое другим, зрачки светились красным: так это выглядит со стороны, когда лазеры инфора через хрусталики глаз рисуют виртуальную реальность прямо на сетчатку.

Тогда Вацлав снова уставился в иллюминатор, и с удивлением поймал себя на странной мысли: сейчас он больше не воспринимал себя самого, как отдельного человека, заблудившегося фермера. Удивительное дело: сейчас он вдруг осознал, что мыслит себя частичкой чего-то большого, всеобщего. Чего-то великого, как сам космос! Даже не крохотной частичкой, подхваченной Великой Силой, что вознесла человечество из каменных пещер в космические просторы, но частичкой этой самой Силы. Частью некоего великого порыва самой души человечества. Того порыва, того движения умов и сердец, которым человечество взяло в руки контроль над великими природными стихиями, взяло решительно и твёрдо, взяло — и шагнуло к звёздам!

И вот этот разговорчивый тип, Олег, что сидит рядом с ним, и с довольным видом «втыкает» в свой инфор — он тоже часть великой Силы. И все эти мужчины и женщины, что летят сейчас с ним в одном шаттле. И ещё больше таких же — обычных, простых людей, там — на кораблях флота. Пока философы, сидя в уютных креслах, рассуждают об идеалах, о высокой жертвенной любви, как высшем предназначении человека, все эти люди здесь вот так обыденно и просто заслонили собой хрупкий мир обжитых планет от aliens — космических завоевателей и убийц. У этих военных людей нет личного времени — отсутствует, как понятие. Есть только время, свободное от боевого дежурства. Нет личных вещей. Есть тревожный вещмешок со сменой белья и средствами личной гигиены. Для них нет понятия «мирная жизнь». Есть понятия «нормальный уровень боеготовности», и есть «повышенная боеготовность». Такая вот обычная вещь — военная служба. Такая вот прикладная практическая философия возвышенной жертвенной любви. И теперь всё это — и его, Вацлава, жизнь.

Вчерашний фермер смотрел на корабли четвёртой ударной эскадры, и с каким-то особым умилением удивлялся, как легко и незаметно изменило его мировосприятие приобщение к обряду помочиться на автобусное колесо! Смотрел, и думал, что Олег прав: Традиция — это нечто, что больше любого из нас, это Сила! И никакая тут не заумная философия, а самая что ни на есть обычная правда жизни.

А ещё Вацлав был глубоко благодарен Олегу. Нет, не за множество мудрых советов, которые не факт, что пригодятся Вацлаву. А за то, как тот отнёсся к нему, Вацлаву: как к одному из своих.

Витёк и Конста: Преступление и наказание

— Ну, вот что, на! Я вас, двух глистов, под трибунал не отдам! И на гауптвахту не отдам! Нечего мои седины позорить, на! Я вас сам! В гальюне сгною, на! Клопы сортирные! — вынес свой вердикт мудрый старшина. И добавил:

- <Вырезано цензурой> и что б <вырезано удивлённой цензурой>! Вы <вырезано цензурой>, <вырезано потрясённой цензурой> в <вырезано цензурой> с <вырезано ухохатавающейся цензурой>, на!

— И запомните, < вырезано цензурой: опытные цензоры были восхищены, вырезанный кусок вставили в рамочку, и куда-то утащили>, на!!

Старшина остановился на полминуты, дух перевести. Лицо его от усердия залилось здоровым румянцем, словно старшина только что не выговор подчинённым делал, а дрова рубил на морозе.

— Я вот, кое-что вам, соплежуи, скажу, чисто по-отечески, на будущее, которого у вас, бациллы безмозглые, нету никакого, на! — пообещал старшина, и тут же исполнил угрозу — сказал:

<а тут главный цензор прослезился, заявил: — «теперь я слышал всё!», и вырезал половину главы>

— Вон пшли, на <и тут немножко вырезано благодарной цензурой >, я сказал!

Подбодренные таким отеческим напутствием, Константин и Виктор постарались поставить рекорд по спешности убегания от начальства — пока оно, грозное, но справедливое, отдышавшись, не обнаружило в своём богатом запасе воспитательных выражений неиспользованные ещё обороты речи.

Ловко проходя виражи в полной невесомости парни влетели в указанную шлюзовую, и, подбадриваемые отголосками гнева своего старшины, доносившимися им вслед по коридору, выпрыгнули в космос, едва успев застегнуть скафандры.

* * *

«Шваброй» дефектоскоп называли за некоторое сходство с древним примитивным орудием неквалифицированного физического труда. И сходство тут заключается не столько в длинной прямой ручке, сколько в технике использования инструмента. Долгие часы... отставить, не так надо. Невероятно долгие, убийственно утомительные часы Виктор и Константин возюкали «швабрами» по обшивке огромного броненосца, изнывая от адских мук жестокого похмелья. Проверjali, понимаешь ли, материал обшивки на утомление и плотность механических напряжений с помощью дефектоскопов. Вдвоём. Снаружи, разумеется, в открытом космосе. В тяжёлых боевых скафандрах. Один бок ощутимо припекает Альфа Топураг, а другой бок ощущает прикосновение вечности, ага, с температурой около абсолютного нуля.

А знаете, что было в этой пытке самым мучительным? Старшина — жестокий деспот — заблокировал им связь! Оставил только один канал с ним самим — со старшиной. И каждый неосторожный вздох мученика мог спровоцировать новые едкие комментарии старшины. Вроде такого, например:

— Я тебе сдохну, глиста палубная! Посмей только сдохнуть в казённом скафандре, во время несения наряда, и я лично провожу твою <пик-пик> душу по кругам <пик-пик-пииик> ада! Ад вздрогнет, на!

Невозможность высказать всё наболевшее, и тем хоть немного облегчить страдания, тяготила бедолаг сильнее похмельного синдрома, тяжёлого скафандра, и нудной, скучной, муторной, однообразной работы.

Виктор от этого ощущал почти физическую боль в гортани, а от спазмов челюстных мышц у него даже зубы болели.

Удивительная, трогательно прекрасная планета в сияющем ожерелье звёзд висела над головой издевательским напоминанием о вчерашнем празднике. Обидно было практически до слёз. Но космонавты не плачут. А военные не обижаются. Не умеют.

Военная служба довольно быстро делает из человека практикующего философа. Тут «на обиженных воду возят», и не только воду, и не только возят, так что бессмысленность и иррациональность такого неправильного, неуставного чувства, как обида, доходит быстро. Так что — нет, Виктор не обижался, что вы! Просто что-то нет-нет, да вдруг накатывало какое-то детское чувство, наивное, горькое как слёзы, и острое как нож.

Ведь, взглянуть если на дело объективно: внезапную проблему с крайне раздражённым клиентом он решил? Решил! Причем — быстро и эффективно. Здоровья собственного не пожалел, между прочим! Пострадал при исполнении долга за благо родного старшины! И что герой теперь имеет от этого самого старшины? Вот-вот! Но Виктор не станет обижаться — не первый же год в космофлоте!

Позитивное мышление становится для военного человека залогом выживания. Как и умение быстро скинуть возникшее в нервной системе напряжение незлобивым матерным словом, дабы восстановить хладнокровную сосредоточенность, необходимую для эффективного исполнения воинского долга. А вот поди ж ты — приходится молчать!

Виктор остановился, поймал губами кончик трубочки, втянул глоточек водицы, выдохнул эдак смачно, протяжно, и позволил себе на минуточку залюбоваться планетой. Потом пригнулся осторожненько к обшивке, достал из-под манжеты левого сапога кусочек заточенного железа, и аккуратным, каллиграфическим... не, каллиграфическим — это слабовато, художественным — во! — шрифтом нацарапал на броне всё, что думал об одном конкретном старшине. Нет, ну, не всё, конечно — всё бы не влезло на обшивку броненосца. Выжимки самые — самую, понимаешь, суть изложил. Коротко, но очень ёмко. Нет, он, конечно же, не станет обижаться ни на старшину, ни на судьбу — чай, не ребёнок же!

— Чего стоим, я не понял? — рявкнул в наушниках голос старшины.

— Блюю, товарищ старшина! — нарочито бодро доложил Витёк.

— Я ж тебя языком заставлю скафандр казённый вылизывать! — рявкнул голос, несколько потяжелев в децибелах.

— Я внутри себя блюю, товарищ старшина! — доложил Витёк.

— Одобряю! — невозмутимо отреагировал голос, и распорядился: — Продолжай на ходу, не отвлекаясь от работы!

— Есть продолжать на ходу! — вздохнул Витёк, доковырял последнюю завитушку, устало разогнулся, и с чувством хорошо исполненного долга неспешно пошагал дальше, оглаживая «шваброй» обшивку вокруг себя.

Друг Константин сбился с курса, заложил кривой вираж, и вышел к свежей надписи. Остановился, прочитал вдумчиво, с чувством, но — молча, про себя. Перечитал ещё два раза,

восхищённо поцокивая языком на самых смачных оборотах, хмыкнул многозначительно. Оценил. Да. И пошёл, наконец, к своему участку так же неторопливо и с почти таким же облегчением, что и Витёк.

Вацлав Бондски: Чужой среди своих

Система Топураг-2, орбита планеты Топураг, флагман флотилии

Срочное совещание проходило в виртуальном пространстве: аватары офицеров (строго по инструкции: условные фигуры соответствуют званию, должности, текущим задачам и сектору ответственности, но никакой личной информации), степенно плыли в космосе среди звёзд, над кораблями эскадры четвёртого флота. Фигурка орбитальной станции над планетой выделялась ярким красным контуром.

— Докладывайте! — не теряя времени, едва подключившись, сразу же скомандовал генерал-майор из отдела контрразведки Генерального Штаба.

— Предполагаем диверсию на одном из кораблей четвёртого флота в ближайший час, — доложил капитан первого ранга, начальник разведки четвёртого флота.

— Это я уже слышал. Подробности?

— Доложили по взаимодействию безопасники орбитальной станции «Топураг»: задержан без документов, предположительно, наш новенький лейтенант, только что из училища. Личность проверяется, запросы отправлены. Гипотеза о ненамеренной утере нам не интересна. А на случай, если ему помогли потерять предписание, мои люди запросили орбитальную станцию. Выяснилось, что кто-то уже успел отметить с тем самым утерянным предписанием несколько часов назад. Неизвестный прошёл регистрацию на шаттл, и уже покинул станцию.

— Куда же он направляется?

— Посадочный талон до нашего флагмана. Но наивно полагать, что диверсант отправится туда же, куда зарегистрировал посадочный талон.

— Какие ещё у вас доводы в пользу гипотезы о диверсии?

— Противник не может не понимать, что мы узнаем о нелегальном проникновении. Проверить личный состав, и отыскать нелегала не представляется сложным. Значит, это диверсия. Что-то другое требует либо больше времени, либо более надёжного сокрытия факта проникновения.

— Принято. Ваши действия?

— Разумеется, перехватим наглеца. Но сейчас флот пополняет личный состав, у нас «день призывника», на бортах имеются гражданские, есть представители прессы.

— Нужно всё сделать тихо, — кивнул генерал. — Это может вас замедлить. Какие намечаются выводы?

— Мы пока... — капитан первого ранга несколько растерялся.

— Принято, — кивнул генерал, — Ловите диверсанта, и постарайтесь защитить гражданских. Доложите о результатах, и о выводах. Товарищи офицеры! — и генштаб отключился.

— Товарищи аналитики, ваши соображения, — пригласил капитан первого ранга к обсуждению присутствующих офицеров разведки флота.

Оперативное совещание продолжилось, а наш Вацлав, не подозревавший о том, какая из-за него поднимается суматоха, тем временем хлопал глазами прямо перед дверью отдела разведки штаба эскадры, где сидели все эти аналитики, и спорил с дежурным: Бондски очень

хотел войти, наконец, туда, но дежурный стоял насмерть:

— Не положено! — в очередной раз отрезал дежурный. — Совещание у них. Срочное!

Понимать надо!

— Так, а как же мне-то быть? — недоумевал наш простодушный фермер.

— Через вахту приходи — все будут.

— А это как?

— Это завтра, шляпа, — хмыкнул дежурный.

— Но где же мне до завтра быть?! — возмутился Вацлав.

— Слушай, друг, — дежурный, похоже, начинал терять терпение, и, видимо, решил сменить тактику, — ты меня тоже пойми! Мне-то откуда знать, где тебе быть всё это время? Станный ты человек!

— Ну, так давай, я тут подожду, — снова предложил наш бедолага.

— Не положено! — снова не разрешил дежурный.

— Тьфу ты! — от огорчения Вацлав изобразил плевков. Только изобразил — отец воспитал его человеком, воздерживающимся от плевков! Честное слово! Но:

— НЕСМЕТЬ! — взвился дежурный, враз потеряв самообладание, — Не смей плевать на палубу, шлёндра планетарная!

Вацлав от неожиданности дёрнулся, а поскольку в этот самый момент он собирался развернуться, что бы покинуть негостеприимную приёмную, а дело происходила — просто напоминаю — в полной невесомости, то от этого невольного взбрыка получился у нашего фермера весьма неразумный кульбит, и бедолага пребольно ударил мизинец на левой ноге.

Вацлав взвыл от боли. Дежурный несколько растерялся, но быстро совладал с собой, а секунду спустя и вовсе расцвёл улыбкой — ему удачная идея в голову пришла — он придумал, как избавиться от этого досадного посетителя:

— Медчасть! — сиреной взвыл дежурный. Вацлав вздрогнул, и только чудом не отшиб себе ещё что-нибудь. На крик дежурного откуда-то выдвинулся гибкий манипулятор, аккуратно зафиксировал бедолагу Вацлова, и утянул в какую-то резиновую кишку.

— Дурная это примета — на палубу плевать! — успел сообщить дежурный вслед Вацлаву.

Пневматическая кишка доставила нашего фермера точно в медблок. К нему тут же подскочила девушка в медицинском халате с проникновенным, полным пугающе искренней радости возгласом:

— Раненый!

Девушка была невысокая, плотно сбитая, округлая вся, и очень шустрая. Здоровый румянец на щёчках, задорный курносый носик, и горящие азартом глаза. Ураган милоты налетел на беднягу, норовя ощупать суставы и кости. Все разом. Вацлав обмер. Ему проникновенно заглянули в глаза, сверкнув туда маленьким фонариком. И тут же укололи палец анализатором крови. И пару раз ткнули пальцами в живот.

— Какой ты... зелёный, бедняга! Щас всё вылечим! Миленький, потерпи! — с жаром заверила бедолагу эта... маньячка.

— Со мной всё в порядке! — взвыл Вацлав.

— Пациент! — докторша враз стала строгой: — Это доктору решать! Не занимайтесь тут любительской самодиагностикой!

— Что тут у нас? — поинтересовался кто-то скучающим голосом. Вацлав оглянулся. В помещение входил, мерно постукивая магнитными подошвами по потолку, долговязый

мужчина в медицинском халате. Руки в карманах, на тонко очерченном лице выражение глубокой задумчивости. Но не как у человека, напряжённо решающего сложную задачу, а скорее, как у замечтавшегося над скучным уроком школьника.

— Настоящий раненый! — объявила девица.

— Поздравляю, — без всяких эмоций произнёс мужчина так, что было не понятно, кого именно он поздравлял: докторшу или Вацлава?

— Я только палец ушиб! — робко протестовал Вацлав.

— Ложный вызов?! — как-то нехорошо поинтересовалась докторша. Очень нехорошо. И превратилась из очаровательной и милой в очень злую. — Сознательный срыв работы медицинского персонала на борту боевого корабля в ситуации повышенной боевой готовности? Под трибунал захотел?

Вацлав судорожно сглотнул.

— А ну-ка, живо лезь в МОРГ, зар-раза! — приказала она Вацлаву, ткнув пальцем в какой-то люк: крышка со зловещими рычагами (один окрашен в яркую жёлтую полосу, а другой — в кроваво красный цвет), которая явно герметично закрывала что-то подозрительно напоминающее полноценный вакуумный шлюз, только размером поменьше, чем на том шаттле. Вацлав ошалело замотал головой.

— Не запугивай пациента, — как-то лениво проворчал доктор, словно ему уже до смерти наскучили регулярные акты насильственного запихивания здоровых людей в камеру морга. К счастью, мужчина снисходительно объяснил Вацлаву, лениво кивая на зловещий люк: — Это многоцелевой медицинский анализатор организма. Остряки местные сократили до «МОРГ»: «М» — от «медицинский», «ОРГ» — от «организма». Полезайте, страдалец В! наш, ничего не бойтесь! Сейчас мы ваш палец посмотрим.

— Чик — и не больно! — тут же отозвалась докторша, и добавила, неизвестно к чему: — Сейчас синтетические органы почти не отличить от настоящих.

— Мне мои органы дороги! — возразил Вацлав, — Как память о родителях!

Докторша внезапно фыркнула, и тут же, не сдержавшись, рассмеялась, и смех у неё оказался звонкий, мелодичный, и заразительный. Вацлав даже заулыбался невольно. Мужчина же только флегматично пожал плечами:

— Вот с ними Вам и предстоит дальше мучиться, — успокоил он. — Я сомневаюсь, что Ваша страховка потянет наши услуги по замене органов на военную синтетику, — и, глядя, как Вацлав нерешительно мнётся, добавил: — Полезайте уже, у нас вахта заканчивается скоро.

Вацлав печально вздохнул, прикинул, что ему всё равно пойти некуда, и непонятно где болтаться до завтра, и послушно полез в МОРГ. В смысле: в анализатор организма. Медицинский и многоцелевой.

— Эй! Инфор свой тут оставь! — прикрикнула на него докторша. — Там он испортится, и нам анализы испортит.

Парнишка послушно протянул ей свой инфор, и залез, наконец, в камеру анализатора. Там было... никак: смотреть не на что, делать нечего.

— Будет немного щекотно, будто комарик укусил, — ласково напутствовала его докторша, закрывая крышку. — Ну, стайка комариков. Размером с птичку каждый. Расслабься!

— Меня Вацлав зовут! — вдруг решил представиться Вацлав. Оказалось, доктора его прекрасно слышат и при закрытой наглухо крышке. И он их тоже прекрасно мог слышать,

как оказалось.

— Ага, ага, — откликнулась девушка.

— Нам пофиг, — флегматично произнёс мужчина, и снисходительно пояснил: — аппарат снимет всю биометрику, пробыёт по базам, и внесёт в протокол.

— Кстати, коже лучше вернуть естественную пигментацию, — очень некстати заявила докторша.

— Это зачем? — возмутился было Вацлав. — Мне нравится моя зелёная кожа. Она мне, между прочим, денег стоила.

— Просто послушай доброго совета, — ответила медик, — я не знаю как там у вас на Топураге, но на службе в космофлоте тебе данная модификация не понадобится. А так сильно выделяться среди личного состава — оно тебе надо? С другой стороны, до окончания твоего контракта эта зелёная кожа и так не дотянет, отшелушится. Так что ты ничего не теряешь, расставайся с ней смело!

Вацлав призадумался. Нет, не о зелёной коже. О сроке своего контракта. Память никак не желала сообщать, на сколько лет был тот контракт. Это немножко пугало. Вацлав пытался успокоиться. Не мог же он, в самом деле, подписать контракт на слишком долгий срок! Даже в пьяном бреду — не мог! Это было бы уж совсем невероятно. Невероятно скверно. Нет, нет, Вацлав тут ненадолго! Ну не до пенсии же летать ему среди... ой! — тут в памяти всплыла фраза: — «Кстати, друг, а ты вообще в курсе, какие у космофлотцев пенсии? Вот! Неча думать, подписывай!»

Вацлав обмер. Холодный ужас сковал его сердце, и оно пропустило удар.

— Мы его теряем! — взвизгнула медичка.

— Отставить помирать, пациент! — с каким-то снисходительным вздохом отозвался флегматичный доктор. — Вашей модификации кожи даже в рекламе обещают всего три года, так что пять лет контракта она точно не протянет.

Вацлав с облегчением выдохнул. Пять лет! Это гораздо меньше, чем до пенсии! Оно, конечно, тоже приличный кусок жизни, но если подумать, то как раз между звёзд полетать, мир посмотреть, да домой вернуться.

Парень покрутил в голове эту мысль и так и эдак — полетать, мир посмотреть, — и решил, что будет относиться к этому, как к приключению. Ведь отправиться в путешествие, что бы мир посмотреть — звучит гораздо оптимистичнее, чем, скажем: — «спяну записался в матросы на космическую каторгу».

— Доктор, а, скажем, можете вы ноги мне дополнительной парой рук заменить? — задумчиво спросил Вацлав минут через десять скучного лежания в МОРГ. Его волновало то, как его примут на его новой службе, как он сможет вписаться в коллектив, и на фоне этих волнений припомнился рассказ попутчика Олега о дополнительной паре рук. Олег сказал, что продвинутые челы ставят себе вместо ног ещё одну пару рук — чтоб в невесомости работать было удобнее. Вот Вацлаву и подумалось, что если он сделает себе такую коррекцию, то смотреть на него станут, как на продвинутого чела.

— Шутишь? — почему-то возмутилась девушка, и тут же пожаловалась, вероятно, коллеге: — Вот, полюбуйтесь! Я жилы рвала, что бы в космофлот попасть! А эти — что? Шутят! Все паталогически здоровые, как... как не знаю что! А мне практику наработать надо, между прочим! А им — только шутки хохотать!

— Технически, я не вижу в этом особых сложностей, — флегматичным голосом откликнулся мужчина доктор на вопрос Вацлава. — В сущности, это почти тоже, что

нарастить новый палец в замен повреждённого.

— Нет, палец не надо! Он уже не болит! — заверил их Вацлав. — Надо руки вместо ног
Для работы в невесомости.

— Хорошо, хорошо, пациент! Будут Вам руки вместо ног, — заверил его доктор.

— Да вы чего, двое, с наркотой экспериментировали? — возмутилась девушка, но флегматичный доктор её обернул:

— Глянь-ка в его медицинскую карточку, — услышал Вацлав, и пожалел, что только слышит, но не видит, что там происходит, снаружи.

— О! — услышал он удивлённый возглас девушки, — мы такое не вылечим...

— Да ты чего?! — одёрнул её доктор, и обратился к Вацлаву голосом, ставшим подозрительно заботливым: — Доктор Варя хотела сказать, что это дорогая модификация. Мы рекомендуем Вам оставить себе свои бесплатные ноги.

— Не волнуйтесь, господа доктора, — заверил их Вацлав, — деньги есть! Валяйте, режьте!

— Это... будет интересно! — заявила девушка напряжённым голосом, заметно дрогнувшим в начале фразы.

— Платёж лучше провести сейчас, пока мы на Топураге, — заметил Вацлав. Он знал — на счетах отца имеется вполне приличная сумма. Они с отцом были скромными фермерами, да. Скромными, но не бедными. Вацлав над этим не задумывался, как-то полагая, что хороший фермер не может быть бедным. А отец был хорошим фермером.

— Всё же, э... резать будем не сейчас, — задумчиво протянул доктор. — Сейчас у нас вахта закончилась. Придёте... позже. Я Вам сообщу, когда.

Сейчас Вацлав и задумался бы, а в действительности, могут ли обычные фермеры иметь столько денег на счетах? И припомнил бы, кстати, что обычные фермеры не представляются к боевым наградам. Мог бы задуматься, но — сейчас его целиком занимали неожиданные повороты собственной судьбы, так что было ему как-то не до абстрактных размышлений.

Витёк и Конста: Преступление и наказание 2

Опыт военной службы любого, даже самого далёкого от философии человека научает относиться к жизни поистине философски: если тебе плохо, вот даже совсем-совсем хреново, — это пройдёт! Ибо всё, что происходит под звёздами — лишь пустая суета, которая заканчивается быстро, и часто без особого смысла. Точно, как говаривал старина Екклесиаст. Просто продержись немного, стиснув зубы!

Да. Вот и штрафная вахта Виктора и Константина закончилась. Вернулись они оба на борт, доложились старшине, сняли скафандры (которые старшина тут же очень внимательно изучил на предмет возможной порчи казённого имущества, но придрататься ни к чему на этот раз не нашёл, и кивнул бедолагам благосклонно: — «Валите, на!»), и отправились — страсть сказать! — в душевую!

Блаженство! Кто не испытал настоящего кайфа, отмокая в душе/бане/сауне после долгого и тяжёлого физического труда — зря жил! Есть, конечно, и другие способы получать удовольствия, но всяческий химический суррогат счастья — лишь насмешка над счастьем настоящим, честным!

Душевая на космическом корабле, чтоб вы, мыши земляные, знали — это воистину роскошь! Ведь можно же просто обтереться влажными салфетками, и ты, считай, чистый. Можно эдаким специальным приборчиком по коже поводить — и верхний слой кожи испаряется вместе с грязью и микробами. А воды в космосе нет, набрать её там негде. Так что полноценное бултыхание в ласковых струях натуральной воды, с радостным фырканьем — это, скажу я вам, — реальная роскошь! И она у нас есть!

На всех крупных боевых кораблях космофлота есть душевые. Несмотря на. Ибо — надо! Тело — да, оно и обойтись может. Душе надо! В долгом боевом походе по отдалённым безжизненным пространствам, по-над мёртвыми планетами, вдали от всего, человеку родного и дорогого. Надо.

А вода — да — дефицит. Так что сперва салфетками, специальным очистительным раствором пропитанными обтираются, затем теми самыми лампами по коже водят, и только потом — чистые — в душевую установку залазят.

Душевая установка на космическом корабле — это и близко не то, что представляется «шляпам» с поверхности! Космическая душевая установка — сложный инженерный комплекс, сияющая вершина технической хитрости! Работает и в полной невесомости, разумеется. А ощущения...! Короче: такого кайфа на планетах не бывает! Эдакая водная процедура творит с усталыми, измотанными и физически и психологически людьми настоящие чудеса!

Вот и Виктор с Константином вылезли из душевых кабин счастливые — до щенячьего визгу! Мурлыкали бы, если бы умели. А так — только бессмысленные радостные улыбки до ушей, и мечтательные взгляды в никуда.

Старшина сильно задержал парней, так что сейчас время их смены подходило к отбою, и по этой причине душевая пустовала. Да, боевой космический корабль никогда не спит. Условные сутки тут разбиты на смены так, что когда у одной смены в разгаре день, у другой — условная ночь, Третья уже просыпается, а четвёртая отдыхает после вахты. Если одна смена спит, а другая толи уже легла, толи ещё не встала — всё равно в случае тревоги имеем бодрствующими минимум половину личного состава.

— Ну, я лично — спать! — блаженно улыбаясь, сообщил товарищу Константин.

— Пф! А я в бар, и по девкам! — объявил Виктор. Это был сарказм, конечно. Виктор имел в виду, что выбор, чем теперь заняться, у парней отсутствовал.

— Ну, кто о чём, а у тебя одно на уме! — проворчал на это его друг.

— Чего это?! — нехотя возмутился Витёк, с подозрением косясь на товарища. — На что это ты намекаешь?

— Я? Напекаю? Что ты! Тебе показалось! Я не намекаю вовсе, — отмахнулся Костя. — Я прямо открыто говорю: не успели мы из одной неприятности выбраться, а тебя уже тянет новые приключения искать! Словно свербит у тебя шило в попе! — укоризненно закончил он.

— Да сам ты — попа! — возмутился Витёк, и вдруг звонко шлёпнул мокрым казённым полотенцем друга по упомянутой части тела. Константин взбрыкнул от неожиданности, и улетел в дальний угол — невесомость же, — где смачно впечатался — будто мокрую тряпку в стену кинули.

Не успел развеселившийся от такого зрелища Виктор расхохотаться, как Костя сгруппировался, оскалился, и бросился на него! Между приятелями завязалась битва на мокрых полотенцах! Азарт, ловкость, навыки ориентации и перемещений в пространстве в условиях полной невесомости! Смачные шлепки, обиженные вскрики, и хохот!

И всё бы было весело, не зайди в этот неподходящий момент в душевую усталый после затянувшейся вахты старшина. Возможно, всё же оно всё бы обошлось как-нибудь, не налети в пылу боя на старшину голый Константин, и не попади старшине в лицо мокрое полотенце Виктора.

М-да, нет, не обошлось. Что тут дальше началось, я, щадя мои и ваши нервы, пересказывать не буду. Вы когда-нибудь попадали в настоящий шторм? Землетрясение, цунами, обвал акций на бирже, Армагеддон, или Рогнарк? Вот, примерно похоже, только в исполнении сурового старшины космофлота.

Опыт военной службы научает человека относиться к жизни поистине философски: если тебе плохо, вот даже совсем-совсем хреново, — то, во-первых, это пройдёт. А во-вторых: а ты уверен, что тебе так уж хреново? Да? Зря! Будет гораздо хуже — поймёшь, что было не так уж и плохо!

Арита́йя: Вещи́й сон

— Тинь-дилинь-тинь — мелодично и нежно-нежно позванивали хрустальные друзы над распахнутыми окнами кофейни «Вишнёвое настроение». Мерно колыхались тончайшие завесы из воздушного шёлка медового шелкопряда.

Арита́йя сбавила шаг, раздумывая, не зайти ли на чашечку чего-нибудь лёгкого, и бодрящего, эдакого, аромагического. Увязавшиеся за ней от самого дома щенки тумана проскочили мимо, забежали вперёд. Завертелись, играя, привлекая к себе её внимание.

— Мне надо сходить на рынок, — сообщила им Арита́йя, — и уж на этот раз я обязательно дойду!

Она сказала скорее себе самой, чем игривым щенкам тумана или раскрытым окнам кофейни, откуда доносился тонкий манящий аромат с нотками чего-то мятного. Сказала, и взглянула на Праздное Мерцало. Оно уже заняло треть неба — огромный диск, переливающийся невероятными цветными сполохами, слегка затуманенный атмосферой.

Праздное Мерцало — это почти выгоревшая карликовая звезда. Сейчас она медленно сжимается, и будет сжиматься ещё миллиарды лет. Из-за этого сжатия на поверхности звезды постоянно что-то лопается и взрывается, словно кто-то насыпал туда бенгальских огней. Ни жара, ни света, так — праздничная иллюминация одна. Одно хорошо — близко, так что на планете тепло. И кислорода тут много. Местами даже слишком много, поэтому Город расположился неподалёку от гейзеров, регулярно фонтанирующих не только горячей газированной минеральной водой, но и углекислым газом. А то известное дело: избыток кислорода действует на нервную систему возбуждающе. В Городе и так карнавалы и фиесты, считай, не прекращаются — только затихают иногда, дух перевести.

Сейчас Мерцало заняло уже полнеба, значит, скоро хрустальные горы Звёздного Рога начнут петь. Арита́йя слышала, будто бывают поющие пески. Слышала, но..., ну, понимаете, сомневалась немножко: откуда у песков музыкальный слух? Да и диапазон, надо полагать, бедноват должен быть. То ли дело — горы хребта Звёздного Рога! Состоящие больше чем на треть из горного хрусталя, в нежарких лучах Праздного Мерцала горы согреваются, и горный хрусталь начинает звенеть на диво мелодично и просто невероятно разнообразно! Скоро начнётся! В честь этого чуда природы и вся планета называется планетой Поющих Гор.

Арита́йя улыбнулась проказам щенков тумана, и пошла себе не спеша к рыночной площади. А куда ей спешить? Если говорить совсем честно, на рынок ей идти нет нужды. Это просто повод прогуляться.

Щенки тумана тоже почуяли, что Мерцало поднимается, вильнули хвостиками обиженно — дескать, мало с нами поиграла, тряхнули развесистыми своими ушами расстроено, и потекли в тенёк. И правильно — им пора бы убираться в Пропась, а то, не ровен час, растают. Пропась сразу за домом Арита́йи, вернее, это дом Арита́йи стоит на самой окраине Города, на краю Пропати. И там внизу, в Пропати — живёт туман. Вечерами туман поднимается к самому краю, и тогда из него в сад, что вокруг дома, приходят щенки тумана. Они не опасны, только могут мокрые следы по дому наследить. Зато пока те следы высыхают — в доме пахнет так чудесно, сразу и не поймёшь, чем: немножко кислицей, немножко сырой травой, немножко морем — которого на этой планете и вовсе нет.

А вот и Городской рынок — место где всегда можно встретить старого друга или

интересного незнакомца. Можно услышать новости с далёких звёзд, и песни соотечественников, что доносит сюда дальняя межзвёздная связь, или привозят нечастые караваны.

Вот и Городской рынок. А навстречу ей идёт капитан Абуксигун! Увидел — улыбнулся радостно, широко, и чуточку даже облегчённо.

— Аритайя! Как хорошо, что ты меня слышишь! Я уж, ты прости, почти потерял надежду. Фиане умирают, Аритайя. Рядом хищники...

* * *

Аритайя проснулась резко, рывком, с колотящимся от испуга сердцем, и не сразу поняла, где находится. А находилась она в своей капсуле на борту космического корабля «Песнь-о-доме». В капсуле было темно и тихо.

Ой! Аритайя вдруг поняла, что ей уже снился сон о Планете Поющих Гор! И это чувство тревоги — опять оно! Но на этот раз девушке удалось запомнить голос капитана Абуксигуна, и сердце её тревожно заныло: а что если «Смелый свистун» действительно подбит, и там сейчас — вот прямо в эту минуту — умирают фиане? Это ужасно!

Решившись, девушка открыла люк капсулы, и поплыла к рубке управления.

В рубке её встретил капитан. Он что-то обсуждал с главным инженером, оба выглядели уставшими. Как только Аритайя вплыла в рубку, капитан обернулся к ней, смерил взглядом с головы до кончика хвоста — хвост девушки нервно дёрнулся, а капитан осмотром остался не доволен, нахмурился.

— Второй офицер наблюдения! Выспалась? — спросил строго.

— Э... да. Наверное, — ответила Аритайя, ясно ощущая и переживая недовольство капитана, как своё собственное.

— Вижу, что не выспалась, — кивнул капитан Нелнишнош. — У нас на корабле всего два офицера наблюдения. А нас сейчас выслеживают хищники. Как ты думаешь, Аритайя, можем мы себе позволить усталого и не выспавшегося наблюдателя на вахте? Ты зачем на обшивку выходила? Без тебя найдется, кому на обшивке работать. Ты нужна на посту! Не сонная, а отдохнувшая!

— Виновата, капитан, — девушка смутилась, закусив губу, и не знала, куда девать руки и глаза от стыда. Капитан ведь прав. Да, когда вчера все с таким энтузиазмом взялись за работу, ей было сложно остаться в стороне, но она должна была прежде всего помнить о своих прямых обязанностях и ответственности.

— То-то! Займи своё место, — кивнул ей капитан.

Но Аритайя пошла не к своему месту, а к месту первого наблюдателя.

— Всё пока тихо, отметок нет, — сообщил было ей Ахутехоут, то восторженно, почувствовав её тревогу и озабоченность: — Слушаю, рассказывай.

— Во сне я слышала голос капитана Абуксигуна, он говорил, что их корабль подбили, и они умирают, — сбиваясь, принялась рассказывать ему девушка.

— А что ещё было в том сне? Что-нибудь пугающее, гнетущее? Плохое место, может быть? Опасность?

— Нет, ничего такого, — Аритайя помотала головой, — в том сне всё было хорошо. Даже очень хорошо. Мне снилось, будто я живу на планете Поющих Гор.

Ахутехоут задумался.

— А ты жила там? Встречалась, быть может, с капитаном Абуксигуном? — спросил задумчиво.

— Нет, что Вы. Я была там в гостях, не долго.

— Что ж, — Ахутехоут закрыл глаза, взял Аритайю за руку, и надолго задумался, прислушиваясь к чему-то. Девушка постаралась расслабиться, открыть разум, и вспомнить свой давишный сон. Наконец опытный сенсорик отпустил её руку, заговорил мягко, осторожно подбирая слова:

— Способности сенсорики во сне, случается, усиливаются. Ты талантливый сенсорик, Аритайя, и если «Смелый свистун» действительно терпит бедствие где-то за пределами чувствительности наших с тобой способностей, ты вполне могла услышать капитана Абуксигуна во сне. Но вот что меня смущает: будь это так, твой сон был бы наполнен тревогой, печалью, мрачными образами. А ты говоришь, что этого не было.

— Я не знаю..., - Аритайя расстроилась.

— И я заподозрил, что это может быть не попытка Абуксигуна позвать тебя, а твоя тревога за того, кто тебе дорог. Понимаешь?

— Нет, что Вы! Я же..., - девушка растерялась и не нашла слов. Опытный сенсорик явно намекал на влюблённость. Она готова согласиться — влюблённые бывают такими глупыми! Влюблённой девушке вполне может почудиться любая чертовщина. Но ведь она не влюблена! Она же не... или? Ну, раньше было, но ведь...

— Не стоит так смущаться и расстраиваться, — мягко заговорил Ахутехоут. — Он видный молодой человек, с яркой харизмой. Ты красивая молодая девушка. Всё естественно.

— Я не... он же... Вы..., - Аритайя запуталась.

— Смотри сама, — Ахутехоут жестом пригласил её взглянуть на экраны приборов обнаружения. — Никаких подозрительных объектов в наших окрестностях нет. И не подозрительных нет.

— Но если разбитый корабль сейчас возле звезды, — рассудила девушка, — и он не хочет быть обнаруженным хищниками, то наши приборы его не увидят, ослеплённые излучением звезды.

— Если бы «Смелый свистун» был повреждён, и оказался бы так близко к звезде, он бы был в опасности, понимаешь?

— Он сказал, что они умирают, — вспомнила Аритайя.

— Тем более, — кивнул Ахутехоут, — тогда их зов должен быть наполнен страхом, болью, грустью, печалью, понимаешь? Что угодно, но не весёлые щенки тумана, или цветущие птицы кварках. Понимаешь? Я знаю, что Абуксигун — смелый парень, бравый капитан. Даже дерзкий подчас. Допускаю, что он не захочет пускать в свои мысли, в свою душу страх и панику. И передавать их через свой зов тебе. Но даже так, не станет же он специально посылать тебе всякие весёлые образы, все эти резвящиеся щенки, пушистые вертушинки, цветущие птицы, и поющие хрустальные горы!

Аритайя кивнула, соглашаясь, но на душе стало так грустно, что даже, кажется, слеза выступила в уголке глаза. Девушка потупила взгляд, и отвернулась, скрывая слезинку. Просто рефлекторно, ведь её собеседник — одарённый сенсорик — от него спрятать чувства не получится.

— Сделаем вот как, — предложил Ахутехоут, серьёзным, деловым тоном, как пристало первому офицеру наблюдения, — будем внимательнее сканировать окружающее

пространство. Да? На случай, если вдруг где-то рядом действительно прячется от хищников подбитый «Смелый свистун». Хорошо?

— Да, — кивнула Арита́йя.

— Тогда принимай вахту, и приступай, — и Ахутехоут ободряюще улыбнулся ей.

Арита́йя заняла свой пост. Ахутехоут свой наоборот — оставил, и отправился отдыхать.

Капитан и главный инженер, бывшие свидетелями разговора двух сенсориков, молчали.

Время шло, главный инженер сдал вахту инженеру связи. Сменились на вахте пилоты.

Капитан молчал как-то тяжело и задумчиво. Как-то так многозначительно и мрачно молчал.

Так что и остальные в рубке невольно старались лишней раз не шуметь.

Арита́йя внимательно следила за показаниями сканеров и сенсоров, обдумывала способ как-то просканировать пространство около звезды, что бы при этом не выдать себя хищникам. Может, использовать систему активного подавления излучения? Её секрет, как выяснилось, теперь известен хищникам, но ведь от этого она не перестала функционировать, да? А можно как-то использовать лазеры связи? Что, если попытаться нащупать их лучами повреждённый корабль? Глупо, конечно: сектор слишком велик. И хорошо: было бы такое возможно — хищники бы сейчас нащупали их самих. Но занимаясь всем этим, девушка нет-нет, да и поглядывала на капитана, пыталась почувствовать, угадать, что у того на уме.

Наконец, капитан Нелнишнош заговорил:

— Не стал бы. Не стал бы, если бы не хотел специально что-то этим сообщить.

Остальные и вовсе не поняли, и Арита́йя не сразу сообразила, что капитан продолжает фразу первого офицера наблюдения: — «Я допускаю, что Абуксигун — смелый парень, бравый капитан. Но даже так, не станет же он специально посылать тебе всякие весёлые образы, все эти цветущие птицы, и поющие хрустальные горы!». Не стал бы, если бы не хотел этим что-то важное сказать! Да!

Но что такое Абуксигун хотел передать? Ведь не может же он быть сейчас на планете Поющих Гор! Во-первых «Смелый свистун» туда бы не допрыгнул за один прыжок. А во-вторых, был бы он сейчас на планеты Поющих Гор, это не было бы бедствием. Тогда на что намекал капитан Абуксигун?

Арита́йя ещё раз, очень тщательно перебрала в голове всё, что помнила из обоих своих снов. У неё не сходилось. Лишь несколько вещей совпадало в обоих снах, и это были крупные вещи: планета, горы, звезда. Ах, да, и голос капитана Абуксигуна. Ой, ещё она сама, и её стремление дойти до городского рынка. Ну, да, ещё хрустальная друза повторилась в обоих снах. Кажется всё. Остальные детали различались.

— Хрустальная друза. Рынок. Планета Поющих Гор. Звезда, — перечислила глубоко задумавшаяся девушка вслух.

— Звезда Праздное Мерцало, гаснущий красный карлик, — проворчал капитан, а потом вдруг сильно изменился в лице, даже хлопнул в ладоши! И так резко встал, что вылетел из своего кресла. Но привычно сгруппировался, ловко развернулся, щёлкнули магнитные подошвы, и капитан встал на потолке вниз головой, как ни в чём не бывало. Впрочем, в невесомости ведь нет ни потолка, ни пола.

— Первая планета! — громко объявил капитан. — Планета Поющих Гор — первая в системе Праздного Мерцала, ближайшая к потухшей звезде! И это единственная из всех первых планет, которая сильно запала в твою память, Арита́йя! Ещё бы! Она единственная из всех первых планет обитаема! Потому что Праздное Мерцало гаснущая звезда, и в её системе только на самой близкой планете достаточно света и тепла!

— Капитан Абуксигун хотел сообщить, что «Смелый свистун» находится на первой планете! — подхватила Ари тайя. — Надо лететь к первой планете, и спасти фиан!

Капитан крикнул, аккуратно слетел с потолка, вздохнул устало, и возразил ей:

— Если мы запустим двигатель сейчас, нас тут же обнаружат хищники. А так дрейфовать нам ещё больше недели. Только через неделю мы сможем запустить реактор и маршевый двигатель, надеясь, что излучение звезды заглушит наше излучение, и хищники нас не заметят.

— Они могут столько не прожить! — ужаснулась Ари тайя.

— Могу ли я рисковать всеми вами? — мрачно спросил её капитан. — И вами и ими! Если хищники поймают нас, то и «Смелому свистуну» не спастись. К тому же, остаётся вероятность, что твой сон — всего лишь твой сон. Что, если «Смелый Свистун» сейчас летит к далёким звёздам? Хороши же мы будем, с этой спасательной миссией! Тут надо крепко подумать!

И капитан Нелнишнош в глубокой хмурой задумчивости покинул мостик. Ари тайя тяжело вздохнула, возвращаясь к приборам и своим тревожным мыслям.

А через час по общей связи раздался уверенный голос капитана:

— Внимание в отсеках! Друзья! Прошу вас выслушать меня внимательно. Есть основания полагать, что где-то на первой планете этой системы потерпел крушение корабль «Смелый свистун», подбитый хищниками у газового гиганта.

И капитан кратко, но чётко описал ситуацию: их талантливому, но не опытному второму офицеру наблюдения, Ари тайе, предположительно, удалось принять просьбу капитана Абуксигуна о помощи. Если Ари тайя не ошиблась, фиане на «Смелом свистуне» в большой беде, и долго не протянут. Однако сейчас нельзя полностью отрицать вероятность ошибки. Спасательная операция будет опасна: если «Песнь о доме» сейчас запустит двигатели, её наверняка обнаружит «Потрошитель Лазурного Берега». Сколько времени понадобится хищникам, что бы догнать «Песнь о доме» — не известно, но скорее всего, у фиан будет время, что бы дойти до первой планеты. Если «Свистун» будет обнаружен — «Песнь» сможет спасти фиан со «Свистуна», зарядиться от его накопителей, и уйти в прыжок. И даже если всё получится, за «Песней о доме» наверняка будет погоня.

— Я прошу вас, всех и каждого, крепко подумать, готовы ли вы рискнуть своими жизнями в сложившихся обстоятельствах. В этом походе с нами много пассажиров, к ним я обращаюсь: подумайте, посоветуйтесь. Я готов выслушать любого и каждого.

Вацлав Бондски: Шпионство

Благополучно выспавшись в «МОРГе», Вацлав, по пути из медчасти в штаб, всё гадал: правильно ли он поступает с этой модификацией? Ну, с заменой ног на дополнительную пару рук? Было у него какое-то смутное ощущение, что чего-то он не учёл. Какое-то смутное сомнение у него было. До сих пор на борту этого огромного корабля Вацлаву ни разу не попался человек с четырьмя руками. Оно, конечно, возможно предположить, что эти все — которые ему встречались — не относятся к «продвинутым челам». Ведь если судить по выставленному флегматичным доктором счёту, у рядового состава на такую операцию жалования явно не хватит. В конце концов Вацлав решил, что сейчас вот он на штабных офицеров посмотрит, и сомнения его развеются.

На этот раз дежурный был другой. Он, правда, тоже недовольным тоном поинтересовался, какого алиена Вацлав тут в гражданской одежде разгуливает, и, недослушав объяснений, любезно сообщил, где найти склад и интенданта. А потом потребовал коротко:

— Предписание!

— Вот, — Вацлав протянул серый прямоугольник пластмассы. Дежурный ловко просканировал его своим инфором, и тут же изменился в лице. Он стал быстро стучать пальцами по невидимым Вацлаву виртуальным экранам, явно отправляя кому-то сообщения, дверь перед Вацлавом открылась, и дежурный махнул рукой, буркнув:

— Проходи!

Вацлав мягко оттолкнулся от поручня, за который до сих пор держался, вцепившись обеими руками. Кстати, это не особо помогало. То есть сам Вацлав оставался на месте, но при этом почему-то ноги порывались куда-то уплыть, так что он вращался. Медленно, но неотвратно. Теперь он, уже наученный некоторым опытом перемещений в невесомости, мягко, осторожно даже, оттолкнулся от поручня, метя в проход, и даже попал. В косяк. Сделал вид, что так и было задумано, перехватился, и аккуратно вплыл в соседнее помещение.

Внутри находились несколько офицеров, полулежащих в схожих с пилотскими ложементами, и явно погруженных в дополненную реальность. Судя по красным огонькам в глазах, и по жестам, вокруг каждого было открыто куча виртуальных окон. Вацлав, разумеется, этих виртуальных окон не видел. А больше всего ему было жаль, что ложементы скрывают ноги офицеров, так что не видно — ноги там, или дополнительная пара рук. Дежурный, кстати сказать, тоже ниже пояса был скрыт от глаз пультом.

Едва дверь за ним закрылась, взгляды всех присутствующих заинтересованно обратились к Вацлаву. И смотрели они на него почему-то настороженно, и вообще как-то не добро. Вацлав смутился, и сдавленно поздоровался:

— Здравьете. Вацлав Бондски. Прибыл для... распределения к месту службы.

Офицеры удивлённо переглянулись.

— Почему по гражданке одет? — а Вацлав и не сомневался, каким будет первый вопрос.

— Формы нет.

— Где интенданта найти знаешь?

— Так точно. Первым делом, сказали — к вам сюда надо.

— Правильно сказали. Предписание?

— Вот. — Вацлав протянул предписание усатому дядьке. Дядька удивлённо переглянулся с другими офицерами, но предписание забрал.

— Так как, говоришь, твоё имя? — переспросил он.

— Бондски. Вацлав Бондски.

— И откуда же ты такой взялся, Вацлав? — поинтересовался другой офицер — лысый, с хитрым прищуром — сосед усатого.

— С Топурага, — честно признался Вацлав, совершенно не понимая, чего они так переглядываются. — Позавчера завербовался. Вчера прибыл на борт.

— Где скрывался? — нахмурился тут усатый.

— Я сюда вчера пришёл, так меня дежурный ваш прогнал, — заявил Вацлав, начиная уже закипать от всех этих их многозначительных переглядываний. Офицеры опять переглянулись. Лица у всех были очень удивлённые. Затем они все разом «ушли в виртуал» — пальцами шевелят в пространстве, как пауки лапками, глаза хаотично бегают по невидимым для других виртуальным экранам. И чего они там друг другу пишут в инфорах? Ишь, как пальцы мелькают по виртуальным клавиатурам. Раздражает!

— Верно! — воскликнул лысый, и почему-то многозначительно посмотрел на усатого. Тот под этим взглядом явно стушевался, и как-то смущенно поинтересовался у Вацлава:

— Ну, а был-то ты всё это время где?

— В «МОРГе», — сознался Вацлав, но видя, как вытянулось лицо усатого, поспешил уточнить: — в медчасти, в медицинском анализаторе лежал. — Тут лысый судорожно закашлялся, а усатый заулыбался.

— Значит, ты к нам служить пришёл? — спросил третий офицер — с проседью в короткой стрижке «ёжиком». Вацлава так и подмывало заявить: — «нет, я тут мимо проходил, посмотреть просто. Вы меня отпустите домой, я буду очень благодарен!» — но парень, конечно, сдержался.

— Я, вообще-то, не хотел бы навязываться... — сказал он, наконец. Лысый прыснул со смеху в кулак. Остальные опять принялись активно переглядываться.

— Ну, а что ты можешь? — поинтересовался седой, хитро прищурившись.

— Я же фермер! — заявил Вацлав, ни мало не смущаясь: — Я всё могу!

— Ну, тогда объясни, почему люки коммуникационных колодцев круглые? — спросил усатый. Вацлав почему-то решил, что над ним подшучивают, потому ответил так:

— Понятия не имею, но сдаётся мне, что какому-то городскому — это слово парень выделил с достойным истинного фермера лёгким пренебрежением — показалось проще на ватмане циркулем чиркнуть круг, чем по линейке многоугольник вычерчивать! Однако я так полагаю, что люди, любящие блеснуть остроумием, найдут убедительное обоснование любому решению.

— На самом деле, — протянул лысый с видом человека, повидавшего на своём веку множество круглых крышек на коммуникационных колодцах, — дело в том, что круглую крышку нельзя уронить в люк!

— Да ну? — искренне удивился Вацлав. — Так я вам вот что скажу: у нас на ферме четыре погреба: один прямо под домом, другой за цветником, ещё один в большом огороде, и один у четвёртого поля. И крышки там прямоугольные, потому что так строить проще. Проще в перекрытии организовать прямоугольную дырку, чем выкаблучиваться с выпиливанием кругляков. Так за всю историю фермы у нас ни разу прямоугольная крышка в

погреб не падала! Я вам больше скажу: у соседей то же самое! Готов на спор: организуем опрос фермеров всего Топурага...

— Не надо, — хмыкнул седой.

— Будь крышки треугольные, остроумные люди заявили бы, что треугольные крышки проще переносить, — Вацлав всё же оставил последнее слово за собой, — схватил руками за два угла, и неси! А квадратные проще складировать. А пятиугольные...

Все, кроме седого, весело рассмеялись.

— Ну, хорошо. Скажи мне, что вот это такое? — спросил седой, сделав характерное движение пальцами — данные со своего инфора переслал. Инфор Вацлава сам собой активировался, и развернул перед парнем какой-то сложный график: волнообразная кривая соединяла россыпь каких-то отметок. Разумеется, угадать, что это такое, Вацлаву в жизнь бы не удалось, так что он ляпнул первое, что пришло в голову:

— Похоже на банальную теорему Котельникова.

Разумеется, там было что-то конкретное, и это что-то было из области, явно далёкой от фермерства, но ведь и к иллюстрации теоремы Котельникова эта картинка тоже подходила! Вацлав мельком подумал, что любой сложный график можно обозвать банальной иллюстрацией какой-нибудь из фундаментальных математических теорий. Ряды Фурье, например, или ещё что-нибудь. Седой хмыкнул, брови лысого удивлённо выгнулись, а усатый воскликнул:

— О! А как вообще у тебя с математикой?

— До сих пор плаваю в некоторых специальных разделах теории множеств, и теории математических полей, — честно признался Вацлав.

Ни в какую школу он никогда не ходил. Отец сам учил его всему, что полезно знать и уметь толковому фермеру. Насколько Вацлав помнил, началось всё с операторного исчисления, и первыми операторами были такие игровые понятия, как «поверни» — они с отцом играли в кубик Рубека, «переложи» — забавные головоломки со спичками, «вращение», «поток». А банальное сложение и вычитание вводились чуть позже, как частные случаи операторов. А интегральные вычисления он осваивал на грядках с укропом, и в цветнике. Правда, были и серьёзные занятия — дистанционные курсы, которые отец ему сам подбирал.

— Я прослушал курс профессора Рофрана, — решил добавить юный фермер.

— Того самого Рофрана?! — очень удивились все, кроме, пожалуй, седого. Тот вообще с самого начала оставался совершенно невозмутимым. Собственно, Вацлав был солидарен с седым, и честно не понимал, чему удивляются остальные. Ему как-то в голову никогда не приходило поинтересоваться, чего стоит его обучение его отцу.

— Так! И где же ты хотел бы у нас служить, молодой? — строго спросил седой.

— Э... я готов отправиться на какой-нибудь наблюдательный пост на дальнем астероиде... только... по возможности, не очень что бы совсем уж дальнем, пожалуйста, — ответил Вацлав, подумав. Да просто он понятия не имел, куда тут у них можно проситься служить, а про пост на далёком астероиде Олег говорил, вот и... сказал, и замер, внутренне холодея — вдруг и в самом деле куда-нибудь в межзвёздные просторы на мёрзлый тёмный планетоид пошлют? Бррр!

— Так! У меня срочное совещание, а вы пока развлекайтесь, — заявил седой, и его ложемент закрылся.

Срочное совещание проходило в виртуальном пространстве: в космосе среди звёзд, над кораблями эскадры четвёртого флота. На этот раз присутствовали только двое: тот же генерал из отдела контрразведки генштаба, и капитан первого ранга, начальник разведки четвёртого флота.

— Здравия желаю, Сергей Филиппович, — поздоровался капитан первого ранга.

— Взаимно, Андрей Егорович, — отозвался генерал-майор. — Поймали, значит, диверсанта?

— Не поверите, товарищ генерал! Он сам пришёл.

— В смысле? Сдался?

— Никак нет. Представился по прибытию к месту несения службы!

— Эх! И кем же? Что, неужто в должности этого вашего молодого, у которого направление выкрали?

— Точно так!

— Ох! Наглые нынче диверсанты пошли, ты посмотри! В наше-то время, Андрей Егорович, такого безобразия не было!

— Да уж!

— И что, и что? Допросили?

— В самой мягкой форме. Со скрытым применением спецаппаратуры. Гнёт своё на голубом глазу! И ведь ни словом не соврал, зараза! Специальную подготовку не скрывал! Математическая подготовка, аналитический склад ума. Находчив. Психологически устойчив.

— О-очень интересно! Эх, мне бы взглянуть на голубчика!

— Представился как Вацлав Бокс... э... Бон-д-с-ки. Предъявил, не краснея, направление на совершенно чужое имя. Поинтересовался, куда мы его служить направим. Дескать, он готов на дальние астероиды.

— Ох, ты ж!

— Так точно!

— Ваши предположения, Сергей Филиппович?

— Версия с диверсией, полагаю, представляется маловероятной. Возможно, конечно, что парня используют вслепую...

— Это, конечно, хорошо, что диверсии не будет, но, знали бы Вы, Сергей Филиппович, какую замечательную информационную компанию на случай диверсии подготовили наши специалисты! Ночь не спали, вкалывали как алиены! Замечательно получилось! Эх, ладно — в следующий раз.

— Тфу, тфу, тфу!

— Личное дело смотрели?

— Так точно. Чистое дело. Но есть пара тёмных моментов.

— Так-так?

— Во-первых, взгляните-ка на его медицинскую карточку. Он вначале под своим настоящим именем завалил медицинскую комиссию на Топураге, а потом уж к нам пробрался по чужому документу...

— Завалил-то, дай угадаю, по линии психиатрии?

— Так точно. Да Вы взгляните, я переслал документ...

— Пути отхода подготовил, значит. Чуть что — он психически больной, и за себя не отвечает...

— При этом этот якобы debil демонстрирует нам хорошую математическую подготовку.

— Где учился?

— Нигде. Я личное дело Вам переслал.

— Минуту. Вот так так! Да этот ваш «диверсант»... сирота! Сирота с Ханаямы! Усыновлён сразу после инцидента...

— Вы на личное дело его приёмного отца взгляните, товарищ генерал-майор контрразведки, — предложил начальник разведки четвёртого флота. Через долгих три минуты от генерала донеслось:

— Что за алиенщина!

— Тарабарщина из несуществующих иероглифов, — уточнил разведчик, — такое бывает, когда в несекретном документе попадает ссылка к какому-нибудь секретному делу. Тогда, что бы не секретить целиком весь несекретный документ, секретят отдельное слово или фразу.

— Это называется «вымарать», — отозвался крайне недовольным тоном генерал. — Я не первый день на службе, господин капитан первого ранга! — Впрочем, генерал тут же сменил настроение на деланно добродушное: — Подколос, Андрей Егорович! Подколка засчитана! В этом личном деле кто-то не поленился «вымарать» каждое слово отдельно. Изменение уровня доступа к документу целиком требует явной модерации, и остаётся в логах. А тут не хотели привлекать внимания к делу. Потому отдельно вымарали каждое слово в личном деле фермера. И проделать такой фокус мог только кто-то из наших.

— Из бывших ваших, полагаю, — уточнил разведчик.

— Похоже на то. Похоже, кто-то перед уходом из конторы подчищал следы. Андрей Егорович, Вы не думали сменить ведомство?

— Благодарю, Сергей Филиппович, мне в разведке хорошо. Тут интереснее.

— Вот что, товарищ начальник разведки четвёртого флота! Доложите-ка мне свои соображения по вот такому вопросу: какова на данный момент наибольшая уязвимость нашего объединённого космического флота человечества вообще?

— Товарищ генерал! Вы в курсе: я считаю опасной уязвимостью современного человеческого общества свободу словоблудия! Любой шизофреник может высказывать любой бред, а толпа, прости Господи, блогеров — радостно раздувают слонов из мух! Наибольшей уязвимостью флота же считаю условия Центаврианского перемирия, и конкретно пакт об условиях создания объединённого космического флота! В частности, космофлот не имеет права вмешиваться в полит... ох, мать моя!

— Так точно! И желаю здоровья вашей матушке!

— Предполагаете провокацию, и информационную атаку?

— В открывшихся обстоятельствах это естественное предположение, не находите? Если сепаратисты не могут противостоять нам в бою, для них естественно попытаться сыграть на наших внутренних противоречиях.

— К сожалению, у меня нет никаких предположений о целях противника, товарищ генерал.

— Так точно. Возможно, кто-то затеял большую игру...

— Полагаю, сейчас наш ход?

— Вот только мы понятия не имеем, чего от нас ждёт противник. Как вы тогда сказали, Андрей Егорович? Это должна быть какая-то краткосрочная акция? Значит, попытаемся затянуть время, и спутать противнику карты. Ваша задача: присмотрите пока за этим типчиком. Чего бы от нас не ожидал противник, он вряд ли ждёт, что мы ему подыграем, как считаете?

— Примем «диверсанта» к себе на службу? Как ни в чём не бывало?

— Ваша задача: присмотреть за этим молодым «фермером». А мои люди будут «копать».

— Присмотрю, Сергей Филиппович! Может, раз уж он сам на службу просится, отослать его на какой-нибудь далёкий астероид?

— Отставить! Слишком далеко. Кто там за ним присмотрит? Надо держать его не далеко, но и не близко.

— Фрегат?

— Слишком малочисленная команда. Все привыкли всё знать про каждого.

— Тогда броненосец. Оформим практикантом. И я, совершенно случайно, без всякого умысла, опечатаюсь в его фамилии.

— Не корите себя, Андрей Егорович! Фамилия сложная, не мудрено ошибиться. А имя...

— А от имени и отчества оставим только заглавные буквы.

— Годно! Компьютерный поиск не сможет отыскать в списках личного состава Вацлава Бондски. Тогда, до связи, Андрей Егорович!

— Конец связи, товарищ генерал!

* * *

— Ну что, развлекаетесь? — хмуро спросил довольно улыбающихся офицеров седой капитан первого ранга, когда крышка его ложементы убралась.

— Точно так! — доложил усатый. — Молодой выбирает место службы!

— И что выбрал?

— Так точно, — доложил Вацлав, — наблюдательный пост номер двенадцать-двадцать три!

— Полевой позывной «Затычка», — дополнил ответ ухмыляющийся лысый.

— Зато это в системе Топурага, — буркнул Вацлав.

— Ну и замечательно! — объявил начальник отдела разведки. — Значит, приписан ты будешь к броненосцу «Ярость отчаянных». В должности стажёра. Твой начальник — старшина Староев Ватуга Оглы. Смотри, сынок: ты старше в звании, значит, твой наставник будет первым здороваться, но он — старше в должности, как что ты будешь его слушаться во всём, что он скажет. Это понятно?

— Ага, — вздохнул Вацлав, расстроенный, что тихая служба на астероиде в родной системе отменяется.

— Я не понял, — очень тихо и очень холодно проговорил седой капитан первого ранга.

— Так точно! — быстро исправился Вацлав.

— Подойди-ка поближе, сынок, — по-отечески попросил седой. Вацлав осторожно оттолкнулся от ручки, на которой висел, и плавно подплыл к ложементу старшего офицера.

— Господа офицеры, вам всем есть чем заняться? — спросил седой, не сводя тяжёлого взгляда с Вацлава. Все молча закрылись в своих ложементх, только лысый буркнул: — Так точно!

— Вот что, сынок, — проникновенно начал седой, заглядывая Вацлаву в глаза, — я знаю, что офицер ты — не настоящий. Но мундир на тебе будет самый настоящий, офицерский. И если ты, сынок, честь мундира запятнаешь... я тебя убью. Убью, сынок, и в космос выкину. Никто твоего тела никогда не найдёт, понимаешь? А по бумагам проведём как потерю в ближайших учениях. Ты меня хорошо понял, сынок?

— Так точно, — так же тихо проговорил Вацлав. Слова капитана первого ранга не напугали нашего фермера, он воспринял их как напутствие, как знак того, что его приняли. Вацлав подумал мимолётно, что примерно так, должно быть, в старину в рыцари посвящали, и с чувством добавил: — Спасибо! За доверие! Я не подведу!

— Да уж ты постарайся, сынок, — проворчал седой: — Староев у нас человек заслуженный, знающий, а главное — понимающий. И быть бы ему давно офицером, но образования нет. Он, видишь ли, не желает тратить годы на учёбу. В смысле, на официальную учёбу в соответствующем заведении. Так-то он у нас... кхм... человек начитанный, скажем так. Продвинутый во всех отношениях. Вот, если с ним поладишь, то и не пропадёшь. Свободен! Стой! Смотри, по дороге где-нибудь не исчезни! И в МОРГ не попадай... пока. Свободен!

— Есть! — ответил Вацлав, и, оттолкнувшись ногой от поручня ложементх, попытался вылететь в открывшуюся дверь спиной, удерживая раскрытую ладонь у виска. Не попал. К счастью хоть успел-таки ухватиться за косяк, а не отлетел мячиком обратно, и со второй попытки всё же оказался в приёмной.

— Форму получи, шляпа! — буркнул ему дежурный. — Там есть форменные ботинки с магнитными подошвами.

— Так точно! — козырнул ему пролетающий мимо Вацлав.

Аритайя: Третий сон

Обсуждение прошло, в общем, предсказуемо. Основная точка зрения, пожалуй, разделялась всеми:

— Мы не должны так рисковать! — голос разума. Сказано честно. Фиане уже многое пережили, и продолжать дразнить судьбу — не разумно. Эту точку зрения разделяли все, но в некоторых головах перевешивал другой довод:

— Но капитан Абуксигун рисковал ради нас! — а вот и голос сердца и совести.

— Во-первых, это его долг. «Смелый свистун» — корабль разведчик, и его задача — рисковать собой ради спасения остальных. — А во-вторых, Абуксигун с риска кайфует! А в третьих, видите, к чему это его привело?! — резонно.

Перелом в ход дискуссии внёс, разумеется, капитан Нелнишнош:

— А позвольте поинтересоваться, с чего вы взяли, что сейчас мы рискуем меньше? Не сегодня, так завтра «Потрошитель Лазурного Берега» начнёт охоту. А у нас пустые накопители. И реактор мы не включим, что бы не выдать себя «Потрошителю». Нам в таком режиме ещё долгие месяцы прикидываться астероидом.

— Но позвольте, капитан! Где же риски для нас меньше? — кто-то должен был задать этот вопрос.

— Риска для нас меньше, если мы продолжим дрейфовать, а «Потрошитель» не станет искать тут, а бросится в погоню за теми, кто ушли в гипер. Вот только вряд ли кто из нас может предсказать, как поведёт себя «Потрошитель». Однако, если «Смелый свистун» действительно прячется сейчас где-то на первой планете, то для нас его полные накопители — самый верный вариант при любом развитии событий.

И так, вот оно — ключевое «если». Вопрос свёлся к Аритайе, к её снам и предчувствиям. Кое-кто, из тех, кто вчера пел вместе с ней в кают-компании, сразу заявили, что верят в её талант сенсорика. Но кое-кто — кто тоже пел и благодарил её за спасение — тут выразили сомнения. Капитан сразу заявил, что Аритайя участвовать в этой дискуссии не будет, и точка! Потому что у неё сейчас вахта, первый офицер наблюдения спит, а третьего у них нет. Нелнишнош как никто понимал, как тяжело будет его дочери выслушивать все эти сомнения: — а не влюблена ли она в капитана Абуксигуна, и как часто молодой и бравый снился ей ранее? И действительно ли она что-то почувствовала тогда, когда флот клана попал в засаду, или её, теперь уже знаменитое — «тут что-то не так» — голос неуверенности и страха, а не таланта сенсорика.... и так далее. Капитан сознательно устроил это совещание в её вахту.

А когда страсти разыгрались, и всё, что стеснялись сказать, оказалось всё же высказано, капитан Нелнишнош вывел на громкую связь доклад с мостика:

— Есть передача с нашего зонда у газового гиганта! Судя по телеметрии, «Потрошитель Лазурного Берега» закончил спасательные работы! Пока стартовать в гипер не собирается.

— Что ж, — задумчиво вздохнул капитан, — будем ждать! Ждать и дрейфовать, — на этом капитан извинился, и покинул собрание. По делам.

Беспомощно дрейфовать, и ждать беды. Не часы, не дни даже — недели! Месяцы! Настроение спорить исчезло, как и не было. Фиане прониклись, представили себе своё ожидание, и поняли: нервы у них не выдержат, и очень скоро жалеть об этом решении будут все. Полчаса тяжёлых вздохов и охов, — и капитан Нелнишнош получил карт-бланш на

рискованную операцию по поиску и спасению «Смелого свистуна».

И вот безжалостная схватка: достижениям фианской космической медицины бросает вызов многократная перегрузка. Большинство фиан стонут в своих капсулах, и только вахтенные скрепят зубами в рабочих ложементх. Протяжно жалуются на нагрузки переборки. Басит маршевый двигатель, тихонько подвывают старенькие обмотки трансформаторов, раздражённо шипит гидравлика.

— У-у-у-х, — вновь печально стонут переборки.

— Бум!

— Что это? — прохрипел капитан инженеру, но пока тот копался в своих приборах, Аритая озвучила верный ответ:

— Лопнул какой-то трос на стартовой палубе, — она просто услышала раздражение, злость, и обиду своего кузена: тот так старался, всё перепроверил, но что-то упустил, и вот теперь этот гадкий, подлый, вредный трос лопнул, а ему никак... не... достать... тяжело!

— Фиксаторы выдержат нагрузку, — уверил всех на мостике вахтенный инженер, сориентировавшись, наконец, в своих датчиках.

— Иди-ка, отдохни, — прохрипел Аритайе отец. — Мы пока далеко. Отсюда их не услышишь. Ну, разве что, во сне.

— Но я же..., - Аритайя пытается возражать.

— Офицер наблюдения! Иди спать!

А ведь она всего-то хотела сказать, что не доползёт сейчас до своей капсулы.

— Мостик! — раздался по корабельной связи голос тётушки Абекойи, — вкусняшки готовы! В эдакой перегрузке вкусняшечки получают такие, что вы языки свои проглотите! Ох! Только я их вам не принесу.

— О-хо-хо! — старик Уохинтонкан — Аритайя это чувствовала — пытался задорно выкрикнуть «Ё-хо-хо!», но получилось у него совсем не задорно, а как-то ближе к предсмертному хрипу. — Всем амнистия на пять минут! Начинаю отсчёт! Пять! Четыре!..

Аритайя охнула — она потеряла счёт времени, и не заметила, как пришла пора плановой паузе. Мощность маршевого двигателя каждые два часа снижали, на пять минут уменьшая ускорение корабля до привычного фианам ускорения свободного падения. Пятиминутная передышка, когда перегрузка отступала.

Этой передышкой Аритайя воспользовалась, что бы выполнить указание капитана — то есть отправилась в свою капсулу, но по пути, конечно же, сделала крюк, и забежала на камбуз к тётушке Абекойе, за её вкусными вкусняшками.

— Ну, как? — жадно накинулись на неё кузены, которые первыми успели забежать на камбуз.

— Ну-ка! Цыц! Отстаньте от бедной девочки! — прикрикнула на них тётушка Абекойя, воинственно замахав руками — будто разгоняла стаю надоедливых птиц. Парни испуганно метнулись прочь, в коридор, успев, однако, ухватить по паре вкусняшек из плетёной корзины. Держалась тётушка бодро, но под глазами повисли «мешки», а сами глаза были красные, от полопавшихся капилляров.

— Ну, как? — мягко спросила уже сама Абекойя, подавая Аритайе ещё горячие вкусняшки, и с надеждой заглядывая в глаза. Разумеется, вопрос был о фианах на «Смелом свистуне». Все с нетерпением ждали, когда Аритайя услышит зов потерпевших бедствие, и подтвердит, что «Свистун» действительно на первой планете.

— Мы ещё далеко, — ответила Аритайя извиняющимся тоном, — я пока не слышу их.

По правде сказать — не очень-то она и старалась. Некогда было: всю свою вахту Аритайя в основном работала с аппаратурой: системами активного подавления и постановки помех, пытаясь размыть интерференционную картинку корабля, что бы сделать его менее заметным для приборов «Потрошителя Лазурного Берега». А «Потрошитель» упорно гнался за ними с того самого момента, когда «Песнь о доме» запустила маршевый двигатель. Время от времени крейсер хищников делал короткий осторожный прыжок, заметно сокращая расстояние. Хищники не спешили, возможно, растягивали удовольствие от погони, предвкушение добычи, и разумно сокращали риск промахнуться в прыжке. Матёрые. «Песнь о доме» дважды выпустила имитаторы, но обмануть хищников ни разу не удалось. И всё же, по всем расчётам фиане успевали до первой планеты. А вот что будет дальше — никто предсказать не взялся бы.

Забрав свои вкусняшки, Аритайя поспешила убраться подальше от камбуза — сейчас сюда потянется народ, и каждый захочет спросить её: — «Ну, как?» Спас её Абутай — инженер их корабля.

— Вот ты где! — воскликнул молодой, сухощавый очкарик с вечно взлохмаченной шевелюрой, завидев Аритайю в коридоре. — Идём со мной!

Как раз в этот момент из-за угла показалась толпа фиан, спешащих на камбуз, к тётушке Абекойе. Заметив Аритайю, толпа оживилась. Но Абутай сердито бросил толпе:

— Срочное важное дело! — и уволок девушку с собой к спуску в технические отсеки.

— Ты сейчас ляжешь спать в фазораторе, — ошарашил Аритайю инженер. Девушка от удивления только рот открыла, не найдя, что сказать, а парень невозмутимо поправил очки.

— А это не опасно? — похлопав глазами, пискнула Аритайя.

— Нет, не беспокойся, — отмахнулся Абутай, целенаправленно шагая по гулкому техническому проходу среди волноводов, труб, кабелей, и прочего хозяйства, — ты там ничего не сломаешь. Ляжешь в камере — там нечему ломаться.

— А я? Я там не сломаюсь? — пискнула возмущённая его пояснениями девушка. — Вдруг там, ну не знаю... мозги у меня вскипят?

— С чего бы? — удивился инженер.

— Мне-то откуда знать..., - буркнула девушка, — вскрытие потом покажет.

— Нет, что ты! — Абутай хмыкнул, и вновь поправил очки, бросив странный взгляд на Аритайю. — В камере фазоратора ты просто перестанешь существовать. — И пока поражённая девушка попеременно хлопала то ртом, то глазами, добавил: — Я регулярно так делаю. Это замечательно помогает от перегрузок!

Аритайя нахмурилась, задумавшись. Что она знала про фазоратор? Это такая часть гипер-привода космического корабля. Что-то крутилось в голове из курса не то квантовой физики, не то математики. Что-то о том, что тот самый фазоратор размывает волновые пакеты элементарных частиц из стоящих волн — в бегущие. Корабль срывается в субсветовую скорость, бла-бла-бла теория относительности, бла-бла-бла гиперпространство. И ещё что-то про то, что пространство-время нужно рассматривать как метасущность, и тогда из этого вытекает... что-то важное, типа каких-то там теорий.

Так, и при чём тут «перестать существовать»? На ум приходит только одно соображение: во время «прыжка» космический корабль, можно сказать, существует иначе, чем всё то, что существует обычно. Куда уж «инее», чем размытие волновых пакетов субатомных частиц в бегущую волну! То есть можно сказать, что корабль перестал существовать в метриках нашего родного пространства-времени, и перешёл на

существование в гиперпространстве?

Но... это уже не то казуистика, не то философия получается! А Аритайя не физик, и не философ, и в таких вещах, честно говоря, разбирается слабо. Так что девушка решительно тряхнула головой. Короче: либо Абутай под «не существованием» понимает что-то иносказательное, либо он спятил!

Если вот так вот взглянуть — под углом, то эти блестящие нездоровым азартом глаза и эти взлохмаченные волосы похожи на симптоматику лёгкого помешательства. Девушка-сенсорик, пользуясь тем, что тащивший её за руку парень, наконец, остановился, заинтересованно вгляделась в лицо возможного пациента. Потенциальный пациент поймал её взгляд, вздрогнул, и как-то нервно поправил очки.

Однако выяснилось, что инженер не спятил, и запуливать девушку в гиперпространство не собирается:

— Камера фазоратора используется как резонатор, ну, субпространственных метрик, ну, во время прыжка. А вот так, на холостом ходу, это просто, ну, как коррелятор стазиса... — Абутай бросил взгляд на лицо девушки, и, похоже, до него дошло, что всё, им произносимое, ей слышится как лишённый смысла шум: — «бла-бла-бла камера бла-бла-бла, это просто бла-бла-бла». Так что Парень вздохнул, отчаянным жестом взлохматил и без того лохматую шевелюру, и перешёл от тезисов сразу к выводам: — Короче, внутри камеры фазоратора будет абсолютно спокойно! — заверил он встревоженную хмурую девушку. — Никаких звуков, света, вообще никаких чувств! Отлично выпишься. Ну и... я полагаю, сенсорик в таком состоянии может существенно раздвинуть... ну... радиус обнаружения.

— Физик! — обвинила лохматого очкарика Аритайя, и повторила, передразнивая: — «Радиус обнаружения»! Сенсорики тебе что, радары? Это не так работает!

Абутай сконфуженно потупился. А девушке тут же стало стыдно: набросилась на парня, а но только помочь же хочет. Они как раз дошли до той самой камеры. Того самого фазоратора.

— А как? — подумав, спросил Абутай.

Аритайя взглянула в блеснувшие любопытством глаза инженера, и выдала:

— Мы все суть единое существо, если рассматривать нас, как явление, с точки зрения теории континуума пространства-времени! Иллюзия нашей индивидуальности есть следствие ограниченности нашего восприятия многомерной объективной действительности лишь мгновенным срезом реальности поперёк оси времени. Бла-бла-бла информационные процессы, такие как мысли и чувства. Бла-бла-бла идеальное не подвластно ограничениям материального. Бла-бла-бла, множественность восприятия интерферирует в сознании индивида, способного сознательно контролировать бла-бла-бла. Короче: одарённый сенсорик плевал бы на расстояние! И даже на время! — ну, надо же было показать этому физику, что умные заковыристые фразы заворачивать не он один умеет. Хотя, приходится признать, у него это красивее выходит — Аритайя невольно поморщилась от этой мысли.

— Ого! — выдохнул удивлённый очкарик.

— Теоретически, — скривилась девушка-сенсорик, и неохотно признала: — на практике всё почему-то иначе.

— Понимаю, — серьёзно кивнул Абутай, и очки его опять съехали с переносицы, — Помехи, погрешность, КПД, и всё такое.

Аритайя на мгновение нахмурилась, не понимая, при чём тут КПД, мотнула головой, вытряхивая из неё непонятные слова, и окинула взглядом конструкцию. Потом набралась

храбрости, хмыкнула, и решительно взялась за ручку люка:

— Ну, давай, физик! Спокойной ночи!

— Приятных снов! — Абутай расплылся в улыбке.

* * *

Аритаия действительно практически перестала существовать: она ничего не видела, не слышала, не ощущала — даже своего тела не чувствовала, а вместе с телом — и перегрузку. На физические причины такого странного эффекта девушке было сейчас наплевать. Совершенный покой! Хорошо!

Понятно, что вскоре такой совершенный покой вызовет сенсорный голод, но девушку это соображение почему-то совсем не пугало. Голодание иногда полезно. Особенно после переедания.

* * *

Они сидели вдвоём на увитой плющом террасе и пили чай. Аритаия и Футиайя.

— Абуксигун — такая лапочка! — озорно улыбнулась Футиайя, завершив этой фразой свой короткий рассказ про их с Абуксигуном знакомство. Аритаия тепло улыбнулась в ответ. И повернула голову на далёкую вспышку света. Но это было не солнышко, выглянувшее из-за тучки, а фонтан раскалённой лавы. Мрачные стены глубокого ущелья, в котором они сидели — серые в белых потёках — в этом свете приобрели трогательные розовые оттенки. Фонтан опал, и его сменила плазменная дуга — тоже ненадолго. Стены тут же стали чернее непроглядной ночи, а потёки на них — белыми сияющими затейливыми узорами.

— Словно салют на карнавале, — сказала Аритаия.

— Завораживающе красиво, правда? — подхватила довольная Футиайя. — Ох, ты бы видела стаи плазмойдов там, наверху!

— Они не опасны?

— Нас не тронули, — неопределённо пожала изящным плечиком Футиайя, — а хищников сожрали.

— Вы, главное, продержитесь, — попросила её Аритаия, — Мы уже спешим к вам! Я слышала Абуксигуна, он сказал, что вы на первой планете! Мы уже летим, и скоро обязательно спасём вас! Вы только потерпите!

— Вот что, девочка моя! — произнесла Футиайя, с ленцой растягивая гласные, но вдруг всё в глазах Аритаии передёрнулось, лицо Футиайи — сенсорика с корабля «Смелый свистун» — вмиг из добродушно улыбающегося стало строгим и сосредоточенным, и вместо просторных шёлковых одежд на ней оказался лётный костюм. — Вызываю «Песнь о доме»! — Чётко и строго произнесла она. — Мы видим вас! Держите курс на первую планету! Повторяю!

Нет, померещилось! Аритаия пьёт чай на увитой плющом террасе, а довольная встречей Футиайя в струящихся волнах тонкой ткани, вальяжно полулежащая в удобной кресле-качалке, с ленцой растягивая гласные, продолжала говорить:

— Повторяю, милая, возможны помехи. При такой вот попытке связи возможно всё,

понимаешь? Любой бред! — девушка рассмеялась пьяным смехом, а отсмеявшись, заметила: — Тридцать три сотых градуса, душа моя. Вниз. На пятнадцатой, кажется, полуспирали. Я, честно сказать, уже и не уверена. Может, на шестнадцатой. Ой, да и неважно это совсем! Что ты! Ещё чаю? Вот, щербет попробуй с чаем!

— А у нас тётушка Абекойя такие вкусные вкусняшки спекла, такие вкусные! — похвасталась Аритайя. — Вот, прилетим, спасём вас, и я тебя обязательно угощу!

— Кого ты «спасём», глупенькая! — вдруг как-то не красиво засмеялась Футиайя. В глазах Аритайи вновь искажился мир, и встревоженное лицо Футиайи, снова затянутой в форменный лётный комбинезон, наклонилось близко-близко, и строго бросило:

— Ты себя спасай! Нас не надо! Мы, уж поверь мне, как-нибудь тут сами! Да! Нам тут вполне комфортно! Спасай свою «Песнь о доме»! А «Смелый свистун» — мой! Понимаешь? Капитана Абуксигуна спасу я!

И стало очень-очень обидно!

Аритайя очень старалась, билась, но проснуться никак не могла! Она осознала, что спит, но кроме сна, в её реальности не было ничего, даже её самой!

— Я не слышу тебя, — жаловалась ей Футиайя, стоя в длинных развевающихся одеждах на самом краешке парашюта, а в бездне под ней полыхали зарницы. — Я кричу в пустоту уже долго. Так долго! Я не слышу вас, «Песнь о доме»!

Кончился этот затянувшийся кошмар внезапно и разом: Абутай откинул крышку люка, и в камеру фазоратора хлынул свет, и звуки, и запахи. Запахи! До сего момента Аритайя даже не осознавала как остро их корабль пахнет! Чем-то совершенно невероятным, не встречающемся на планетах. Пожалуй, корабль пахнет далёким космосом!

— Как спалось? — с участием спросил инженер.

— Паршиво, — призналась Аритайя, выползая из камеры на металлические решётки фальшпола. — Сколько же тут «же»? Четыре?

— Ну-у, нет, — пожал плечами инженер. Вернее, попытался пожать. Жест получился скупым, мелким, поскольку голова парня была втянута в плечи. Волосы, кстати, совсем не топорщились, а очень даже прилично прильнули к голове. А вот очки перекочевали с переносицы в карман. Видимо, отяжелевшие очки приходилось чаще поправлять отяжелевшими руками.

— Тебе так только кажется. После передышки в камере фазоратора, — прокряхтел Абутай. Парень попытался помочь Аритайе подняться, но не осилил, и в результате сам осел рядом.

— Я снова видела сон, — созналась Аритайя, скривившись от досады. — Там была Футиайя — сенсорик и наблюдатель со «Смелого свистуна».

— Как они? — тут же поинтересовался инженер. — Держатся?

Аритайя скривилась ещё сильнее. На попытку вдохнуть грудные мышцы отозвались тупой болью.

— Футиайя сообщила, что они видят нас, но дальше пошёл какой-то бред, и я не могу в этом сне разобраться, — со стоном созналась девушка, и подтянула под себя ноги и хвост. Надо встать. Надо идти на пост. Но сперва она сознается в самом важном: — Футиайя заявила, что у них на «Смелом свистуне» все хорошо, и спасать надо нас, а не их.

Нет, встать не получится. Хотя, зачем обязательно вставать? На четвереньках даже удобнее. Аритайя двинулась вперёд по проходу. Правое колено вперёд, левая рука, правая рука... ой, наверное, левое колено сначала.

— Ты куда? — поинтересовался Абутай.

— На пост, — прохрипела девушка не оборачиваясь.

— На карачках? — продолжал интересоваться инженер. — Погоди, сейчас ускорение снизят. Вектор тяги перекладывать будут.

— Мы маневрируем? — поинтересовалась Ариталя, пытаясь сообразить, это уже время для перехода к торможению пришло?

— Хищник опять прыгает, мы на всякий случай меняем курс, — проворчал Абуксигун.

— А ну ка! Взбодритесь, фиане! — раздался голос дядюшки Уохинтонкана по громкой связи, — Амнистия пять минут! У кого какие дела — готовьтесь к забегу! На старт! Внимание! Пять! Четыре!..

— Он опять на вахте? — удивилась девушка. — Уохинтонкан хоть когда-то отдыхает?

— Три!

— Дед незаменим, — хмыкнул инженер, и с кряхтением стал подниматься, цепляясь за элементы конструкции, что бы затащить собственное тело в камеру фазоратора. — Об одном жалею, — кряхтел он, — в камере фазоратора невозможно подключиться к виртуальной реальности корабля. Я бы хоть в виртуале полежал на травке, покупался в ручье...

— Два!

— Приятного «не существования», инженер, — проводила Ариталя исчезающие в камере фазоратора ноги.

— Один!

— Ага. Дверку прикрой, пожалуйста, — донеслось до неё.

— Старт! — скомандовал дядюшка Уохинтонкан, и тяжесть отступила, позволила легко вскочить на затёкшие ноги, захлопнуть крышку камеры фазоратора, легко пробежать, и легко подняться по крутой лестнице.

По пути Ариталя отчаянно пыталась разобраться в своём нынешнем сне. Сон представлялся бредом, мешаниной сбивающих с толку нелепиц. Если «Смелый свистун» действительно подбит хищниками, и действительно находится на первой планете — а Футиайя во сне это подтвердила, то как же понимать заявление о том, что в спасении они не нуждаются? Что во всём этом нелепом сне было от настоящего послания сенсорики Футиайи, а что примешало воображение самой Ариталя? Девушка очень не хотела допускать мысль о том, что она неосознанно ревнует молодого и дерзкого капитана Абуксигуна к красавице и умнице Футиае, но как иначе объяснить услышанное? Но если она ревнует, то, может, и первые сны про попавшего в беду капитана тоже бред ревнивого подсознания? Как же всё запутано! Быстрее бы уже долететь! Эта неопределённость так выматывает!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты не выглядишь отдохнувшей, Ариталя, — приветствовал её на мостике первый помощник капитана. Отца рядом не было, наверное, отдыхает.

— И не чувствую себя отдохнувшей, — проворчала девушка, но спохватилась, тряхнула тяжёлой головой, и произнесла как могла бодро: — Со мной всё в порядке!

— Ты-рано! — поприветствовал её первый офицер наблюдения. У фиан «ты-рано!» — это дружеская форма приветствия и вежливая похвала, почти ритуальная фраза, исторически слившаяся в одно слово, поскольку фиане вообще ценят ответственное отношение к любому делу.

— Сон... был тревожный, — созналась Ариталя, внутренне съёживаясь.

— И какие там новости? — хмыкнул первый офицер наблюдения.

— Во сне со мной говорила Футиайя, сенсорик и офицер наблюдения «Смелого свистуна». Она подтвердила, что их корабль на первой планете, передала, что у них всё хорошо, и объявила, что нам следует изменить курс «на тридцать три сотых ниже».

— Тридцать три сотых чего? И ниже чего? — тут же откликнулся пилот.

— Я не знаю, — вздохнула девушка, — передаю, как услышала.

— Что тут считать низом? — проворчал пилот. — Центр первой планеты? Центр звезды? Центр галактики? Ох уж мне... советчики...

— Простите, — простонала Аритайя. Пилот вяло отмахнулся, шевельнув одной только кистью руки. Девушка уселась наконец в своё кресло, и пристегнулась.

— Разберёмся, — буркнул нахмурившийся первый помощник капитана. — Ближе подлетим, установим устойчивую связь, и разберёмся!

— Слышу! — вдруг закричал первый офицер наблюдения, — Я их слышу! «Смелый свистун» совершенно точно на первой планете!

— Что они говорят?

— Говорят?! Я сенсорик, а не связист! Я просто чувствую живых фиан на первой планете, чуть ниже экватора. Они живы, и переживают за нас, а не за себя — это всё, что я могу о них сообщить.

— На тридцать три сотых ниже, — хмыкнул пилот.

Вацлав: Руки или ноги?

— Внимание: к маневру! — рывкнул кто-то по громкой связи. Вацлав проигнорировал. Оно так рывкает уже, поди, час тому, как начало. И ничего. А самое неприятное, что и ни кого!

Вацлав, в новенькой с иголки форме офицера связи (Вещий Олег, видать, знал, о чём говорил), прибыл на борт броненосца «Стойкость отчаянных» с курьером. Его проинструктировали, что старшина Староев должен его встретить по прибытии, однако, никто новоиспечённого лейтенанта не встретил. Памятуя о наставлении начальника отдела разведки не пропасть по дороге, Вацлав от самостоятельного исследования палуб броненосца воздержался. И вот уже около часа он сидел на откидном (так называемом «десантном») сиденье в переходном отсеке перед шлюзом. Один.

От нечего делать Вацлав развернул свой инфор планшетом. Его инфор умел трансформироваться либо в браслет, либо в планшет. Модели поновее могли становиться очками, наушниками, пряжками, и даже ошейниками. А здешние военные, как отметил Вацлав, имели специальные военные инфоры, которые трансформироваться не умели вовсе. Таскали их на поясах, зато «втыкали в виртуал» через крутые военные гарнитуры-интерфейсы. Интересно, Вацлаву такое положено? Эх, надо было спросить, когда форму получал.

Сейчас Вацлав изучал бланк денежного перевода, что пришёл из банка. Банковский терминал порядком потрепал ему нервы: протоколы безопасности возмущались, что не могут определить местоположение Вацлава на планете. Парню пришлось трижды подтверждать пароль.

— Тов! — рывкнула общая связь, и тут же поправилась: — Етить! Не туда!

Вдруг проход с шелестом раскрылся, и в проёме возникла монументальная фигура военного, со знаками мичмана.

— В отсеках! Держаться! — рывкнула громкая связь, и пол стал стеной, а стена, соответственно — полом. Вацлав сделал логичный вывод, что, наверное, началось. В смысле, их корабль начал, наконец, маневрирование, что бы занять предписанное место в походном построении эскадры.

А вот вошедший мичман и бровью не повёл: он держался одной рукой за поручень, и казался попросту к тому поручню припаянным. Только бицепс вздулся под форменным рукавом.

— Здравия желаю! — заявил мичман, вскинув свободную руку в уставном жесте.

— Здравия желаю! — Вацлав, плотно пристёгнутый крест-накрест страховочными ремнями к откидному сиденью, постарался скопировать жест старшины, но вот так же отточено, и в то же время чуточку небрежно у него, конечно, не получилось.

— Господин лейтенант Вонт-ски? — поинтересовался мичман.

— Бондски, — привычно поправил собеседника Вацлав, — Вацлав Бондски.

— Вонтски! — настаивал мичман, нахмурившись, — По бумагам точно-конкретно, Вонтски!

— Пусть так, — вздохнул Вацлав. Вечно чужаки коверкали его фамилию. А теперь ещё и в бумагах напутали!

— Держаться в отсеках! — опять гаркнула хрипло общая связь, и пол вернулся под ноги.

— Мичман Староев Оглы, — представился мичман. Смена вектора тяги его несколько не поколебала. Вацлав сообразил, что это же тот самый — «продвинутый во всех отношениях»! И внимательно уставился на ноги старшины. К разочарованию Вацлава, там были обычные человеческие ноги. «Точно-конкретно, ноги!», как сказал бы, наверное, мичман.

— А почему у вас снизу ноги? — спросил Вацлав, и от переизбытка чувств, ткнул пальцем.

— Что?! — изумился мичман.

— Должны же быть обезьяньи лапы! — уверенно заявил Вацлав.

— Это потому, что я чёрный?! — зловеще прорычал темнокожий мичман Староев Оглы, угрожающе нависнув над Вацлавом.

— Какой? — удивился Вацлав. — «Чёрный» — это у вас религия такая, да? Типа, чёрный космос и всё такое?

— Чёрный — это природный цвет моей кожи! — яростно прошипел Оглы, кожа которого, действительно была весьма тёмного оттенка, и решительно вырвал из рук Вацлава планшет.

— А! А я было подумал... — смутился Вацлав, — У меня до этого понедельника кожа была зелёная. Но не от природы, а как у всех: генетическая коррекция. Купил флакончик в магазине. На распродаже.

И Вацлав вздохнул расстроено: ему-то кожу злая докторша выбелила, дескать, модификация не сертифицированная, а вот некоторым позволяется вообще почти что чёрным ходить — не справедливо!

— Это... что за... — изумлённо выдохнул мичман, глядя в планшет, и его брови предприняли решительную попытку восхождения на затылок. Планшет отображал бланк заказа: «Хирургическая модификация» — грозно объявлял этот бланк, — «замена нижних конечностей на обезьяньи лапы», — и безжалостно добивал красным шрифтом внизу: — «оплачено!»

— Мне, — пролепетал Вацлав, — объяснили... что у космофлотских... что бы в невесомости хвататься...

Старшину охватил приступ неконтролируемого смеха, вперемешку с нервным хихиканьем, и сотрясающим всё нутро громогласным хохотом! Он выронил планшет, и прилагал немалые усилия, что бы удержаться на ногах.

— Так это... — растерянно пробормотал пунцовый от стыда Вацлав, — не правда, что ли? Розыгрыш?

Он с ужасом вспомнил, что попутчик Олег, перед тем, как рассказать про модификацию на четыре руки, предупреждал о старой традиции разыгрывать новичков! Открытым текстом ведь предупреждал!

— От... отме... ный, — сквозь неудержимый хохот, смахивая с глаз слёзы, вымолвил мичман.

Вацлав поднял планшет, и неуверенно ткнул в меню: — «состояние заказа» — «отменить заказ».

«Вы уверены, что хотите отменить заказ?» — переспросил инфор.

«Уверен» — ткнул виртуальную кнопку Вацлав.

«Ваш заказ был успешно проплачен. Для его отмены необходимо отменить банковскую транзакцию. Вы уверены, что хотите отменить транзакцию?»

«Уверен!»

«Вы, возможно, выбрали отмену транзакции. Данное действие потребует подтверждение личности».

Мичман Староев, ухохатываясь, добрался до двери, и теперь стоял, вцепившись в поручни, пережидая очередной приступ хохота.

— Проклятье! Распаять твои контакты! — едва не плакал Вацлав.

«По нашим данным, Вы вне зоны действия планетарной сети. Возможно, вы потеряли коммуникатор, или оказались завалены в шахте, или погибли в авиакатастрофе. Вы уверены, что Вы ещё живы?» — написал инфор, и ещё, зараза, озвучил сообщение через синтезатор голоса!

Вацлав уронил на планшет горькую слезу отчаяния.

«В таком случае, для подтверждения личности, для отмены транзакции, для отмены заказа, мы рекомендуем Вам обратиться в ближайший полицейский участок, или морг, дабы квалифицированные специалисты могли подтвердить Вашу личность».

Мичман продолжил хохотать с новой силой.

Вацлав полез в панель администрирования, и принудительно убил процесс. А потом открыл удалённый доступ к банку своей семьи, и нажал «Заблокировать счёт», выбрав в списке причин «террористы выпытали номер счёта и пароль».

— Держаться в отсеках! — хрипло каркнула общая связь. С лестницы тут же раздался грохот и ругань Староева. Видимо тот, не удержавшись от хохота, оступися, и упал.

«Вот! А была бы у него вместо ног дополнительная пара обезьяньих рук — не упал бы!» — подумалось Вацлаву.

* * *

Тем временем четвёртый ударный флот покидал орбиту планеты Топураг в двойной звёздной системе Топураг. Корабли перестраивались в походную формацию, на палубах царила привычная деловая суета.

Пираты: На Топураг!

Боевые корабли четвёртого ударного флота ушли в разгон. Командующий орбитальной станцией «Топураг» стоял в своей любимой позе: ноги на ширине плеч, руки скрещены на груди, и любовался далёкими огоньками эскадры на широком обзорном экране. Смотрел и, как всегда в состоянии задумчивости, шевелил усами. С отбытием эскадры с его плеч свалился изрядный груз ответственности.

Конечно на смену улетающим к далёким звёздам проблемам, приходят проблемы новые, связанные с последствиями визита на худосочную колониальную планету одного из крупнейших стратегических флотов объединённого космофлота человечества. Во-первых, скопившиеся жалобы, связанные с вынужденными задержками рейсов. Станция не успевала обслуживать и эскадру, и гражданские корабли. Во-вторых, организационные выводы и кадровые перестановки. В третьих, пополнение стратегических запасов. В четвёртых... что за проклятие?!

Вдруг, прямо на большой экран перед командующим, заслоняя собой далёкие огоньки улетающей эскадры, выплыл боевой крейсер узнаваемых очертаний. И в соответствующих местах весьма доходчиво пылали зловещие огни, указывающие на готовность главного калибра — наведённого, кстати, с экрана прямо в лицо командующему!

— Крейсер «Титаниус»! — озвучил догадку командора дежурный связист: — На связи!

— Они слишком близко! — озадачено воскликнул кто-то из дежурной смены — Как они очутились так близко?!

Командующий форта поморщился — его этот вопрос тоже заинтересовал, но сейчас надо думать о другом, и он рыкнул, грозно встопорщив усы:

— Прекратить панику! Не двигаться без приказа! — а затем отдал приказ связисту: — Давай на громкую, — и буркнул, наверное, самому себе, раздражённо шевельнув встопорщенными усами: — Не к добру, ох, не к добру...

Сражения между сепаратистами и силами правопорядка — как это называется официально, или между повстанцами и имперскими штурмовиками — как это называют сами сепаратисты, — канули в прошлое. Ушли в сказки и легенды. Коллективное безумие под названием «Колониальные Космические Войны» завершилось перемирием перед лицом угрозы вторжения aliens, и подписанием пакта о создании объединённого космического флота человечества. Официальные средства массовой информации именовали сей пакт не иначе как «Хартией Вольностей», всячески подчёркивая, сколь много уступок получили мятежные миры, а смирившиеся сепаратисты говорили о «вынужденном перемирии».

Не смирившиеся, разумеется, тоже были. Они скрылись в неизвестном направлении на своих боевых кораблях, перейдя на нелегальное существование и партизанскую борьбу. Себя они именовали «добровольческой освободительной армией», а метрополия называла их попросту «космическими пиратами».

Вести освободительную войну не смирившиеся повстанцы не могли: и соотношение сил стало сильно не в их пользу, и угрозу вторжения aliens они игнорировать не могли. Их активная борьба свелась к пропаганде и демонстрациям неподчинения.

— Господа! Предлагаю вам немедленно капитулировать! — рыкнула громкая связь. — Повторяю! Говорит командор добровольческой освободительной армии колониальных миров, капитан крейсера «Титаниус»! Господа! Дабы злые языки наймиты угнетателей не

обвиняли в дальнейшем нашу добровольческую освободительную армию в необоснованном терроре, великодушно разрешаю вам немедленно капитулировать!

— Говорит командующий орбитальной станцией «Топураг». Каковы условия капитуляции? — в принципе командор представлял себе эти самые условия. Обычно, всё сводилось к словам.

— «Не обижайте местных!»

— «Хорошо, не будем»

— «Тогда мы улетаем, но помните!»

Пираты толкали свою пропаганду, и всячески подчёркивали, какие они идейные борцы за права, а военные предпочитали оставаться подчёркнуто нейтральными, не желая стрелять первыми, и надеясь, что пираты опять не сдержатся, и обидят местных. Тогда бы уж военные выступили как защитники именно местного населения, а не интересов метрополии. Собственно так, как это уже было однажды на планете «Земля святой Люсии».

Командующий был уверен, что и в этот раз всё обойдётся простой демонстрацией, а после он уж разберётся, как это пирату удалось приблизиться к его станции незамеченным. В принципе, гипотезы тут могло быть две: либо пираты сотрудничают со злобными алиенами и используют их технологии — как ни раз пугала обывателей жёлтая пресса, либо кто-то на станции им помог, например, поломав системы дальнего обнаружения.

Однако, прозвучавшее сильно удивило всех:

— Никаких условий!

Что?! Безусловная капитуляция?! Сдаться на волю победителю?! Неужели на этот раз пираты пришли воевать?! Но прежде, чем командор пришёл в себя, пират пояснил:

— В том смысле, что у нас не будет никаких требований или условий к вам! Мы прибыли сюда, что бы отдать дань памяти героям на Могиле Храбрых. Если вы не станете препятствовать, живите, как хотите. Мы даже заправляться на вашей станции не будем! Что бы потом в нас не кидались обвинениями в грабеже! Добровольческой освободительной армии ничего не нужно, кроме свободы для всех людей!

«Началось!» — поморщился командор, но прерывать пиар-компанию сепаратистов не стал. Пират же явно старался для журналистов, поскольку канал связи был открытым, и их переговоры сейчас слушал любой желающий:

— Свободу мужественным покорителям колоний от гнёта паразитов из метрополии! Свободу фермерам Топурага от грабительских банковских кредитов! От налогов в пользу метрополии! И никаких торговых пошлин!

«Бла-бла-бла!» — бурчал себе под нос командующий, не вслушиваясь в рекламные лозунги сепаратистов. Впрочем, капитан пиратского крейсера как-то быстро закончил. Возможно, ему и самому надоело это «бла-бла-бла». Настал черёд командующего орбитальной станцией. Тот коротко прочистил горло, и заявил:

— Во избежание жертв среди гражданских, находящихся в данный момент на борту нашей станции, я приказываю воздержаться от боестолкновения!

Пират никак не прокомментировал это заявление, что давало обеим сторонам возможность сохранить лицо. Эту часть представления можно считать успешно отыгранной.

— Отставить наведение! Снижение уровня боевой готовности до дежурного! — пронесли команды по внутренним каналам служб станции.

Что будет дальше — все прекрасно себе представляли. Добрые фермеры и невинные частные перевозчики сейчас превратятся в оголтелых контрабандистов. Мало кто устоит от

соблазна избежать торговых пошлин и уплаты налогов. А учитывая, сколько скопилось транспортов за время, пока станция была занята обслуживанием военного флота... о!

Нет, потом-то власть закона вернётся, как и положено, и все виновные... объявят свои частные предприятия банкротами, и зарегистрируют новые. Впрочем, эта проблема его, командующего орбитальной станцией, напрямую не касалась.

В общем, странная, конечно, сложилась ситуация, с этими, ставшими уже, пожалуй, традиционными взаимными расшаркиваниями с пиратами. Но вот конкретно сейчас и конкретно командиру орбитальной станции «Топураг» нарушать её было не с руки. В конце концов, он и сам был родом из колоний, и в детстве любил сказки о благородном разбойнике Робине Гуде, и не менее благородных якудза.

По глубокому убеждению командующего, разбойники были не только неизбежным злом, но и необходимым противовесом официальной власти. Если самураи теряли совесть, и начинали наглеть, симпатии и поддержка простых людей оказывались на стороне якудза, которые использовали эту поддержку, что бы вырезать слишком уж наглых самураев. Если же якудза теряли из виду границы разумного, народные массы выдавали их самураям. Такой вот баланс сил в природе.

Но главная полезность космических пиратов с точки зрения командующего была в том, что туда, как в мусорное ведро, выбрасывались всякие неудобные для общества личности, что снимало социальное напряжение. Ведь так избавляться от мусора дешевле, чем возня со следствием, судом, содержанием осуждённых, и социальной адаптацией отбывших наказание. Это раз. И иной раз можно было за ними погоняться и вволю пострелять, что позволяло армии и флоту держать форму, и иметь в своём составе людей с реальным боевым опытом. Это два. Опять же, есть пираты — есть на кого свалить вину, если что. В общем, нужды в истреблении пиратства командующий станцией «Топураг» не видел.

К тому же, Могила Храбрых... — это слишком болезненная тема для бывших колоний. Большинство смелых мужчин и женщин, честно сражавшихся друг с другом за светлое будущее грядущих поколений, гибли в глубоком космосе. Сгорали вместе с кораблями, вспыхивая ненадолго маленькими рукотворными звёздами. Разлетались межзвёздной пылью под концентрированным огнём батарей. Никаких могил.

А здесь, на Топураге было одно из немногих мест, где храбрецы обрели могилу. Когда-то, в пылу войны за независимость колоний, крейсер повстанцев, потерявший связь со своими, случайно столкнулся на орбите планеты Топураг с группой боевых кораблей метрополии — уцелевшими остатками почти разбитой флотилии, что отступили сюда, что бы спрятаться от повстанцев, и залезть раны. Тут преимущество было на стороне имперцев, но повстанческий крейсер не пожелал сдаваться, сражался до последнего, и был сбит. И гордо разбился о поверхность планеты. Место его крушения и называется «Могила Храбрых».

Мало того, что космический флот объединённого человечества по соглашению, зафиксированному в «Хартии», не имел права вмешиваться в политику, насчёт Могилы Храбрых имелось специальное предписание не препятствовать паломничеству.

* * *

Тремя часами позже повидавший лучшие годы (впрочем, и худшие тоже достаточно

повидавший) шаттл старой, времён аж Колониальных Войн, конструкции, приземлился на Топураг, аккурат перед фермой Бондски.

Капитан крейсера «Титаниус», первым выпрыгнул из затхлого нутра старенького шаттла на укатанную почти до каменной твёрдости дорогу перед фермой. С видимым удовольствием этот голубоглазый худощавый блондин в форме командора добровольческой армии глубоко вдохнул натуральный воздух планеты, улыбнулся лучам Альфа Топурага, и присел, положив ладони на землю.

— Говорю тебе, Хит, мы захватили эту планету за-ради дерьма для удобрения нашей гидропоники! — проворчал лысый верзила в кожаной жилетке поверх брони, высунувшийся наружу по пояс. — Гидропоника, это, что б ты знал, старина Хит, штука тонкая! А в нашем с тобой дерьме, дружище, отсутствуют некоторые особо ценные ингредиенты! — верзила грузно перевалился через бортик распахнутого люка, и прыгнул на дорогу. Затем он сделал демонстративный глубокий вдох, и спросил кого-то, что ещё копошился в душном нутре машины: — Чуешь, как пахнет? Натуральным дерьмом!

Командор пиратов полностью проигнорировал это выступление.

Кстати, в добровольческом повстанческом флоте званий было всего четыре: «командором» автоматически становился капитан корабля. «Капитан» — это судовая роль, а звание — это «командор». Есть у тебя корабль — ты командор. Нет корабля — нет и звания. Работу на корабле, требующую высокой квалификации и ответственности, выполняли люди в звании «офицер». Никаких вам лейтенантов и полковников, просто «офицер» и всё. Это звание в добровольческом флоте означало наличие у индивида высокой квалификации и нужных личных качеств. В отличие от звания «командор», звание «офицер» от текущей роли в корабельном расписании не зависело. Остальные — не обладающие высшим образованием или не имеющие достаточно опыта — носили официальное звание «боец». Ну и «адмирал» — звание редкое, автоматически присваивается тому, кому капитаны пиратских кораблей хоть раз доверили командовать собой, то есть руководить соединением из нескольких кораблей в какой-нибудь совместной операции. В случае успеха операции звание сохранялось, хотя могло уже не подразумевать соответствующей должности или полномочий. Вот и вся «табель о рангах»!

Лицо командора приняло суровое выражение, с которым капитан поднялся, и вразвалочку, не спеша, двинулся к фермерскому дому. Бросил, не оглядываясь, тоном решительным и хмурым: — У нас мало времени.

Громила сделал было широкий шаг вслед за своим капитаном, но дернулся обратно к шаттлу, и обеспокоенно позвал:

— Ты чего там застрял, Хитяра? Али прищемило тебе там что-то, танцор ты наш?

В ответ раздалось нецензурное упоминание процесса размножения. На что громила, хмыкнув, наставительно посоветовал:

— Так ты ж памперс бронированный надевай в следующий раз! Это поможет тебе сдерживаться, старый извращенец!

Громила — это, кстати говоря, в данном конкретном случае и характеристика и имя собственное.

— Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого недостойного выроodka славного семейства космических дерьмовозов! — раздалось в ответ.

— Просто техника тебя любит, Хит! — объявил на это громила по имени Громила, и поспешил за капитаном, громко бурча на ходу: — Любит. Всеми самыми извращёнными из

известных ей способов!

Когда капитан пиратов приблизился к фермерскому дому, из-за куста чего-то среднего между шиповником и орхидеями ему навстречу шагнула тёмная фигура. Капитан даже не моргнул, а вот Громила аж вздрогнул от неожиданности.

Это оказалась девушка, затянутая в чёрных комбинезон из оружейного нановолокна. Каре чёрных, как воронье крыло, волос, бандитского вида шейный платок, полоска непроницаемо чёрных очков на глазах — специальная тактическая гарнитура мобильного инфора. Завершала образ внушительная кобура на широком ремне, с торчащей из-под фиксирующего клапана потёртой рукоятью ручного бластера, снятого с вооружения лет сто назад.

— Периметр чист, — деловито доложила девица. — Во дворе обнаружен ствол неизвестной конструкции в нерабочем состоянии.

Капитан, как ни в чём не бывало, прошёл мимо неё, даже не шевельнув сурово сдвинутыми бровями. Поднявшись на веранду, остановился перед дверью.

— Минуту, — доложила девица, и ровно через минуту дверь распахнулась сама собой. Громила эту минуту нетерпеливо топтался, бросая взгляды по сторонам, а капитан, как и девушка, стояли невозмутимо и недвижно.

За эту минуту к ним успел присоединиться ещё один колоритный персонаж: невысокий мужчина неопределённого возраста в сильно поношенном лётном комбинезоне с потёртыми штанами, в странном кожаном шлеме на голове, с громоздкими выпуклыми очками инфора-анализатора какой-то древней модели, сейчас задранными поверх шлема на макушку, и с недовольным выражением на бородатом лице. Это был тот самый пират по имени Хит.

— Дом? — войдя в прихожую спросил капитан, ни на кого не глядя.

— Три минуты! — тут же откликнулась девушка.

— Обыскать тут всё! — спокойным и твёрдым тоном приказал капитан всё с тем же выражением суровой решительности на лице.

— А чего мы ищем? — поинтересовался Громила.

— Всё! — лаконично объявил капитан.

— Ясно, — кивнул верзила с выражением некоторой обречённой покорности, и начал обыскивать дом. Начал он с кухни. Уже через минуту оттуда донесся хруст, и громкое шуршание.

— Эй, Грамила! — окликнул его Хит, внимательно оглядывавший в это время обстановку гостиной, прежде чем переходить к активным поискам, — Ты там чего, жрешь что ли? Никак, решил пополнить необходимые микроэлементы, которых тебе в твоём дерьме не хватает?

С кухни раздался выстрел, и в стене, отделяющей гостиную от кухни, аккуратно рядом с Хитом, образовалась дыра с голову размером. Хит с интересом заглянул в дыру.

— Это что было? — не поворачивая головы, поинтересовался капитан. Он всё ещё стоял в прихожей, и сейчас задумчиво смотрел на визитную карточку в своей руке. Ту самую, что вручил Вацлаву офицер, доставивший извещение о смерти Роджера Бондски.

— Громила занялся дизайном интерьера, — констатировал Хит.

— Ищу тайники в стенах! — невозмутимым тоном доложил Громила.

— Мои датчики тайников в стенах не обнаружили, — спокойно сообщила девушка в чёрном.

— Нынче сейфы из керамики делают, а то и из композитных каких-нибудь материалов.

Такое дерьмо сенсоры не секут!

— Есть! Я взломала сервер дома! — доложила девушка в чёрном. — Дом покинули трое суток назад. В гараже отсутствует автомобиль. Срок хранения продуктов в холодильнике истёк вчера.

В кухне внезапно наступила задумчивая тишина.

— А не сходить ли тебе, обжора, местный галльюн обыскать? — съязвил Хит, засунувший голову в кухню через дыру в стене. — Ну, так, на всякий случай!

Из кухни раздался второй выстрел, а из гостиной — злорадный хохот.

— Похоже, нас опередили, — задумчиво сказал капитан, протягивая девушке визитку. На визитке была фамилия, имя, отчество, но не было никаких упоминаний организации, должности или звания.

— Контрразведка, — хмыкнула девушка практически сразу, едва поднеся визитку к своим инфор-очкам.

— Тем не менее! — капитан повысил голос: — Обыскать дом тщательно! — и, развернувшись, стал медленно подниматься по лестнице на второй этаж.

— Лестницу я тоже раздолбаю! — заявил Громила с порога кухни. — Где-нибудь под половицей может быть тайник.

— Дом стандартного проекта, отклонений в конструкции нет, намёков на возможное местонахождение тайников нет, — доложила девушка.

— Как закончим — сожжем дом! — приказал капитан уже с самой верхней ступени лестницы, где он с какой-то тоской в глазах разглядывал висевшие на стене видео-рамки системы «меморайз». С рамок ему улыбались старший Бондски и Вацлав. — Сожжем, после просеем пепел и обнаружим сейф!

— Ай-ай, кэп! — козырнул Громила, на секунду высунувшись из кухни, и тут же вернулся назад. А в следующую секунду оттуда раздался грохот упавшего холодильника.

— Лия! — крикнул капитан, — Займись тем стволом во дворе!

— Ай, кэп! — козырнула девушка. Она явно родилась уже после окончания Колониальных Войн и подписания Хартии, однако отсалютовала в традициях рейнджеров повстанческой армии времён той войны. Отсалютовала, чётко развернулась через левое плечо, и быстро вышла из дома.

Пираты планомерно обошли весь дом, тщательно всё обыскав, но ничего важного не нашли. Единственную их добычу составила найденная в самом начале в прихожей визитка офицера контрразведки.

Через пару часов закончив обыск дома, пираты вышли во двор.

— Готова доложить, кэп, — негромко обратилась к капитану пиратов девушка в чёрном.

— Слушаю, — отозвался капитан.

— Во дворе обнаружен ствол. Незарегистрированный. Самодельный. Хранение незаконно. Аналогов конструкции неизвестно, но эта примитивная поделка близка по конструкции к миномётам, и предположительно могла быть использована для ведения беглого не прицельного миномётного огня. Или для запуска орбитальных «стингеров» — калибр как раз позволяет. Судя по нагару на стволе, из него стреляли. Орудие уничтожено, предположительно, сильной отдачей, которую не выдержал самодельный лафет. Боеприпаса к орудию не обнаружено.

— Тупой фермер отстреливался, а потом прыгнул в пикап и сбежал! — объявил свои

выводы Громила.

— От кого ему тут отстреливаться? — проворчал Хит.

— Мало ли! — многозначительно протянул Громила, — На таких милых планетках знаешь, какие злобные налоговые инспектора водятся? А бродячие коммивояжёры! Что ты!

— Ну, я думаю, мальчишка фермерский просто играл в войнушку, — негромко проговорил Хит, — у нас в детстве похожие игрушки были, а были даже и ещё интереснее...

Капитан промолчал, только сдвинул сурово брови. Потом он поднёс указательный палец к уху, слегка прижал клипсу гарнитуры, и отдал своему кораблю приказ уничтожить дом.

Космический корабль на орбите произвёл выстрел вспомогательным калибром, и атмосферу на миг прорезал яркий луч. Плотная атмосфера планеты эффективно рассеяла луч когерентного излучения, но и тех крох мощности, что остались от выстрела, обычному фермерскому дому хватило с лихвой.

Пираты спокойно стояли, молча глядя на полыхающий фермерский дом.

— Я вот всё думаю, а где бы я спрятал что-то важное, будь я тупым фермером, — наконец нарушил молчание громким недовольным ворчанием Громила. — И не могу понять! Слишком много вариантов!

— Ничего! — хмыкнул Хит, — Вот, дом прогорит, сразу найдём в золе несгораемый сейф! Он же несгораемый! А тупые фермеры всегда всё ценное прячут в потайной несгораемый сейф!

— Тут жил отнюдь не тупой фермер, — вздохнул капитан, и его лицо на пару секунд разгладилось, теряя сумрачную суровость. — Хозяин этого... домика... был настоящим мудрецом! Даже жаль, что он уже помер. Так что тебе, Громила, нужно было иначе ставить вопрос: — «Где бы я спрятал что-то ценное, будь я аalienским гением» — вот как надо!

— О! Ну это совсем просто! — заявил Громила. — Если бы я был гением, я бы положил самое ценное на самом видном месте!

Пираты дружно уставились на Громилу с немым удивлением.

— Чего?! — сконфузился верзила под пристальными взглядами пиратов. — Я в детстве книжку читал, «Шерлок Холмс» называется! Про гениального сыщика. Так вот, в той книжке написано, что все гении делают так! Помнится, там письмо важное искали, всё перевернули — не нашли! А клиент, оказывается, просто конверт поменял, и оставил письмо на самом видном месте!

— Эх, Громила! — вздохнул капитан пиратов. — В следующий раз. Пожалуйста! Думать начинай чуточку пораньше! Раньше, чем мы сожжем очередной дом! — начав с тяжёлого вдоха, закончил капитан уже рыком. А затем, обернувшись к девушке в чёрном, приказал: — Как вернёмся на борт, Громиле прописать курс чего-нибудь улучшающего питание клеток мозга! Желательно уколами!

— Но, кэп! Чё я-то?! — возмутился Громила.

— И желательно, что бы эти уколы были болезненными! — рыкнул капитан.

— Меморайзы на стенах видели? Тут у фермера мальчишка был. В гараже машины не хватает. Возможно, мальчишка увёз с собой то, что мы ищем, — буркнул, обиженно потупившись, Громила.

— Тогда он поехал в город! — подхватил Хит, сдвигая свой шлем на лоб, что бы как следует почесать затылок. — В этой дыре больше и ехать-то некуда! Но там нам его не отыскать!

— Наоборот! — заявила девушка в чёрном. — В городе полно видеокамер. Дайте мне шесть минут!

Но уже буквально через одну минуту она разочарованно доложила:

— Облом! В тот день в городе была гражданская тревога, здания вместе с камерами на них спустили в скальный грунт.

— Космофлот устраивал представление! — проворчал капитан пиратов, помрачнев лицом. — И набирал призывников и добровольцев, насколько я понимаю.

— Это будет сложнее, — задумчиво произнесла девушка-хакер.

— Сколько тебе нужно минут? — хмыкнул, криво улыбнувшись, Хит.

— Одна, — ответила девушка уверенно, — И неделя подготовки перед этим! И доступ к их терминалу.

— Тогда не будем терять времени! — объявил капитан пиратов, и лицо его приняло выражение решимости, а в глазах плясали отсветы пожара. — Хит! Пока дом не прогорел, тащи пиво, зефир и попкорн! Там, в багажнике! Что-то из этого, как я смутно припоминаю из своего беззаботного хулиганского детства, полагается жарить на костре!

Арита́йя: Первая планета системы

Звезда, казалось, занимала половину неба. Хотя, возможно, так казалось со страха. Завораживала пляска миллиона ярких световых пятнышек на фотосфере, которые текут, меняя яркость, сливаются, гаснут, появляются вновь — как варево в кипящей кастрюле. В немыслимо гигантской термоядерной кастрюле. Там в глубине пылает ядро космического реактора, в котором водород превращается в гелий, могучие конвенционные потоки перемешивают звёздное вещество, звезду окутывает корона, в которой температура на много порядков выше, чем на её поверхности. И над этим атомным варевом плывёт здоровенный чёрный тефтель. Первая планета системы и цель полёта корабля фиан. Уродливый, изрытый шрамами комок из различных металлов. Все более лёгкие атомы из него давно выдул звёздный ветер. Силу этого звёздного ветра смелый корабль фиан ощущал уже сейчас, хотя до первой планеты было ещё далеко. Корпус корабля, конечно, выдержит. Корпус и переборки созданы из исключительно тугоплавких сплавов. Корпус-то выдержит...

Арита́йя с дрожью косилась на большой обзорный экран, где бортовой компьютер выводил изображение огненного котла, в который они медленно падали и уродливой чёрной обгорелой головешки над огненной бездной. Косилась, и отгоняла мысли о том, каково это, свариться в корабле заживо.

— Можешь ещё приблизить изображение? — попросил капитан Нелнишнош.

— Без толку, — отозвался борт-инженер, хмурый и недовольный. — Искажения будут сильнее.

— Фильтры поменять? — предложил капитан, и через пару секунд изображение на большом — во всю стену рубки управления — экране пошло рябью, посинело, звезда причудливым образом изменилась — видимо, компьютер включил в обработку изображения данные с рентгеновских сенсоров. Однако чёрная головешка так и осталась чёрной головешкой.

— Возможно, активность короны мешает тут больше обычного для звёзд основной последовательности..., — буркнул хмурый инженер.

— Возможно, — капитан, однако, покачал головой с явным сомнением, — или...

— Есть! — капитана перебил резкий радостный выкрик инженера связи, и не успел тот пояснить, что именно есть, как по громкой связи разнеслись слова песни:

— Пусть ионные вихри гудят за бортом...

Губы капитана Нелнишноша расплылись в радостной улыбке. Песенку он сразу узнал — она была популярна среди молодых пилотов, но не в этом дело. Дело в том, что он сразу узнал и певца! Пел, без сомнений, Абуксигун, капитан «Смелого свистуна»!

— Связь по когерентному лучу с борта «Смелого свистуна», — доложил инженер. — Выходит, они нашли нас раньше, чем мы их!

— Держать курс! — тут же приказал Нелнишнош. Ведь с такого расстояния попасть узким лучом связи по сенсорам далёкого корабля очень трудно, а удержать его на подвижной цели ещё сложнее.

Капитан прочистил горло, взглянул вопросительно на инженера связи, и, дождавшись утвердительного кивка, заговорил:

— Это «Песнь о доме»! Вызываем «Смелый свистун»! «Смелый свистун», как слышите?

— Наконец-то! — раздался в ответ радостный голос Абуксигуна. — Слышим вас,

«Песнь о доме»!

— Какое облегчение! — Нелнишнош не смог не улыбнуться, но тут же посерьёзшел, и перешёл сразу к главному: — Как вы там? Держитесь? Насколько серьёзны повреждения? Как фиане?

— У нас всё отлично! — голос капитана Абуксигуна звучал уверенно. Офицеры в рубке управления «Песни о доме» переглянулись. И, разумеется, каждый бросил взгляд на Аритайю. Ведь из-за её пророчеств тут все поверили, что корабль «Смелый свистун» потерпел крушение. Взгляды были различной степени недоумения, и только капитан и Ахутехоут — первый офицер наблюдения — взглянули на неё задумчиво. Но высказать своё недоумение никто не успел.

— Спасать надо вас! — уверенно заявил голос капитана Абуксигуна. — Вам угрожает опасность! Поспешите выйти к первой планете! Мы проведём ваш корабль безопасным курсом!

— Пожалуйста, объясните! — попросил капитан Нелнишнош.

— Мы знали, что вам не удалось покинуть систему, и опасались, что вы будете дрейфовать в режиме тишины, ожидая, что хищники улетят. Так вот. Они не улетят! Дело в том, что во время бегства из засады на «Смелый свистун» закорились два перехватчика хищников. Это они вывели из строя наш корабль, в последний момент сорвав нам гиперпрыжок, и мы стали падать. Я уводил корабль в прыжок курсом на первую планету системы, что бы хищники решили, что мы тут собираемся прятаться. А на самом деле рассчитывая в гипере перепрыгнуть за звезду, а перехватчиков стряхнуть со своего корабля во время прыжка. Но не сумел. Хищники оказались шустрее, сорвали нам прыжок, и мы с ними упали на эту планету. Оба перехватчика хищников погибли. А беда в том, что где-то в этой звёздной системе рыщет их крейсер! Подумайте сами: откуда бы у четырёх фрегатов взялся стольким перехватчикам? Где-то есть крейсер, который их доставил! И этот крейсер будет искать нас, и два пропавших перехватчика! О гибели перехватчиков хищникам на крейсере наверняка не известно, а значит, они будут искать их. Будут искать их и нас, а найдут вас! Поэтому мы пытались как-то с вами связаться, но у нас ничего не вышло!

— Наши системы дальней связи вышли из строя, — откликнулся в этом месте Нелнишнош.

— Тогда наш сенсорик предложил докричаться до вашего сенсорики! Мы все, всей командой, кто как мог, пытались звать вас, в отчаянной надежде, что ваш сенсорик почует наш зов!

— У вас получилось, — вставил капитан корабля «Песнь о доме», бросив на Аритайю взгляд, полный отцовской гордости. Девушка смущённо потупилась, покосившись на первого сенсорики Ахутехоута. Тот выглядел обескураженным.

— Ваш Ахутехоут великолепен! — похвалил Абуксигун.

— Ваш зов услышала наша Аритайя, — возразил Ахутехоут, и Аритайя поймала его взгляд и волну раскаяния. Заметив, что Аритайя смотри на него, первый сенсорик смутился, и быстро отвёл глаза. Аритайя, как сенсорик, почувствовала, насколько Ахунехоут переживает свой промах. Ведь это он первым усомнился в пророчестве Аритайи, и высказал предположение, что её сон вызван переживаниями влюблённой девушки.

Аритайя тут же мучительно покраснела. В ней боролись гордость и стыд. Гордость за то, что она, несмотря на недостаток опыта, справилась, не уступила сомнениям. И стыд, что не сумела правильно понять зов.

Теперь выходит, что тот сон про встречу с Абуксигуном был спокойный, потому что капитан Абуксигун взывал вовсе не о своём спасении! Он предлагал искать спасения и убежища на первой планете ей и её кораблю! А в последнем сне Футиайя — сенсорик с корабля «Смелый свистун» — прямо утверждала, что их не нужно спасать, что опасность угрожает не «Свистуну», а «Песне о доме»! А то, что себе надумала Аритайя... прс влюблённость и ревность... теперь заставляло её стыдиться и мучительно краснеть.

— Внимание, «Песня о доме»! Первая планета полна аномалий. Тут есть электромагнитные аномалии, способные легко сбить навигационные приборы. Тут есть гравитационные аномалии, вполне способные погубить корабль. Да это и не планета вовсе, а сплошная аномалия! Но мы проведём вас безопасным курсом, вы только должны полностью довериться нам! Безопасный курс... скажем так: вполне способен вас напугать. Просто поверьте нам!

— Хорошо, «Смелый свистун»! Мы готовы!

— Тогда слушайте: мы нацелим вас точно в посадочное окно, и вы должны будете обесточить свой корабль!

— Полностью обесточить?! — удивлённо и недоверчиво воскликнул борт-инженер.

— Погасить реактор, отключить все приборы, и заглушить двигатели! — настаивал голос из динамиков дальней связи. — Полностью!

— Хорошо, наверное, но объясните хотя бы...

— Тут водятся плазмоиды.

— Кто?

— Сейчас не важно. Важно вот что: плазмоиды уничтожат вас, если вы не обесточите корабль!

— Но как мы сумеем приземлиться на планету без двигателей и приборов?!

— Слушайте! Перехватчики хищников, которые заякарились на нашем корабле, полностью вывели из строя наши энергетические системы. Мы вместе с хищниками на нашей обшивке падали на эту планету, и тут нас встретили плазмоиды! На наш обесточенный корабль плазмоиды никак не реагировали, а вот оба перехватчика хищников... сожгли. Смерти хищников были... ужасны!

— Как вы не разбились?

— Тут у самой поверхности сильные потоки. Нас аккуратно снесло на мягкую песчаную площадку. Мы словно в мягкую подушку упали! И вас так же аккуратно подхватит!

— Что за потоки?

— Газовые! При низкой гравитации! Тут полно аномалий! Вся эта планета — сплошная аномалия, если честно! И здесь нас никакие хищники не достанут!

— Вы сумеете рассчитать входное окно для нас? Несмотря на все аномалии?

— Мы тут изучаем аномалии, их силу и расположение специально ради вашей безопасной посадки! И да! Мы сумеем точно рассчитать «окно» для вас! Пожалуйста, поверьте нам!

— Хорошо, «Смелый свистун»! Мы верим вам, и вверяем в ваши руки наши жизни! — заверил капитана Абуксигуна капитан Нелнишнош.

— Тем более, что иначе наши жизни возьмут в свои руки хищники..., - пробормотал борт-инженер.

— Тогда принимайте параметры траектории, — откликнулся Абуксигун. — Вам придётся сделать виток вокруг планеты, сбросить скорость. Перегрузки будут большими, но

не очень опасными. По-хорошему требуется два витка, но за вами погоня.

— Верно, за нами гонится крейсер хищников, и на второй виток у нас времени точно не будет! Мы согласны на перегрузки! Давайте параметры «окна», наши штурманы и пилоты вас внимательно слушают!

Пираты: Сила доброго слова

Планета Топураг в системе Топураг

Следующий после пикника у подождённой ими фермы день космические пираты посвятили делам в городе.

Угадайте, как называется город? Подсказка: планета Топураг в системе Топураг, и город имеет лифт до орбитальной станции, которая называется «Топураг».

Не угадали. Город называется Альфа-сити. В пику двум исторически более первым городам на планета: Прима-сити, и Мега-сити. Да, есть тут Топураг-сити, но это маленький шахтёрский посёлок на другой стороне планеты.

И так, космические пираты вошли в город. Нельзя сказать, что шли они стройными рядами, печатая шаг, как положено абордажной команде лихих космических пиратов. Во-первых, на стройные ряды их банально не хватило, а во вторых плелись они кое-как. Потому что боевой свой челнок оставили конспирации ради слишком далеко от города — на свалке технического мусора, где пиратский космический шаттл смотрелся весьма органично, — и шли пешком.

Странный медицинский факт: можно ежедневно часами упражняться, бегать, прыгать, убивать космических монстров ударом кулака, и мнить себя атлетом, но почему-то первый же марш-бросок по пересечённой местности чётко проясняет, где реальность настоящей атмосферной планеты с настоящей гравитацией, а где игры на борту космического корабля с полным погружением в виртуальную реальность.

Задачи личному составу были поставлены чётко:

— Хит, займись запчастями. Наш заказ уже должен быть готов, — на ходу бросил командор, чьё лицо не покидала суровая задумчивость.

— Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого выроodka славного семейства космических дерьмовозов...

— Что?

— Ай, кэп!

— Лия, займись шопингом!

— Ай, кэп!

— Громила. Ты, как интеллигентный человек, пойдёшь в страховую контору...

— Чего сразу обзывать, кэп?! — возмутился пират.

— Я ведь и в морг послать могу, знаешь? — рыкнул командор, нехорошо ухмыльнувшись. Громила грустно вздохнул, поняв, что отвертеться от поручения не получится. Капитан продолжил уже обычным спокойным тоном: — Хорошо, поясню диспозицию: Хит занят техникой...

— Будь проклят тот дерьмовоз, когда я, выродок славного космического семейства... — донеслось невнятное бормотание бортинженера.

— Лия тоже занята, а я слишком красивый, — закончил свою мысль командор.

— Э? — не понял Громила.

— Что? Посмотри на мой профиль — разве не чудо? — невозмутимо предложил командор, демонстрируя Громиле свой профиль.

— Э..., кэп, но это не моя тема..., - смутился тот.

— А вот местным ценителям портретной живописи очень нравится, — хмыкнул командор.

— А! — догадался, наконец, Громила, — Ну, да! Ваш фоторобот, кэп, в каждом отделении полиции!

— И я про то же! Потому не желаю лишний раз светить свой «фоторобот», как ты это называешь. Так что, как говаривал, должно быть, твой любимый гений сыска, Шерлок Холмс...

— О, нет! — Громила сокрушённо вздохнул, покачивая головой. — Кэп! Ну, сколько можно поминать...

— ... методом логического исключения, — невозмутимо продолжал капитан, — остаёшься только ты, Громила. Так что, повторяю: как интеллигент, отправляешься в страховую контору.

— И? — пират явно ждал продолжения.

— Что не понятно? — хмыкнул капитан.

— Сейчас будет про уколы для питания клеток мозга, да, кэп? — Громила с подозрением прищурился.

— Рад, что ты думаешь об этом! — ухмыльнулся капитан. — Так вот. В страховой конторе ты интеллигентно плачешь о сгоревшей ферме твоего внучатого племянника, и требуешь страховые выплаты.

— Нафига? — удивился Громила. — Я ж всё равно не могу их получить!

— Мой интеллигентный товарищ, — со вздохом и выражением терпеливой няньки на лице, принялся объяснять командор, — слово «интеллигент» у нас здесь происходит от слияния таких двух понятий, как «intelligent service» и «агент». Сиречь, разведчик ты будешь, Громила! Нам надо отыскать этого шустрого юного фермера, понимаешь? Мы не можем узнать где он, но подумав, мы можем догадаться, куда он непременно придёт.

— И куда? В страховую контору?

— Ну, а куда, по-твоему, приходят фермеры-погорельцы? К пожарным ему идти уже поздно, не находишь?

— Кэп, вы же не бросите меня одного в этой дыре караулить мальчишку, неведомо сколько дней? А то и лет, кэп! — возмутился Громила после пятиминутной паузы, во время которой пират обдумывал полученный приказ.

— От тебя, как от интеллигента, требуется только спровоцировать служащего страховой конторы выполнить запрос в базы данных, остальное отследит «жучок» Лии, — небрежно отмахнулся капитан.

— Так точно, кэп! — бодро откликнулась девушка в чёрном. — Прошу уточнить!

— Да, Лия? — командор повернул голову и улыбнулся девушке.

— Какова цель моего задания на «шопинг»?

— Дамские штучки, — капитан изобразил рукой неопределённый жест. — Почему-то мне казалось, что ты должна бы лучше меня понимать, что такое «дамские штучки», Лия.

— Виновата, кэп! Всё ясно, кэп, сэр!

— Отлично, — невозмутимо подытожил результат брифинга капитан пиратов. — По окончанию дел, встречаемся в баре.

— В каком баре, кэп, э... сэр? — аккуратно поинтересовался Громила, предварительно оглядевшись по сторонам и не приметив ничего похожего на питейное заведение.

Командор коротко махнул рукой, дав условный знак: — «оставаться на месте в боевой готовности», и, растянув на лице учтивую и вежливую, по его мнению, улыбку, подошёл к случайному прохожему. Хитрый условных знак, обозначенный в уставе рейнджеров добровольческой освободительной армии, не понял никто, кроме Лии. Но, когда мужчины двинулись за своим командором, чётко фиксируя фланги, девушка не пожелала отставать от компании. Так что бедный случайный прохожий замер и нервно икнул, глядя круглыми глазами, как на него слитным хищным движением надвинулась слаженная группа весьма подозрительных личностей.

— Доброго дня, уважаемый! — как сумел, вежливо поздоровался командор, невольно сверкнув правым клыком в кривом оскале. — Прошу Вас разрешить наш небольшой спор. Эта вот нежная девушка отправляется на невинный шопинг, и мы с приятелем, желая дать ей совет, решительно разошлись во мнениях. Прошу Вас, уважаемый, рассудите нас: какое заведение, по-вашему, ни в коем случае не стоит посещать милой невинной девушке?

Прохожий так растерялся, что выронил свой инфор (который нервно теребил в руках, при приближении космических пиратов), и раскрыл рот, словно выброшенная на берег рыба. Командор решил успокоить гражданского, и пояснить:

— Понимаю, таких много, мы же поспорили о том, какое заведение самое-самое не рекомендуемое приличной невинной девушке?

— Лифт там... — выдавил из себя прохожий.

— Ыто чего?! — рыкнул, было, Громила, но его прервал командор:

— Весьма Вами благодарен! — проговорил он, и плавным движением ушёл с линии ата..., нет, ну, то есть, с линии движения прохожего. Команда пиратов тут же дружно расступилась, и прохожий на этот раз не стал долго тормозить, а резво воспользовался ситуацией, и покинул место действия.

— Ваш инфор! Инфор потеряли! — крикнул командор в след быстро удаляющейся фигуре, и фигура неуверенно замерла. Командор подобрал брошенное устройство, ловко и незаметно извлёк сим-карту, и с улыбкой вернул инфор владельцу. Тот неуверенно поблагодарил и поспешил исчезнуть.

— Видите, как доброе слово способно быстро и эффективно помочь в сборе оперативной информации? — поинтересовался невозмутимый командор.

— Подтверждаю, — откликнулась Лия, только что нашедшая информацию в своём инфоре, — бар «Вид на Лифт», в просторечье «Лифт не тут», или «Лифт там». Расположен с эффектным видом на орбитальный лифт, именуемый в народе как «Лифт». Изначально бар был запланирован, как продвинутая площадка для богатой публики. Однако по ходу возведения орбитального лифта первоначальные планы строительства были скорректированы, и подъезды к Лифту оказались с другой стороны, так что поток пассажиров орбитального лифта прошёл мимо бара «Вид на Лифт», к иным конкурирующим заведениям. Отчего бар «Вид на Лифт» после попытки ребрендинга и модернизации дважды сменил владельцев и имидж, а ныне стал значным местом. Конец справки.

— Идеально, — заключил командор. — Задачи поставлены. Всем всё ясно. Сбор в баре «Лифт там». Время пошло.

И космические пираты разошлись, каждый в свою сторону.

Несколькими часами позже, сидя в пустом по причине неурочного времени баре, и невозмутимо потягивая местный кефир, командор космических пиратов «втыкал» в местную сеть со своего инфора (которому установил только что украденную сим-карту).

«Школоло! Сопли подотри, и уроки иди, делай! А то туда же: в космические пираты он подался!» — советовал авторитетный пользователь с ником «РиалПайрат» капитану космического крейсера добровольческой освободительной армии. — «Настоящие пираты не сидят в общественной сети с белого айпишнега!»

«Это временная трудность, потому что мне мамка запрещает», — невозмутимо отвечал командор, — «вот сбегу от мамки, и стану настоящим космическим пиратом! Да я вот прямо сейчас сижу в настоящем притоне, и пью настоящий пиратский кефир!»

«Усы утереть не забудь после кефира!» — откликнулся РиалПайрат.

«Кефир — напиток настоящих космических пиратов, это все знают!» — возразил командор, и сделал очередной глоток. — «А потом я прямо из бара отправлюсь на Могилу Храбрых — вербоваться в команду крейсера освободительной армии!»

«Ага! Только со страху штанишки не запачкай! Нынче на Могиле Храбрых будет реальный сходняк!»

Командор удовлетворённо кивнул, разорвал связь, снова установил, но выбрал другой чат.

Дверь хлопнула, на пороге появился Хит. Не глядя на своего капитана, механик уверенно прошёл к стойке, взял пинту светлого пива марки «Лифтёр», и всё так же не глядя на командора, зигзагом проследовал к его столику.

— Это чего? — буркнул Хит, озадаченно разглядывая бутылку кефира.

— Напиток настоящих космических пиратов, — невозмутимо сообщил командор.

— Палишься?

— Скрываюсь, — командор весело ухмыльнулся. — Я спросил у бармена налить мне того, чего пьют настоящие космические пираты. Он предложил кефир.

— Палишься...

— Не-а, маскируюсь. Настоящие пираты вряд ли просят бармена налить то, что пьют настоящие космические пираты. Как у тебя дела?

— Будь проклят тот день...

— Настолько плохо?

— ... и тот шутник, что сказал местным криворуким фермерам, что они могут быть механиками!

Капитан поморщился на эту тираду бортмеханика, и сообщил Хиту:

— Знаешь, я тут специально для тебя книжку купил. «Словарь ненормативной лексики технического персонала межпланетных линий». Подучись! Надо же как-то повышать! Расти над собой!

— Спасибо, кэп, — очень мрачно и недовольно буркнул Хит.

Дверь снова хлопнула, и на пороге появился Громила. Кинув взгляд на капитана с механиком, Громила громко и демонстративно хмыкнул, презрительно фыркнул, и наглой походкой вразвалочку двинул к их столику. Постояв, покачиваясь на пятках, над столиком, Громила громко объявил им, что пьют они дерьмовую мочу, и сейчас он покажет невежам, что и как пьют мужчины. После чего отбыл к бару.

— Переигрывает, — покачал головой командор.

— Да не, — кинув взгляд в спину Громилы, поделился сомнением бортмеханик, —

просто он охренел!

Громила меж тем попросил бармена налить «того, что пьют настоящие мужики!», и получил бутылку кефира. И рядом тут же нарисовались два вышибалы. А вышибалами тут оказались колоритный старик с длинными седыми прядками волос там, где у людей растут усы и борода, и молоденький паренёк, чьё белоснежное кимоно опоясывал чёрный пояс.

Такой расклад сил почему-то лишил громилу желания продолжать представление. Он вздохнул очень печально, молча взял свой кефир, и с хмурым видом проследовал до столика командора.

— Ты охренел! — шикнул на него механик.

— Я интеллигент, — возразил механику громила, — что означает «intelligent service агент».

— Но ты переигрываешь, — невозмутимо сообщил ему командор.

Громила вздохнул.

— Кэп купит тебе книжку! — пригрозил громиле Хит, бросив опасливый взгляд на командора.

Дверь снова хлопнула, и на пороге оказалась Лия. Девушка задумчиво добрела до стойки, и едва не рухнула на неё.

— Чего желает дама? — участливо поинтересовался бармен.

— Водки и плохой компании, — уставшим голосом попросила девушка. Бармен молча поставил на стойку запотевшую бутылку, стакан, и кивнул на столик с пиратами. Лия благодарно кивнула бармену, и развернулась на каблуках, ловко подхватив и бутылку и стакан.

— Если что, — многозначительно прошептал ей бармен громким шёпотом, и приподнял над стойкой внушительных размеров старинное помповое ружьё.

— Спасибо, — буркнула ему Лия, и прошла к столику командора. Громила галантно предложил девушке свой стул. Сам пересел.

— Докладываю, — произнесла Лия, и инфор капитана пиратов пикнул, сообщив о приёме пакета документов. Командор хмыкнул и полез в настройки инфора менять IP.

Потом пираты молча пили, поглядывая на своего капитана, который регулярно издавал удивлённый свист, пока знакомился с документами, присланными ему Лией.

Оказалось, что занимаясь «шопингом», девушка взломала сеть банкоматов в местном гипермаркете и выкрала базу данных с номерами кредиток и кредитными историями местных жителей. Письменно извинялась, что обнаружить Вацлава Бондски в этой базе не удалось, поскольку имён и фамилий в ней нет, а есть только номера социального страхования граждан. Номер социального страхования Вацлава Бондски ей пока не известен.

Кроме того, оказалось, что Лия вышла на партию некоего товара, именовавшегося в накладной как «Женские штучки, набор в упаковке». Партия оказалась «серой», номера пробиты «палёные». И Лия, тряхнув товароведа и подкупив грузчиков, сумела выйти на контрабандистов, которые протащили, минуя таможню, в числе прочего и партию «женских штучек, набор в упаковке». После переговоров с Лией, контрабандисты быстро сдались, сообщили имена и явки, подарили лично девушке всю партию «женских штучек», размером с товарный вагон, и согласились сотрудничать на взаимовыгодных условиях с добровольческой освободительной армией.

Короче говоря, командор пиратов удивлённо присвистывал не менее получаса, иногда кидая на свою подчинённую многозначительные взгляды.

Пока капитан пиратского крейсера мучительно обдумывал проблему, как сообщить Лие, что «шопинг за дамскими штучками» подразумевал обновление гардероба — Внимание! Не амуниции и вооружения, а гражданского дамского гардероба! — его соратники делились мрачными и не всегда цензурными замечаниями по поводу оценки шансов на обнаружение Вацлава Бондски. Оценки шансов склонялись к отметке «безнадёжно».

Когда командор очнулся от тяжких дум (так и не найдя приемлемого решения), он нашёл необходимым вмешаться и поправить настроение команды:

— Отставить разводить унылый пессимизм! Что за пораженческие настроения?! — командор извлёк из внутреннего кармана рамку «меморайз», с которой беспечно улыбался Вацлав Бондски, и положил её на середину стола. — Соберитесь! Соображайте! Объявляю мозговой штурм! Как нам его найти? Ну? Чему я вас учил?

Громила вздохнул, поболтал пустой бутылкой из-под кефира, и попросил Лию:

— Выручай, Лия! Тебе бармен доверяет — ты подойди к нему, попроси бутылочку рома. Мне бы стресс снять, а?

Лия согласно кивнула, взяла рамку «меморайз», и пошла к стойке. Пока девушка о чём-то тихо переговаривалась у стойки с барменом и вышибалами, пираты недоумённо переглядывались, и многозначительно хмыкали.

Наконец, девушка вернулась к столику, поставила перед Громилой бутылку рома, и протянула командору рамку «меморайз».

— Кэп, ты гений! — заявила она, радостно улыбаясь.

— А... что ты хочешь этим сказать, — осторожно поинтересовался гений.

— Что я счастлива служить под Вашим командованием, кэп, сэр! — бодро доложила Лия. — «Доброе слово способно быстро и эффективно помочь в сборе оперативной информации», помните? Гениально, кэп! Бармен опознал Вацлава Бондски по этому изображению. Старик вышибала подтвердил: в день, когда космофлот устраивал здесь шоу с вербовкой свежего мяса, Вацлав Бондски был в этом баре! Прибыл в компании двух космофлотских. Все трое получили здесь сильную алкогольную интоксикацию центральной нервной системы. Бармен утверждает: обмывали контракт Вацлава Бондски с космофлотом.

— Проклятье! — не выдержал командор, — Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого...! Тьфу, прилипло! Хит — внимательно изучи ту книжку, что я тебе купил! Всё, теперь громко пьём, дебоширим, разбиваем лица до крови, и потом быстро уходим!

— Зачем? — удивился Громила. Капитан вздохнул, и задал громиле встречный вопрос:

— Вот, как ты думаешь, что скажет завтра этот бармен, когда его попросят рассказать о нас?

— Что мы интересовались Вацлавом Бондски, — кивнула Лия. — В разговоре лучше прочих запоминается последняя фраза!

— А если мы устроим дебош? — продолжил командор.

— Тогда бармен и не вспомнит про Бондски! Гениально, кэп! — восторженным шёпотом высказался Хит.

— Сей момент, улажу! — пообещал Громила, вскочил, и громко спросил бармена: — Уважаемый! Подскажите, как пройти в библиотеку?

— Зачем? — Удивился Хит.

— Последняя фраза! — прошипел ему Громила.

— Учись быть интеллигентом! — наставительно изрёк командор пиратов, и первым разбил бутылку джина о стол.

Громила согласно кивнул, и перевернул стол. Лия с видимым удовольствием выхватила свой потёртый старый бластер. Бармен схватил своё старинное помповое ружьё, и спрятался за стойкой.

Редхат: У пепелища

Редхат прибыла на Топураг с почтовым курьером. Лёгкий аппарат, по сути урезанный до гражданских стандартов гиперпространственный перехватчик, запускаемый с орбитальной станции посредством так называемой «почтовой катапульты» — практически торпедным аппаратом проекта гиперпространственного зенитного дивизиона «патриот-С30М», снятого с вооружения. Способа добраться сюда быстрее не существовало в природе.

О присутствии на орбите Топурага крейсера непримиримых Редхат узнала в фойе орбитальной станции «Топураг». Но не сопоставила.

А теперь Виктория стояла на дороге меж полей, ветер мерно перекачивал зелёные волны, а перед ней лежало пепелище. Ещё свежее, кое-где горячее. Чёрное, присыпанное лёгким белёсым пеплом. В точности, как её душа.

Теперь она сопоставила!

Раз:

— Ситуация в секторе Кирибея-три!

— Принято! Запрашиваю целеуказание, координаты, и уровень полномочий!

— Координаты загружены. Объект на позывные не отвечает. Конструкция однозначной идентификации не поддаётся, но по тоннажу тянет на крупный транспорт. По оперативным данным на борту субъект под оперативным псевдонимом «Волк».

Два:

— Я тебе никогда не лгала, Серый! И сейчас честно говорю: сдавайся, идиот! Или я тебя сейчас убью!

— Я тебе... кхе, м-да, но сейчас гарантирую: ты будешь сильно жалеть, если сейчас атакуешь, Вика! Не могу сказать всего, но я не вру: не лезь сейчас ко мне! Пожалеешь! В конце-то концов, у тебя наверняка приказ — наблюдать! Вот и наблюдай!

— Начали!

— Семечки пошли!

— Фиксирую множественные цели. Работаю вспомогательным калибром!

— Идентифицирую ответный огонь как плотный!

— Вижу входящие!

— Незабудки по периметру!

— Подрыв!

— Залп!

— «Слёзы Сатаны» пошли!

— Уклонение!

— «Слёзы» достигнут цели через 5... 4... 3...

— Проклятье, Вика! Дура! Откуда ты взяла эту дрянь!

— Я предупреждала, Серый!

— Стой! У меня дети на борту, дура! Откуда мне было знать, что на штатный полицейский катер можно установить эдакую дрянь!

— Какого алиена! Нет! Ты, скотина серая, спелся с алиенами! Тварь! Прекратить огонь! Полный на сближение! Подготовить шлюз к приёму раненых!

Три:

Человек, сгоревший заживо, ради спасения детей из горящего корабля. Просто

спекшаяся куча углей — хоронить родственникам будет нечего. Вряд ли он был хорошим человеком, раз связался с пиратами, но погиб достойно — благодаря его жертве, больше никто не погиб.

Четыре:

— Мы тут получили извещение о смерти гражданина Роджера Бондски, фермера, и доброго моего друга. Это как-то невероятно, знаете ли. Где тело, в конце-то концов? Что вообще случилось? Почему нам не говорят?

— Да! Это мой отец! — заявил паренёк с глазами, взгляд которых почему-то поднимает из памяти то, что она предпочла бы забыть навсегда.

Пять:

Крейсер добровольческой как бы освободительной якобы армии, «Титаниус», совершающий паломничество к Могиле Храбрых на Топураге.

Шесть:

Пепелище на месте фермы Бондски.

Сопоставила.

— Ах ты, подлая тварь, Волчонок! — прохрипела капитан Редхат, лихорадочно пытаюсь расстегнуть воротник непослушными пальцами.

— Мэм... — неуверенно позвал её пилот полицейской «вертушки», на которой Редхат прилетела сюда.

— Ничего. Благодарю Вас. Возвращайтесь на базу.

— А Вы, мэм?

— Пройдусь до соседней фермы, по пути хорошенько подумаю. А там займусь поиском и опросом возможных свидетелей. Материалы вышлю вашим сыскарям. Буду на связи.

— Да, мэм! — пилот привычно козырнул, и захлопнул дверцу кабины. Виктория автоматически отметила военную выправку мужчины, привычку бросать взгляд вверх сразу по завершению посадки, и неосознанное движение, когда большой палец как бы ненароком ласкает рукоять управления полицейской «вертушки» в месте, где боевые истребители имеют кнопку системы управления огнём. Отставник, — решила Редхат, — Палубная авиация, космофлот. Вот, и взлетает не по инструкции: «делай раз, делай два, делай три», а по-космофлотски: «делай раздватри зараз»!

Пешая прогулка до соседней фермы оказала воистину благодатное воздействие и на организм, перенёсший безумные перегрузки в непредназначенном для перевозки пассажиров почтовом курьере вместо положенного восстановительного отдыха после ранения, и на измученную душу Виктории. Отступили и привычная боль от предательства единственного близкого человека, друга детства, и непривычная ещё тяжесть чувства вины. Виктория в кои-то веки отдалась созерцанию пасторальных пейзажей. Впереди её ждала привычная работа и расследование. Она, конечно же, докопается до правды. Просто потому, что иначе и быть не может.

* * *

Разговор с четой Мицкович оказался ещё благотворнее прогулки через поля: выяснилось, что юный Бондски покинул ферму задолго до пожара. Настораживало то, как старательно прятал глаза хозяин фермы и глава семейства, Теодор Мицкович, когда

рассказывал, куда, зачем, и почему отправился его юный сосед. Впрочем, припомнив, в каком состоянии Теодор был во время того сеанса связи, Виктория списала эту странность на чувство вины за злоупотребление алкоголем.

Главное: пираты с Вацлавом Бондски не встретились. Теперь дело за малым: разыскать паренька раньше, чем до него доберётся Волк. По словам свидетелей, юный фермер поехал в город, искать встречи с «начальством космофлотских». Заметим: паренёк пребывал в состоянии алкогольного опьянения. Учитывая, что он до сих пор не вернулся из города, следует предположить, что искать его нужно там, в городе. Либо в госпитале, либо в полицейском участке.

Виктория тепло попрощалась с супругами Мицкович. Хозяин фермы и глава семейства, Теодор, настоял, что бы «девушка из полиции» взяла его автомобиль. И просил сообщить, как только о Вацлаве станет что-то известно. Редхат отказываться не стала, и укатила в город на фермерском пикапе.

По дороге Виктория со своего инфора вышла на связь с местным отделением полиции, надиктовала отчёт об осмотре места разбойного поджога фермы Бондски, и о результатах опроса свидетелей. Затем попросила оформить запрос на установлении местонахождения Вацлава Бондски.

Пикап уже въезжал в городок (оставив по правому борту городскую свалку технического лома, и складские терминалы по левому), когда ей пришёл ответ: ни в полицейских отделениях города, ни в медицинских учреждениях означенный Вацлав Бондски до сих пор не появлялся, в отелях, мотелях не регистрировался.

Виктория остановила машину в глухом переулке, и задумалась.

А подумав, набрала номер.

— Это Редхат, — предупредила она сразу, едва вызываемый абонент подключился.

— И почему твой звонок не вызывает радости в моём уставшем сердце, дорогая? — откликнулся мужской голос. — Дай угадаю: ты опять по делу? А ты в курсе, что твой крестник уже пошёл в школу, и до сих пор так и не встретился со своей крёстной?

— Прощу, не надо! — голос Виктории потеплел. — Моё сердце не выдержит ещё груза вины.

— Таки я имею прекрасное средство помочь твоему сердцу! — живо откликнулся собеседник. — Приезжай, у меня великолепная наливочка поспела! Это просто что-то с чем-то!

— Я в бегах, — предупредила Редхат.

— Пристрелила какого-нибудь бандюгу, и тебя таки обвинили в превышении полномочий?

— Хуже. Мне приказали отдыхать.

— Изверги!

— Именно.

— Хорошо, я таки весь внимание.

— Необходимо пробить по базам человека.

— Записываю.

— Бондски, Вацлав Бондски. Последнее место жительства — собственная ферма на Топураге.

— И чего с ним не так?

— Пробить надо не в наших базах...

— А?

— В базе личного состава четвёртого ударного флота. Среди новобранцев, набранных на Топураге недавно.

— Ну, ты даёшь! Официальный запрос по взаимодействию?

— Нет, сейчас не могу официальный, извини.

— Знаешь, когда-нибудь из-за твоих запросов ко мне придут вежливые люди в чёрных костюмах...

— Обещаю: как только отыщу этого Вацлава Бондски, обязательно явлюсь к тебе в гости! И честно выдержу всё!

— Ловлю на слове!

Виктория вышла из машины, задав автопилоту приказ возвращаться на ферму Мицкович. И решила прогуляться по улицам городка, просто куда ноги несут, да и снять комнатку в первом попавшемся отеле, что бы, наконец, как следует выспаться.

План почти удался. Она вполне хорошо прогулялась, вкусно перекусила в небольшом уютном кафе, и даже сняла уже комнату в средней руки отеле, когда ей пришёл вызов.

— Дорогая! — позвал, как обычно, без всяких «Алё!», и не представившись, знакомый голос. — Мне конкретно жаль, но твоего Бондски в четвёртом флоте нет. Есть медицинская карточка: он проходил приёмную комиссию на орбитальной станции «Топугар», но завалил. Угадаешь, по какой статье?

— Без понятия...

— Психический!

— Ясно. Пьяный фермер наорал на военные чины, и они его списали. Куда же он тогда делся?

— Понятия не имею! Честное слово! Но я своё дело сделал, и напоминаю: ты обещала!

— За мной не заржавеет! — Редхат тепло улыбнулась.

— В час, когда тебя снова позовёт долг в опасный поход, вспомни, что за тобой есть долг передо мной! И на этот раз я первый в очереди! — пригрозил голос.

— Торжественно клянусь! — улыбнулась Редхат.

— Удачи!

— К чёрту! — привычно отмахнулась Виктория, но вдруг серьёзным голосом окликнула своего собеседника: — Ты вот что, дядька, если всё же к тебе придут вежливые люди в чёрных костюмах... передай им от меня, что Вацлава Бондски с неизвестной мне целью разыскивает космический пират Сергей Волков, он же «Волк». И что может быть важно отыскать фермера раньше пиратов.

— Я услышал тебя.

— Удачи!

— К чёрту!

— Что ж, остаётся план «Б», — буркнула Редхат сама себе, после того как разорвала связь, и развернула свой инфор в планшетный формат. Планшет изобразил карту города Альфа-сити. Девушка ловко набрала запрос. Оказалось, что в городе есть только одно единственное место, где занимаются пластической хирургией.

— Нет, девушка! Мы закрыты! — заявил Виктории хмурый молодой человек (стройный, красивый блондин, в бежевом плаще, бежевых брюках, модных жёлтых ботинках, и — ох, ты ж! — в элегантной шляпе). Молодой человек таскал туда-сюда различные предметы через порог клиники пластической хирургии: оттуда вынес стул, поставил просто рядом с распахнутой дверью, зато стоящий под окном фикус в кадке — наоборот — подхватил, и поволок внутрь.

— Я не задавала ни каких вопросов, — отметила Виктория, любясь суетливыми движениями модника, и сочувствуя фикусу, — так на что же Вы уже отвечаете отказом?

— Вот именно! — молодой человек с фикусом скрылся внутри здания, и до Виктории, осторожно замершей на пороге, донёлся его голос: — Именно на незаданные вопросы и отвечаю! Это экономит нам обоим время!

— И всё же... — проговорила девушка, уже примеряясь перешагнуть порог, но мужчина внезапно материализовался прямо перед ней:

— Ничем не могу Вам помочь! — заявил он. Виктория невольно отступила, о чем тут же пожалела: этот молодой человек тут же вышел, закрыл за собой дверь, и щёлкнул пальцем по браслету инфора. На двери загорелась надпись: «мы закрыты».

— А что у Вас случилось? — любопытствовала девушка.

— Прозрение! — воскликнул незнакомец. — Вот Вам задачка на сообразительность: допустим, есть две планеты: А и Б. На планете А имеется сотня тысяч действующих клиник пластической хирургии. А на планете Б нет ни одной. Вопрос: на какой из планет Вы откроете собственную клинику пластической хирургии?

— На планете А, разумеется! — воскликнула Виктория. Сообразить, что раз на планете Б нет ни одной клиники, то, скорее всего, это не спроста, она сообразила сразу, а вот догадаться, что от неё ждали противоположного ответа — не успела. Мужчина скривился, и как-то разом потух, словно его душу только что раздавил кузнечный молот.

— Вот именно, — пробормотал он со вздохом очень уставшего человека. И подпер дверь клиники стулом.

— Но что Вы делаете?

— Пакую чемоданы, и сворачиваю бизнес.

— Не возражаю! — кивнула Виктория, — Но сначала нужно быстренько выполнить мой заказ, а уж после сворачивать чемоданы и паковать Ваш бизнес! До конца рабочего дня ещё куча времени!

— Нет, не нужно! Девушка, да Вы в зеркало на себя смотрели?! — возмутился незнакомец. — Вы издеваетесь надо мной, да?!

— Странно, после Вашего первого вопроса, мне пришло в голову задать такой же вопрос, про издевательство, Вам! — пожалела плечами Виктория.

Мужчина вздохнул, и убрал стул в сторону. Затем распахнул дверь (которая не была заперта, несмотря на продолжавшую светиться надпись «мы закрыты»), и учтивым жестом пригласил девушку пройти внутрь.

За порогом оказался небольшая прихожая: голограмма одну стену раздвигала дополненной реальностью до просторного зала музея современного искусства, у другой стены стоял изящный мягкий диванчик, рядом — большое зеркало, журнальный столик с пачкой модных журналов. Смотрится уютненько и дорого.

— Полюбуйтесь! — предложил молодой человек, указывая на зеркало.

— И? — в голосе девушки опасно прозвенели нотки отточенной стали.

— С такой внешностью Вам не нужен пластический хирург! Вам психотерапевт нужен! Для снятия комплекса неполноценности!

Виктория оценила комплемент, выдохнула, мимоходом удивилась собственной реакции — не ожидала, что её могут так напрямь чьи-то высказывания о её внешности, вот ещё! — и только набрала воздуха и открыла рот, как мужчина её перебил:

— Нет, я не могу сделать Вам такие ноги, как у Танцуитты с канала космо-видео! Вернее, я-то могу, но Вы не сможете на таких ходулях удержать вертикальное положение! Да никто не сможет! Потому что это не возможно! Поймите, наконец: и ноги, и попу, и грудь с губами, и — да! — кожу тоже! — этим Танцуиттам и прочим дивам тупо дорисовывают графические станции — да, прямо во время прямого эфира! При нынешних вычислительных мощностях компьютерная графика может на лету дорисовать всё, что угодно! А я — пластический хирург, а не программист!

Виктория невольно задумалась: попробовала себе представить «грудь с губами», и даже пожалела, что не смотрит космо-видео. Но быстро опомнилась, тряхнула головой, и начала действовать.

Мягкой подсечкой бросила мужчину в объятия изящного диванчика, и, нависнув над поверженным, чётко и веско произнесла:

— Я и есть тот самый психотерапевт! Практикующий! И Вам категорически требуются мои услуги! Ваша беда не в бизнес-планировании! Ваша беда в том, что Вы не понимаете женщин, и не умеете разговаривать с женщинами!

— Да? — недоверчиво переспросил мужчина.

— Это очевидно! — припечатала Виктория. — Вот я, например, умею разговаривать с мужчинами!

Пожалуй, многие из сослуживцев сказали бы, что для капитана Редхат, это смелое заявление. Но сама Виктория в себе не сомневалась. А слова подтвердила жестом — резко поставила правую ногу между ног мужчины, вдавив каблук в бедный диванчик. Мужчина вздрогнул. Совсем чуть-чуть, но всё же. Виктория, убедившись, что ей удалось завладеть его вниманием, и перебивать её он больше не будет, улыбнулась, и чётко сформулировала задачу:

— Мне нужно изменить внешность так, что бы один мой старый знаковый меня не узнал. Желательно быстро, не дорого, и обратимо.

— Я буду вынужден сообщить в полицию, — предупредил её мужчина. — Таковы правила!

— Это пожалуйста! — согласилась она.

— То есть, криминала нет? — недоверчиво переспросил он.

— Нет, — согласилась Виктория, и пообещала: — но будет! Если сделаешь ЭТО со мной плохо!

— Предупреждаю: отпечатки пальцев, рисунок сетчатки и прочие биометрические данные останутся прежними!

— Это пускай.

— Тогда ладно, я согласен изуродовать Вас за Ваши деньги... — что-то в лице девушки неуловимо изменилось, и хирург поспешил уточнить: — аккуратно изуродовать, обратимо! Вам ведь быстро, дёшево, обратимо, и что бы в лицо не узнали? Ну, вот! Но с условием! Вы поможете мне!

— Сделка! — кивнула Виктория.

Альф опустился за горизонт, Бета ещё оставалась в небе, рабочий день закончился, по улочкам прокатился вечерний поток людей, и городок снова выглядел привычно пустым, только окна баров теперь ярко светились, и внутри шевелились тени.

— Вообще-то, вечером должны были подъехать грузчики, — задумчиво высказался хирург, — оборудование вывозить.

— Я так и поняла, когда ты стулом дверь подпёр, — хмыкнула женщина. — Что? После того, что ты со мной сделал, мы как минимум, на «ты»!

Мужчина, поморщился. Потом подумал, и улыбнулся.

— Но у нас сделка, — напомнил он, — ты обещала мне помочь!

— А, да, помогу советом: найми себе сообразительную девушку, назови «ассистент хирурга», и пусть она договаривается с клиентками. Честное слово, это хороший совет! Тебя учить общаться с женщинами — дело безнадёжное. Куда вернее будет нанять ассистентку.

— Банальный совет, и это вся помощь?

— Я оплатила счёт.

Мужчина фыркнул: деньги были совсем небольшие, и то, что он сделал, он сделал не ради денег.

— Ладно, что за помощь от меня ты хочешь? — женщина вздохнула. — Предупреждаю: лицензии психотерапевта у меня сейчас нет.

— Мне на это плевать.

— Я сваливаю с этой планеты!

— Какое совпадение! Я тоже!

— Ты не понимаешь, — вздохнула женщина, явно пытаясь успокоиться, и, решившись, заявила: — я собираюсь завербоваться в добровольческую освободительную армию!

— Что ж, бывает.

— В команду к космическим пиратам!

— А это мысль! Вот ведь кому пригодится пластический хирург!

— Ты сумасшедший!

— Хотите поговорить об этом, госпожа психотерапевт без лицензии?

— Нет, ты не понял: я сваливаю к пиратам! А ты — сходишь с ума!

— А я промотал тут такой кредит, что мне лучше к пиратам, чем к коллекторам! Сначала я действительно надеялся, что ты подскажешь, как мне поправить своё дело! К алиену дело! Чем больше я думаю об этой ситуации, тем сильнее мне верится в знаки судьбы!

— Тебе точно нужен психотерапевт!

— Возможно.

— Но не на борту пиратского корабля же!

— Почему нет? Там тоже люди.

— В зеркало на себя смотрел, красавчик?

— Что за намёки?! Хочешь сказать, красивых и опрятно одетых мужчин не берут в пираты? Это дискриминация!

— Пожалуйся на пиратов в комитет ООН по делам сексуальных меньшинств! — Виктория, а это, конечно же, была она, начала злиться.

— Хорошо, я запишу в свой ежедневник, — невозмутимо согласился красавчик. — Но где же всё-таки грузчики?

— Раз не заехали сегодня с утра, значит, заедут завтра с утра. На вечер тут дела не назначают.

— Но они мне пообещали!

— Пообещали то, чего ты хотел от них услышать. Добро пожаловать на Топураг!

— Спасибо, я лучше к космическим пиратам.

Женщина промолчала. Мужчина покосился на неё, и заметил, что женщина что-то внимательно разглядывает в дополненной реальности, которую ей сейчас рисует её инфор. Разглядывает, слегка поворачивая голову, и то хмурится, а то растягивает губы в улыбке.

— Любуешься собой, — он не то спросил, не то объявил.

— Странное ощущение, — откликнулась она.

— Привыкнешь легко! — ободряюще улыбнулся пластический хирург.

— Но я постарела! — недовольно проворчала женщина.

— Ерунда! Можешь помолодеть в любой момент! Просто проведи магнитом по лицу.

— Магнитом?

— Медицинские наниты. Что сказать, мне часто удаются импровизации и нестандартные решения!

— Ну, завести пластическую хирургию на Топураг было действительно новаторством нестандартного ума!

— Да что не так с этим местом?! — наконец, потерял самообладание хирург.

— С местом всё очень хорошо, если не считать магнитных бурь из-за вздорного характера Беты Топурага. Частые, но вполне терпимые.

— Что-то не так со здешними людьми?

— Ты про заселивших планету Топураг староверов? Только при них так не скажи!

Мужчина издал протяжный стон.

— Что, серьёзно? — женщина искренне удивилась. — А то, что местные каждый восход встречают молитвами на крыше, тебя не насторожило?

Мужчина стон повторил.

— Да ладно, не расстраивайся так! Это ж когда было-то! Сейчас на Топураге верующих староверов осталось всего процентов двадцать.

— Да?

— Да. Для остальных староверство давно стало просто привычкой, натурой, и стилем жизни. Например, никто тут не начнёт переезд во второй половине дня.

— Ох! — новый стон по глубине трагизма затмил предыдущие два.

— И уж точно никто не станет менять внешность, данную судьбой...

— Секунду, погоди! — мужчина переместился, встал лицом к стене дома, и попросил: — Продолжай, пожалуйста.

— Потому что изменить данную судьбой внешность, значит прогневить судьбу...

Бум! Хирург принялся методично стучать лбом о стену.

— Да погоди ты убиваться! — фыркнула женщина. — Вот, если в жизни дела пошли вдруг плохо, то попробовать поменять лицо, что бы изменить судьбу, запросто могут! Тебе надо было иначе поставить рекламную компанию, и...

Бум!

Пираты: Пополнение

Топураг, Магила Храбрых

Могилей Храбрых назывался вот этот внушительных размеров кратер, образовавшийся от удара о планету горящих останков космического крейсера повстанцев. Здесь не было монумента или памятника. Вздыбленные тем взрывом пласты песчаника спеклись наподобие вулканического стекла. В трещинах этих огромных ломаных плит цвели нежные цветочки травки с говорящим именем «камнеломка». Нежные белые цветочки на чёрных плитах навевали светлую грусть. Поэтому поминовение павших героев как-то само собой приурочилось не к фактической дате гибели крейсера в неравном бою, но к цветению «камнеломки».

Народу там собралось много. Никто не произносил речей: на Могиле Храбрых это было не принято.

Там народу собралось, как обычно, достаточно много. А вот здесь, на откинутой кормовой десантной аппарели людей стояло мало. Сегодня их было всего пятеро, добровольцев, желающих вступить в ряды освободительной армии.

Командор Сергей «Волк» ещё раз окинул взглядом потенциальное пополнение, и не сдержал разочарованного вздоха.

Первым был коротко стриженный мужик со щетиной на лице, в щегольской кожаной безрукавке поверх обычной футболки, в обычных потёртых джинсах, но в щегольских лакированных туфлях. Взгляд из-под нахмуренных бровей цепкий, оценивающий. Лицо обветренное, черты заострённые, хищные. Наколки на пальцах и плечах сомнений в его социальной роли не оставляли — вор в законе, чёрная масть, фартовый бродяга.

Рядом стоял наверняка его подельник. Низко надвинутый на лоб козырёк кепки, и густая щетина мешали разглядеть детали обветренного лица. Руки предпочитает держать в карманах. На шее — золотая цепь — украшение, по меркам нынешней моды на Топураге, нелепое, но мужику, очевидно, на это наплевать.

Третьей была женщина неопределённого возраста, с помятым лицом. Держится уверенно, походка спортивная, взгляд холодный, равнодушный. Стерва, не иначе. Оно бы ладно, но это была некрасивая стерва. И почему это нынче так стало модно, быть стервой? Что это, признаки вырождения биологического вида?

Четвёртым был красавчик: модная одежда, модная обувь, модная шляпа. Тонкие пальцы, которыми, должно быть, никогда не поднимали ничего тяжёлого. Взгляд прямой, и словно бы смеющийся. Щёголь, промотавший кредит, и подавшийся в бега — первое, что приходит в голову, глядя на него.

А пятым был несовершеннолетний мальчишка. Рожца наглая, взгляд острый, руки постоянно что-то теребят. Рот то и дело расползается в кривой щербатой улыбке.

Вор-социопат, злобный хорёк, не красивая стерва (что явно хуже предыдущих вариантов), красавчик (что, возможно, ещё хуже), и малолетка (что вообще плохо). Не иначе, какой-то аиенский шаман проклял командора Волка!

«Мелкого надо бы как-то высадить тут же», — подумал Волк, — «У пацана вся жизнь впереди, не понимает же, куда лезет. А нас наверняка обвинят в киднеппинге!»

— Это ты тут, типа, самый главный? — нагло поинтересовался у него малолетка, напрочь игнорируя двух мордоворотов, выставленных командором по флангам. — Типа, ты у них самый крутой, да? Мелковат!

— Малой, вали отсюда! Возрастной ценз! — приказал командор наглому пацану.

— Я не Малой! Зови меня RealPirate! Это моя кликуха.

— Это боевой корабль, подразделение добровольческой освободительной армии! — громко и чётко объяснил командор. — Если мы станем брать на борт несовершеннолетних, наймиды метрополии тут же обвинят нас в кинднеппинге.

— Бу-бу-бу, смотрите, какой я крутой ваяка, бу-бу-бу! — передразнил его мелкий и наглый. — Да моя мамаша больше похожа на космического пирата, чем ты!

— Я ведь могу и сократить твоё «RealPirate» до RIP! — рыкнул командор и подумал: — «А я его, пожалуй, сейчас убью! Пожалуй, это будет хорошо для поддержания репутации жестокого космического пирата!»

В это время вредный пацан резво подскочил к командору и неожиданно больно пнул по ноге! Пнул, и тут же отскочил обратно. Командор скрипнул зубами, сжал пальцы на рукояти бластера добела, но сдержался, и не дрогнул.

Тут красавчик, стоявший в шеренге добровольцев рядом с мальчишкой ловко ухватил того за ухо, и отвесил звонкую затрещину!

— Ты чего?! — удивлённо вскрикнула на красавчика стоявшая рядом с ним женщина.

— Честно сказать, всегда мечтал это сделать! — отозвался довольный красавчик. — У меня на родине оголтелая толерантность! Вот таких вот засранцев пальцем тронуть нельзя! Он будет в тебя при всех плевать, а ты толерантно стой, и толерантно утирайся! Иначе — ювенальная юстиция! А давайте, я ему ещё и пинка дам?! В целях разъяснения приказа капитана про возрастной ценз! А то до бедного умом недоростка трудно слова доходят!

— Мне нравится Ваша мысль..., - хмыкнул Командор.

— Да пошли вы! — перебил его малолетка, спрыгивая с аппарели, — Да моя мамка одна круче бывает, чем вы все! То же мне! И катитесь!

— ... мысль про то, что слова капитана должны доходить быстро, — всё же закончил свою фразу командор. — Сейчас я задам каждому из вас один вопрос, и если ответ мне не понравится — выкину за борт! Даю вам пять секунд, что бы спрыгнуть самим! Пять!

Загудели турбины, и корпус десантного шаттла дрогнул.

— Четыре! — продолжал считать командор, перекрикивая шум, — Три! Два! Один!

Десантный шаттл дёрнулся, и рывком пошёл вверх. Аппарель осталась открытой. Новобранцы присели на её краю, боясь потерять равновесие. Пройти вперёд им мешали два крупных мордоворота и капитан — все трое угрожающе направили на новобранцев оружие. Испуганные люди на кормовой аппарели нервно озирались, пытаясь найти что-нибудь, за что можно ухватиться. Но ухватиться тут было не за что.

— Я спрошу один раз! — крикнул командор. — Зачем. Ты. Здесь?

— Эй! — крикнул ему первый из новобранцев. — Я по жизни фортовый бродяга, век свободы не видать!

— И?

— Я пойду с вами!

— Зачем?

— За фартом! С вами буду грабить!

— Я верно понял тебя, бродяга, ты идёшь с нами за ради удачных грабежей?

— Ну, так мы фартовые! — выкрикнул второй новобранец, — И это... как... а! Грабь награбленное! Пощипать толстосумов!

Уголовники в добровольческой освободительной армии были. Официально освободительная армия именовала их братьями анархистами, приглашала вместе бороться за свободу. Но капитаны к себе в команду воров брали не охотно.

У воров, у настоящих воров — испокон веков есть свой закон, своя идеология, называемая ими «понятия». Основная идея «понятий» в том, что любая власть есть насилие, и уже потому не может быть законна. А законы придумывают и насаждают «хозяева» — наглые, жадные, беспринципные и злобные выродки рода человеческого. А служат им вооружённые «псы». Но самое зло не от «хозяев» и их «псов», а от так называемых «обычных людей», или «лохов», если по понятиям. Ибо власть «хозяев» держится не столько на оружии их «псов» — сколько там тех псов-то! — сколько на равнодушии «лохов». Лохи — суть, рабы в душе. Лохам нужен хозяин, своим умом им жить страшно.

А есть свободные люди. Люди вольные, достаточно смелые и сильные, что бы не бояться «хозяев» и их «псов», но слишком благородные духом, что бы самим рваться в хозяева. Нет вольному человеку места в устроенном по «хозяйским» законам обществе, оттого вынужден вольный человек жить бродягой. Но пусть бродягой, зато вольным! А вольный бродяга больше всего ценит свободу и фарт. И презирает богатство, ибо в нём зло. По «понятиям», богатеть вору «западло».

Вор не гнёт спину на хозяев в их хозяйстве — это «западло». Вор берёт то, что плохо лежит, и столько, сколько ему нужно. Обворовать хозяев — дело благое, ибо их богатство — не праведно нажито. Обворовать лохов — не предосудительно, ибо лохи сами выбрали себе рабское ярмо. В то же время, вору «западло» наворовать много и жить в роскоши.

В общем, типичный анархизм. Только с той разницей, что вор — не революционер. Не видит вор смысла революцию затевать за освобождение от власти «хозяев». Лохов освободить бесполезно, ибо их рабское ярмо — в их душах — его с лохов не снять никому, кроме, разве что, самого лоха. А воров освободить — тоже смысла нет — вору и так свободны, ибо свободны их души, и не отнять ту свободу никакому прокурору.

Так и получается, что с одной стороны вору — как истинные анархисты — за свободу от всего того, что объявляет своим врагом освободительная армия: против власти метрополии, против власти жадных банков с их подлыми кредитами, и против власти лживой пропаганды.

А с другой стороны воевать-то вору не собираются.

Капитаны боевых кораблей освободительной армии брать вору в свою команду всё же берут: и людей не хватает, и вору, как правило, это сильные духом люди — слабый просто не выдержит жизни «по понятиям». Но берут капитаны в команду воров крайне неохотно: команда боевого корабля должна действовать как единый организм, чётко отрабатывать приказы, — а это не то дело, к которому подходит воровской менталитет.

Командор Волк положил себе простой критерий для выбора, брать человека в свою команду, или не брать.

— Зачем ты здесь? — прокричал командор снова, обращаясь уже к стерве и красавчику.

— Ради свободы! — ответила женщина.

— А я... — начал что-то говорить красавчик, но поперхнулся от её тычка локтем в рёбра, и закончил, повторив слова своей спутницы: — тоже! Я свободу ищу!

Командор и оба его бойца отступили, сразу же скрывшись в темноте недр шаттла, а

перед женщиной и красавчиком откуда-то сверху свесились две верёвочные петли. В то же мгновение десантный шаттл начал быстро задирать тангаж. Женщина сразу же продела руку в верёвочную петлю, а второй цепко ухватила красавчика под локоть.

Оба же вора с накренившейся аппарели свалились, и мгновенно скрылись в клубах пара и дыма за бортом. Командор Волк придумал простой тест, и выбери «фортовые» другое слово для ответа... но в истории сослагательного наклонения нет.

В следующую минуту десантная аппарель закрылась. А внутри шаттла зажегся электрический свет. Стерва с красавчиком прошли внутрь и снова оказались перед командором Волком.

— Мне в команде нужны те, кто быстро соображает, — сказал командор красавчику, — потому что в следующий раз ценой твоей растерянности будет не только твоя жизнь, но и жизнь всего корабля и команды!

— Под твою ответственность! — заявил командор женщине, и наконец, объявил им обоим: — Вы приняты, бойцы!

— Ну, нифига себе, у вас собеседования! — пробормотал красавчик, потрясённый всем случившимся. Но пробормотал вполголоса, не желая злить командора. Теперь уже своего командора.

Несколько условных суток фианский корабль «Песнь о доме» летел к первой планете. Крейсер хищников не отставал, но и не приближался. Время от времени хищник заходил на короткий прыжок, и фиане тут же выполняли маневр уклонения.

Звезда «Звон лопнувшей струны» теперь стала ещё ближе, и её ветер, её дыхание, теперь ощущалось довольно отчётливо. С такого расстояния циклопические размеры звезды и мощь её гравитационной воронки действовали на фиан подавляюще. А первая планета системы всё так же смотрелась сморщенной обгорелой головешкой, и желанья искать на ней гостеприимства не вызывала.

Сеансы связи между кораблями фиан «Песнь о доме» и «Смелый свистун» стали регулярными и продолжительными. Капитан Абуксигун рассказывал об аномалиях первой планеты. Рассказы эти были настолько удивительны, что однажды капитан Нелнишнош воскликнул:

— Вас послушать, друг мой, так этот планетоид выглядит творением иного разума, а не планетой! Эдакий искусственный комплекс, возможно, э..., комбайн по добыче материальных ресурсов из звёздного ветра! Древний примитивный планетолёт, когда-то остановившийся у этой звезды, что бы подзаправиться!

— Вот как! — удивился Абуксигун. — Вот как оно выглядит со стороны, да? Хм. Возможно, я не мастер рассказывать... но, знаете что? Тут, на месте, мне на ум приходит совсем иная гипотеза.

— И какая же?

— Не сочитите меня спятившим, уважаемый Нелнишнош, но иной раз мне мерещится, что мы внутри гигантского существа...

— Существа? Вы... Вам кажется, что этот... планетоид — живое существо?

— Нет, что Вы! Я, простите, неверно выразился. Мне тут кажется, что этот планетоид — мёртвое существо, которое живым было пару-тройку миллионов лет назад. Возможно. Слишком уж тут всё... и переходы эти...

— Даже так! Вы не перестаёте меня удивлять, Абуксигун. Я всё сильнее жажду ступить, наконец, на эту загадочную планету! Возможно, мы могли бы задержаться ради исследований...

И тут на Аритаю накатила тяжёлой волной чужая злоба, такая плотная, что девушка едва не потеряла сознание!

— Берегитесь! — услышала она крик первого офицера наблюдения, — Хищники атакуют!

Сквозь затопившую сознание девушки-сенсорика волну чужой злобы ярко «засияло» злорадство.

Ловушка!

Арита́йя почувствовала, как где-то совсем рядом с их кораблём выходит из короткого прыжка фрегат хищников. Девушка обмерла, затравленно наблюдая, как надвигается холодная тень фрегата, настолько же явная для сенсорика, как если бы была видимой.

Аритайя не столько сама поняла, сколько уловила в чувствах злорадствующих хищников: с самого начала этой погони жуткий крейсер «Потрошитель» не был охотником, а играл роль загонщика. А вот этот фрегат их теперь наверняка прикончит!

— На семь и пять по шестой спирали в нижней четверти! — чётко, быстро и громко докладывал первый офицер наблюдения. — Скорость около двух вторых! Один семьдесят четыре! Начинает торможение маршевым!

— Готов атаковать! — Аритайя дополнила рапорт старшего.

— Уклоняемся! — приказал капитан Нелнишнош.

Поздно.

Удары по корпусу прогрохотали оглушающе громко. Сигнальный пульт покрылся россыпью красных аварийных отметок.

— Ход? — крикнул капитан, стараясь перекрыть грохот и скрежет. В подобной ситуации критически важно было сохранить ход. Было логично ожидать, что хищники постараются повредить двигатели.

— Есть ход! — отозвался сквозь сжатые зубы красный от напряжения пилот.

Грохот по обшивке прекратился.

— Множественные повреждения обшивки! Герметичность восстанавливается аварийными средствами!

Тут корабль со страшным стоном и скрежетом задёргался и завертелся. Заверещали аварийные зуммеры. Головы закружились от резких рывков.

— Они нас схватили! — выкрикнула Аритайя, рискуя откусить себе язык в эдакой тряске.

Абордажные крючья! Тросы! Фрегат хищников уцепился тросами за фианский корабль «Песнь о доме», который, конечно, гораздо больше и тяжелее, но скорость фрегата на выходе из гиперпрыжка, пусть и короткого, слишком велика! Даже если он тормозит! Хищники стравливали тросы, не желая их оборвать. Сейчас оба сцепившихся корабля хаотично вращались вокруг общего центра тяжести, и если учесть, что на корабле фиан работают маршевые двигатели в режиме «полный ход», станет понятно, что хаос в такой болтанке только усиливался. Тросы перехлёстывались и лопались, звонкими ударами по обшивке оглушая тех, кто был внутри. Наконец, пилот фиан сумел совладать с временной дезориентацией, и вырубил маршевые. Автоматические системы ориентации не сразу, но сумели стабилизировать бешеное вращение. Корабли продолжили вращаться вокруг общего центра масс, но перестали хаотично дёргаться в стороны. Тросы полопались не все — их всё ещё остаётся достаточно, что бы надёжно удерживать фрегат.

— Штурман, курс? — прохрипел капитан.

Но Аритайя сумела прочитать ответ в чувствах хищников раньше, чем штурман справился с расчётами:

— Нас сорвали с курса, — сказала она, — и мы падаем на звезду. Фрегат хищников прошёл уже горизонт невозврата. Теперь они рассчитывают на наши двигатели.

— Мы всё ещё можем вырваться из притяжения звезды, и фрегат вытащить, — доложил пилот, глядя на капитана красными от перегрузки глазами.

— Сможешь стряхнуть их? — просил капитан пилота.

Пилот вцепился в ручки управления, до крови закусив губу. Корабль несколько раз судорожно дёрнулся. И Аритайя почувствовала злорадное удовлетворение хищников.

— Они готовы! — вскрикнула она, и её голос на мгновение сорвался. Совладав с

собственными чувствами, девушка уже спокойнее доложила: — Как только натяжение тросов ослабевает, хищники тут же выбирают слабинку. Так что наши попытки дёрнуться приведут только к тому, что их фрегат плотно ляжет на корпус нашего корабля.

Капитан корабля «Песнь о доме» Нелнишнош молчал.

Аритаия прекрасно читала чувства отца: вытащить корабли на безопасную орбиту вокруг звезды, и стать добычей хищников, или же ничего не делать — и сгореть вместе с ними. Ничего не делать так просто.

— Они и к этому готовы, — хрипло дополнил доклад первый наблюдатель, который читал чувства капитана почти так же ясно, как и Аритаия. — Хищники готовятся высадить десант и взять наш корабль на abordаж, что бы использовать наши маршевые двигатели.

— Вот и всё, — выдохнул кто-то.

— Мы закончили путь... — в напряжённой тишине прошептал кто-то ещё.

Капитан Нелнишнош сжал микрофон, и, включив громкую связь по кораблю, сказал:

— Дорогие мои, мне очень жаль... — дальше говорить он не смог.

Аритаия чувствовала, как пассажиры корабля отчаянно мечтают, не веря, не желая верить. Как кое-кто плачет, отключив микрофон. А кто-то запел Песнь Смерти. Невольно, девушка стала подпевать.

Хорошая Песнь — успокаивает, и настраивает встретить неизбежное с подобающим разумному существу достоинством.

Осознав, что уже поёт, Аритаия сбилась, достала заветную ракушку космического моллюска — приборчик квантовой связи, парный к которому исчез годы назад вместе с её матерью, и запела печальную Песнь Смерти, представляя, что где-то там, за гранью жизни, её услышит мама. Они скоро встретятся, когда и её, Аритаии, душа растворится в вечности.

Вацлав: Теория космического боя

Бескрайний космос озаряли эффектные вспышки взрывов, и трассы бластеров. Надсадно ревели турбины, сияясь вписать желание пилота в законы физики. Стонали переборки, гудела под вражеским огнём броня, рассыпая искристые фонтаны расплавленных брызг.

— «Синий 2» — «лидеру»! У меня аalien на хвосте! Уберите, уберите этого гада у меня с хвоста! А-а-а!

— Дуржи-и-ись!

Та-та-та-та! — черноту космической бездны разорвали огненные росчерки отчаянной очереди. Но тщетно!

Бдыдыдж! — в дыму расцвёл огненный цветок, и «синего 2» не стало.

— Прикройте, братцы! Иду на таран!

И снова натужный вой турбин и скрип корпуса на запредельных нагрузках — космический истребитель штопором ввинчивался в плотную завесу вражеского огня...

— Вот ведь муть мутатеньская! Тьфу! Невозможно смотреть на трезвую голову! — раздался голос за спиной Вацлава. Парень вздрогнул, дёрнулся, и воровато оглянулся. У входа стоял офицер с молниями в петлицах лётного комбеза.

— Эк тебя, должно быть, начальство вздрючило, что тебя на это смотреть потянуло, — сочувственно покачал офицер головой. — Кстати о начальстве: старпома не видел? Говорят — тут где-то шатается.

— Не-ет, — пробормотал красный от смущения Вацлав.

— Ладно, пролетели, — махнул небрежно офицер, и отечески посоветовал: — А ты, молодой, если хочешь совет — лучше в спортзале негатив сбрось. Сожги с адреналином.

Нечаянный собеседник развернулся и ушёл, а Вацлав всё силился вспомнить, кто это был, и как его зовут. В первый день Вацлав был представлен всем тут, но этих самых всех оказалось больше, чем наш геройский фермер смог запомнить. Впрочем, неважно уже! Паренёк с досадой выключил видео, и задумался.

Просмотр космических боевиков был затеян с целью просвещения фермера в вопросах организации боевых действий военно-космических сил. Дабы хоть как-то заполнить полный провал и присыпать дремучее невежество хоть какими-нибудь фактами. А что бы, если уж придётся выглядеть дураком, и на смех космическим людям «садиться в лужу», так хотя бы пореже. Ну и что бы эта «лужа» была помельче, и не так что бы сильно уж грязная.

Однако, как выясняется, решение было в корне неверным. Вацлав наморщил лоб. Да, он мог бы догадаться по первым сценам фильма, сравнивая сказку с собственным небогатым опытом. Но ведь то всё были мелочи, не могли же киношники вообще всё перевернуть в угоду зрелищности! Хотя, — тут же оборвал себя паренёк, — почему не могли? Что ж, попробуем иначе. Попробуем иначе сформулировать запрос в бортовую инфотеку.

Через десяток минут возни, Вацлав отыскал то, что было нужно. Основные принципы космического боестолкновения. Роль различных бортовых систем, принципы взаимодействия служб.

Факт первый: в космосе скорости измеряются десятками и сотнями километров в секунду, а расстояния — парсеками. При таких скоростях бой возможен только на параллельных либо сближающихся под острым углом курсах. Маневрирование осуществляется относительное.

Факт второй: в межпланетном вакууме энергия луча когерентного излучения практически не рассеивается. Так что мы можем стрелять из лазерных пушек на межзвёздные расстояния. Единственное, что нас ограничивает — это возможности систем наведения. Так что бой в космосе ведётся на расстояниях уверенного радарного контакта.

Расстоянием уверенного радарного контакта считается такое расстояние, которое электромагнитный импульс от вражеского борта до наших сенсоров преодолеет за время, недостаточное противнику для выполнения маневра уклонения. И это расстояние много, много больше, чем расстояние визуальных контактов. То есть, вражеский корабль, в который тебе надо стрелять, ты глазами не увидишь.

Маневром уклонения называется такое изменение вектора скорости, которое способно обмануть бортовые системы управления оружием, вычисляющие упреждение. Вы можете быстро переложить вектор тяги, но инерцию никто не отменял, так что Вам понадобится время, что бы вектор скорости вашего аппарата изменился достаточно для выхода из-под огня. Очевидно, что такое расстояние зависит от линейных размеров цели, а так же от её инерционной массы. Выходит, что расстояние уверенного радарного контакта для торпеды на несколько порядков меньше, чем для корабля.

Вацлав почесал затылок, вспоминая фильм. Киношники... э... оставили от реальности очень мало.

Итак, в космическом бою побеждает тот, кто первым попал. А что бы первым попасть, надо что? Нет, первым выстрелить — недостаточно, ибо прежде, чем стрелять, нужно взять верный прицел. А для этого надо знать, во что целиться. Таким образом, важнейшей задачей является обнаружение вражеского флота. И сокрытие своей собственной телеметрии от врага. Мы подошли к роли служб и подсистем военно-технической разведки.

Имейте в виду: в космосе отчаянная пальба из лазерных пушек ничем не напоминает светомузыку на танцплощадке. Потому, что на танцплощадке есть воздух — светятся именно его молекулы, ионизированные лазерным лучом. В космосе лучи боевых лазеров не видно. Ты можешь находиться под интенсивным обстрелом и не догадываться об этом, пока в тебя не попадут. Именно средства радиотехнической разведки позволяют обнаружить факт стрельбы со стороны противника — по тем паразитным излучениям, которые неизбежно рождает орудие при выстреле. Но задача технической разведки в том, что бы обнаружить врага до того, как он начнёт стрелять!

Вацлав скосил глаза на собственные петлицы, и почувствовал, что мундир лейтенанта технической разведки стал ему слишком тяжёл.

Рассмотрим основные средства противодействия обнаружению. Тут у инженеров два пути: можно искать пути уменьшить засветку на радаре противника от нашего корабля, а можно создать множество ложных засветок для радара. И второе куда проще первого. Ложные цели в военно-космическом лексиконе называют «семечками». «Сыпануть семечек».

Типичная «семечка» транслирует на вражеские сканеры интерференционную картинку нашего корабля. Что делает бесполезными попытки разобраться на расстоянии, которая из сотен видимых радарам целей является единственно верной. К слову, обнаружение истинной цели среди ложных, и корректировку её телеметрии для систем наведения называют «засветом».

Это подводит нас к мысли использовать для «засвета» системы технической разведки и корректировки огня, доставляемые к скоплению вражеских целей ракетносителем. Такие

штуки на сленге называют «светляками».

Если уж вести речь о сюрпризах, которые можно доставить к врагу на ракетоносителе, то кроме «светляков», и банальных ядерных фугасов, можно придумать множество интересных фокусов. Например, электромагнитные разрядники, которые выжигают чувствительные сенсоры и входные цепи приёмных трактов. В народе их окрестили «незабудками». Незабудки часто подрывают на половинном удалении от врага, кстати говоря, как раз для вывода из строя электронной начинки вражеских ракет, что бы избавить себя от сюрпризов, вроде тех же «светляков». А как вам идея запустить на ракете поближе к вражескому борту одноразовый газовый лазер с ядерной накачкой? Будет единственный выстрел, зато — почти в упор! Среди прочих начинок для торпед — различные устройства радио-электронной борьбы.

Вацлав остановил запись. Упавшие в голову факты вызывали внутри черепа ударные волны, а те поднимали тучи вопросов и предположений. Всё оказалось совсем не просто, а очень запутано.

То, что показывают в кино — когда маленькие маневренные космические аппараты с крылышками и одним пилотом на борту крутят петли и стреляют друг в друга — называется древним термином «Dog fighting» — «собачьи бои» — это было популярно во времена Первой технической революции, в Первой и Второй мировых войнах. То есть на заре авиации. То есть до изобретения радиолокационных приборов и реактивных авиадвигателей. То есть почти в каменном веке, по нынешним меркам. Понятно, почему оно прижилось в кинематографе — из-за зрелищности. Понятно, почему оно не прижилось в реальности. В реальности, с изобретением радиолокации, бортовых компьютеров, реактивных авиадвигателей, и самонаводящихся ракет бой в небесах быстро превратился в скучное для кинозрителя занятие: вот системы раннего обнаружения обнаруживают воздушную цель за пределами видимости, бортовой запросчик посылает запрос, и система опознавания «свой-чужой» не распознаёт ответ, как «свой». На радаре появляется засветка цели, на приборной панели вспыхивает красная лампочка, работают бортовые радиолокационные системы целеуказания и системы управления оружием. Лётчик принимает решение — очень медленно, по меркам электроники. Затем лётчик — почти целую вечность, если по меркам бортового компьютера считать — откидывает пальцем пластиковый защитный колпачок, и жмёт кнопку «огонь». Умное оружие уносит кусочек смерти за горизонт, а лётчик начинает выполнять маневр ухода из-под ответного огня — нет сомнений, что он воспоследует. В ходе этого маневра вражеская цель теряется из вида радаров. Попал или не попал — лётчик узнает уже на земле, во время разбора полётов — по видеоотчёту боеголовки ракеты, посланному в штаб через спутник системы управления войсками.

Современный космический бой ещё менее зрелищное действо. По сути всё сводится к теории вероятности: угадать среди россыпи целей настоящий корабль. Эта мысль Вацлава заинтересовала. Он подумал, что можно попробовать обобщить динамику телеметрии всех целей, проанализировать отклонения от типичного сценария... использовать теорию распознавания образов! А ещё можно подтянуть теорию хаоса, для интерполяции фазовых траекторий нелинейных и хаотичных динамических систем.

А ещё... надо решать задачи по эффективному управлению ресурсами: выпустить все «семечки» разом или несколькими порциями? Учитывая, что «незабудки» «семечкам» не вредят — у имитаторов интерференционной картинке хорошая устойчивость перед воздействием мощного электромагнитного импульса. Но ведь можно снизить мощность

лазеров, и стрелять чаще — на ложные цели не ставят мощную броню, не так ли? Очистим поле от семечек — ударим основным калибром по оставшимся засветкам. А кстати говоря, сколько нам нужно мощности, что бы прожечь лазером дырку в корабле?

Поиск быстро выдал ответ. От попадания пучка когерентного излучения защищаются двумя способами. Во-первых, технология «холодный пот». Это такое специальное тугоплавкое покрытие, которое, испаряясь, эффективно охлаждает нижележащие слои брони. Кроме того, облако газа рассеивает лазерный луч. Во-вторых, «квантовая рубашка». А это такой специальный материал защитного покрытия, в котором фотоны лазерного луча поглощаются. Энергия поглощённого фотона используется для переброски электронов на более высокие орбиты, что ведёт к перестройке кристаллической структуры, из-за чего электроны теряют энергию, и готовы поглотить следующую порцию фотонов. Ну и есть чисто конструктивные хитрости — навесные щиты. Уж всяко лучше, если дыра появится в вынесенном на некоторое расстояние от борта корабля щите, чем в обшивке самого корабля. А ещё есть активные кумулятивные ячейки, которыми покрывается броня. Такая ячейка автоматически сама подрывается, направленно выбрасывая облако горячей плазмы. Эта волна способна уничтожить вражескую боеголовку, доставленную ракетоносителем. Кроме того, облако газа рассеивает лазерный луч.

Далеко за условную бортовую полночь Вацлав — разбитый, уставший, и с большой головой — оставил попытки экстренно разобраться в том, что такое современная космическая война, и каково теперь его места в сложной машине под названием «военно-космический флот». Усталый и подавленный, он рухнул спать прямо в одежде. И тут он услышал похоронную музыку!

Что за напасть! Вацлав принялся судорожно рыться в своих вещах и вытащил из потайного кармана своего рюкзака на свет чудесную ракушку космического моллюска неизвестного человеческого науке вида — ту самую, которая с детства пела ему колыбельные песни. Вот только на этот раз песня была далеко не колыбельная. Прекрасный голос прекрасной неведомой нимфы плакал о безвозвратной утрате самого дорогого, что может быть у человека среди звёзд.

Проклятье! — тут Вацлав просто психанул. — Да aliens пожри! Вот только горьких рыданий ему сейчас не хватало! Вот уж нафиг!

Он потянулся к своему инфору, и быстро нашёл первую попавшуюся бравурную музыку.

Гремя огнём, сверкая блеском стали,
Пройдёт орбитами наш бравый космофлот,
Когда суровый час войны настанет,
И нас в атаку Родина пошлёт!

Арита́йя: Хра́брость отчаянных

Рубки и палубы корабля «Песнь о доме» покачивала, словно убаюкивая, Песнь Смерти. Хорошая Песнь — успокаивает, и настраивает встретить неизбежное с подобающим разумному существу достоинством.

Арита́йя пела, мысленно обращаясь к душе погибшей матери, что ждёт свою дочь за порогом жизни. Вдруг девушка сбилась... приборчик квантовой связи, что она сжимала в мокрых от слёз пальцах отвечал. Отвечал! Прибор пел ей!!

*Пусть помнит аalien укpывишийся в засаде,
Мы начеку, мы за врагом следим!*

Приборчик связи, безнадежно и печально молчавший дюжину лет, пел! Незнакомым, не фианским голосом на неизвестном языке. Что это? У кого спросить? Кто может что-то знать?

Арита́йя, поддавшись импульсу, прижала ракушку прибора к микрофону внутренней корабельной связи. По отсекам загремел тревожный марш:

*Чужих планет мы не хотим ни пяди,
Но и своих вершка не отдадим!*

Чужая Песнь рокотала перекатами далёкого грома, вздымала грозные штормовые волны, и не фианский, но явно мужской голос спокойно и уверенно ронял на головы несчастных фиан тяжёлые, словно отлитые из раскалённого чугуна, слова:

*Гремя огнём! Сверкая блеском стали!
Пойдёт орбитами наш бравый космофлот!
Когда суровый час войны настанет!*

Постепенно до девушки-сенсорика стало доходить, что за Песнь она слышит. Нет, она не понимала слов, да и нужны ли они, когда так замирает сердце предчувствием опасности, и тут же ударом швыряет в жилы кипящую решимостью кровь!

Музыка давила угрозой неминуемой и смертельной беды. А голос уверенно отливал тяжёлые слова — это существо видело угрозу, осознавало её неодолимую мощь, и не собиралось ни прятаться, ни бежать, ни сдаваться!

* * *

Специально для читателей-человеков нужно пояснить: фиане устроены не так, как люди. Во-первых, фиане — это чисто травоядный вид. А во-вторых, и это самое важное, фиане обладают способностями к телеэмпатии. Кто-то больше — как Арита́йя, кто-то

меньше, но любой фианин чувствует боль другого живого существа как свою собственную. Потому история фиан никогда не знала не то что войн — банальной драки!

Миносы — разумные с планеты Минон — те сражаются, да. Миносы — тоже травоядные, как и фиане, но вовсе не эмпаты. Перед лицом атакующего хищника мужчины миносов впадают в боевое безумие, теряют разум, и бросаются в бой на чисто звериных инстинктах. Возможно, их далёким диким предкам это когда-то помогало, но в случае современного боестолкновения космических кораблей боевое безумие помогает чуть меньше, чем никак. Миносы проигрывают схватку за схваткой, гибнут, но упрямо строят новые корабли. Чистое упрямство — как это по-миносовски! На потеху хищникам.

Фиане же всегда бегут. Бегут и прячутся. Так завещано предками. За всю долгую историю Народа, никогда фиане не боролись против хищников! Никогда! Фиане видели, что миносы, как биологический вид, обречены на тотальное уничтожение. И спасение своего народа фиане видели в бегстве.

Пока не...

Хм...

Пока не послушали людей...

* * *

Аритае вдруг вспомнилась маленькая жёлтенькая птичка на планете со смешным названием «Чих»: девочка нечаянно едва не наступила на гнездо в густой траве, а маленькая птичка билась в отчаянии, в истерике, билась, желая защитить своё гнездышко — так вот: ни капельки не похоже на эту странную и страшную чужую Песнь! Та птичка, потрясённая размерами надвигающейся беды, не могла смириться и отступить, даже когда ничего, совсем ничего не могла сделать! И билась в отчаянии! А в этом голосе никакой паники не было. Некое разумное существо видело неминуемую опасность, и собиралось решать проблему здесь, сейчас, раз, и навсегда! Либо умереть, пытаясь.

Маленький загнанный в угол зверёк будет до последнего вздоха стараться вырваться, теряя себя в страхе и отчаянии. Маленькая птичка бьётся в истерике. Здоровые и сильные миносы перед лицом хищников впадают в боевое безумие, утрачивая разум. Фиане прячутся или бегут. Всегда так было, и было только так. Травоядные предки фиан развили разум в упорных попытках сбегать и прятаться от хищников ещё эффективнее. А вот эта Песнь несла иной ответ на извечную проблему:

*И мирный труд, и память наших павших,
Мы защитим, дома свои храня,
Ударной мощью орудийных башен!
И быстротой! И натиском огня!*

*Броня крепка! Ракеты наши быстры!
И наши люди мужества полны!
В строю стоят герои космофлотцы!
Великой Родины достойные сыны!*

Фиане слушали чужую Песнь, оглушённые и растерянные. Привыкшие считать себя единственной расой в галактике, способной не только чувствовать эмоции любого живого существа, но и передавать собственные чувства через Песни, фиане были поражены силой непонятого им чужого чувства. Решимость бороться до последнего вздоха, перед лицом любой опасности — как это назвать? Глупость? Фиане умеют убегать и прятаться. Убегать и прятаться — это то, что они умеют лучше всех в галактике! Сейчас они попались, их поймали хищники, ни убежать, ни спрятаться нет никакой возможности, им осталось спеть Песнь смерти, и встретить неизбежное с достоинством. К чему толкает их чужая Песнь?

— Что это значит? — спросил кто-то.

— Капитан Смерть! — ответил чей-то шёпот, и по палубам и рубкам корабля фиан зашелестело: — Капитан Смерть...

Аритайя отметила этот шелест мимолётно, дальним уголком сознания, и так же мимолётно удивилась: вот ведь взрослые фиане, а готовы в сказку поверить!

— Даже маленький глупый зверёк, загнанный в угол, должен до последнего вздоха отчаянно искать возможность вырваться... — пробормотала она себе под нос, пытаясь как-то сформулировать то, что почувствовала в чужой Песни, — но разумное существо... обязано...

Отец услышал. Он стоял рядом с ней, не отрывая глаз от приборчика квантовой связи.

— Чисто технически, — подал голос капитан Нелнишнош, — проблема в том, что у нас появился лишний, совершенно нам не нужный груз, привязанный снаружи несколькими тросами.

Девушка вскинула испуганные глаза на отца: — он это серьёзно?

— Если вопрос ставить так... — отозвался инженер, и, казалось, сам удивляясь тому, что он это говорит, продолжил: — на пусковой палубе есть подходящий инструмент...

— Подготовить две группы для аварийных работ на обшивке корабля! — решительно распорядился капитан Нелнишнош по громкой связи. — Группы формируются из числа добровольцев. Первая группа собирается на стартовой палубе. Вторая группа собирается на инженерной палубе у нижнего шлюза двигательного отсека! Надеть скафандры! Получить инструмент! Задача: обрезать все тросы! Сам Капитан Смерть благословил нас! За работу!

Аритайя, едва дослушав приказ капитана, отстегнула страховочные ремни, и выпрыгнула из кресла.

— Ты куда?! — остановил её отец.

— Там я нужнее! — возразила девушка. — Снаружи понадобится сенсорик, что бы вовремя предупредить о приближении абордажной команды хищников!

— Я в первую группу! — тут же откликнулся первый офицер наблюдения, и тоже покинул своё кресло.

— Будь осторожнее, дочка! — попросил Нелнишнош. Аритайя утвердительно кивнула.

Донесение по взаимодействию

Наблюдатель — Кречету

По делу Вацлава Бондски имею сообщить следующее:

1. Обнаружена попытка поиска фамилии «Бондски» в списках личного состава четвёртого флота на серверах Главного Управления. Источник запроса

установлен: запрос поступил по программе взаимодействия от офицера космического департамента полиции восточного сектора Виктории Редхат. Вам открыт временный разовый доступ к личному делу. Ознакомьтесь. Выписки запрещены. В настоящее время капитан Редхат официально находится в отпуске по восстановлению после ранения. Последнее достоверное местонахождение: планета Топураг в системе Топураг-2. Местонахождение в настоящее время: не известно. Замечание: В. Редхат ожидала возникновение у нас интереса по поводу её запроса, и оставила следующее сообщение: «Вацлава Бондски разыскивает пират Сергей Волков. Бондски необходимо найти раньше, чем его найдут пираты».

2. Сергей Волков, он же «командор Волк», капитан крейсера «Титаниус» из состава флота непримиримых сепаратистов. Вам открыт временный разовый доступ к личному делу. Ознакомьтесь. Выписки запрещены. Волков совершил дерзкий налёт на планету Топураг сразу после отбытия Вашей эскадры. Следствием установлено: на орбитальной станции «Топураг» имела место кибернетическая диверсия. Вирус попал на борт в памяти кофемашины, распространился по сети кухонных и бытовых приборов, и атаковал один единственный хаб, через который в диспетчерскую должен был поступить сигнал от систем раннего обнаружения. Благодаря диверсии, крейсер «Титаниус» смог незамеченным занять выгодную боевую позицию. На орбите планеты Топураг крейсер пиратов пробыл двадцать четыре часа. За это время был произведён единственный выстрел вспомогательным калибром: уничтожен жилой дом на ферме Бондски.

3. Дело было рассмотрено в Ставке, и непосредственно «товарищ первый» заметил, что: «Выждали, проявили бдительность и осторожность. Достаточно. Пора ударить!». Нашими специалистами подготовлен план операции.

В связи с вышеизложенным желаю сообщить, что дело контролируется контрразведкой Генерального Штаба. Желаю, но не могу: в этом деле без Вашей помощи нам не обойтись. Мы разработали операцию по захвату пирата Сергея Волкова и его поделщиков, используя его интерес к Вацлаву Бондски. Для операции мы подготовили своего Вацлава Бондски. Однако, как Вам известно, этот фермер — личность весьма неординарная. Наши аналитики слегли с нервным истощением, пытаюсь создать его психопаспорт по анализу дерзкого проникновения на Ваш флагман. Посему прошу Вашего взаимодействия.

Ваш фермер должен засветиться сам, и сделать он это должен в своей неподражаемой манере. Рассчитываю на Вашу смекалку. Далее, мы аккуратно выведем тот самый броненосец из состава эскадры, для чего нами подготовлена подставная дуэль чести. После дуэли корабль ляжет в ремонтный док на кольце Сатириуса, а команда получит увольнение. Борт броненосца по увольнительной покинет наш подготовленный Вацлав Бондски, а Ваш настоящий Вацлав Бондски должен быть эвакуирован по варианту «зенит» непосредственно накануне дуэли.

Наблюдатель доклад закончил. Удачи Вам, Кречет!

Виктор и Константин: Боевая наука

Место и время действия секретно

— Орудие!

На орудийной палубе весело гремела сталь. Аварийное освещение, сполохи тревожных проблесковых маячков. Был бы запах горячего металла и смазки, если бы не гермошлемы.

— ... К бою! — закончил команду старшина.

— Есть орудие к бою! — нарочито бодро гаркнул Константин, лихорадочно вращая рукояти механических приводов.

«Здравствуй, страна героев», — саркастически ухмыляясь, пропел тихонько про себя Виктор, — «в весёлом гомоне, огнях и звоне!». Лязгнули фиксаторы.

— Орудие в боевом положении! — прокомментировал очевидное Константин.

— Орудие! Боекомплект сто! Заряжай! — с готовностью прокричал старшина.

— Затвор! — Виктор рванул ворот привода карусели, сгруппировался, ухватившись за рычаг механизма подачи, и упёр ноги в одну из опор казённой части. Константин уже дёргал рычаги, лязгали запоры замка. Кислорода на оружейной палубе почти не было, а давление смеси нейтральных газов — менее половины от условно-атмосферного. Однако звуки прекрасно передавались вибрацией палубы, опор, креплений и всех тех прочих штуквин, в которые ты упирался ногами, плечами, задницей, пока толкаешь рычаги и вращаешь лебёдки механических приводов. Команды же транслировались по системе внутренней связи.

Виктор смотрел на створ подачи, и по вибрации угадал, когда с глухим стуком отвалила крышка замка, с шелестом вышли направляющие, и с мелким дрязгом выкатилась люлька. Дело привычки, с какого-то момента уже не замечаешь разницы, слышится ли звук, или ощущается.

— Затвор орудия открыт!

Виктор потянул рычаг, и в створ подачи выкатилась болванка. Сто килотонн — это не её масса, это её ударная мощность. Хотя и масса у «сотки» тоже — ой-ой!

Любопытно, откуда берутся в природе наивные «шляпы», полагающие, что боевые лазеры на космических кораблях питаются от аккумуляторных батареек? И сколько мощности они ожидают выкачать из батарейки? Или надеются на корабельный реактор? Этот вот ядерный боезаряд легко даст любому корабельному реактору фору. Ибо высвобождает всю сотню килотонн разом, в мгновение ока, а не нарабатывает часами. А уж выплеснуть эти килотонны единым коротким импульсом когерентного излучения в точку прицеливания — это то, чем, собственно, занимается орудие.

— Заряд на направляющих! — механически констатировал Виктор, наблюдая, как «сотка» проплывает мимо него. Он снова развернулся, изготовился, и, упёршись плечами в поручень, толчком обеих ног направил болванку в люльку, помогая лебёдкам. Это было не обязательно, но у Виктора, в виду нудной, монотонной работы, обострялось чувство, которое его друг, Константин, называл: «свербит жажда выпендрёжа». Ну, а может, старшина оценит рвение?

— Берегись у затвора! — откликнулся Константин. Щёлкнули щёчки прихвата, лебёдка дослала «сотку» в затвор. Виктор занял исходную позу у карусели подачи, ухватившись за

рычаг.

— Оружие тов! — доложил Константин, и его крик слился с грохотом и лязгом затвора.

— Принято, — отозвался старшина, глядя на свой механический хронометр. — Отставить! Оружие! В походное положение!

— Есть оружие в походное положение!

Снова шелест шестерён, лязг запоров, глухой удар массивной крышки замка в упоры. Виктор принял болванку в «люльку», но слишком широко «раскорячился», и ядерный заряд в сто килотонн прижал его ботинок к балке. Крякнув, Виктор таки вкатил «сотку» в гнездо механизма подачи, и, вращая ручную лебёдку, провернул карусель назад. Щелчки фиксаторов.

— Оружие в походном положении!

— Принято! — откликнулся старшина.

«Разрешите тупой вопрос, товарищ старшина! На кой чёрт нам автоматика и электроника?» — отчаянно прокричал — но молча, внутри своей головы прокричал Виктор, — не дай алиены, старшина мысли услышит!

Вопрос же действительно тупой — варианты ответов Виктору прекрасно известны. Самый безобидный звучит так: — «Задача не в том, что бы работало! Задача в том, что бы вы, глисты бесполезные, делом занимались!»

Старшина, однако, мысли Виктора всё же услышал, и ответ озвучил. Причём, начал издавека:

— Докладить о повреждениях!

— Помят форменный ботинок! — нехотя доложил Виктор. — Я цел.

Форменные ботинки, естественно, имели предусмотренные конструкцией рёбра жёсткости армированного каркаса, поскольку Виктор — не первый человек в истории космического флота, который роняет себе на ногу нечто неприлично тяжёлое.

— Первое что выведет нам из строя противник в бою — поучительно изрёк мудрый старшина, — это электроника и автоматика! Так что учитесь сейчас, пока ошибка стоит флоту помятого ботинка, а не сожжённого корабля! Повторим ещё пару раз! Оружие!

— Топтанный аalien! — вздохнул Виктор.

— Точно так! — откликнулся старшина, — К бою! — и отключил освещение на всей оружейной палубе!

— Есть оружие к бою! — старательно прокричал Константин в полнейшей темноте, и в голосе его проскользнула некоторая обречённость.

— Красота! — вздохнул чем-то довольный старшина. — Я вот так целые сутки могу!

— Оружие в боевом положении! — под аккомпанемент лязгнувших фиксаторов Константин простонал, не удержав эмоции.

— Кто-то чем-то не доволен, бойцы? — удивился старшина. — А то там психолухи наши космические тимбилдинга затевают! Новая, прогрессивная методика психологической разгрузки экипажа в дальнем походе! Можем пойти! Развеемся!

— Разрешите повторить учебное упражнение! — бравыми голосами гаркнули Виктор с Константином почти в унисон.

— Оружие! Боекомплект сто! Заряжай!

— Есть боекомплект сто! Затвор!

Корабли четвёртого ударного флота мчались в мёртвой межзвёздной тьме, так, что комета рядом с ними показалась бы пешеходом, замершим на месте в виду проносающегося мимо спортивного болида. В эдаких местах — на границе меж звёздных систем — планетоидов водится больше, чем на орбитах звёзд. Просто здешние планеты разбросаны на больших расстояниях, скованны предвечным холодом, и зовутся «бродячими планетами». Лететь от одной из «бродяг» к соседней придётся несколько тысяч лет. Если не пользоваться гиперпрыжками.

Вацлав лениво размышлял об этом, и одновременно наслаждался ощущениями: как кожу ласкает лёгкий ветерок, солнышко греет, щекочет трава, на которой он лениво развалился. А вот какая-то букашка села на руку. Вацлав замер. Букашка, помедлив, поползла. Вацлав мужественно терпел щекотку. Он старался впитать в себя как можно полнее эти восхитительные, пьянящие ощущения, по которым так соскучился в походе. Жаль, что это вот всё вокруг — виртуальная реальность.

— Здравия желаю, — прозвучал насмешливо голос мичмана. Вацлав открыл глаза, и увидел фигуру Староева в разрисованных весёленькими цветочками трусах до колен. Кроме трусов, на мичмане ничего не было.

— Здравия желаю, — автоматически ответил Вацлав, садясь, и виновато моргая.

— Отдыхаете, товарищ лейтенант? — ехидно поинтересовался Оглы.

— Знания перевариваю, — попытался оправдаться Вацлав, и поднял из травы книгу. Он испытывал неприятное чувство стыда, за то, что мичман застал его в такой расслабленной позе.

— «Регламенты предварительного оперативного анализа боевых технологий инопланетных захватчиков», — прочитал неудобоваримое заглавие мичман, и удивился: — книга? Бумажная книга? В виртуальной реальности?

— Неудобно, конечно, — проворчал Вацлав, — что нет встроенной системы поиска, и не работают гиперссылки, но это что-то, что можно держать в руках. Так оно... — Вацлав замаялся в попытке подобрать подходящее выражение, но мичман его прервал:

— Не хочешь поиграть с «девчонками»? — Оглы расплылся в ехидной улыбке, кивнув себе за плечо. Там парни и девушки в бикини увлечённо играли в пляжный волейбол. — Отлыниваете от планового мероприятия по психологической разгрузке личного состава, товарищ лейтенант?

— Отбыл положенный минимум «тимбтлдинга», — буркнул Вацлав, и показательно уткнулся в книгу. Глаза собрали подвернувшиеся буквы в какие-то слова. Слова те упали в глубины извилин мозга безо всякой, однако, реакции со стороны синапсов, которым переваривать ощущения ветерка на коже было интереснее. И глаза не стали настаивать, а перескочили к девичьим фигуркам, прыгающим по песку вслед за мячиком. Вацлав отдёргнул взгляд, и вернул его в книгу: поважнее есть дела у лейтенанта радиотехнической разведки, чем очередное извращение психологов.

— Иногда мне кажется, что мозги наших психологов не очень что бы выдерживают

стартовые перегрузки, — согласился мичман с мыслями Вацлава. Мысли-то не хитрые, угадать легко.

— Чем этак вон, лучше бы вот так! — высказал Оглы, уже входя в ленивые волны прибоя, и с последними словами, фигура темнокожего человека спортивного сложения мгновенно сменилась фигурой фиолетового осьминога.

Выпендрёжник! Вацлав хмыкнул, и поддался внезапному порыву отомстить мичману за то, что тот застучал его отлынивающим от мероприятия: пасс пальцами, и под рукой появилась виртуальная клавиатура консоли управления виртуальной реальностью корабля. Раз уж из него делают военного разведчика, надо ж хоть в чём-то соответствовать? Пара команд, и волнение на море выросло на балл. Больше будет слишком заметно.

Пока Вацлав злорадно любовался, как фиолетовый осьминог неуклюже борется с прибоем, его глаза то и дело срывались к девичьим фигурками на пляже. Но воспоминание о том, что за девчачьими аватарками — нормальные парни, космофлотцы, снова и снова заставляло отдёргивать взгляд. Что, всё-таки, не так с этими психолухами? Тимбилдинг они придумали, аalien их потопчи! Превратить парней в девчонок! В бикини! И заставить прыгать за мячиком! Лучше вернуться к зубрёжке регламентов предварительного оперативного анализа.

Ученые же старались, выдумывали, расписывали вот, какие тактико-технические параметры инопланетных космических аппаратов в какой последовательности мерить, и к каким гипотезам о возможностях инопланетян следует отнести те или иные отклонения измеренных параметров от опорных значений. Надо бы уважить их труд, и дочитать книжку. А хорошо бы и зазубрить: в бою не до листания книжки будет.

Задачей первых боестолкновений будет успеть измерить, и успеть доложить. Собственно, того ради и вспарывают вековечные залежи межзвёздной пыли на самых дальних границах форштевни и кили боевых кораблей ударных флотов. Готовые умереть в скоротечном бою, что бы дать человечеству шанс.

* * *

От попыток почитать умную книжку Вацлава отвлёк зуммер вызова. Он ответил «принять», и виртуальный мир вокруг сменился: теперь Вацлав сидел «на марсе» — дополнительном наблюдательном пункте корабля — это небольшая рубка с прозрачным куполом на вершине наблюдательной башенки. Она пустует и во время вахт, и по боевому расписанию, поскольку всё управление и наблюдение опирается на показания приборов, а вовсе не надеется на остроту человеческих глаз. Этот же дополнительный наблюдательный пост предусмотрен конструкцией корабля на нештатный случай, когда может потребоваться визуальная ориентация по звёздам.

Вокруг был открытый космос, а рядом стоял, заложив руки за спину, задумчивый Андрей Егорович — капитан первого ранга, начальник отдела разведки, и его, Вацлава, непосредственный командир. Некоторое время они оба молча смотрели: начальник разведки — на звёзды, а Вацлав — на броненосец.

Компоновка космического корабля — штука незамысловатая. В любом случае есть двигатель, главной «деталью» которого является термоядерный реактор, и есть «полезная нагрузка» — собственно обитаемая и напичканная необходимым оборудованием часть

корабля. И вполне естественно желание разнести эти две части подальше. Не очень уютно лететь куда-то далеко, сидя задницей на термоядерном реакторе, верно?

В гражданских космических судах используется сигарообразная компоновка: сзади двигатель, вперёд на длинной несущей ферме вынесена вся «полезная нагрузка». Разумеется, «двигатель» по размерам и по массе больше. Военный космический корабль — другое дело — здесь сигарообразная компоновка почти не встречается, двигателей, обычно, два, и сам корабль располагается между ними в одной плоскости.

Потому, что в бою корабль развёрнут к противнику бортом. Дело даже не в том, что с борта можно выставить больше орудий, нет. Дело в том, что в маневрировании относительно противника используется маршевый двигатель — он может работать на разгон прямо, а может работать на реверс. Двигатели системы ориентации вращают корабль в плоскости прицела, а маршевый двигатель рывком выводит корабль с линии вражеского огня.

А раз корабль в бою развёрнут к противнику бортом, то задача конструкторов — уменьшить силуэт корабля в прицеле противника. Поэтому корабль и все его части «сплющиваются» и вытягиваются вдоль линии бортового огня. Сам корабль при этом часто прячется за двигателем, орудийные палубы чуть выглядывают над и под двигателем. Потому и двигателя два — один будет подставлен под огонь — лучше потерять двигатель, чем корабль с пушками и командой.

У броненосцев немного не так: у них один двигатель, а вместо второго — броневой щит. Он так же как двигатель вынесен в сторону от корабля на несущих фермах. Иногда их называют «мачтами». Именно щит принимает на себя вражеский огонь, и пока щит не рассыпался — корабль в относительной безопасности, сохраняет ход, маневренность, и продолжает вести интенсивный огонь.

И тем ни менее, решает в бою не щит, и даже не маневренность и огневая мощь, а разведка поля боя, радиоэлектронная борьба, целеуказание и корректировка огня. Иными словами, побеждает тот, кто первым верно определил положение противника среди россыпи ложных целей. Вот, о радиотехнической разведке и средствах противодействия ей Вацлав и размышлял, разглядывая с наблюдательной башенки орудийную палубу. Там, кстати, кипела непонятная жизнь: стволы некоторых орудий то укладывались в походное положение, то спешно разворачивались в боевое.

— Я часто прихожу сюда в перерывах между своими вахтами, — прервал Андрей Егорович размышления Вацлава. — И знаешь, о чём я тут думаю? Я тут размышляю с вечном. Точно так! Обзор здесь такой — способствует настроению, и навеивает думы о вечном.

Вацлав не нашёл, что на это ответить, и Андрей Егорович после короткой паузы продолжил:

— Вот тебе пример дум о вечном: мораль.

— А что «мораль»? — не понял Вацлав. Он недоумевал, зачем начальству понадобился этот странный разговор.

— А вот Платон, например, будучи древнегреческим философом, считал мораль чем-то абсолютным. С тех пор много чего утекло, эпохи миновали, и временами то те, то иные моральные ценности подвергались сомнению. Однако основные моральные принципы остались прежними. Те, что ещё древние люди вложили в свои древние религиозные доктрины.

— Вы о заповедях?

— О них. Вот, взять, к примеру, Библию. Написана ещё в медном веке. Это, сынок, тот век, что сразу за первобытно-пещерным каменным веком наступил. Ты знаешь, сынок, какая самая первая заповедь в Библии?

— Не убей? — Вацлав ляпнул наугад. Он, если честно, не помнил, в каком порядке заповеди перечислялись в Библии. И всё ещё не мог понять, куда командир ведёт разговор, и зачем вызвал его, Вацлава?

— Нет, это ты десять заповедей вспомнил, те, что Моисей на каменных скрижалях с горы принёс. Но в Библии есть заповеди древнее Моисеевой десятки. Вот, в самом начале, когда рассказывается, как Бог-Творец сотворил мир, там есть место: едва Творец сотворил первого человека, то, оглядев результат, изрёк первый завет. Не вспомнишь?

— Виноват, — сказал Вацлав, хотя виноватым себя не ощущал. Пока.

— Творец, сотворив первого человека, сказал: — «Нехорошо человеку быть одному!». И сотворил Еву. Теперь понимаешь?

— Сказано сильно, — согласился Вацлав, — а сделано и того сильнее: никаких тебе упреков, типа: — «когда ж ты с девушкой познакомишься?», никаких сайтов знакомств или свиданий вслепую, а сразу — бац! — девушка по персональному заказу! Круто! Но я пока не понимаю, причём тут я?

— А вот, сынок, как раз ты-то и «при чём»! — заявил Андрей Егорович. — Как бы не была дорога межзвёздная связь, а флот регулярно предоставляет возможность личному составу отправлять видео сообщения близким! Угадай, сынок, кто единственный из всего личного состава эскадры ещё ни разу не зашёл в радиорубку в установленное время, весточку отправить, входящую почту проверить?

— Нету у меня родных, — Вацлав разом помрачнел.

— Не хорошо человеку быть одному! — напомнил капперранг древний завет. — Тебя как зовут, сынок? Не Маугли, случаем? Может, ты среди волков в лесу жил? Нет прямых родственников — что ж, так бывает. Но ведь есть друзья, соседи, может, дальние родственники? Нас человеками делает участие в нас других людей, и наша забота о дорогих нам людях. А без этого нет нам никакого смысла боевое дежурство нести! Смекаешь?

Вацлав ничего не ответил. Задумался. Варьку вспомнил, и старших Мицковичей. Нехорошо, в самом деле, исчезнуть вот так, и даже словом о себе не сообщить.

— Кхм! Кстати, — кашлянул в кулак Андрей Игоревич, — Плановый сеанс связи будет точно через тридцать две минуты. Связь у нас пока не квантовая, квантовая наша нужную для передачи видео полосу пропускную пока не держит, и используется только для экстренных сигналов оповещения и срочных приказов. Но гравитационная — это примерно в сорок тысяч раз быстрее света. Кхм! У меня всё. Свободен, сынок.

* * *

Вацлав отключился, и немного полежал в тишине и темноте личной капсулы. Отправить сообщение соседям — дело без сомнений правильное. Но что он им скажет? Чем дальше думал, тем больше испытывал стыда и вины. Тогда Вацлав выставил таймер — что бы сеанс связи не прозевать, снова подключился к виртуальной реальности корабля, и создал себе персональную виртуальную комнату. С зеркалом. Речь репетировать.

С первой попытки речь получилась похвальная. В том смысле, что Вацлав себя хвалил.

и перед соседями хвастался. Особенно, конечно, перед Варькой. Вот ведь кто он теперь, Вацлав — военный человек, офицер технической разведки, несёт нелёгкие боевые дежурства в дальнем боевом походе! Потом прокрутил в зеркале воспроизведение — скривился — не понравилось. Перед кем он хвост распустил? Перед Мицковичами, которые его как облупленного знают? И чем хвастаться-то? Тем, что ферму бросил, улетел в далёкую даль, и даже весточку о себе не послал? Повиниться надо бы.

Вторая речь вышла извинительная: Вацлав признал, что повёл себя, что уж там, совсем по-скотски: напился, припёрся к военным — случайным, кстати говоря, военным, никакого отношения к гибели его отца не имеющим — устроил безобразную сцену. А на следующий день себя жалел, сопли распустил, руки опустил — и вон она как вывернулась, ситуация-то! Теперь вот летит он в мёртвой космической бездне незнамо куда, не известно на сколько. За всю свою глупость Вацлав просил прощения, каялся, и обещал больше никогда. В конце выступление скатилось уж в откровенные жалобы. Даже просматривать не стал — вытер виртуальным рукавом виртуальные сопли, и удалил запись!

На третью репетицию времени не хватило — сработал таймер, и Вацлав вернулся в реальность, быстро привёл себя в полный порядок согласно уставу, и поспешил к радиорубке. А уж когда очередь его подошла, о том, как он в кадре выглядит, и мысли не возникло — не до того было — время записи ограничено, за дверью ещё очередь, а перед мысленным взором соседи Мицковичи стояли, словно бы Вацлав к ним заскочил ненадолго.

К слову сказать, реальная запись, сделанная уже в радиорубке, как надо получилась: сдержанно рассказал о своём приключении, попросил прощение за то, что раньше о себе знать не дал, пообещал не пропадать, заверил, что не посрамит. При этом в военной форме держался уверенно, спокойно. Поблёскивали в кадре золотые значки в петлицах, звёзды на погонах. В общем, как надо всё получилось.

— Дорогие мои! — по отсекам корабля «Песнь о доме» разнёсся голос капитана Нелнишноша: — Как результат нападения хищников, наш корабль сошёл с ранее намеченной траектории, и сейчас удаляется от первой планеты на предельно низкой орбите звезды. Теперь попасть в убежище «Смелого свистуна» у нас не получится.

Фрегат хищников, что атаковал нас, сейчас падает на звезду. «Потрошитель» спешно организует спасательную операцию. Хищникам сейчас не до охоты на нас.

Мы могли бы лететь на границе фотосферы звезды, черпая энергию в наши накопители, и надеяться, что не сваримся заживо прежде, чем накопим заряд для прыжка.

Однако смелые фиане капитана Абуксигуна собрали и запустили ракету нам вслед. Они демонтировали накопители со своего корабля, и отправили их нам. Мы сможем поймать их ракету через несколько часов. Тогда у нас будет возможность уйти в дальний прыжок.

Наши друзья и родичи с корабля «Смелый свистун» останутся на Первой планете для исследований местных аномалий и ремонта корабля. Они уже обнаружили щедрые залежи необходимых веществ, и сейчас их бортовой ремонтный материализатор отливает составные части для полноценного промышленного манипулятора материи. Капитан Абуксигун заявляет, что через год сможет построить новый корабль, и планирует организовать в убежище на Первой планете полноценную перевалочную базу и корабельную верфь для Народа. Это смелый план, и я от всей души желаю им удачи!

Но я обращаюсь к вам, дорогие мои, не за тем, что бы поделиться новостями. Я задам вам вопрос, и мне нужен ответ уже через два часа.

И так, куда мы летим?

Старейшины приняли решение разделить флотилию. Каждый корабль сам выбирает себе цель для прыжка из этой системы. У нас нет дальней связи и что бы заняться её ремонтом, нам нужно сначала спастись, сбежать отсюда.

Чем бы не кончилась у хищников спасательная операция, месть нам станет для «Потрошителя» священной.

Как вы догадываетесь, я, как капитан этого корабля, уже имею план и готовый маршрут. И, наверное, вы догадываетесь, что я обращаюсь к вам, дорогие мои потому, что мой план... многим из вас не понравится.

Я предлагаю... кхм... красный сектор. Да, «красными» называются сектора пространства, запрещённые для любых полётов. Этот конкретный сектор был закрыт для навигации... кх... хм. Прошу прощения, мне трудно говорить. Речь идёт о самых страшных сказках и преданиях фиан. Речь идёт о прародине нашего Народа.

Каждый из вас с младенчества знает древнюю поговорку: — «куда бы не шёл фианин, он идёт в Ракса-Кслаим» Да, дорогие мои, Раксла-Кслаим в душе каждого фианина. И всё же Раксла-Кслаим — это реальное место. Давным давно у Народа фиан была своя планета, своя родина. Фиане исследовали дальние космические просторы но непременно возвращались домой. Ныне же дом у фиан — только в Песнях.

Дом наших предков стал планетой кошмаров. Это сделали хищники. И совершенно

правильно тот сектор пространства закрасен красным на наших звёздных картах и запрещён к навигации!

Но послушайте меня, фиане! Это всё было очень давно! Хищники давно покинули планету, которую сами превратили в... пустыню. Подумайте: что делать хищнику там, где не осталось ди... дичи. Нет охоты — хищники уходят. Они уходят в поисках новых жертв. Все знают эту страшную истину о хищниках. Но почему никто не подумал, что там, откуда хищники уже ушли — теперь безопасно?

Я предлагаю курс в красный сектор. Потому что уверен — это последнее направление, в котором нас станут искать. Подумайте об этом. А что касается Кровавой пустыни и прочих ужасов... прошло столько веков! Подумайте сами: там наверняка уже всё заросло дикими зарослями!

В общем, я всё сказал. Думайте, фиане. Такое решения я не могу принять без вашего согласия. У нас есть пара часов.

Аритаю речь капитана застала на краю Великого Разлома. Девушка сидела на самом краю, болтала ногами над пропастью, и любовалась искристыми снежинками замёрзшего азота, что кружась, танцевали над бездной. На трёхмерной проекции тела девушки была виртуальная модель лёгкой летней накидки. В реальности Великий Разлом находился на безнадёжно мёртвой планете, лишённой атмосферы, в очень далёком уголке галактики. Но в виртуальном пространстве, поддерживаемом корабельным вычислителем, можно воссоздать любой пейзаж. И добавить снежинки замёрзшего азота. А вчера тут были джунгли планеты Мина-Тора.

Благодаря технологии погружения в виртуальность фиане могли выносить долгие межзвёздные скитания, и не свихнуться в опостылевших тесных каютах. Фиане вообще отказались от кают: забрался в личную капсулу, надел на голову медиа-шлем, и ты где угодно!

Аритаю была здесь не одна: по саду причудливых камней носились свободные сейчас от вахты кузены, за ними гонялся мохтун — не настоящий, конечно. Этот мохтун не страшный, а забавный, и не сожрёт, когда поймает, зато будет обниматься. В сторонке группа взрослых степенных фиан играли в «то-то». В общем, всё как обычно.

Когда зазвучала речь капитана, Аритаю подумала, что это символично: пугающие вещи, о которых говорит капитан, и пропасть, на краю которой она сидит в этот момент. Отчасти девушка была рада тревожным новостям — ей, как наблюдателю, прибавится работы, новые тревоги и заботы помогут забыться, отодвинуть вглубь памяти... навязчивый кошмар, который не даёт ей спокойно спать, заставляет бродить в виртуальных пространствах, и раз за разом приводит к краю пропасти... во всех смыслах.

А из той пропасти на неё смотрели глаза хищника. Того самого, с которым она столкнулась в тот роковой день на обшивке корабля. Ей оставалось перерезать последний абордажный трос, а он поднял на неё бластер...

Голос капитана раздавался в полной тишине: фиане замерли, слушая его. А когда капитан закончил говорить, кто-то тяжело вздохнул, кто-то присвистнул, не сдержавшись.

— Наш капитан с ума сошёл!

— Разве я единственный, кто после всего случившегося кошмара желает оказаться как можно дальше от любых напоминаний о хищниках?

— Что за глупость! Даже если хищники давно ушли из красного сектора, они же наверняка оставили кучу ловушек и шпионских спутников!

— Не иначе нашего Нелнишноша Абуксигун покусал! Надеюсь, больше никто не заразился авантюризмом?

Всем хороша виртуальная реальность. Только один её недостаток обычно очень не нравился Аритайе: виртуальность подменяла и зрение, и слух, и запах, и даже тактильные ощущения, но не эмпатию. Для телеэмпата погружение в виртуальную реальность было сродни контузии: видишь и слышишь других фиан, но никого не чувствуешь. И вот впервые Аритайя этому недостатку виртуальности была рада.

— Хватит злословить на нашего Нелнишноша! Он нас всех спас раз! Спас два! Спас три И снова спасёт! Нет, вот ты нам скажи, раз так возмущаешься, какое у тебя конкретно альтернативное предложение?

Девушка даже не глянула, кто так смело высказался в защиту капитана, отключила шлем, и лёжа в привычной мягкой темноте своей капсулы, несколько минут вообще ни о чём не думала. Курс в красный сектор.

Когда-то её мама поднялась на борт красивого фианского корабля, взяла курс в глубь одного из красных секторов, и пропала навсегда. На душе у девушки стало как-то совсем невыносимо тоскливо. Вспомнилась ракушка квантовой связи, что осталась от матери. Вспомнилась чужая Песнь, что так помогла в самый тяжёлый момент.

— Путь помит алиа укыришиа сасате, — Аритайя попыталась вспомнить ту странную Песнь, коверкая слова неизвестного языка, — Ми на секу, ми за фраго ситим...

Всхлипнула, сморгнула слезинку, достала заветную ракушку, шмыгнула носом, и стала старательно петь в неё:

— Чушо сефли ми нихати ни пяти...

— Не-не-не, фея! Прекрати, пожалуйста! — разразился приборчик квантовой связи знакомым нефианским голосом, произносившим череду непонятных слов чужого языка: — Тебе эта песня совсем не идёт! Ты извини, это я погорячился тогда. Прости. Давай, раз уж так, раз уж ты решила что-то наше разучить, давай что-нибудь другое подберём! Ну, вот хотя бы эту!

И чужой голос запел. Это была совсем другая Песнь. И чужак снова угадал: новая егс Песнь успокаивала и внушала надежду.

Нелнишнош: Курс на Прародину

Любой фианин — эмпат. Кого-то в этом по-настоящему талантлив — как Ахутехоут и Аритайя, но уж вблизи, в беседе лицом к лицу — любой фианин переживает чувства собеседника, как свои собственные. Поэтому споры между фианами всегда сходят к компромиссу.

Это в виртуальном пространстве, где как раз чувство эмпатии не симулируется аппаратурой, фиане откровенно выплёскивали свой страх перед древними ужасными историями о потерянной прародине, усталость от затянувшегося злоклучения, и раздражение решением капитана. А вот когда они в реальности пришли к капитану высказать своё мнение в лицо — повернулось всё совсем иначе. Как всегда всё повернулось. По-капитански всё вышло.

Все фиане — эмпаты. И потому капитанами космических кораблей становятся не самые умные, не самые умелые, и даже не самые подготовленные. Умных фиан и без капитана на борту хватит. И умелые среди умных найдутся. А подготовка — дело времени. Опыт — дело наживное. Капитаном же становится тот, кто способен настоять на своём. Выслушать всех этих умных и умелых, принять единственное решение, и точка. Каждый эмпат глядя в глаза капитана Нелнишноша волей-неволей оценил его заботу о корабле и экипаже, почувствовал объём со тщанием проделанной аналитической работы, заразился его решимостью, проникался его готовностью, и загорался его вдохновением. И возражения таяли, не успев сорваться с языков.

Нелнишнош не с бухты-барухты придумал лететь в «красный» сектор. Это не было спонтанным решением, случайной идеей. Нелнишнош годами — с самой своей юности — вынашивал мысль когда-нибудь отыскать планету-прародину всех фиан. Он собрал всю информацию, какую только было возможно добыть. Он советовался с бывальыми, он анализировал сводки о миграциях хищников, он строил графики вероятностей.

Но старейшины ни за что не дали бы ему «добро» на такой полёт. Планета-прародина объявлена запретной, табу — таков завет предков! Заветы предков незыблемы! Благодаря Заветам фиане выжили как вид! Прецедент может быть опасен!

Но сейчас, в связи с прямым приказом старейшин капитанам флота разлетаться кто куда горазд, руки у капитана Нелнишноша оказались развязаны.

Посмотрев в глаза своему капитану, и подумав, команда и пассажиры корабля «Песнь о доме» согласились, что «красный» запретный сектор — это то направление, в котором их меньше всего будут искать хищники. Нелнишнош получил «добро».

Пока все были увлечены обсуждениями, и заняты подготовкой, Нелнишнош улучил момент поговорить с дочерью.

— Аритайя, я чувствую, как тебя гнетут сомнения, и даже догадываюсь, какие именно, — начал он разговор. Они с дочерью заперлись от всех в капитанской каюте.

— Скажи, если я знаю фразу на неизвестном языке, как узнать, чей это язык, и где на нем говорят? — прямо спросила она.

— При условии, что фиане когда-то обнаруживали ту цивилизацию, что породила этот язык, сведения могут быть в корабельном хранилище знаний, — с готовностью сообщил Нелнишнош.

— Я уже искала, — созналась Аритайя.

— Я тоже, — кивнул капитан. — Ты ведь о той песне, что вдохновила нас... э...

— Зажарить живьём несколько десятков разумных, ты хотел сказать, — с горечью и болью в голосе подсказала дочь.

— Они ещё держатся..., - возразил было он.

— Но им осталось недолго...

— Мы не о том говорим! — решительно оборвал Нелнишнош. — Они сами виноваты, и тебе не следует брать на себя слишком много! И мы об этом говорить не будем!

— Хорошо, — с мрачным видом кивнула Аритайя. — Где ещё можно поискать сведения о языке чужой песни?

Нелнишнош не смог сдержать тяжёлого вздоха.

— «Запределье» — есть такое место, где мудрейшие из старейшин различных кланов хранят то, что недопустимо утратить. Полагаю, сведения об этом странном языке можно отыскать в «Запределье», — ответил Нелнишнош.

— Ты, как капитан, знаешь, где это?

— Никто не знает координат «Запределья», — возразил Нелнишнош. — Я лично считаю, что их вообще не существует. «Запределье» находится вне нашего пространства, вот что я думаю. Но это не важно. Нам нужно отремонтировать звездолёт, заново собрать систему дальней связи. А для этого нам нужно сесть на планету, найти нужные руды, и развернуть временную базу.

* * *

А через сутки ракета с накопителями, демонтированными со «Смелого свистуна» была благополучно поймана, и «Песнь о доме» ушла в дальний прыжок, смеясь над ракетным залпом «Потрошителя» — хищники засекли ракету с первой планеты и по ней навели свои ракеты, но те безнадежно опоздали.

Виктория, кряхтя, выбралась из-под фальшпола, с удовольствием разогнула усталую спину, и с облегчением вздохнула. Подумала, стоит ли тратить силы на выбившуюся из-под банданы и лезущую в лицо непослушную прядь волос, решила, что та того не стоит, и принялась медленно стаскивать рабочие перчатки. Стащила, устало уронила их в ящик с инструментами. Местный старший механик, по кличке Хит, висевший сейчас под потолком на кабельросте и возившийся со старой неподатливой муфтой, прервался, и уставился на девушку вопросительным взглядом выцветших глаз.

— Четвёртый — всё! — доложила Виктория.

— С концами? — уточнил стармех осипшим голосом.

— Не в том смысле, — она всё же смахнула с лица непослушную прядку, — четвёртый готов под нагрузку.

— Питалово проверь ещё раз, и убирай «башмак», — удовлетворённо хмыкнул мужчина, и вернулся к возне с муфтой.

Вика, со стоном склонилась над вскрытым распределителем, и непокорная прядь снова упала на лицо.

Это ж удивительно просто, сколько на борту космического корабля можно найти ручной работы, которую никак не автоматизировать, не переложить на механизмы и роботов! А если добавить к этому, что корабль старый, да ещё к тому же и пиратский — то работа получается не просто ручная, а тяжёлая, муторная и грязная!

Через минуту она, закончив с проверкой, уселась прямо на питающую шину (сейчас отключенную от автоматов питания), что бы перевести дыхание, но тут сверху спрыгнул стармех:

— Баста! — скомандовал он. — Прибери тут, и «финита ля комедия» на сегодня! — и Хит шагнул в лифт-шахту.

Поскольку сама Виктория не пожелала сознаться в наличии профессиональных знаний и навыков ни в одной из потребных на космической корабле специальностей, взяли её рядовым бойцом и разнорабочим. Самой Редхат того и надо было: чем реже она будет попадаться на глаза капитану Волкову, тем ниже шанс разоблачения.

Расчёт Виктории был прост: если она сама не может найти Вацлава быстрее, чем пираты, можно внедриться к ним в команду, и подождать, пока Вацлав найдёт капитан Волков. А потом... действовать по обстановке. Что сепаратисты будут новобранцев вербовать, Виктория вычислила сразу, как узнала, что их крейсер объявил целью визита на Топураг посещение Могилы Храбрых. Попасть к пиратам было не сложно. Сбежать с пиратского корабля — вот где будет настоящая проблема. Но Виктория не сомневалась — случай обязательно подвернётся. Удача любит терпеливых и внимательных.

Виктория выбралась из технических отсеков на жилую палубу. Шаг в лифт-шахту, толчок, от которого дыхание на секунду перехватывает, и вот она уже выпрыгивает на нужной палубе, в коридор, перед проходом в кают-компанию.

Дорогу ей перегородила мужская фигура внушительной комплекции. Комбез чистый,

застёгнут лишь до солнечного сплетения. Волосы рыжие, глаза наглые. Вот пират заметил её появление, по скуластому лицу побежала трещина ухмылки, дрогнули ноздри, а в голове капитана полиции Виктории Редхат, прославившей среди коллег сорвиголовой и отчаянной девкой, знаменитой своим пренебрежением к инструкциям, в один короткий миг чередой пронеслись следующие мысли:

Кость широкая, мышечный каркас рыхловат — когда-то занимался спортом, но давно забросил. Тени под глазами — возможно, проблемы с печенью. Расслаблен. Возможно — на показ, ради эффекта, но возможно он бывший профессиональный боец. Вес на правой ноге, левая ступня... нет, не боец — боец бы развернул ступню. Смотрит в глаза — возможно, ищет контакт для психологического давления. Волосы небрежно причёсаны, но причёсаны только что — ждал, хотел произвести сносное впечатление.

И так: провоцирующий толчок в лицо, нырнуть под левую руку, и пробить в большую печень. Нет, нырнуть, удар коленом в пах... отставить, пах он успеет прикрыть — удар коленом в солнечное сплетение, и сразу пробить в большую печень, потом полушаг, доворот бёдер, и удар с локтя в висок. Оценка шансов: 95 из ста на полный вывод противника из строя.

Поправка: возможны последствия в отношениях с командой. Переоценка приоритетов. Новая вводная: боестолкновение не желательно! Варианты: грубо послать, коротко и очень жёстко. Или поиграть, потянуть время, оценить противника?

— Какая ципа! — выдал, наконец, рыжий пират.

«Что ж, вариант «Б». Опять» — решила Виктория:

— Какая? — чуть скепсиса, чуть иронии, доля интереса. — Потная, лохматая, усталая и злая ты имеешь в виду?

Секундная растерянность в глазах — не того ожидал — интересно, а чего? — сменилась искоркой интереса.

— Да не проблема! Сей момент провожу даму в душ! Потру спинку! — мужчина чуть нагнулся вперёд, не переставая улыбаться, и загораживая весь проход разведёнными в стороны руками.

Вбить носовую перегородку внутрь черепа? Подшаг, ухватить за пах, удар лбом в нос, свободной рукой толкнуть его подбородок назад, одновременно дёрнуть захваченный пах на себя и вверх. Упавшее тело добить одним ударом либо в шею — перебить трахею, либо в область сердца — разорвать сердечную мышцу. Отставить! Возникнет проблема с утилизацией тела. Опять же, осложнения отношений с командой. Продолжаю поиск вариантов.

— Уммм! — мечтательно промычала девушка, — Душ — это звучит, как обещание кайфа...

— Да, детка! — рыжий пират оскалился, и подмигнул ей.

— А кайф я весь беру себе! — голос Вика сменила на жёсткий, командирский. — Делиться душем не стану! Я жадная!

Девушка сделала шаг навстречу мужчине. Тот не шевельнулся, загораживая проход. Теперь они стояли практически в упор, лицом к лицу. Вернее, лоб к подбородку — мужчина был выше почти на голову.

— О! Не беспокойся об этом, детка! Я смогу дать тебе столько кайфа, сколько сможешь взять!

— Как ты, должно быть могуч! — Вика осторожно провела пальчиком по голой шее

мужчины, вниз — в распахнутый отворот рубахи, пока палец не упёрся в застёгнутую пуговицу. — Языком трепать могуч!

Из-за поворота к кают-компании показалась толпа заинтересованных зрителей. Кто-то пронзительно присвистнул. Кто-то хохотнул.

Виктория мимоходом отметила наличие свидетелей, и приоритет возможных изменений отношения команды в оценке вариантов действий повысила на максимум. Всё, играть хватит. Противника она оценила, свидетелей выявила — пора действовать.

— К чему нам трепать языками? Мы оба взрослые люди! — нагло ухмыляясь, пират тряхнул рыжей шевелюрой. — Ты симпатичная кобылка, я жеребец хоть куда! Так чего тянуть?

— Но-но! Отставить! — раздался голос красавчика доктора вместе с которым Виктория попала в команду к пиратам. Своим именем он ей, кстати, так и не представился. Она называла его «Красавчик», и это его, похоже, вполне устраивало. Команде пиратов до имени дела не было вовсе — все называли его «Док», имея в виду его должность на корабле. Док сразу получил звание офицера, поскольку был квалифицированным медиком, хирургом, пусть и пластическим, а толковый специалист по медицине кораблю был нужен. И не просто нужен, а важен. Причём — важен каждому конкретному пирату из команды. Никто не хочет что бы некоторые моменты из медицинской карточки вдруг стали известны кому-то кроме доктора. Так что с Доком пираты стали дружить сразу, без таких вот испытаний, которые щедро достались Вике. Сейчас Красавчик пытался прекратить безобразие, и спасти её, Вику, от притязаний пирата.

— Док, они люди взрослые, сами разберутся, — мягко возразил Красавчику кто-то из пиратов.

— Док! — прикрикнула Виктория, — Вот уж в чём я точно не нуждаюсь, так это в заступничестве такого красавчика, как ты, Док!

Пираты засвистели одобрительно. Красавчик заткнулся. Мужчина перед Викторией растянул хищную ухмылку на скуластом плохо выбритом лице. Виктория, наконец, определилась с вариантом поведения: это тест, так что нельзя просто уйти — пираты продолжат «наезжать», нельзя эскалировать конфликт, необходимо повернуть ситуацию. Что бы на её месте сделал настоящий пират, уже давно признанный этой командой за своего?

Ну, если кто и знает это, то точно не капитан космического департамента полиции Виктория Редхат. Она о пиратах знает много: как они обустривают свои временные перевалочные пункты, как устраивают тайники, как ведут себя в бою. Но вот как они ведут себя в быту — никогда не интересовалась! Что ж, вариант «Б» — будь собой, Виктория!

Её ножка обвила ногу мужчины, пока основание её большого пальца не оказалось плотно прижато к его пятке. Её колено надавило ему под коленную чашечку, и могучий пират с эффектным грохотом упал на задницу!

Уй! Бедолага! Кто ж так падает, балда! Эдак запросто копчик сломать можно!

Виктория носком ноги легонько толкнула его подбородок, вынуждая запрокинуть голову, и рыжий окончательно рухнул на настил, ударившись теперь ещё и головой. Она перешагнула тело, и развернулась:

— Все вы, мужики, трепать языком горазды! — кинула развалившемуся перед ней пирату. — А ты докажи мне!

Пират вскочил на ноги, потирая и массируя одной рукой затылок, а другой — задницу.

Зло сверкнул глазами:

— Что тебе доказать, наглая кобылка? — и навис над нею.

— Докажи, что у тебя духа хватит! — Виктория победно улыбнулась. Но мимоходом подумала, что быть настолько собой — не очень удачная идея, потому что закончится опять же порванными связками и суставами, вырванными из суставных чашек. А потом её выкинут за борт. За вывод из строя личного состава добровольческой освободительной армии. Надо срочно предложить альтернативу. Что-то пиратское. — Попробуй меня, ну, скажем, перепить?

— Что? — пират растерялся. — Как это?

— Пират не знает, как пить? — делано удивилась девушка. Пираты вокруг заржали.

— Лиха, девка! Но пьянка на борту запрещена! — выкрикнул кто-то из них.

— Да, да! Точно! — тут же согласился ушибленный ею мужчина, выговаривая нарочито громко: — Мы ни за что не будем пьянствовать на борту боевого корабля добровольческой освободительной армии! — и подмигнул ей, нагло ухмыляясь.

— Виновата! Ляпнула, не подумав, дура! — так же нарочито громко согласилась Виктория, сообразив, что вслух предлагать устроить попойку на борту — плохая идея.

— Не страшно, товарищ! — подмигнул ей рыжий пират, и, развернувшись, утопал куда-то по коридору. Свидетели сцены тут же вспомнили о срочных делах и разбежались в стороны, старательно не глядя друг на друга.

— А что здесь произошло? — растерянно поинтересовался Красавчик Док.

— Очевидно, ничего! — ответила Вика, улыбнулась, и, хлопнув растерянного Красавчика по плечу, пошла себе в душевую. Пират правильную идею про душ подал, своевременную.

Виктория шла, переставляла ноги, недовольно хмурясь из-за того, как её потряхивало. А потряхивало её из-за переизбытка адреналина — тело приготовилось к схватке, а боя не было — обломили всё удовольствие, проклятые пираты! И нервы последнее время ни к алиену не годятся! Однако, в том, что случившееся только что было лишь присказкой, Виктория не усомнилась ни на миг. Продолжение обязательно воспоследует!

Подумав под душем, Редхат решила, что надо бы озадачить Дока подбором медикаментозной блокады алкоголя, что бы пить и не пьянеть.

Вацлав: Вести с полей

«Дело было поздним вечером» — сказал бы я, но, поскольку у нас тут военный космический корабль в дальнем походе, и на его борту никаких «вечеров» в помине нет, правильнее будет: — «после долгой вахты».

После долгой вахты, Вацлав возвращался в родной кубрик из офицерской душевой усталый, довольный, мокрый и красный, как варёный рак. Ещё и замотавшись в былую простыню.

Пожалуй, тут надо бы пояснить пару моментов.

Во-первых, считается, что офицеру положена каюта, а кубрик — это для матросов. Но Вацлав по штату ходил в должности стажёра, и место ему определили, как стажёру — в кубрике. Но не в матросском, а в кубрике для специалистов. Таких на борту было четыре, и отличались они от матросских гораздо меньшим количеством жилых мест, и общей зоной отдыха повышенной комфортности.

Во-вторых, простыней, как и прочего спального белья на борту не было, за отсутствием кроватей. Спят тут в спальнях ложементов. Это специальные аппараты, в которых спящий может относительно неплохо переносить перегрузки, может получать автоматическую медицинскую помощь, а то и катапультироваться за борт — при аварийной необходимости. В качестве простынки Вацлав использовал сменный внутренний чехол спального ложемента.

Вообще-то в такой «простыне» ходить по палубам не положено. Однако после офицерской душевой, которую неизвестные герои простым паяльником с отвёрткой творчески доработали до «контр-сауны», сил надеть форму у бедняги не было.

Вообще «контр» в определении «контр-сауна» произошло от «контрастных температур». То есть сперва ты как следует прожаришься, получишь мягкий массаж раскалённым воздухом, а потом словно ныряешь с разбегу в прорубь. Когда Вацлав в первый раз (по субъективным его ощущениям — едва выжил!) спросил у Оглы: — «Что за aliensина с душевой?», тот невозмутимо пожал плечами, и сказал, плохо скрывая гордость, лишь одно слово: — «Кзаки!»

И так, мокрый и красный как варёный рак, Вацлав добрался до родного кубрика. Достал из своего спального ложемента бутылочку кваса, хрустящую галету и тубик с рационом, и плюхнулся в удобное кресло. Соседей в кубрике не было — видимо, уже проснулись и ушли в спортзал — на разминку перед тем, как заступить на посты. И это было хорошо: у Вацлава было дело, которое он отложил на спокойное время личного отдыха. Сегодня он получил послание с Топурага. Сразу даже и смотреть не стал: понятно, что для такого дела нужен душевный настрой и обстановка.

Захрустел галетой с глотком пищевого рациона, вздохнул умиротворённо, и достал планшетку своего личного инфора.

— Ну ты и дурачёк, Вацлав! — Варька на экране покачала головой удручённо, глаза её подозрительно блестели влагой, и вздыхала она тяжело. — Ты хоть представляешь себе...

Вацлав закашлялся, судорожно сглатывая, и нажал на «паузу». Надо было ещё потерпеть, и таки поесть, прежде чем смотреть! Откашлялся, перемотал на начало:

— Ну ты и дурачок, Вацлав! Ты...

Снова пауза. Вот, чего она? Злится? Или нет? С одной стороны — «дурачок», но с

другой-то стороны — не «дурак» же! А разница есть! Не, если мужик говорит — то разницы нет, но вот, если девушка — разница ого-го какая! Так и не придя к твёрдому мнению, Вацлав решил послушать дальше:

— ... хоть представляешь себе, что тут творилась после твоего исчезновения!

О как! Нет, он не представляет. Там у них веками ничего не происходит! Обычная фермерская рутина.

— Ты куда-то уехал, пьяный в хламину! На ночь глядя! Утром тебя нет, днём тебя нет! А вечером твой дом — бах! — и сгорел! Прилетел целый космический пиратский крейсер! И разбомбил твой дом! Вацлав! Ты во что встрял, бедовая твоя голова-два-уха?! Ты зачем повстанцев-то обидел?

Пауза. Вацлав осторожно потрогал свой лоб, сообразил, что так температуру не померить, приложил штатный медицинский индикатор — норма, жара нет. Тогда откуда этот бред? Какие такие космические пираты?! Ну-ка, ещё раз:

— Прилетел целый космический пиратский крейсер! И разбомбил твой дом! Вацлав! Ты во что встрял, бедовая твоя голова-два-уха?! Ты зачем повстанцев-то обидел?

Вацлав остановил запись, и напряг память. Но как не силился, никаких пиратов вспомнить не смог. Военные были. Напоили, контракт подсунули, в орбитальную станцию на Лифте подняли. Стоп, может быть в том баре какие-то пираты были? Бред! Не могут пираты в баре быть, когда целая эскадра на орбите! Не понятно. Что там дальше?

— Потом прилетела та офицер полиции, которой вы с батей звонили в тот вечер у нас, — продолжала рассказ Варя. — Осмотрела пепелище, пришла к нам, задавала вопросы. Отец дал ей наш пикап — в город съездить. Потом прилетели люди в чёрных аккуратных костюмах. Тоже вопросы задавали. Я так поняла, что та полицейская тоже исчезла! Как будто у нас тут не ферма, а «Бермудская пирамида» какая-то! Четыре угла: твоя ферма, наша, город, и орбитальная станция! А в пятом углу, надо полагать, потайная чёрная дыра!

— Ты когда возвращаться-то будешь? А поля?! А урожай?! А куча пепла на месте дома, наконец?!

— Ох! Из банка звонили — жутко напугали нас всех! Слушай, Вацлав, сделай одолжение — в следующий раз в полный рост покажись, пожалуйста! Очень прошу! Из банка звонили, сказали, что тебя захватили террористы, и ставят на тебе опыты! Говорят, ноги тебе отрезали, и лапы какого-то животного пытались пришить — им в банк, говорят, сперва счёт пришёл на оплату операции по замене ног на лапы! А потом, дескать, ты дистанционно заблокировал все ваши с отцом счета, указав в графе «причина» вариант «захватили террористы»!

Варя тяжело вздохнула, и села едва не мимо стула — видно было, как её вымотала толи эта речь, то ли все эти новости о нём, Вацлаве. Закончила Варька тихо и так грустно-печально, что у парня внутри что-то перевернулось:

— Ох и дурачок ты, Вацлав! Ты уж постарайся нас так больше не пугать, пожалуйста!

Он пересмотрел эту запись ещё несколько раз. Кое-что сходилось: история про операцию по пересадке ног вспоминать было стыдно: розыгрыш-то детский, а он повёлся! И да — он же напрочь забыл в банк позвонить! Вот балда!

И про офицера полиции тоже сходится — он помнил, что та девушка офицер предупреждала, что прилетит, и просила никуда не уезжать, и дожждаться её.

А вот с пиратами и пожаром было совсем не понятно!

Помучившись, Вацлав решил, что в истории этой придётся рассматривать его покойного

отца в качестве одного из фигурантов дела. Иначе концы с концами не сходятся. Его отец каким-то загадочным образом оказался в системе Кирибея-три, и погиб. И вот в этом легко могут быть замешаны космические пираты!

Отложив тяжёлые думы об отце и пиратах на потом, Вацлав решил пока разобраться с брошенной фермой, надвигающейся на неё жатвой, а так же с банком, пожаром, и заблокированными счетами — потому что иначе с жатвой ничего не сделать.

И началась с этого момента целая эпопея, под названием: «Дон Кихот Бондски против бюрократической системы»!

Что бы разблокировать счета, Вацлаву Бондски требовалось подтвердить слою личность. Лично явиться в отделение банка и предъявить документы, отпечатки пальцев и сетчатку глаза он, по понятным причинам, не мог. Действовать, как положено в космофлоте, «по команде» — то же не мог, потому что в космофлоте Вацлав Бондски числился как Вацлав Вонтски. Они сказали: — «бюрократическая ошибка!», — и развели руками.

Тогда он попробовал подать рапорт с просьбой о предоставлении отпуска для улаживания семейных обстоятельств. Ему ответили: — «Ты сколько служишь? Меньше полугода? Не положено! Жди полугода!»

А потом неожиданно вмешался сам начальник отдела разведки, Андрей Игоревич, и мигом всё встало на штатные места: банк прислал уведомление, что всё в порядке. Страховая компания объявилась, предоставила документы о результатах экспертизы по страховому случаю с пожаром на ферме, вызванным атакой космического крейсера, и платёжное поручение о начислении страховой премии.

Наконец, Вацлав записал ещё одно послание соседям, в котором просил старшего Мицковича заняться фермой Бондски до его, Вацлава, возвращения со службы, а компенсацию трудов предложил взять урожаем.

В ответ Теодор Мицкович прислал длинную записку, в которой пространно рассказывал, как он рад, что Вацлав жив-здоров, и взялся за ум. И как он, Теодор, глубоко одобряет решение юноши взяться за ум, и сделать военную карьеру. Мимоходом несколько раз предложил выкупить у Вацлава всю землю Бондски, и пару раз спрашивал о пустоши за четвёртым полем.

Вацлав в ответ послал Теодору короткое «спасибо» за заботу о ферме Бондски. И всё. Ничего он продавать не будет. Зачем бы ему? И на что Мицковичу поросшие бурьяном да крапивой холмы за четвёртым полем? Обойдётся.

Андрей же Игоревич просматривая всю переписку Вацлава хмурился неодобрительно: предчувствия предупреждали о неприятностях, но инструкция отдела контрразведки Главного Управления была однозначной: настоящий Вацлав Бондски должен «засветиться». Вот ведь, прятали-прятали, а тут — подайте на блюдечке! Эх!

Командор Волков: — «Женщины! Ты никогда их не поймёшь!»

На борту крейсера «Титаниус»

Капитан собственного боевого крейсера под знаменем добровольческой освободительной армии, Сергей Волков держал в руках рамку «меморайз», которую захватил во время абордажа фермерского дома на планете Топураг, и задумчиво разглядывал молодого зелёнокожего паренька, обладателя голубых глаз и непослушной соломенного цвета шевелюры.

Шансы на то, что паренёк что-то знает, были не велики, но они определённо были. Внезапная гибель того, кто так долго и успешно скрывался на Топураге под фамилией Бондски поставила под угрозу тщательно спланированное и так долго подготавливаемое дело! Дело, которое совершенно не возможно было теперь ни отложить, ни отменить! И в свете этого, ставшего для него по личным причинам воистину святым, дела, захват фермерского паренька определённо стоил риска.

Командор пиратов тщательно обдумал все возможные варианты действий, и с дюжину невозможных в придачу. Как захватить юношу, прячущегося на борту боевого корабля?

Связать эскадру боем, и взять корабль на абордаж? Сложно придумать план глупее!

Внедрить своего человека в команду космофлотцев? Или подкупить кого-то из них? А, нет, оказывается, глупее абордажа что-то придумать всё же можно!

Для умного человека должно быть очевидным, что хватать искомого юношу нужно в каком-то спокойном месте, вроде тихого скверика какого-нибудь провинциального городка, а уж никак не на борту боевого корабля! Всего-то нужно сделать так, что бы паренёк сам захотел покинуть борт, и пойти погулять в тихий скверик. И повод нужен какой-нибудь невинный, и как бы случайный, не вызывающий никаких подозрений.

И что подойдёт лучше, чем случайное знакомство и свидание с девушкой? Не вечно же парню в космосе болтаться, должны же ему хоть когда-то дать увольнительную? А повод для увольнения команды на планету и организовать можно. Что, если, скажем, корабль вдруг встанет на ремонт? Оно, конечно, организовать нечаянную поломку важных узлов боевого корабля — задача не из простых. А если не ремонт, а, скажем, срочное пополнение испортившихся припасов? Или санитарная обработка вдруг внезапно понадобилась всему кораблю?

Детали можно обдумать и позже. Сначала — самое узкое место плана — где взять подходящую девушку? Впрочем, одна девушка есть. Симпатичная, умная, со специальной подготовкой. Вот только проблемы у неё... с головой. Вернее с мыслями в голове. Сама-то голова — вполне хорошая голова, симпатичная, крепкая, умная. А мысли в ней не те, не девические, а какие-то откровенно brutальные! Судите сами, если по приказу совершить «шоппинг по дамским штучкам», она выслеживает, ловит, и вербует контрабандистов!

Вот и выходит: что бы план «склеился», нужно эту девушку правильно подготовить.

Волков ещё раз придирчиво осмотрел свою каюту: кровать заправлена, голографический проектор в художественном беспорядке раскидал по стенам горящие свечи — но света и бликов они не давали.

Капитан покачал головой и внёс поправки со своего браслета инфора — блики появились, но огонькам свечей такие блики, пожалуй, не шли. Это, скорее, похоже на отсветы пожара в соседней каюте. Подумав, Волков добавил виртуальный камин — так стало лучше. Тольку надо убрать из голографического камина реальные сапоги — они там картину портят.

Закинул сапоги под фальшпанель. Оглядел каюту ещё раз. Обстановке, однако, явно чего-то не хватало. Капитан повозился с инфором ещё, скачал из дебрей инфор-хранилищ крейсера погодный патч, и пол каюты устлали опавшие листья. Отставить!

Пару минут покопаться в настройках, и пол каюты устлали лепестки роз. А стены увил зелёный плющ. Уже лучше. Плющ на стенах, горящие свечи, камин, в котором нет больше сапог, лепестки роз на полу, поверх пустых бутылок. Стол. Стол чем-то неуловимо смущал взгляд.

Волков нахмурился, рывком сбросил со стола хлам, пинками забил его под всё ту же фальшпанель. Туда же, подумав, капитан отправил и бутылки. Между прочим — коллекционные, практически, экземпляры! В такие бутылки уже лет сто как не разливают вино! Ну, официальные поставщики не разливают. Только некоторые особенные ценители старых традиций... из одного мафиозного клана, специализирующиеся на подделке... на качественной — заметьте! — подделке алкоголя! Но, увы, шанс, что она оценит бутылки — мал. Так что — под фальшпанель их!

Так, что ещё? Мрачно выругавшись, капитан полез в скрытый в стене шкаф, достал оттуда рюкзак, извлёк из него баллон дезодоранта для туалета «свежесть романтического утра», и слегка побрызгал вокруг, после чего выкинул баллон в мусоропровод, а рюкзак запрятал обратно в стенной шкаф.

Ещё раз оглядев каюту, Волков решил, что камин будет смотреться реалистичнее, если в каюте будет слегка попахивать дымком, и поискал, что бы такого поджечь. Ничего деревянного в каюте космического крейсера не оказалось. На роль топлива для розжига отыскался старый носок. Посомневавшись, капитан решил так не рисковать, и выкинул его в мусоропровод.

Пожалуй, можно было бы слегка подымить хорошей сигарой, но увы — после проникающих ранений, пробивших легкие, капитану Волкову пришлось завязать с курением, так что сигар на крейсере не было. Или? Волков откинул панель управления, влез на неё, что бы дотянуться до воздуховода, и аккуратно отвинтил воздушный фильтр. Голыми пальцами — навык и сноровка! Да, действительно, сигар на крейсере нет — убедился капитан, и вернул фильтр на место. Придётся камину обойтись без лёгкого аромата дымка.

Наконец, Волков достал бутылку контрабандного вина, вскрыл, и поставил бутылку на пол перед камином. Извлёк из-за фальшпанели (не той, другой) пару бокалов, тщательно протёр их новым носовым платком, и только после плеснул в оба немного вина из бутылки. Кажется, всё готово.

Последний штрих! Капитан снял с крепления над дверью штурмовой бластер, быстро разобрал, эффектно разбросав блестящие смазкой части оружия перед камином. Ей нравятся блики на ружейной смазке. Кивнув своим мыслям, волков прижал пальцем клипсу в ухе, и скомандовал:

— Офицер разведки! Прибыть на брифинг в каюту капитана!

* * *

Она вошла в каюту с грацией готового к броску убийцы, плавно перетекла в обманчиво расслабленную позу ожидания приказа. Осмотрев обстановку в каюте капитана, озадаченно хмыкнула, и её изящные пальчики расстегнули кобуру бластера. Они всегда так делали — её пальчики — если вдруг в окружающем пространстве обнаруживалось что-то странное — они, не дожидаясь команды от мозга, расстёгивали кобуру, тем самым экономя драгоценные доли секунды. Профессиональная привычка.

Закончив беглый осмотр каюты пиратского капитана цепким взглядом (по часовой стрелке, внимание к деталям, отвлекающие факторы игнорировать) девушка перенесла внимание на лицо своего командора: невозмутим, собран, сосредоточен, серьёзен, готов к схватке. Видимо, брифинг предстоит сложный, а значит, задание будет не обычное, и это определённо хорошая новость. А то последнее время стало откровенно скучно жить.

— Офицер разведки, по вызову капитана, явилась на брифинг! — чётко отрапортовала на полном автопилоте, пока сама была занята осмотром и анализом ситуации.

— Вольно! — скомандовал командор. — Лия, задание тебе предстоит сложное, прямо скажем, для тебя — совершенно не типичное, и потому на этом брифинге мне потребуется всё твоё внимание.

— Ай-ай, кэп, сэр!

— Тогда отключи на время брифинга свой тактический инфор, — попросил Волков.

Чёрная матовая полоска, закрывающая верхнюю часть лица девушки, исчезла. И капитана пиратов на целую минуту залюбовался зелёными глазами в обрамлении пушистых ресниц.

Офицер не торопила своего капитана — раз брифинг предстоит серьёзный, капитану нужно время собраться с мыслями. Взгляд капитана Волкова непроизвольно скользнул ниже, по защищённой броневым воротником шее, на обтянутую защитным комбинезоном грудь девушки. И остановился на медицинском индикаторе под правой грудью. Индикатор подмигнул зелёным.

— Лия, — капитан начал несколько задумчиво, словно взвешивая каждое слово, — мы все многое отдали в жертву нашей борьбе... а всё остальное, что у нас ещё есть — поставили на кон. Я лично так долго шёл к этому дню... и вот теперь, когда мы, быть может, буквально в шаге... мне нужна не просто твоя преданность нашему делу... мне нужна вера... твоя твёрдая вера в меня лично!

Девушка не спускала глаз с лица своего капитана, словно замороженная его речью. Словно кролик под гипнозом удава она медленно приблизилась к нему.

— Сейчас я должен спросить, — продолжал капитан пиратов, сдерживая волнение, — веришь ли ты лично мне, Лия? Веришь ли ты своему капитану так твёрдо, что бы выполнить без рассуждений приказ, который кому другому показался бы странным и... не удобным?

Её «да» сверкало в её глазах, читалось во всей её позе, но дрогнув на губах, побоялось, что голос сорвётся. Девушка взволнованно сглотнула, но так и не решилась озвучить ответ.

Капитан уверенным движением распахнул полы тяжёлой форменной куртки, и достал из внутреннего кармана рамку «меморайз».

— Тебе нужно охмурить этого молокососа!

— Тыщ! — прозвенела пощёчина. Голова пиратского капитана дёрнулась в сторону, он, хватая воздух ртом, дважды моргнул выпученными от удивления глазами.

— Ох! Я не...! — девушка была очень растеряна, а ей, Лии, это чувство было в новинку. — П-прошу прощения, кэп! Не хотела...! Прошу прощения! Э... это рефлексы! П-проклятье!

— Кхм! Ничего, — Волков уже овладел собой, и постарался вернуть уверенность и во взгляд и в голос.

— Я виновата, кэп, — ещё продолжала лепетать испуганная собственной выходкой девушка, — Не сомневайтесь, кэп, я выполню приказ! Надо соблазнить — соблазню! Это нечаянно... от нервов... рефлексы. Но я...!

— Ничего! — заверил её капитан уверенным голосом, — Я же понимаю, Лия, уж что-то, а соблазнить парня — тебе будет очень не просто!

— Тыдыщ! — вторая оплеуха была, пожалуй, на пару децибел звонче! Голова капитана опять резко дёрнулась, теперь уже в другую сторону.

— О-ой! — судорожно всхлипнула девушка, ещё больше испугавшись. — Я не хотела! Прошу прощения! Я... то есть... не...

— Ничего, — перебил её капитан, и сунул девушке в руки рамку «меморайз»: — Ознакомьтесь! Собрать необходимую информацию, и подготовить операцию по перехвату объекта!

— Ай, кэп! — девушка привычно чётко козырнула, и, вроде, хотела что-то сказать или спросить, но капитан её прервал:

— Вы свободны, офицер!

— Ай-ай, кэп! — ещё раз козырнула девушка, и чётко развернувшись через правое плечо, покинула каюту капитана.

Минуту или две в каюте царила тяжёлая тишина. Наконец, Волков отмер, осторожно ощупал лицо, и, скривившись, проворчал себе под нос:

— Это ещё хорошо, что я не успел ей сообщить, что подготовил помещение для отработки маневра... охмурения! — затем Волков печально вздохнул, и сам себе посочувствовал: — Женщины! Ты никогда их не поймёшь!

Лия: Капкан на фермера

Получасом позже

Лия, как обычно в минуты неуверенности, качала пресс на потолке: зацепившись ступнями на скобы потолочных поручней (они там, вообще-то, на случай невесомости), она сгибалась, почти касаясь головой потолка, и разгибалась, свешиваясь почти до самого пола. Мерно поскрипывала лебёдка, то втягивая, то стравливая тросики — она создавала дополнительную нагрузку.

Лия предавалась размышлениям об эволюции. С какого-то момента эволюция жизни на планете Земля взяла, да и ввела второй, дополнительный пол. Очевидно, даже такой гениальный инженер, как Природа, допускает иногда ляпы. Как ни крути, но ведь очевидно: все мужики... примитивные, в сущности, создания! Эволюция ввела их ради сугубо утилитарной функции: снять с основного пола лишнюю нагрузку, типа охраны стаи, или особо тупого и монотонного труда. Но как только разум подчинил природу, изменил среду обитания, полезность второго, дополнительного и неполноценного пола стала весьма сомнительной. Но сделанного Эволюцией назад ведь не повернёшь! И теперь бедным женщинам приходится всю жизнь мучиться с примитивными мужиками.

Ведь это же каким нужно быть твердолобым бесчувственным чурбаном, каким надо быть неблагодарным хряком, что бы так её, Лию, унизить! Дважды!

Она — к нему, а он: — «Охмурить этого молокососа!»

А потом ещё: — «что-что, а соблазнить парня тебе, Лия, очень не просто!» Как будто она уродина какая! Нет, что за наглость, говорить такое женщине!

Впрочем, дело — прежде всего! Она отыщет этого проворного фермера! Сперва отыщет, потом возьмёт, а потом позволит себе немного развлечься! И этот бесчувственный... этот... хладнокровный красавец... этот величайший в истории космический пират — он непременно ещё оценит её, Лию, не только как хорошего спеца, но и как женщину!

Девушка закончила упражнение, грациозно изогнувшись, спрыгнула с потолка, и начала спаринг в дополненной реальности. Иногда задачка попадаетея слишком сложная, такая, что привычные подходы не годятся. Тогда, бывает, помогает отключить на время рассудок. Помашешь руками и ногами в спарринге вволю — глядишь, и искомое решение само выскочит откуда-то из области неосознанного.

Так вышло и в этот раз. Девушка закончила спарринг, отключила симуляцию, и сладко потянувшись, вдруг сказала самой себе: — «А чего это я буду искать, мучиться? А пусть этот фермер сам меня найдёт!» И, приняв решение, спокойно уселась в удобное кресло в углу своей каюты.

Первым делом Лия решила свериться с текущим курсом и расписанием, что бы запланировать сеанс связи. Что бы делать дело, ей нужна инфосеть. Желательно — галактическая. Что там у нас в ближайших планах капитана? Сервер, пароль... сменил, да? Умница какой! Учится! Ладно, сейчас это не важно. Берём новый пароль капитана из логов резидентного кейлогера, давно и толково прописанного в системе под видом драйвера. Что, логин занят? Ах, капитан сейчас работает! Дисконектнем пока этого... самоуверенного ламера.

Вот, есть: следующая остановка у нас — лайнер «Veritas» — заказ от «Галакси Энщуренс». Очень хорошо! Вот, с борта этого лайнера она и влезет в инфосеть. Всего то и дел — найти несколько документов в глобальной сети, да поисковые хэштеги им подправить! И лучше не самой — время есть, сейчас набросаем умненького «червячка», который «сойдёт» с лайнера в сеть... куда там летит этот «Вари Таз»? «Йо»! Столица восточного сектора — очень кстати!

Редхат: Пиратское боевое крещение

Пару суток спустя, на борту крейсера «Титаниус»

— Боевая тревога! Занять места согласно боевому расписанию! — раздалось по отсекам и переходам крейсера. — Готовность двенадцать минут!

Крышка ложементов откинулась, и Редхат потратила пару секунд на то, что бы проморгаться, изгоняя остатки прерванного сна. Её спальный ложемент вместе со стопкой таких же от остальных стройных рядов спальных ложементов отделяла переборка. По эту сторону — женская половина, по ту сторону — мужская, а всё вместе — кубрик. Вообще-то больше похоже на отгороженный кусок технического тоннеля, кое-как приспособленный под проживание рядового личного состава.

Редхат подмечала различные несоответствия с первого дня, и много думала. Первоначальная гипотеза о том, что этот пиратский крейсер — перестроенный гражданский грузовоз — неуклонно теряла в привлекательности под давлением другой гипотезы: этот корабль изначально задумывался как боевой крейсер, однако строители постарались замаскировать его под гражданский тяжёлый транспорт.

Тело налито свинцом — привычное для капитана космического департамента полиции состояние, соответствующее перегрузке на боевом развороте. Да, но сейчас она играет роль гражданки, впервые оторвавшей свой зад от поверхности родной планеты — надо бы не забыть притворяться.

Тревожно заверещал инфор. Виктория надела ободок инфора на голову, воткнула клипсу в ухо, и включила связь.

— Новенькая? — поинтересовался хриплый голос.

— Да?

— К левому нижнему шлюзу, новенькая. Быстро!

— Вопрос можно?

— Что тебе, новенькая?

— А, эм... какими словами положено в таких случаях материться нормальному пирату?

— Ха! Дозволяются любые экспромты, новенькая! Только не по общей связи! Всё, давай!

— Бегу... — буркнула недовольно в уже отключившийся микрофон Виктория.

Натянула комбез, и пошаркала по переходам, вжимаясь в стену каждый раз, когда навстречу неслись пираты — злобно скалящие кривые зубы в наглых ухмылках, и нарочито громко бухающие магнитными подошвами по настилу. Царила атмосфера какого-то предвкушения злой потехи.

— Абордажная команда! — рявкнули громкоговорители. — Сбор в левом нижнем шлюзе, обезьяны! И не забудьте надеть свежее исподнее, животные!

Вот как! Её записали в абордажную команду? Или кто-то пошутил? Или шутки начнутся уже на борту чужого судна?

— Носовые! Доклад!

Ещё поворот и спуск по скрипящей крутой лестнице. Своё умение лихо слетать по поручням она демонстрировать не стала, и тщательно притворялась «забортной шляпой»,

выслушивая комментарии от вынужденных задержаться из-за неё пиратов.

— Держаться в отсеках! К носовому пуску!

Надо же! Корабль ещё в маневре после выхода из гиперпространства, а эти уже пуски устраивают! Эти олухи действительно так умеют? Или решили порадовать возможных наблюдателей противника бестолковым праздничным фейерверком? Добровольцы-освободители, мать их жалко!

Палуба под ногами взбрыкнула. Ерунда бы, кабы не двойная перегрузка.

А вот и нужный шлюз!

— Молодца, новенькая! Резво бегаешь! — радостно растянул ухмылку знакомый рыжий верзил в лёгкой десантной броне образца прошлого века. — Я на тебе полтос поднял!

Стоявший рядом седой мужик (в пошарканной и залатанной штурмовой броне) при этих словах досадливо скривился, но кивнул, не то соглашаясь с проигрышем в споре, не то приветствуя Вику.

— Облачайся! — кивнул рыжий на сложенную аккуратной кучкой амуницию.

Редхат осторожно подняла и недоверчиво повертела в руках блестящие красным лаком бронешитки, соединённые антрацитово-чёрными полосками нановолоконного материала.

— Это что, розыгрыш? — вглядываясь в небритые рожи пиратов, поинтересовалась она. — Или это проверка на вшивость?

— Угадала! Это розыгрыш! — заявил рыжий, улыбаясь во всю широту души — от уха до уха. — Цирковое представление! Сама увидишь!

— Страховая компания «Гэлакси Эншуренс» регулярно нанимает нас для таких вот представлений, — объяснил седой. — Мы разыгрываем нападение на лайнер. Пиф! Паф! Фейерверк! И абордаж. Дельцы от страхового бизнеса придумали способ контролировать страховые случаи. Они нанимают нас. Договариваются с экипажем лайнера. Такие подставные, постановочные «ограбления» правят им статистику в сторону подорожания страховых полисов, и наглядно демонстрируют публике пользу страхования. А храбрым, но бедным добровольцам освободительной армии тоже надо что-то кушать!

— Сама подумай! — обратился к ней отсмеявшийся рыжий. — Если мы станем на такие лайнеры по-всамделешному нападать, это ж куча проблем и сомнительная выгода! А тут верный заработок и все довольны! А якобы награбленное мы потом сдаём представителю страховой компании. Нам это выгоднее, чем связываться с перекупщиками краденого, рискуя погореть на полицейской облаве. Нам платят за представление.

— Публике нравится, — проворчал седой. — Для них это незабываемое приключение. Да и на что им жаловаться? Мы стараемся, что бы никто не пострадал, и даже если действительно приберём к рукам кое-какие блестяшки из дамских украшений — страховая компания всё возмещает! Собственно, в этом и смысл: страхуйте имущество!

— А если кто-то не застрахован? — поинтересовалась Вика, уже догадываясь про правильный ответ.

— На тех рейсах, на которые нас наводят, застрахованы все.

— Про тех, кто пренебрегает страховкой — история отдельная, — ухмыльнулся рыжий.

— В другой раз! — цыкнул на него седой, и сердито проворчал уже Вике: — Настоящие пираты — это банки, страховые компании, биржевые брокеры с маклерами, транспланетарные корпорации и глобальные торговые сети! А мы — всего лишь люди, которые имеют наглость жить свободно! А ты — облачайся, давай!

— Ты ещё и саблю получишь! — радостно ухмыльнулся рыжий.

— Какую такую саблю? — не поняла Вика.

— Абордажную!

— Отставить балаган! Надевай броню! — настаивал седой, уже теряя терпение.

— А вы чего же? — опять не поняла Вика.

— А мы поможем! Трясёт! Упадёшь ещё, ушибёшься...

— Ах, так вы — помогатели! Ну, так это же другое дело! — Вика почувствовала, что «тормоза» срывает, но сделать с собой уже ничего не смогла: нервы ни к алиену — прав был полковник — полечиться бы ей, отдохнуть бы в санатории! А теперь всё к алиенам в бездну! Голос срывается на хищный рык: — А то я-то уже подумала, что вы тут на бесплатный стриптиз собрались! Я вам сейчас так помогу! Циркачи недоделанные! А ну, пшли вон!

К счастью, обошлось: пираты быстро отступили, старательно демонстрируя обиженную в лучших чувствах невинность. Рыжий и массивную створку десантного шлюза за собой задвинул.

Немного побушевав, и наконец, успокоившись, Вика со вздохом принялась разбираться с амуницией. С трудом, но справилась с застёжками, подтянула регулировку, попрыгала, проверяя, даже перекатилась раз через голову, и, как не странно, осталась вполне довольна.

Однако, подумав, Вика решила, что настоящая «подстава» ещё впереди. Раз этот «абордаж» — постановочный, значит, есть сценарий. А раз её с этим сценарием никто не познакомил, значит, ей придётся импровизировать. А пираты, наверняка, собираются над ней вволю поржать. Подумав ещё раз, Вика решила, что ей плевать: пусть ржут — на выполнение боевой задачи капитана полиции Редхат это никак не повлияет. Тёплой волной по телу раскатился неподдельный азарт. А вот она там ещё посмотрит, кто над кем посмеётся!

Странное совпадение, но где-то примерно в то же время боевая тревога играла и на борту броненосца «Ярость отчаянных». Капитан броненосца объявил общее построение. Главный коридор внезапно оказался тесноват. Капитан, появившийся в конце коридора, двинул перед личным составом речь. Говорил не громко, но проникновенно, а система общей связи донесла каждый вздох капитана для каждого члена команды. Собственно речь вышла краткой:

— Нам брошен вызов. Дуэль чести. По традиции, в бой пойдут только добровольцы. Прошу каждого всё обдумать и взвесить. Тех, кто готов, прошу сделать шаг вперёд.

Вацлав стоял в первой шеренге, а ровно за его спиной стоял старшина Староев Ватуга Оглы. Разумеется, старшина шаг вперёд сделал, так что у Вацлава просто не оказалось выбора. Вообще-то шаг вперёд сделал весь строй — чётко, как на параде.

— Лично благодарю каждого! Спасибо, товарищи! Ставка уже назначила наблюдателей, место определено. Готовность двадцать два часа, смену курса начинаем через тридцать минут. Всем спасибо. Вольно! Разойдись!

Космофлот уже не первое столетие готовился драться насмерть с превосходящими по технологиям алиенами за самую надежду для человечества на выживание. Готовился тщательно. А для такой ответственной битвы космофлоту нужны люди с реальным боевым опытом. Потому командование не только проводило регулярные учебные стрельбы в условиях, максимально приближенных к боевым, но и поощряло дуэли.

Дуэли были разные, а дуэльный кодекс представлял собой весьма объёмный том. Дуэли легких истребителей, или целых эскадрилий, а то и крупных кораблей редкостью не были. Как не были редкостью боевые потери. Но личный состав риск для жизни несколько не смущал. Скорее наоборот: жизнь без риска представлялась пресной.

Вацлав по поводу предстоящей дуэли кораблей не переживал, и даже не нервничал особо, чем сам себя удивлял, а испытывал небывалый душевный подъём, предвкушение, и какой-то даже не здоровый азарт. Однако командование решило его персонально обломать. Через три часа после построения, Вацлав получил срочный вызов к капитану. Как раз тогда, когда его уже почти родной броненосец готовился лечь в разворот и покинуть строй эскадры.

— Дело нашему кораблю предстоит боевое, дело чести! А что превыше чести? — капитан корабля встретил Вацлава на мостике вопросом. И сам же ответил: — Долг превыше чести, сынок! Так точно! А потому, прежде я должен исполнить долг: необходимо отправить секретные бумаги. А тогда уже можно и на дуэль чести идти! Бумаги такого рода по уставу положено передавать с курьером. Курьером будешь на этот раз ты. Бери вот этот пакет, оставь отпечаток большого пальца вот здесь, и немедленно выдвигайся в носовой торпедный отсек! Вопросы?

— Почему я?

— Вот что, — сказал на это капитан, — я своим людям никогда не вру. Тебе сказать правду, или промолчать?

— Правду.

— Вот первая причина: ты хорошо учишься, Оглы тобой доволен, но ты пока не опытен, и всё ещё слабо подготовлен. Мы послать тебя или опытного специалиста?

— Ясно, — согласился Вацлав.

— Значит, одной причины хватит, про другие молчу. Ещё вопросы?

— Почему торпедный? Меня что, выстрелят из торпедного аппарата?

— Вот я и говорю: пока что ты слабо подготовлен! Тебя повезёт гиперпространственный курьерский аппарат. Разработан он на базе шасси гиперпространственного торпедного комплекса. Пилотировать тебе не придётся — сядешь, расслабишься, и получай удовольствие! Только не помри там! Конец инструктажа!

— Есть! Разрешите идти?

— Вот ещё что: по пути ни кому о задании не сообщать! Кому надо — знает, а кто не знает — тому не надо! Ясно?

— Так точно!

— Иди!

И Вацлав козырнул, развернулся «кругом», и пошёл. Шёл и чувствовал себя настоящим крутым офицером военной разведки на задании. Только курьерский аппарат его разочаровал: выглядел он совсем не круто, а внутри и вовсе было фигово: тесно, неудобно, и как-то ненадёжно.

Просидеть внутри бедолаге пришлось без малого четыре часа (благо, что скафандр снимал проблему с туалетом). Вацлав откровенно скучал. Попытался задремать, но не вышло. Вспоминал, что ему известно о явлении под весьма условным названием «гиперпространство», и пытался представить, чего ему ожидать.

Наконец, по кораблю объявили готовность к гиперпрыжку. Вацлав успел поволноваться: корабль уходит в гиперпрыжок, а как же он, Вацлав? Про него, что, забыли? Эй, вы, там! Про особо важный пакет с приложенным к нему курьером забыли!

Но нет, не забыли. Просто выстрелили Вацлава уже в гиперпространстве. Полёт был незабываемым! Жаль, что не менее незабываемые неприятные ощущения не дали юноше толком насладиться зрелищем.

Весь свет галактики схлынул вперёд, по курсу — ожидаемый эффект приближения к световому барьеру. А затем вдруг оказалось, что вся привычная трёхмерная галактика — вот она — лежит плоской поверхностью — но не впереди, а внизу. А аппарат, несущий Вацлава, вроде как из этой плоскости выпрыгнул. Выпрыгнул в... никуда, и, вроде как перестал быть — во всяком случае, привычные органы чувств ничего не видели и не чувствовали. Даже собственного тела Вацлав не видел и не ощущал никак. Зато, кажется, появилось некое новое чувство, которое давала представление о происходящем...

Разобраться Вацлав не успел — его мутило, мыслить связно не получалось, но вдруг аппарат развернулся — плоскость вселенной ушла вниз и назад, а прямо по курсу оказалась странная конструкция. Она медленно вращалась, и форма её с изменением угла менялась невероятным образом: только что это была гигантская пирамида, составленная из кубов, и вот она чуть поворачивается, и превращается в... гигантский тор из шаров? Размер этой штуки определить на глаз тоже никак не получалось.

И вот эта конструкция вдруг разевает прямоугольную пасть прямо перед носом курьерского аппарата. Аппарат плавно вплыл внутрь, и на этом, наконец, жуть и муть кончились, и вновь установилась определённость: Вот он — Вацлав — руки-ноги на местах,

вот бронестекло кокпита, а вокруг... космопорт! Закрытого типа!

Сквозь бронестекло кокпита Вацлав рассматривал внутренности огромного причального комплекса. Стройные ряды неизвестных ему космических аппаратов в стыковочных узлах: антрацитовый цвет обшивки, хищные обводы.

Тем временем аппарат Вацлава мягко приняли длинные и на вид хрупкие манипуляторы, и уверенно повели к свободному стыковочному узлу.

— Добро пожаловать на борт гиперпространственной крепости! — раздался в наушниках Вацлава строгий женский голос. — Дождитесь завершения стыковки! Стыковка завершена! Следуйте за синей полосой!

Константин и Виктор: Артеллерийская дуэль

На борту броненосца «Ярость отчаянных»

— Орудие к бою! — долгожданная команда. Корабли-дуэлянты засекли друг друга почти одновременно, рассыпали ложные цели, и обменялись ракетными залпами. Курсы взяты на сближение, дистанция быстро сокращается, а вместе с ней повышается вероятность обнаружения настоящего корабля среди ложных целей. «Семечек» уже пожгли немало: вон, барабанные автоматы молотят — весь корпус корабля дрожит. Вот-вот аналитики дадут целеуказание главному калибру! Константин провожает взглядом люльку с болванкой, и мысленно хвалит себя: автоматика работает зарядание чётко, но он — Константин — в ручном режиме отрабатывает почти так же! А в невесомости и быстрее бы смог!

— Ор-рудие тов! — докладывает Константин.

— Есть цель! — откликается Виктор.

— Работаем! — командует, наконец, старшина. Палуба рывком уходит из-под ног, и через мгновение возвращается, мягко хлопает по подошвам форменных ботинок.

— Беглым! По готовности!

— Затвор!

— Боекомплект сто!

— Ор-рудие! Тов!

— Огонь!

— Затвор!

— Огонь!

— Боекомплект сто!

И вдруг слаженная песнь рапортов орудийных расчётов сбилась:

— Не вижу цель!

— Наблюдатели! Вашу маму!

— Прекратить огонь! К маневру держаться! — перекрывает прочих внушительный бас старшины. Отработав намеченные цели, корабль уходит из-под ответного огня. Небо качнулось в прицелах, снизу выплыл край корабельного тяжёлого щита, прикрывая орудийную палубу от врага, и в самый последний момент Виктор вдруг орёт благим матом:

— Ска, цель, на...!

Но поздно: отметку от засветки вражеского корабля закрывает щит — тяжёлый, многослойный. Слой «холодного пота», слой «квантовой рубашки», слой несущей ячеистой конструкции, умеющей перераспределять механические напряжения и отводить высокие температуры. Снаружи щит ещё и кумулятивными ячейками увешен — боеголовки встречным выбросом плазмы сжигать.

В следующий момент наваливается перегрузка — корабль начал маневр уклонения. Вектор тяги, вначале ударив в ноги, ушёл вбок, и полом стала боковая перегородка. На мониторах систем целеуказания полыхали сполохи помех — ответный огонь жёг наши «семечки», рвались боеголовки, разряжались импульсные разрядники, расцветали вспышки плазмы, когда лазерный удар приходился в защитную газовую линзу.

Однако Виктор упрямо «вёл» цель на приборах. Крестик целеуказания от засветки

вражеского борта мигнул в прицельном устройстве перед глазами — жаль, но цель вот-вот будет утеряна. И в этот момент оптические окуляры заливают сияние — вспышка от прямого попадания в щит броненосца! Прямо перед орудием! Витёк бросил взгляд на друга — Костя смотрел на Виктора. Без слов, оба поняли друг друга. Витя припал к оптическому окуляру — есть! Дыра в щите точно напротив их орудия, и отметка засветки цели ещё раз мигнула точно в перекрестии прицела.

— Огонь! — рявкнул Виктор, азартно нажимая гашетку.

— Затвор! — поддержал друга Константин, и запустил зарядный механизм — подготовить орудие к новому выстрелу.

— Вы чего, на?! — взревел старшина, одним прыжком (несмотря на перегрузку) подпрыгнул к Виктору, и вытаращился красными от напряжения глазами на сияющую оплавленными краями дыру в щите прямо напротив орудия. — Собственный щит! Урррою, твари!

В следующий момент корабль ощутимо содрогнулся, затем ещё и ещё раз. По общей связи пронеслось:

— В отсеках! Осмотреться!

— Наводчик два: ослеп!

— Пожар торпедный носовой! Дайте три минуты — управимся!

— Фиксирую пробойну в щите! — гаркнул их старшина в общий канал.

— Наводчик один: цель вижу!

— Живём! — отозвался капитанский мостик. — Левым бортом ракетный залп! Орудийная товсь!

— Оррррудие к бою! — прорычал старшина.

И ещё один глухой удар, и вектор тяги повело, а затем вдруг наступила невесомость.

— Прекратить огонь! — раздалось по общей связи. — Отбой боевой тревоги! Дуэль окончена! Повторяю!

— Ну, я вас двоих! — рыкнул старшина, и Виктор с Константином инстинктивно сжались.

— Оно уже так и было! — предпринял робкую попытку оправдаться Виктор.

Старшина скрипнул зубами, но так и не придумал сходу подходящей к случаю кары — развернулся, и ушёл, мрачно гроыхая магнитными подошвами по настилу.

— Не дефь, Витёк! — попытался подбодрить Константин друга, — Всё правильно сделал!

— Слушать в отсеках, — раздался спокойный голос командира корабля, — Предварительные итоги: нам, как и ожидалось, не хватило противоракетной защиты. Мы получили ракету в двигатель. Но наши артиллеристы, что тоже было ожидаемо, отработали лучше, чем их! Один из последних выстрелов был в точку. Не знаю пока, как там рассудят наблюдатели Ставки, но я считаю, победа наша! Все молодцы! Всем спасибо! Затушить пожар, восстановить герметичность, доложить! Разбор полётов завтра! На ремонт идём в Кольцо Сатириуса. Личному составу будут предоставлены увольнительные.

Командор Волков: Новый курс!

На борту крейсера «Титаниус»

— Значит так, повторим ещё раз! — Волков хмурился, какое-то непонятное предчувствие едва заметно, но тревожило его, и оттого хмурый командор нервно мерил шагами капитанский мостик. — Наш искомый беглый фермер обнаружил себя. Ожидаемо. Прячется он в Космофлоте, на борту броненосца, что уже неожиданно. Два момента: от кого он так лихо удрал с фермы? Мог ли он ожидать наш к нему интерес?

— Нам не известно, какие отношения были у него с приёмным отцом, — заметила Лия.

— Принято, — Волков кивнул. — Второй момент: почему Космофлот?

— Просто подвернулась возможность. На Топураге с возможностями вообще туго, — предположила Лия, но тут же добавила: — Или парень мог давно мечтать сменить скучную фермерскую возню в навозе на военный мундир, и ждал случая.

— Принято, — проворчал командор. Вроде бы всё сходится, но откуда странное сосущее чувство подставы?

— Ну, или с нами играет контрразведка флота, — проворчал он. — Ту визитку, что мы нашли в доме на ферме нельзя сбрасывать со счетов...

— Как и ожидалось, фермерский парнишка, узнав о пожаре на ферме, обратился в страховую, — заговорила Лия, видя, что командор замолчал. — В ту самую, где наш Громила интеллигентно оставил мой жучок. Благо на Топураге всего одна страховая компания.

— И тут мы из новостей узнаём, что броненосец «Стойкость отчаянных» вступил в дуэль чести, получил повреждения, и временно выведен из состава эскадры, — задумчиво продолжил излагать факты Волков.

— Так точно, — кивнула Лия. — Кольцо Сатириуса. Удобный случай!

— Риск приемлемый, — подумав, кивнул капитан.

— Среди местных есть сочувствующие делу Добровольческой Армии, — продолжила анализ Лия. — Там у нас даже есть подпольная группа. Наш план предусматривает: основную базу, запасную, пути отхода, отвлекающий маневр, акцию захвата, запасной план захвата, экстренную эвакуацию, и, на крайний случай, возможность надолго залечь на дно. Прогноз по операции благоприятный.

Командор Волков ещё колебался.

— Корабль можно спрятать в кратере на планетоиде-спутнике, — предложила Лия, видя колебания командора.

— Нет уж! Предпочитаю держать свой корабль под рукой! — возразил Волков. — Если вдруг что-то пойдёт не так, как мы доберёмся до того планетоида?

— Мы? Я пойду одна! — возразила Лия. — Местное подполье обладает боевой группой! Ребята там проверенные в деле! Они помогут! В крайнем случае, я могу одна отработать запасной план, используя подпольщиков в отвлекающем маневре! Вам незачем рисковать лично, командор!

— Есть зачем, — со вздохом возразил Волков. — К тому же, нам очень вовремя подвернулись коды грузовоза. «Титаниус» уже прикидывался грузовиком — ему не

привыкать! Да, придётся кое-какие игрушки временно демонтировать, но главный калибр у нас удачно прячется в корпус!

— Демонтируем ракетные — потеряем в огневой мощи! — возразила Лия.

— В таком деле огневая мощь нас не спасёт! — возразил Волков. — Только неожиданность, скорость, и маневр!

— Что ж, — он ещё раз вздохнул, и, наконец, решился: — Да будет так! Приступаем немедленно! Новый курс!

Вацлав стоял совершенно потрясённый, обескураженный, растерянный, и во все глаза, открыв рот, смотрел на своего отца.

Скудно освещённый зал этот назывался «шлюз осевой, первый», что бы это ни значило. Можно предположить, однако, что эта цилиндрическая полость в теле крепости при строительстве нужна была, что бы перемещать нечто весьма габаритное и массивное через несколько палуб сразу. Отсюда исходил тоннель «к нижнему первому реакторному» — судя по указателю. Здесь же пересекались переходы «технической палубы сверхфазораторов», и «крыло лабораторное 2» — опять же, по указателям судя. Мощные перекрытия, рельсы по потолкам тоннелей, бронированные заслоны аварийной герметизации — сейчас открытые, и внушительная кран-балка под высоким потолком зала.

Отец стоял спокойный и уверенный, чуть поджав губы, и едва заметно сощурил глаза — как бывало в конце тяжёлого рабочего дня. Сейчас он прикидывает в уме, всё ли сделано, и что нужно непременно не забыть сделать завтра. Таким Вацлав помнит отца на ферме. Таким его запечатлели здесь, в зале первого осевого шлюза гиперпространственной крепости. В бронзе.

На удивление, этот зал, в явном контрасте с обычной суровой и спартанской эстетикой помещений военных кораблей, вид имел торжественный и парадный. Лепнина, барельефы, позолота. И памятник прямо в центре зала: две человеческие фигуры спиной к спине. Одной из них — и Вацлав ни капли в этом не сомневался — была фигура Роджера Бондски, отца Вацлава.

А освещение тут скудное, как, впрочем, и на большей части палуб. Экономия ресурса осветительных систем. Гиперпространственная крепость находится в режиме консервации. Штат укомплектован личным составом едва ли на десять процентов. В основном это молодые стажёры, изучавшие устройство станции для написания отчёта. Сам контр-адмирал Гершгольц Генрих Осипович, командующий крепостью, считал себя тут в почётной ссылке. Однако даже так деятельная натура контр-адмирала скучать не давала тут никому.

Больше всех был занят сам Генрих Осипович. То он просиживает на боевом посту дальнего наблюдения, аккуратно сняв целлофановую плёнку с аппаратуры, и вслушивается в шелест эфира, и записывает что-то у себя в планшетке, хмурится недовольно. То он сутками носится по лаборатории, что-то ворча себе под нос. То сидит у себя в каюте, обвешавшись экранами с какими-то документами, справками, выкладками, докладами по взаимодействию, сводками.

Вацлав был парнем простым, фермерским, так что при всём уважении и к сединам, и к золотым погонам, в присутствии контр-адмирала не робел, не жался, и не стремился, лихо козырнув, немедленно умчаться куда подальше, как остальные здешние молодые стажёры. Напротив, был готов с удовольствием выслушивать рассказы старого космического волка. Так что контр-адмирал часто приглашал Вацлава в какую-нибудь кают-компанию какой-нибудь палубы — в зависимости от того, где оказывался сам Генрих Осипович — на чашечку чая. Старик истосковался по человеческому общению. Новые лица тут появлялись крайне

редко.

Первое же такое чаепитие состоялось в первый день по поводу прибытия Вацлава. И тогда же молодой человек поинтересовался у контр-адмирала, когда он, Вацлав, сможет вернуться обратно к своей службе на борту броненосца «Ярость отчаянных». Контр-адмирал выдержал театральную паузу, и протянул Вацлаву тот самый секретный пакет. Внутри была записка. «Подателя сего задержать в крепости до окончания операции «Капкан». Беречь». И понимай, как хочешь.

Тени на лице Роджера Бондски поплыли, будто отец удивлённо-вопросительно приподнял брови. Дескать, «ты чего, Вацлав?». Это бортовая система включила ещё два светильника в тоннеле за спиной Вацлава — кто-то шёл оттуда сюда. Вот и неспешные уверенные шаги. Человек вышел из тоннеля в зал, и система потушила освещение в тоннеле — экономия ресурса в режиме консервации. Шаги остановились за спиной, но Вацлав, оглушённый и потерянный, не обернулся.

Гиперпространственная крепость была вершиной достижений человечества. И эпохальной великой стройкой в жизни трёх поколений подряд. Причиной обнищания широких масс, увеличения рабочего дня на всех населённых людями планетах, и причиной для введения тяжёлых налогов. Долгие десятилетия всё человечество жило в условиях непрекращающегося трудового подвига. Началась эта эпопея в те годы, когда в сердцах был жив страх перед аalienами. Началась ударно и лихо. А вот заканчивали это тягостное строительство уже другие люди — уставшие бояться, и почти свыкшиеся с угрозой нашествия. Тогда гиперпространственная крепость стала главной причиной недовольства широких масс. Хорошо, что крепость успели достроить до того, как чаша терпения переполнилась.

Достроили, и поспешили забыть, как кошмарный сон. Крепость успела стать символом народного недовольства и немощи правительств, и, возможно, именно поэтому её быстро списали в стратегический резерв.

— Да, были же люди! Не человеки, а Человечищи! — заявил голос контр-адмирала за спиной Вацлава. Вацлав сморгнул, и с недоверием глянул на Генриха Осиповича.

— Так точно! — утвердительно кивнул тот, и продолжил: — Это памятник отцам основателям проекта гиперпространственной крепости! Прямо перед тобой Ибн аль-Хаим — гений, перевернувший в человеческих умах представление о самом пространстве! До него пространство рассматривали, как свойство материи, способ её существования. Он же предложил рассматривать пространство как метасущность. Его потрясающая работа сделала возможным создание проекта гиперпространственной крепости.

— Араб?! — не сдержал удивления Вацлав.

— Так точно, — подтвердил контр-адмирал. — Что тут удивительного? В то время они были сильны в астрофизике. Вторая фигура — наш главный конструктор проекта, наш «Док» фон Браун! Оба — совершенно потрясающие Человечищи! Глыбы духа! Так точно! Таких человек, увы, уже не делают!

— А знаешь ли ты, юноша, что аль-Хаим лично не раз высказывался против строительства крепости? Да! Не удивляйся! Так оно и было! Он предупреждал о том, что это строительство будет очень затратным и очень опасным!

— Его не послушали? — осипшим голосом поинтересовался Вацлав, глядя на памятник отцу.

— Послушали. Но тактические и стратегические возможности крепости невозможно

переоценить! Это я тебе говорю! И дело даже не в тысячах готовых к бою «Вурдалаков», «Потрошителей» и «Жнецов смерти», что базируются здесь! Нет, не только! Ты только представь себе: ни один корабль не может прыгнуть в гипер без моего ведома, и ни один прыгнувший, что самое важное, не сможет вернуться назад целым и невредимым, если я ему не разрешу! Так точно! Физика обычного пространства тут не работает, понимаешь? Это означает что? Что они тут не смогут стрелять! А мы что? А мы сможем! И не стрелять, а ещё хуже! Ещё как можем!

Вацлав смотрел на разгорячившегося Генриха Осиповича во все глаза. Контр-адмирал сейчас был не похож сам на себя. Поначалу Вацлав даже испугался за старика, но потом понял: очевидно, сейчас Генрих Осипович продолжал некий давний, и давно проигранный спор.

— Наша крепость контролирует всё пространство восточного звёздного сектора! По плану таких крепостей должно было быть семь! И всё! Какой бы сокрушительной мощью не обладали aliens — всё! Эта крепость — точка в споре! Понимаешь?

— Но мы же не знаем возможностей aliens, — вставил Вацлав, воспользовавшись паузой.

— И что?! — всплеснул руками контр-адмирал. — Гиперпространственная крепость — это новый уровень наших возможностей! Пойми! Какими бы ни были технологии aliens, без таких вот крепостей мы на порядок слабее! Так что да! Да! Строительство в гиперпространстве очень опасно! Да! Ни дня не обходилось без аварий! Да, человеческие потери! Но цена всему этому — шанс выжить для человечества, как вида! Вот такая вот арифметика.

Контр-адмирал вздохнул, успокаиваясь, оправил мундир, и уже спокойно продолжил:

— Ибн аль-Хаим, когда узнал, что крепость всё же решено строить, сразу перевёлся на стройку простым полевым инженером! Учёный — простым полевым инженером! Лез на самые опасные участки! Зачастую сам вытаскивал людей из аварий! Почему? Потому что чувствовал свою личную ответственность за проект! Как-никак, это его выкладки сделали возможной эту опасную стройку — вот он и лез на передний край. Где ты сейчас найдёшь таких людей? И наш генеральный — туда же! Со стройки не вылезал! Дважды спасали в последний момент! Лишился руки! И продолжил работать! Человечица! Нет, не делают теперь таких человек!

— Вы что же, знали обоих? — удивился Вацлав. — Это ж когда было!

— Давно, твоя правда, — вздохнул контр-адмирал, и провёл ладонью по лицу, словно стряхивая годы. — Я тогда салагой зелёным был. А они оба уже старики. Да. Но я ещё застал обоих.

— И что с ними стало?

— Ну, а что стало? — Генрих Осипович удивился, — Ясно что! Пенсия! Обоих комиссовали по состоянию здоровья. Обоих представили к высшим наградам. Ордена боевого красного знамени — за вклад в обороноспособность человечества. И ордена за личное мужество — обоим мужества было не занимать, и поводов проявить его на этой стройке всем хватало. Время такое было. Дальше... дальше не знаю.

После отбоя Вацлав долго ворочался в кровати. Да, здесь, на борту гиперпространственной крепости были личные каюты, даже с мебелью, и нормальные кровати — шик и роскошь, по меркам космолота. А Вацлав ворочался и никак не мог уснуть.

С одной стороны — он был уверен, что бронзовая фигура в зале первого осевого изображала именно его отца. С другой стороны, как такое может быть? Смена имени с «Ибн аль-Хаима» на «Роджера Бондски» Вацлава занимала меньше всего. Но! Если его отец участвовал в строительстве гиперпространственной крепости, то, сколько же ему должно быть лет? Люди столько не живут. Или он и в медицине что-то такое открыл? Или Роджер просто удивительно похож? Бывают такие совпадения? Но ордена! «За вклад в обороноспособность человечества» — как с этим быть?

Чем дольше ворочался в кровати Вацлав, тем больше самой невероятной чуши приходило в голову. Например, что Роджер — биологический клон великого учёного. А что? Военные пожалели, что такой гений потратил жизнь на стройке, когда мог бы изобретать ещё много убойных шгук, вроде гиперпространственной крепости, и решили клонировать учёного. Но что-то пошло не так, и учёный получился бракованный, и сгодился только как фермер на далёкой планете Топураг.

А может, Роджер Бондски — сын Ибн аль-Хаима? Уродился очень похожим на отца, сменил фамилию, что бы спрятаться от великой славы родителя.

Если задуматься, то и денег на счетах Роджера Бондски слишком много для фермера. И интеллектом он был не слабее тех профессоров, на чьих курсах довелось позаниматься Вацлаву. Вот тоже кстати: именно отец те курсы лично выбирал, и оплачивал.

В конце-то концов, а кто тогда получается он, Вацлав, такой? Покрутив в голове эту мысль, пахнущую, почему-то, опасностью, плоть до холодных мурашек по загривку, Вацлав, наконец, вполне осознал, и нашёл мужества самому себе признаться: он не помнит своего детства. И раньше так было: попытки вспомнить детство приводили только к сильным вспышкам головной боли. Да и не хотелось ему никогда вспоминать — что-то в душе Вацлава было против этой затеи.

Включил личный инфор, полез в инфор-сеть. Здесь, в гиперпространственной крепости глобальная сеть работала просто удивительно шустро. Вацлав, конечно, и раньше слышал, что магистральные каналы связи каким-то образом идут через гиперпространство, но подробностями устройства глобальной информационной сети особо не интересовался.

Вацлав: Отец 2

Итак, поиск: «Роджер Бондски». Ссылки всего три. Вацлав, конечно, и раньше знал, что отец не ведёт никакой деятельности в социальных сетях. Но что бы человек умудрился прожить жизнь и вовсе не «засветиться» в глобал-дот-нет? Всего три ссылки, и те, почему-то, «левые».

Стародавняя статья про какую-то научную работу не то в области психологии, не то в области генезиса человеческого разума, украденную и обнародованную неизвестными хакерами якобы из группы «Indeep». Причём, никаких ссылок на сами обсуждаемые научные материалы нет, есть только общие разглагольствования в духе журналистского расследования заговора Танзанских вампиров. Год, которым датирована статья, относится, по прикидкам Вацлава, к промежутку между окончанием Колониальных Войн, и началом строительства гиперпространственной крепости. То есть, дела давно минувших дней.

Ещё статья, на этот раз из криминальной хроники двенадцатилетней давности. Речь идёт о террористах, зачем-то похитивших детей из детского приюта с какой-то нищей планеты.

А третья ссылка ведёт на детский стишок. «Найди меня, спроси меня, среди раритетного старья...». И подпись: «ㄗㄨ». Два символа из слоговой азбуки катакана: «на» и «ё». Стишок очень похож на игру, в которой ведущий пишет зашифрованные в стишках послания, прячет их где-то по углам, а игроки потом ищут, и разгадывают найденную головоломку, что бы найти следующую. Отец, Роджер Бондски, бывало, играл с Вацлавом в такие игры. И Вацлаву нравилось. Загадки отца были хитроумными. В отличие, кстати, от этого простенького стишка.

И так, во всех трёх случаях нет никаких намёков на Роджера Бондски. Вацлав проверил: поиск выдал эти три ссылки, потому что среди их поисковых хэштегов был «Роджер+Бондски». Но откуда взялся такой поисковый тэг, было совсем не понятно. Первое впечатление у Вацлава сложилось такое: произошла ошибка.

Действительно, если бы отец устроил для Вацлава игру в загадки в инфонете, его послание было бы зашифровано как-нибудь хитроумно. Этот же стишок послание вовсе не скрывал, разве что вид делал, и то не убедительно. Эту загадку придумывали для дебила? «Раритетное старье» — это музей. Музей истории на планете Ё, она же YOE — «yet other Earth» — столица местного звёздного сектора. Или первое послание — ложный след и под ним есть второе, скрытое глубже и искуснее? Но сколько Вацлав не бился, даже намёка на «второе дно» в простеньком стишке не было. Стишок почти не прикрыто говорил: ответ, который ты ищешь, есть у автора стишка, а автор этот ждёт в музее истории на планете Ё.

Посомневавшись немного, Вацлав всё же нашёл сайт того музея, и взял виртуальную экскурсию. Цена на экскурсию была символическая, экспонаты оказались оцифрованы весьма тщательно, а бот-экскурсовод изображал симпатичную девушку, и прodelывал это весьма мило. Не иначе, живую артистку оцифровали. Наверное, эти экскурсии пользуются успехом.

Первый зал они прошли образцово-показательно. Он с неподдельным интересом слушал, бот тонко реагировал даже на жесты, выдавая порции подробностей, и милыми ужимками обозначая, что мимика и возгласы клиента приняты системой как одобрительный feedback.

Наконец, Вацлав решился. Ещё раз напомним себе, что одно дело, наивно позволить себя напоить добродушному соседу, или столь же наивно позволить себя разыграть хитроумному офицеру космического флота, Олегу, по прозвищу «Вещий». И совсем другое дело — сейчас. Время наивности кончилось! Соберись! Будь внимателен! Будь бдителен! Готов? Пожалей, нет. А если уж говорить о бдительности — он дурак, что влез в это, и пришёл сюда! Не готов! А поздно! Уже начали!

— Скажите, а беспалые вилохвосты укомплектовали альфа Центавра аквалангами? — спросил на пробу Вацлав.

— Не понимаю, о чём вы, — невозмутимо выдала бот и улыбнулась мило и чуть смущённо.

— В восемнадцать ноль-ноль в кафе «У фонтана»? — закинул Вацлав ещё одну удочку.

— Не понимаю, о чём вы, — точно с той же улыбкой милой и чуть смущённой повторила бот.

Дело ясное: в случае ошибки в обработке ввода, эта программа выдаёт сообщение: «не понимаю, о чём Вы». Вне зависимости от типа ошибки и предыстории.

— Новый запрос. Роджер Бондски.

Фигура девушки-экскурсовода на краткий миг покрылась рябью, и бот задал уточняющий вопрос:

— Да?

Выходит, для бота имя фермера с Топурага имело смысл. Но для продолжения разговора, программа чего-то ждёт. Вацлав сдержал готовое сорваться восклицание: до него дошло, зачем нужны были две другие «левые» статьи. Глупый стишок привёл его сюда, а две другие статьи должны дать пароль. Какая досада, что он толком не вчитывался ни в галиматью об украденной хакерами научной работе, ни в очерк о террористическом акте.

— Indeer, — выдал Вацлав лучшую из своих догадок.

— Что, простите? — переспросила программа.

Вацлав «завис» — глубоко задумался. Бот терпеливо ждал — эта симпатичная виртуальная девушка — просто программа, ожидающая продолжение ввода.

«И так», — думал себе Вацлав, скользя взглядом по стройной виртуальной фигурке, — «разберём имеющиеся факты». Но разобрать оказалось алиенски трудно — фактов — значимых и малозначительных — вокруг валялось — груды, а в таких вот логических головоломках как правило ключевыми являются вовсе не те факты, что стоят на первом плане.

Важным соображением Вацлав отметил мысль о том, что встречи в музее — очень сложно отслеживать. Место публичное, посетителей — особенно вот таких — по сети, в виртуальном пространстве — наверняка много, все логи разобрать не реально, а следящие фильтры — буде таковые кем-то выставлены — очевидно легко обойти. Очень удобное место для встреч. Для встреч преступников. А преступники в нашей истории есть!

Мысли Вацлава тут же перескочили на следующий важный факт: космические пираты сожгли ферму Бондски. Сразу после трагической и таинственной гибели Роджера Бондски, как только корабли четвёртого ударного флота ушли с Топурага, тут же прилетели космические пираты, и сожгли ферму Бондски. Выстрелом из орудий космического крейсера с орбиты планеты! Что, космическим пиратам кто-то всё же запретил таскать бензин в канистрах и пользоваться зажигалками? На борту крейсера «Титаниус» теперь висят плакаты «не играйте со спичками!»?

И это — если не вспоминать о стоимости каждого выстрела из крейсерских орудий! Лазерная пушка с ядерной накачкой. А ядерные заряды не валяются на полках сельских магазинов.

Очевидно, такой пафосный способ поджога выбран не случайно. Это послание! Причём, послание, сделанное в таком виде, что бы оно непременно дошло! Соседи ли, страховая компания, журналисты, криминальная хроника — кто-нибудь да донесёт слух о произошедшем до адресата, где бы тот ни был! Наверняка!

Но кто адресат? Роджер, хозяин фермы? Он мёртв. Вацлав? Вацлав ни о каких делах космических пиратов ничего не знает. Ведь, логично было бы отправлять послание тому, кто «в теме» и поймёт смысл послания? Логично. Если только послание не очевидно любому.

И как же трактовать такое послание? Казалось бы — это угроза. Вацлав специально выполнил поиск в сети, и пролистал с дюжину статей об угрозах преступников. Мёртвая рыба в почтовой посылке, отрезанная голова лошади в постели — скорее исключения. Редки, и не факт вообще, что не выдуманы. Чаще всего преступники угрожают самым незамысловатым образом: это обыкновенные письма или анонимные звонки. Никто не палит из крейсерских пушек.

Другие варианты трактовки? Их можно навдумывать слишком много! Вот, если бы такой пафосный сигнал подал его отец, Роджер Бондски, — что тогда бы сделал Вацлав?

Вацлав тогда бы решил, что отец спятил! Спалить свой дом!

Спокойно, Вацлав! Держи себя в руках. Итак? Если бы отец отмочил что-то подобное, это однозначно был бы сигнал «Внимание!» Да. И Вацлав поступил бы, как договаривались — спрятался бы в погребе за четвёртым полем. Каждый раз, когда звучала учебная тревога, и жители планеты Топураг отрабатывали нормативы гражданской обороны, они с отцом прятались в погребе за четвёртым полем. Но космические пираты — не Роджер Бондски! Так что это больше похоже на вызов.

Спрятаться в погреб? Вот, только это неправильно — прятаться. Ватуга Оглы на обязательных для личного состава занятиях рукопашкой учил Вацлава, что разрывая дистанцию с противником нельзя — теряешь возможность его контролировать. Уворачивайся, но держи дистанцию вытянутой конечности. Так что прятаться Вацлав не будет. Будет уворачиваться.

И так, космические пираты подали Вацлаву — а кому же ещё? — сигнал. Вацлав же пустился в тяжкие приключения, и умудрился оставаться не в курсе — но сейчас это не важно! И когда Варенька прислала сообщение, он тоже протупил — но это тоже сейчас не важно. Пираты подали Вацлаву сигнал и кто-то неизвестный с помощью дебильного стишка пригласил того, кто интересуется Роджером Бондски в этот вот музей истории на конспиративную встречу. Ну, это точно не официальные власти, и точно не страховая компания. То есть, кроме пиратов — некому.

Теперь о боте. В случае провала попытки понять вопрос клиента, или найти на него ответ, программа выдаёт одну и ту же фразу: — «не понимаю, о чём Вы» — вне зависимости от типа ошибки. Это Вацлав уже проверил. Сейчас бот спросил «Что, простите?» — и завис в ожидании ответа. Это не человек, который может сперва ляпнуть, а потом подумать — что ляпнул. Это компьютерная программа — они сперва считают, а потом сообщают вывод. Значит, это не ошибка в обработке запроса. Для бота слово «indeer» имеет смысл. Но требует дополнительного ключа. Судя по небрежности, с какой состряпан стишок с «приглашением», особой догадливости от него не ждут. Тогда что за ключ они от него ждут?

Возможно, что-то, что есть у Вацлава. Это логично: первый ключ — от пиратов, второй — лично его, Вацлава. Тогда ключом должно быть что-то для него очень важное, личное.

Первая догадка: — «Кирибея три». Этого словосочетания точно не было ни в стихше, ни в тех двух статьях, но его отец погиб там, на Кирибее, и Вацлава волновал именно этот вопрос: что там произошло? Если вспомнить, именно с этим вопросом он покинул свой дом, и с этого начались его приключения. И он уже был готов озвучить свой ключ, как разогнавшийся ум выдал ещё одну догадку: «Кирибея три» — это, скорее, «где», а не «что». А бот ясно спросил: — «Что, простите?»

«Indeep» — «что?» — «...»

Значит второй ключ надо искать тоже в той же первой статье. Тогда зачем нужна вторая статья? И как он должен догадаться, какое из слов в немаленьком тексте является ключевым? По каким признакам? И почему уровень сложности стихшка-загадки был детским, а тут сложность на порядок выше? Какой смысл его сюда приглашать, и прятать второй ключ?

Стоп! Пасс пальцами, и под рукой открывается виртуальная консоль. Этот трюк показал ему Староев Ватуга Оглы. В любой виртуальности есть backdoor, встроенный в систему специально для спецслужб. Старый военный разведчик-практик явно знал больше, чем позволял его допуск. Просто потому что служит долго, и при этом не был дураком. Просто опыт — сын ошибок трудных. А Вацлав пользовался этим трюком для мелких розыгрышей в виртуальной реальности корабля. И тот же backdoor есть в виртуальной реальности музея. И работает. Можно взломать бота-привратника!

Вот только, интересно, пираты, устроившие себе гнёздышко в музее истории в столице звёздного сектора действительно «проморгали» служебный backdoor? Вполне может быть. Это же не просто backdoor, а потайной вход, устроенный спецслужбами! А вот Вацлав, будь он таким крутым хакером, как те, что устроили внутри музея уютный клуб для себя и друзей, он бы... ну, нет, запирать backdoor он бы не стал. Он бы капкан поставил. Или хотя бы сигнализацию.

Хм. Ладно, Вацлав попробует решить задачку честно. Пасс пальцами над консолью, и открывается новое виртуальное окно. Открыть документ. Вот та статья про «Indeep». Кстати, слово «Indeep» набрано жирным шрифтом. Идиот!

Вацлав непроизвольно хлопнул себя раскрытой ладонью по лицу. Стишок был простой, и ключи в подсунутых ему статьях были выделены жирным шрифтом! Вот второй документ — и точно! — жирным шрифтом выделено «Ханаяма» — название того городка, в котором произошёл описываемый в статье теракт.

Вот, опять то же сомнение: «Ханаяма» — это «где», а здешний бот-привратник спрашивает «что?». Что это значит? Что «Ханаяма» — может, и в самом деле ключ, но не основной. Ключ не от парадного входа, а от двери в подсобку.

Вацлав покрутил мысль, и уверился: те, кто его приглашал, что бы якобы рассказать правду об отце, не строили эту конспиративную явку специально для него — это было бы слишком! Нет, его привели на уже существующую явку, дали входной ключ от входа, и дополнительный ключ — от «комнаты» предназначенной конкретно для него. Впрочем, даже не от «комнаты» — назови он выданный ему ключ — бот, наверное, назначит встречу в риале, и выпроводит вон. Потому что только в реальности можно проверить и убедиться, что Вацлав именно тот, за кого себя выдаёт. Но тут есть и другие комнаты. Бот-привратник на свой вопрос «Что?» ждёт ключ от главного зала. И Вацлаву очень любопытно туда заглянуть.

И так, «Indeep» — «что?» — ... что у них там в глубине? Да кто ж их знает! На то и глубина — мрак и холод! «Мрак и хлад». Ну, как вариант.

Вацлав снова открыл древнюю статью про хакеров, и не торопясь — боты не умеют уставать ждать — прочитал всё до финальной точки.

Хакеры группы «Indeep» украли черновики фундаментального исследования на стыке философии, социологии, психологии, истории, генезиса человеческого разума, и алиены знают, чего ещё. Кстати, названия этой научной работы в статье нет. Далее...

Стоп! Вот же оно! Название! «Что, простите?» Что украли древние хакеры из древней группы «Indeep»? А в статье этого нет. Это ключ, которого Вацлаву не дали! Что ж, фермеры — люди не гордые, чёрного труда не чуются. Поиск. Пусто. Логин доступа младшего офицера военной разведки, и снова поиск. Ничего! Очевидно, он просто не то ищет.

А если успокоиться и ещё пару минут подумать? Хакеры украли книжку много-много лет назад. Нынешние космические пираты сделали название той книги своим ключом. Попробуем что-то вроде такого: — «идеологические основы непримиримой оппозиции». Многовато ссылок.

Вацлав копался в инфор-сети, время шло, бот-привратник ждала с терпением, присущим лишь компьютерным программам, наконец, искомое отыскалось: «список литературы подрывного характера, запрещённой к распространению».

«О чём умолчал Заратустра» — заумное псевдонаучное творение сумасшедшего, выложенное в сетях общего доступа преступниками из группировки «Indeep». Бла-бла-бла. Нейролингвистическое кодирование... технологии молекулярной революции... смущает слабые умы, и свихнувшиеся бедолаги пополняют ряды сепаратистов из так называемого «Добровольческого Освободительного Движения».

Вацлав-Вацлав, во что же ты влип? Бедовая твоя голова-два-уха! Пропадёшь ни за грош и снова расстроишь Вареньку!

— О чём умолчал Заратустра, — проговорил Вацлав, глядя прямо на виртуальную девицу.

— Не понимаю, что Вы хотите, — невозмутимо сообщила девица, и, как ни в чём не бывало, предложила: — Продолжим экскурсию? Следующий зал нашего музея посвящён истории Добровольческого Освободительного Движения, и истинным его целям.

Да! Конечно, продолжим экскурсию!

Больше книг на сайте - Knigolub.net

«Это не тайный штаб непримиримой оппозиции!» — решил Вацлав. — «Это просто конспиративная агитационная палатка! Здесь они вербуют сторонников. Стали бы они приглашать меня в штаб!»

И почти угадал. Это действительно была агитационная «палатка». Вот только не для вербовки новичков в Добровольческую Освободительную Армию. Но для посвящения избранных во Внутренний Круг.

— Только в этом зале нашего музея Вы можете видеть оригинальные исходные тексты фундаментального исследования неизвестного гения, — рассказывала девушка-гид. — Это глубокое исследование природы человека, и, что наиболее ценно для нас, тщательная проработка вопроса о сверхчеловеке. Подлая охранка диктатуры Земли немедленно объявила сей гениальный философский труд запрещённой литературой. К сожалению, нам не известно имя автора. Черновики, добытые простыми героями из группы «Indeep» подписаны шутивым псевдонимом «Никто Никогдаевич Изнигде». В первом электронном издании

«Indeer» заменили псевдоним автора на «Dr. Nobody». В поздних переизданиях псевдоним автора сменился на «Бестелесное», а затем, наконец, на «Дух». Мы же именуем Его «Мастером». Фундаментальный научный труд Мастера тоже несколько раз менял название. Наиболее известное: «О чём умолчал Заратустра» — придумали остроязычные журналисты.

Вацлав не слышал речь гида. Он просто тупо стоял, и с открытым ртом пялился на портрет своего отца. Портрет был выполнен в чертёжной манере и весь утыкан стрелочками с указанием размеров.

— Перед Вами подлинный автопортрет Мастера. Этот автопортрет был в добытых черновиках, но ни разу не был опубликован в публичных доменах, в связи с обоснованными опасениями за судьбу Автора. Диктатура жестоко расправилась с Его книгой — страшно представить, что они сделают с Автором и его близкими! Предупреждаем: Вы не сможете скопировать портрет.

Копировать? Вацлаву нет нужды копировать — у него полно оригинальных снимков! Дома. Ах да...

— Обратите внимание, — посоветовала виртуальная девушка-гид, — стрелочки на автопортрете говорят о том, что Мастер не чурался физиогномикой, и прежде всего, изучал себя. «Познай себя!» — призывали древние!

Физиогномика! Да сейчас прям! Вацлав отчётливо сознавал — перед ним инженерный чертёж! Кто-то вычислил каждую черточку, и спроектировал лицо его отца, Роджера Бондски!

Роджер Бондски — робот? Если припомнить, Роджер никогда не болел, и ни разу не обращался к врачам, ни разу не прибежал к услугам человеческой медицины.

«Может быть...», — думал потрясённый и растерянный Вацлав, — «...я тоже робот? Может, потому я не могу вспомнить своё детство, что его у меня никогда не было? Неведомый Мастер спроектировал и Ибн аль-Хаима, и Роджера Бондски, и, возможно Вацлава? Зачем? Затем, что смог. Почему? Потому что Мастер — чокнутый!»

Пару часов спустя

— Ошибка обработки ввода. Возможно, Вам лучше обратиться к реальному специалисту в нашем музее истории на планете Ё, — девушка-бот печально покачала головой.

Вот только при ошибке обработки ввода бот говорит другое: — «Не понимаю, о чём Вы!». «Вам лучше обратиться к реальному специалисту» — Вацлава явно пригласили на встречу в риале, как он и предполагал. Но встречу так не назначают! А договориться о времени и точном месте, или каких-то опознавательных сигналах? Хотя, если подумать: раз время встречи не назначили «они», вероятно, его должен огласить он.

— Ровно через неделю я получу увольнение, и приеду, — пообещал Вацлав. — Буду без пяти четыре пополудни.

— Вам лучше обратиться к реальному специалисту в нашем музее истории.

На этом фигурка девушки-экскурсовода мигнула и исчезла. Экскурсия прервалась, и Вацлав оказался на исходной точке — у входа...

Стоп. Нет, не на исходной точке. Виртуальная экскурсия начинается точно у дверей в музей. А Вацлав сейчас стоит на несколько шагов правее. Лицом ко входу... — он осторожно развернулся — ... и спиной к неприметной дверке с надписью «технический

персонал». Вот, и в самом деле похоже на настоящую конспиративную явку, рассчитанную на тех, кто привык регулярно оглядываться за спину. Или он страдает паранойей, и перехитрил сам себя, и дверка эта ни при чём?

Вацлав вышел из системы. Подумал. Зашёл ещё раз. В тот же виртуальный музей. Скромной дверки с надписью «технический персонал» не было на месте.

Он устало вздохнул. Не проверишь — не узнаешь. Надо попросить у контр-адмирала короткий отпуск по семейным обстоятельствам. Контр-адмирал — мужик мировой, такой «гайки затягивать» не станет.

За недолгую свою службу Вацлав успел понять: есть начальники, которые подчиняют себе личный состав, а есть начальники, которым личный состав подчиняется. С гордостью! В огонь и в воду! И первых во вторых никакая академия не переучит. Это, должно быть, дар от Бога. Вот, контр-адмирал был явно из вторых.

На борту крейсера «Титуниус»

— Кэп, сэр! Разрешите обратиться?

— Что стряслось? — раздражённо проворчал командор Волков, оторванный от дел. — Не видишь, сейчас совсем не вовремя!

— Вижу, кэп, сэр! — ещё раз козырнула Лия, и позволила всё же распирающей её гордости выплеснуться на лицо. Улыбка торжества раскрылась от уха до уха. — Новость порадует Вашу паранойю, кэп! Мы можем уходить с «Кольца Сатириуса» немедленно!

— Да ну? — капитан недоверчиво выгнул бровь.

— У меня свидание с Вацлавом Бондски! — выложила, наконец, Лия.

Волкову внезапно захотелось её расцеловать: дурацкие мрачные предчувствия в последние часы буквально вымотали все нервы командору, и сбежать отсюда он был рад даже больше, чем предстоящей встрече с шустрым фермером. Да, внезапно захотелось её расцеловать, но он кое-что вдруг вспомнил, и рука рефлекторно дёрнулась — прикрыть лицо от пощёчины. Командор сдержался, только крякнул, и махнул рукой:

— Уходим! — и уже в микрофон внутренней связи: — В отсеках! По местам стоять! К маневру держаться! Расстыковка!

— Ай-ай, кэп! Есть расстыковка!

— Малый реверс!

Виртуальное пространство сеанса связи флагмана эскадры и штаба

Срочное совещание проходило в виртуальном пространстве: аватары офицеров (строго по инструкции: условные фигуры соответствуют званию, должности, текущим задачам и сектору ответственности, но никакой личной информации), степенно плыли в космосе среди звёзд, над кораблями эскадры четвёртого флота. Эскадра была не в полном составе: фигурка броненосца «Ярость отчаянных», подсвеченная оранжевым цветом, свидетельствующем о наличии повреждений, находилась в схематически обозначенном ремонтном доке на «Кольце Сатириуса». Прочие боевые корабли в развёрнутом построении занимали позиции строго по инструкции «штурм орбитального укрепрайона». Здесь же —

рядом с «Кольцом Сатириуса».

— Ставка не довольна провалом операции, — известил собравшихся генерал-майор из отдела контрразведки Генерального Штаба. — Я хочу выслушать любые Ваши догадки, почему операция сорвалась.

— Пират заглотив крючок, но сорвался внезапно, раньше, чем мы потянули леску! — проворчал капитан первого ранга, начальник разведки четвёртого флота. — Как если бы внезапно узнал о наших планах.

— Гипотеза об утечке уже выдвинута и активно разрабатывается, — откликнулся генерал-майор. — Мне интересны иные предположения.

— Ну, или капитан Волк получил, что хотел, — брякнул один из офицеров. — Что? Просили любые гипотезы! Я в порядке бреда!

— Андрей Егорович, — осторожно проговорил генерал-майор, — а где сейчас Ваш настоящий Вацлав Бондски?

— В соответствии с полученными указаниями, — начал было капитан первого ранга, — накануне дуэли эвакуирован по варианту «зенит»...

— Это я уже слышал. Я спрашиваю: вот, прямо сейчас он где? — прервал его генерал-майор.

— Минуту! Связь! Дайте «зенит»!

— Внимание! — раздался спустя пару минут грозный небесный глас, — Гиперпространственная крепость на связи!

— Товарищ контр-адмирал! — недовольно поморщился представитель отдела контрразведки Главного Управления, — Позывные!

— А! Я, грешным делом, решил, что Вы по делу! — проворчал голос командующего гиперпространственной крепостью.

— Мы просим сообщить нам точно местонахождение лейтенанта Вацлава Бондски в данную минуту, — потребовал генерал-майор строго, но тут же одёрнул себя, и добавил вежливо: — Генрих Осипович!

— Только что отчалил! — доложил контр-адмирал. — Паренёк хороший, свой паренёк! Мне доложили, что Ваша операция «Капкан» закончилась...

— Куда отбыл мой подчинённый, можно уточнить? — вклинился начальник разведки флота.

— На его корабле объявлен отпуск личному составу, — оправдывался Генрих Осипович, почуяв недоброе, и перешёл в контратаку: — Вы, молодёжь, не соизволили поставить старшего по званию и по возрасту в курс дела! Что за игры? Что за намёки? «Подателя сего...» — Вы в кино играете, или где?

— Товарищи офицеры, нам необходимо скорректировать план операции, — предложил Сергей Филиппович.

Арита́йя: Здравствуй, прародина

Система Раксла, планета Раксла-Кслаим

Арита́йя слушала капитана рассеяно, пребывая в настроении мрачном и печальном. Механически отгоняя назойливый гнус от забрала гермошлема, она то и дело отвлекалась от речи отца на мысли о том, как замечательно всё начиналось, когда их звездолёт вышел на орбиту Раксла-Кслаим.

Легендарная планета-прародина фиан ласкала глаз красками: лазурью вод, зеленью суши. Фиане с умилением смотрели на красавицу планету, и поминутно замечали друг другу, сколь удивительно много тут воды в жидком состоянии, и сколь сочна зелень долин. Мусор, щедро усеявший орбиту, старались не замечать.

В первые же дни по прибытию специалисты звездолёта осторожно и тщательно изучили мусор на орбите планеты, и обнаружили три действующих спутника-шпиона коварных хищников кохи. Очевидно, когда-то их тут было больше — полноценная орбитальная группировка слежения. Но из-за столкновений с мусором — обломками орбитальных систем бывших хозяев планеты — почти все спутники-шпионы вышли из строя.

Капитан настоял на том, что бы сохранить один шпионский зонд — на всякий случай. Вдруг, кто-нибудь из коварных кохи всё ещё время от времени проверяет сообщения этих спутников? Внезапное исчезновение последних может кого-то насторожить. Маловероятно, но вдруг кохи решат проверить? Или запустить сюда новые спутники шпионы? Лучше оставить один исправный — зная его орбиту будет легко не попадаться «на глаза» его сенсорам. Два других столкнули с орбиты, и те красиво сгорели в плотных слоях атмосферы.

Фиане на борту «Песни о доме» ликовали, и всю славили своего смелого и мудрого капитана. И просили устроить посадку где-нибудь в тёплых субтропиках. У капитана на этот счёт было своё собственное мнение, снова расходящееся с желаниями большинства. Но на этот раз Нелнишнош не стал настаивать — его этот поход вымотал не меньше, чем других. И ему тоже хотелось наконец вытянуться в шезлонге на берегу тёплого моря, и забыть хотя бы на время о холоде космических глубин. Но, есть объективные факторы, которые, как показывает элементарный анализ... ой, да и ну их в бездну! Хоть ненадолго!

Место посадки выбрали быстро. С орбиты фиане рассмотрели великолепный город: белоснежные башни тянулись к небу, а их основания, надо полагать, утопали в зелени парков. Настоящий мегаполис эпохи рассвета цивилизации фиан! И вне поля зрения последнего исправного спутника шпиона кохи.

Звездолёт «Песнь о доме» входил в атмосферу планеты прародины фиан с громом и свистом, в сполохах плазмы — как полагается вернувшемуся домой хозяину планеты! Они благополучно сели далеко за городом — на всякий случай, что бы ненароком не навредить.

И вот, спустя несколько долгих дней, наполненных разочарованиями, они все собрались здесь — запакованные в герметичные скафандры — собрались на зелёном ковре мха, едва прикрывающим некогда выжженную коврами бомбардировками пустыню — что бы послушать, что им скажет их мудрый капитан. На горизонте, переплетённые невесомым кружевом мостов, искрились белоснежные ажурные башни древнего фианского мегаполиса. И больше — от края горизонта и до края — глазу цепляться было не за что. Пустыня.

То, что с орбиты казалось зелёным ковром лесов, оказалось зелёными коврами мхов. А мегаполис за прошедшие с его полного разрушения века постепенно вырос заново. Чудо древних фианских био- и нано- технологий. Кораллы, которые росли на суше в строгом соответствии с заложенным в них замыслом древних архитекторов.

— Вы все не раз слышали это в детстве от наставников и учителей, — говорил, между тем, капитан Нелнишнош, — таков Путь фиан! Наши древние предки развили в себе искру разума в нескончаемых попытках приспособиться к выживанию в агрессивной окружающей среде.

Да, они все слушали лекции об этом в детстве. Таков Путь фиан! — пафосный слоган из древних манускриптов давно превратился в студенческом сленге в обозначение скучного занудства старших. Наши предки сделали ставку на знание, бла-бла-бла, что позволило им органично и комфортно вписываться в практически любой враждебный биогеоценоз.

Так, например, ещё в начале времён древние фиане научились договариваться со змеями. Змеи — существа неприхотливые — для полного счастья змее надо совсем не много — и глубоко несчастные — всякая тварь норовит то растоптать, то яйца из кладки сожрать! Фиане делали змей счастливыми и довольными жизнью. И ничего не просили взамен. Зато очень редкий хищник рискнёт сунуться к беззаботно прогуливающемуся по диким джунглям фианину, на плече которого мирно дремлет довольная, ярко окрашенная, и смертельно ядовитая гадюка.

— По мере накопления знаний о повадках различных существ и законах природы, фиане перешли к масштабному управлению экологическим балансом целых биогеоценозов, — капитан Нелнишнош констатировал давно всем фианам известное. И добавил: — вот с чем мы здесь и столкнулись!

Фиане переглянулись недоумённо. И стали слушать внимательнее.

— Я имею в виду этот вездесущий, невыносимый гнус! — заявил капитан. — Думается мне, гнус этот в таких невероятных количествах развели здесь наши предки, что бы сделать невыносимой жизнь разумных космических хищников кохи на этих благодатных равнинах.

На слове «благодатных» все фиане с недоумением огляделись. Трудно было представить, что эта пустошь когда-то была «благодатными равнинами».

— Думаю, то печальное зрелище, что вы видите вокруг — следствие ответных мер кохи. Кохи попытались уничтожить досаждающий им гнус.

— Таков путь кохи! — заметил кто-то из команды. Аритайя согласно кивнула: кохи предпочитают не тратить время на долгие разбирательства и анализ, а сразу бить на поражение. Ломать, крушить... злобные твари!

— Полагаю, инженеры, запустившие тут гнус, рассчитывали на такой ответ кохи, так что после термической бомбардировки местности, гнуса здесь стало только больше, — продолжал говорить капитан. — Даже после полного иссушения здешних болот. Да, да! Согласно древним картам, эта долина была сильно заболоченной местностью!

Гнус действительно оказался шедевральной творением, достойным периода рассвета фианских биотехнологий! Его не брало решительно ни что! Гнус ухитрился выживать в космическом вакууме! Эти мелкие доставучие паразиты, попав в агрессивную среду, сворачивались в плотные и прочные хитиновые шарики, и полностью останавливали обмен веществ! А переждав беду, вновь оживали! Этот гадкий гнус проникал на звездолёт даже через процедуру дегазации при шлюзовании по варианту «активная враждебная среда снаружи»!

— Разумные хищники кохи оказались хитрее, и что-то всё же придумали с этим гнусом, — проворчал главный инженер. — Иначе бы они, а не наши предки, покинули бы эту планету в панике!

Покинуть эту планету в панике — вот чего бы сейчас желали фиане! За несколько дней жизни здесь, проклятый гнус успел надоесть всем до невозможности!

— Полагаю, кохи просто оказались упрямее, — заметил на это Нелнишнош.

Аритаия вздохнула: ей точно не хватит упрямства терпеть этот гнус дальше!

— Но должны же были биоинженеры, запустившие эту пакость, предусмотреть способ избавиться от гнуса! — не отступил главный инженер корабля.

— Конечно, — спокойно согласился капитан. — Причём, это должен быть способ простой, быстрый, и максимально эффективный! И мы обязательно его найдём!

— Найдём, если проведём полномасштабные исследования и потратим на изыскания многие годы?! — с отчаянием в голосе воскликнул дядюшка Уохинтонкан.

— Простите, коллега, — обратился к нему капитан, — Вы собираетесь исследовать гнус? — Уохинтонкан только заморгал растерянно. А Нелнишнош продолжил: — Бесполезно! Гнус непобедим! Исследовать надо вопрос воспроизводства гнуса! Наверняка есть способ «отключить» размножение этих... паразитов.

— Кохи выжгли болота! — воскликнул главный инженер — до него, наконец, дошло.

— Именно! — одобрил капитан. — Кохи полагали, что гнус размножается в болотах. Очевидно, это не так. Полагаю, гнус размножается в подземных полостях глубоко под грунтом...

— Позвольте! — на ноги взвился биотехник из команды корабля. — Эти подземные ходы должны быть просторными для гнуса! И только для гнуса! Сеть мелких трещин в плотных слоях осадочных пород могут простираться на многие десятки километров!

— Вы не угадали, — заявил ему капитан. — Во-первых, на многие сотни, а не десятки, и во-вторых, это сеть древних шахт. На старых картах тут отмечено месторождение железа, разрабатываемое со второй половины железного века! В древности болотную руду тут просто копали, а позже обнаружили, что на глубине под болотами залегает богатый пласт. Появились шахты. Ещё позже — когда месторождение выло уже выработано, в этих, ставших не нужными, шахтах зачем-то развернули гидропонные фермы, пытались что-то выращивать. Тут на древних картах есть соответствующая отметка. И так, у нас тут есть разветвлённая система глубоких подземных тоннелей, и размещённое в них гидропонное оборудование. А это наводит на мысль...

— Древние додумались разводить там гнус! Ай да капитан! — возликовали фиане вокруг.

— И если инженеры, устроившие это, предусмотрели способ избавиться от гнуса, то он там — в шахтах! — заключил Нелнишнош.

Всеобщее ликование захлестнуло сознание Аритаия бурлящей волной. Мрачные мысли о том, что придётся лазить в древних заброшенных тоннелях, блекли на фоне радостных надежд, что от проклятого гнуса можно избавиться разом и навсегда.

— Так что приступайте! — призвал капитан. — Разбирайте оборудование, и начинайте работу! Нам нужно просветить эту долину всю и насквозь! Составить карту обнаруженных в глубинах пустот! Руководить работами будет наш уважаемый главный инженер!

Народ загомонил, и с энтузиазмом взялся разбирать гору оборудования, натасканного сюда накануне собрания по распоряжению капитана.

— Ахутехоут, Аритайя! — позвал капитан, — Для вас у меня будет особое задание!

— Капитан? — Ахутехоут почувствовал, как вдруг занервничал капитан. Но Нелнишнош не стал ничего объяснять:

— Пройдёмте-ка на корабль. Не будем мешать инженерам организовывать работы, — предложил он обоим сенсорикам, и добавил в полголоса: — Это, надеюсь, займёт их всех надолго.

Аритайя заметила, как к ним бегут её кузены, и что-то тащат. Запыхавшиеся, перепачканные в грязи с ног до макушек, завидев Нелнишноша, они закричали радостно:

— Капитан!

Нелнишнош нахмурился, глядя на двоих парней, но Уонехтон — старший из них, упредил готовый сорваться вопрос:

— С нами всё в порядке! Задержались, потому что эта вот деталь крепко держалась! Нет, ну, что Вы, капитан! Мы строго соблюдали все Ваши инструкции!

— Ага, ага! — энергично поддержал его брат, — Никуда не лезли! Ничего почти не трогали! Только осторожно обошли!

Капитан вздохнул, и покачал головой. Уонехтон глянул сперва на капитана недоумённо, потом, проследив его пристальный взгляд, обернулся на брата, критически осмотрел разводы грязи на некогда белоснежном скафандре, и объявил, чуточку обиженно:

— Нет, просто там горы ржавой трухи! Может, промышленный комплекс был, теперь-то уже не понять. Мы там рыться не стали, как Вы и велели, капитан! Обошли стороной. Вон почти до западной окраины города! Ну, глянули на завалы. Обломки старого города лежат довольно плотно, пустот почти нет. Слежалось уже всё, поросло мхами и лишайниками. Ходить скользко. Вот, взгляните, капитан! — Уонехтон протянул какой-то обломок чего-то непонятного, который они притащили с собой.

Нелнишнош взял обломок в руки, и внимательно оглядел. Металл выглядел оплывшим и изъеденным, но круглая стеклянная деталь выглядела вполне сохранившейся.

— Это не высокие температуры, — пробурчал Нелнишнош, постукивая пальцем по стеклянной детали. — Могу предположить, что когда-то здесь шли кислотные дожди. Значит, говоришь, не лазили никуда, и не трогали ничего? — он взглянул на племянников.

— Оно снаружи торчало! — уверил его Уонехтон. — Какая-то машина, частично заваленная обломками. Мы эту вот деталь оторвали — что бы Вам показать. Должны же мы были хоть что-то принести! А то, что ж, зря ходили что ли!

— Ладно, археологи! Обедайте и отдыхайте. И скафандры отмойте! И трофей ваш.. приберите куда-нибудь.

— А чего у вас тут было? — осторожно поинтересовался Уонехтон, переминаясь с ноги на ногу. — Мы что-то важное пропустили, да? Куда это все так весело собираются?

— Вовремя приходите на собрания надо! — заметил ему капитан. — Пообедайте, отдохните, работы масштабные, так что и на вас хватит!

Нелнишнош махнул рукой, и пошёл, увлекая за собой Аритайю и Ахутехоута. Втроём они прошли через шлюз, но и после процедуры дегазации и санитарной обработки в шлюзе, скафандры снимать никто не подумал. Капитан молчал в шлюзе, молчал, пока они шли по коридорам, молчал, когда они подымались в рубку управления, и заговорил только тогда, когда за ними сомкнулись створки мембраны.

— И так, у нас проблема, — произнёс капитан, и включил изображение планеты на

большом навигационном визоре. — Я рассчитывал... я надеялся, что за прошедшие века планета очистила атмосферу и восстановила биосферу в ходе естественных процессов. Но, как теперь нам стало очевидно, наши предки в рассказах об Исходе упустили некоторые детали. Тут было масштабное и упорное противостояние, и ни те, ни другие планету не щадили.

— Мы справимся! — заявил Ахутехоут уверенным голосом, вот только Аритайя не видела в чувствах первого офицера наблюдения такой уж уверенности. — Не сразу и не со всеми проблемами, но мы справимся!

— Нас слишком мало, — тихим голосом возразил Нелнишнош, — а преобразования требуются глобальные.

— И что ты задумал теперь? — поинтересовался Ахутехоут.

— Чем мы можем помочь? — с надеждой спросила Аритайя.

— Задумал? Выполнить свой долг! — объявил Нелнишнош. — Как бы там ни было, нам нужны руды металлов. Что бы с помощью бортового манипулятора материи отпечатать запчасти и собрать полноценный промышленный агрегат. И что бы потом этому агрегату хватало сырья. В первую очередь необходимо восстановить систему дальней космической связи, и отремонтировать корабль. Что бы у нас был бы готовый к старту звездолёт. Теперь о том, чем можете помочь вы: у нас есть два исправных атмосферных аппарата. Найдите жизнь. Колонии каких-нибудь животных. Вы же сумеете почувствовать стадо каких-нибудь млекопитающих?

Ахутехоут нахмурился и помрачнел.

— В полёте? — переспросила Аритайя, и тут же поправилась: — Хотя, мы ведь сможем снижаться, или делать регулярные остановки...

— То есть ты не веришь, что нам здесь удастся решить проблемы с гнусом, и готовишь отступление? — прямо спросил мрачный Ахутехоут.

— Если вы обнаружите стадо каких-нибудь животных, это будет означать наличие оазиса в этой мёртвой пустыне, в которую превратилась планета, — объяснил капитан Нелнишнош. — Это будет надежда для всех нас. И вот куда я хотел бы направить ваши поиски, — капитан указал на большой визор, на котором планета поворачивалась к зрителям своими приполярными широтами. — Эта материковая плита медленно сдвигается. Разлом проходит большей частью по дну океана. Здесь, в полярных широтах, он отмечен на суше геотермальными источниками, и вулканами.

— А зачем нам вулканы? — не поняла Аритайя.

— А там из разлома течёт базальтовая лава. Течёт тысячи лет — плита движется медленно. Базальтовая лава на половину состоит из диоксида кремния, а вторая половина — оксиды железа, магния, и других металлов. Спектральный анализ я сделал ещё с орбиты.

Ахутехоут глянул на капитана недоверчиво.

— Что? — переспросил тот. — Металлы нам нужны в любом случае, как бы не пошли дальше наши дела. Ой, да, сознаюсь! — Нелнишнош с досадой махнул рукой на Ахутехоута. — Да! С самого начала я хотел посадить корабль там. Но все хотели субтропики... все хотели понежиться на тёплом морском пляже, включая меня самого.

— Но мы же не умеем искать руды, — робко возразила Аритайя.

— Вы поищите животных, — отец улыбнулся ей одобряюще. — Где живут млекопитающие, там наверняка есть питьевая вода, и отсутствуют пакости, вроде здешнего гнуса. Будет здорово, если где-нибудь там обнаружится пригодный для жизни оазис. Место,

где мы могли бы с комфортом устроиться, было бы хорошим началом. А поиски руд будут следующим шагом.

— Старые месторождения проверять не хочешь? — не столько вопросительно, сколько утвердительно проговорил Ахутехоут.

— Промышленные объекты подлые кохи уничтожали в первую очередь, полагаю, — пожал плечами капитан.

Наглое насекомое уселось на забрало гермошлема Аритайи прямо перед правым глазом. Девушка согнала наглеца щелчком пальцев, и заметила:

— Если там нет гнуса, я буду рада переселиться в холодное заполярье.

— Значит, записываю тебя в добровольцы, — улыбнулся ей отец.

Нельзя смотреть на небо. Нельзя смотреть на звёзды. Поднимать лицо к небу — значит рисковать привлечь к себе недобрый взор из бездны. Аренк прекрасно знал, что космос — это мёртвая бездна, наполненная лишь мраком и предвечным злом, в котором обитают космические чудовища. Да и как не знать, когда все взрослые ворчат об этом всю твою жизнь, с самого младенчества, и родной отец среди них — первый ворчун!

Арек лежал на спине, и смотрел на звёзды. Он вглядывался в бездну предвечного мёртвого мрака, и душу его, как обычно в такие часы, наполняло ощущение прикосновения к сказкам древним и жутким, скрывающим от беглого взора смертных великие тайны. Завораживает.

Вот, ползаешь весь день: то одно надо сделать, то другое, то взрослым надо помочь, то наоборот — малышам, то куда-то сбегать, что-то принести, то унести. Оглянуться не успеешь, как день прошёл. И оглянешься — серое всё вокруг, обычное, простое. А поздним вечером поднимешь глаза к звёздному небу — и покажется сразу, что всё вокруг совсем не так просто, как кажется днём, в суете дел. Вот же ужасные демоны, злобные порождения предвечного мрака — только голову поднять! Вот и чёрные пики Огненных Гор, что скрывают священные Пещеры Завета, вон и сизые дымы вулкана Охтырдыж тянутся к небесам, как и тысячу лет назад, скрывая от звёзд урочище, где «Последние» устроили свои схроны.

Стоит поднять открытые глаза к звёздам, и мир вокруг меняется. Оживают старинные легенды. И мнится потрясённому уму, что в жуткой бездне космической тьмы — своя потаённая жизнь. Далекое не такая простая, как представляют знакомые с детства страшные сказки. Завораживает.

Арек лежал на толстом одеяле из шерсти муροка, и считал звёзды. И не досчитывался! Недосчитывался всего одной, но самой важной. Как минимум час назад она должна была подняться над горизонтом, слишком быстрая, слишком живая среди недвижимых холодных огней вечности. Сейчас она должна была бы гореть во-он там! Но не поднялась. Не горит. Почему? А вторая должна появиться ближе к рассвету и сильно восточнее.

Звездочёт племени Последних, прабабушка Уна, учила, что именно быстрых звёзд следует бояться. Звездочёт должен считать бегущие среди холодных звёзд глаза демонов ночью, что бы днём, когда звезд не видно, точно предсказать, когда над горизонтом поднимается очередной злой глаз. Да. Ведь эти бегущие звёзды — глаза демонов космической бездны. От них следует скрываться всякому, кто хочет остаться в живых. Потому Последние и остались последними, что прочие попались демонам на глаза.

Вообще-то в Великих Тундрах целых три племени называют себя «Последние». Вот было, говорят старики, когда-то давно, целых четыре племени «Выжившие» — и все их пугали, и сами они пугались. Однажды собрались их старейшины, и порешили сменить племенам имена. И стали племена: «Живущие», «Живые», «Живчики», и — у четвёртого старейшины, видать, с фантазией было то ли плохо, то ли слишком хорошо — «Немёртвые».

Вот и «Последние», сказывают старики, собрались однажды, и порешили поменять

племенам имена. Долго думали, спорили, и смеялись над вариантами, но три приличных имени трём своим племенам придумать не смогли. Смогли только два. И тогда кто-то предложил, что бы одно из трёх племён осталось бы со старым именем: — «Последние». Так и порешили. И с тех пор есть в Великих Тундрах три племени: «Последние», «Последние», и «Последние», потому что каждый старейшина решил, что именно его племя оставит старое имя. А ещё раз собираться не стали, что бы совсем не рассориться.

Но Арек из Последних сейчас думал вовсе не об этом. Арек из Последних сейчас вглядывался в бездну космоса, и в душу его вползал холод и мрак, из-за исчезновения бегущей звезды. Старейшая среди Последних, Уна рассказывала, что раньше бегущих звёзд было больше. Во времена прадеда её прадеда бегущими звёздами небо было полно так, как кишит рыбой волна прибоя в дни нереста. Из века в век глаза демонов гаснут. И в день, когда погаснет последняя бегущая звезда, как гласит Завет предков: — кончится само время. Сам Арек застал над горизонтом только две бегущие звезды. И обе из ночи в ночь повторяли свой путь по небу с завидной точностью. И Арек принимал этот факт, как само собой разумеющееся. Бег двух бегущих звёзд казался ему вечным. И вот, вечность вдруг разом кончилась. И ничего вокруг не изменилось!

Юноша был совершенно уверен в том, что точно помнит Завет: — «А в час, когда последняя бегущая звезда погаснет — конец времени». И чем дольше он думал об этом, тем мрачнее казалась ему эта странная, туманная, и не логичная фраза: «конец времени». Что имелось в виду? У кого-то из старейших часы встанут? Или весь мир — весь, сколько его ни есть — замрёт, замёрзнет, словно скованный мёртвым льдом, и... всё?

Какой это, нафиг, завет? Завет — это когда что-то тебе наказывают предки, что-то вроде: — «не разводи костра на открытом месте, дабы не накликать беду», — есть чёткая рекомендация, чего делать нельзя. Или: — «...тогда лей воду в жерло Охтырдыж, дабы поднялся к проклятым небесам белый дым!» Ну, да — нифига не понятно: ни зачем этот белый дым, ни кому какая с того польза может быть — не понятно. Но хоть и странная, но рекомендация есть! А тут: «конец этому времени» — и всё?! А делать-то что? Бежать куда? Может, хотя бы, сходить на гору Завета, притащить камень потемнее прочих окрасом, и кинуть в море? Тоже толку никакого, но хотя бы выглядеть будет мистически.

Вот, не подымится к утру над горизонтом и вторая бегущая звезда — и что тогда? Выйдет старейшая Уна, ударами в свой старый ржавый чайник созовёт народ, и объявит всем: — «Всё, фиане, время кончилось!» — так что ли? И что дальше? «Всем спасибо, все свободны!»?! Хорошо бы. Но нет во всех Великих Тундрах племени под названием «Верящие в счастливый исход». Может, и были когда-то такие, да видать, не выжили, и даже памяти о себе не оставили. Так что, что бы ни загадали древние предки под фразой «конец времени», одно ясно: жди беды.

Сам же Аренк, чем дольше об этом думал глядя на полную звёзд бездну тьмы над головой, тем больше склонялся к мнению, что «конец времени» должен приоткрыть некие древние космические тайны...

— Аренк! — раздался вдруг грозный голос отца, словно демоническая труба, возвещающая вселенские беды: — Позор на мою голову! Где тебя носит! Сколько раз, бесстыжие твои глаза, сколько раз я должен повторять тебе простую мысль, что бы до тебя, наконец, дошло?! Нельзя смотреть на звёзды! Немедленно в схрон! Сию же минуту!

Аренк в страхе перед гневом отца подскочил, схватил в охапку одеяло из шерсти муροка, роняя звёздные таблицы, и, наполняясь чувством вины, которое тяжестью своей

сгибало спину, склоняло голову, побрёл в схрон к отцу.

К счастью для Аренка, почти сразу за ним в схрон вошла старейшая Уна. Видать, трубный рёв отца разбудил старушку.

— Чего кричишь на ребёнка, словно раненый мурок? — сразу же набросилась она на отца.

Худенькая, словно высушенная солнцем, сторбленная годами, морщинистая, словно... впрочем, вряд ли во всех Великих Тундрах отыщется нечто настолько же морщинистое. И при всём этом горячая, словно вскипевший чайник, подвижная, словно молодая невеста. И хитрая. Бесплезно подыскивать сравнение, ибо в мире точно нет никого близкого по хитрости! Полярные лисы? Ха! Да если бы те умели говорить, то лучшие из них, хвастаясь хитростью, наверняка бы сравнивали себя со старейшей Уна! Но главное — прабабушка Уна — добрая! Самая добрая во всех Великих Тундрах! И самая мудрая.

— Бабушка Уна! Не мешайте мне воспитывать сына! — попытался настоять на своём праве Шиики-Шижи. — Он должен запомнить, что смотреть на звёзды нельзя! Плохая примета! Это беду приглашать в свой схрон!

— Он мне помогал! — не раздумывая, заявила Уна, старый звездочёт клана. — У меня-то глаза совсем уже плохо видят. Мне звёзды не рассмотреть.

— У тебя есть ученик! — отрезал Ширики-Шижи, вождь племени «Последних», и отец Аренка.

Уна разом утратила решимость, и вместо блеска азарта в её глазах разлилась печать:

— Мой ученик... Хоки... — прошамкала она.

— Вот именно, — строго сказал вождь, — Хоки слишком засматривался на звёзды, и тем навлек на себя несчастье! Теперь твой ученик — Чучип. Он зоркий, и осторожный.

— Чучип, — старушка встряхнулась, словно намокшая ворона, и грозно прокаркала: — Чучип вчера не досчитался бегущих звезд! Не путай осторожность с ленью, вождь! Мне нужна ещё пара молодых глаз! Что, если обе звезды пропали? Что если оба глаза демонов погасли?

— Хватит, бабушка! — попытался прекратить спор Ширики-Шижи. — Хватит нам одного звездочёта! Не хватало ещё всё племя собрать, и вместе паяться в бездну! А мой сын — самый последний тебе помощник! Нет, не так! Мой сын совсем тебе не помощник! Так! Мой сын станет однажды вождём племени! И сейчас ему следует стараться соответствовать! И уж точно нельзя ему смотреть в проклятую бездну!

Аренк сник: этот аргумент отца был железным аргументом. Даже прабабушка Уна не найдёт, что возразить! Потому что тут возразить совершенно нечего!

— Ты прав, вождь! — закивала головой Уна, щурясь и улыбаясь хитрой своей улыбочкой. — Аренк твой достойный сын, и ты должен быть уверен, что уж мы с ним об этом помним лучше других. Ты утомился, вождь, должно быть. Тебе бы на горячие источники надо. Подлечил бы нервы, успокоил. И помылся бы.

— Я моюсь регулярно, бабушка! — отмахнулся отец, но как раз это было ошибкой — называть старейшую племени бабушкой. Надо было придерживаться официального тона. Официально он — вождь, и за ним последнее слово. А вот если Уна — бабушка, то он — внучек, и чьё слово тогда последнее? Правильно. Слово старшей в семье.

— И молодец, внучек, молодец, — закивала старушка, подходя ближе, и мягко беря вождя под локоток. Затем за тот же локоток развернула внука к себе спиной, и, охнув, заявила: — А за ушами-то! За ушами грязь! Сколько раз тебя бабушка учила уши мыть?

— Старейшина Уна! Ты разговариваешь со своим вождём! — спохватился отец, но было уже поздно.

— Шижи, милый мальчик, — напирала бабуся, — вот, как за ушами грязь отмоешь, так и будешь вождём! Не пристало вождю с грязными ушами ходить, внучек! Ай-ай! Вот, уже мнится тебе, будто я своего правнука в звездочёты учу! Взбредёт же такое в голову! Попросила старенькая бабушка правнука помочь, что же тут такого? Это всё нервы, внучек, нервы! Отправляйся завтра же на горячие источники! И нервы укрепишь, и за ушами отмоешь!

— Бабушка! — обиженно и растерянно отозвался Ширики-Шижи, но, сконфуженный, ушел к себе, оставит свою бабушку с её праправнуком.

— Ну, как, видел бегущую звезду? — тут же как ни в чём не бывало поинтересовалась Уна у правнука.

— Нет её нигде, — буркнул Аренк, всё ещё под впечатлением спора старших. — И что же теперь делать?

— Как что? — удивилась старая Уна, — Спать ложиться! Ложись, ложись! И я, старая, пойду к себе.

Аренк так и сделал — лег спать. А утром отец держал совет со старейшинами. Аренк случайно услышал часть их разговора — уж больно разошлись, голоса повысили! Ой, не к добру!

— Всё же ясно, как солнечный день! Закрыла космическая бездна злые глаза, значит, нечего теперь бояться! — громко настаивал отец, явно сердясь на упрямство стариков, не желающих принять простую истину. — В Завете ясно сказано: «конец времени»! Всяк разумеет: конец времени опасений, конец власти старых страшилок! И не нужны больше звездочёты! Совсем!

— И что же, по-твоему, теперь будет?

— Новое время теперь будет! — возвестил отец, разошедшийся пуще прежнего. — Конец старому времени — начало новому!

— Нет, юноша! — прикрикнул на него один из старейшин. — Конец времени означает конец покоя! Снова со звёзд спустятся ужасные кохи! Кохи-Пожиратели! Кохи-Разрушители!

— «Утративший веру в Завет погудит и себя и других!» — торжественно и грозно провозгласил другой старейшина. — Так начитаются Заветы! Это простая истина есть первейший из Заветов!

— Верен я Заветам предков! — возразил вождь. — Верую! Верую, что со звёзд приходят к нам болезни, неудачи. И что не следует дразнить звёзды. Смотреть на небо — плохая примета, это значит привечать беду! Это Завет! И я говорю вам: не будет больше никто считать звёзды! А что предлагаете вы?! Увеличить число звездочётов! Неслыхано!

— Всё серьёзно, вождь Шижи! — подала голос старейшая Уна, голос строгий и звонкий, по-свойски сокращая имя вождя. — Глаза в небесах погасли, потому что демоны спускаются сюда! Нам надлежит внимательно следить за небом, дабы не пропустить знаки Нашествия! Это вопрос выживания, Шижи! Вопрос выживания всех! К таким вещам нельзя относиться пренебрежительно! Уж вождь должен бы это понимать лучше прочих!

— Простите, старейшины, но что если ваш разум помутился от старости? — хмуро и довольно грубо возразил Ширики-Шижи, — Ведь такое бывает?

— Можешь не верить нам, — громко заявил первый старейшина, — но не смей подвергать сомнению Завет!

— Старики, бывает, выживают из ума, — спокойно сказала Уна, — но не все разом! Мы же единокорны!

— Ты вождь этого племени, — уже гораздо спокойнее заговорил первый советник, — и твоё слово в любом споре последнее. Таков Завет. Но мы, старейшины, можем решить, что племени нужен другой вождь. И это тоже Завет.

— Не доводи до беды! — воскликнул второй старейшина, непонятно к кому из спорящих обращаясь. Впрочем, возможно, к каждому.

— Будь по-вашему, упрямые старики! — почти прорычал Ширики-Шижи. — Из уважения к вашим сединам в этот раз я уступлю. Возьмите каждый по молодому фианину...

— Плохо! — прервала его Уна. — Даже у зоркого глаза устанут и не смогут смотреть всю ночь! Наблюдателей надо менять, и чем чаще, тем лучше.

— Так скольких вы хотите втянуть в безрассудное глазение на звёзды?! — возмутился вождь, теряя остатки терпения.

— И ещё надо выставить пару сильных мужчин у древних шлюзов, — продолжала Уна строгим учительским тоном, явно осуждая внука за то, что тот перебил старейшую. — Мы должны быть готовы пустить воду в жерло вулкана Охтырдыж! Таков Завет предков!

— Если вера твоя в Завет ослабла, — затянул второй старейшина торжественным речитативом, — если ты усомнился в Завете, ступай в священные пещеры предков! Мы, старейшие хранители Пути, откроем тебе тайные проходы! Ступай, и убедись!

— Я был там дважды! — взорвался Ширики-Шижи. — Ты и сам должен понимать, старик! То, что хранится в тех пещерах — прямая угроза всему нашему миру! Давно пора было уничтожить проклятые пещеры! Залить лавой вулкана Охтырдыж! Да поглотит огонь скверну!

— Как ты смеешь такое предлагать?! — воскликнул возмущённо первый старейшина.

— Ты слишком разгорячился, вождь! — поспешил вмешаться второй старейшина.

— Мы сделаем перерыв! — объявила Уна. — Мы все наговорили друг другу лишнего! Нам всем необходимо успокоиться. Вечером мы соберёмся снова, и решим окончательно!

— Решим, кто будет вождём «Последних», — довольно громко проворчал первый старейшина.

— Попробуйте, — рыкнул Ширики-Шижи, повернувшись к старикам спиной, и собираясь выйти вон, — никто из молодёжи не пойдёт за вами, старики!

— Он остынет и успокоится, — отчётливо проговорила Уна в спину уходящему вождю.

И тут Ширики-Шижи почти налетел на сына, застывшего в смущении от того, что стал свидетелем невиданного скандала.

— А, сынок! Тебя то я и ищу! — заявил Ширики-Шижи, хлопнув Аренка по плечу. — Время пришло! Ты же помнишь?

— О чём, отец? — не понял Аренк.

— О твоей помолвке, глупый! — нахмурился недовольно Шижи. — Сговорено было много лун назад.

— Но почему прямо сегодня?! — попытался воспротивиться Аренк, но под грозным взглядом отца сник.

— Хороший день! — заявил ему отец строго. — Злые звёзды погасли, самое время начинать новую жизнь! — говорил он громче, чем нужно, явно желая, что бы слова эти услышал не только Аренк.

В путь молодого жениха собирали в полном соответствии с традициями. Собрали

подарки, нагрузили молодых жилистых муроков. Сопровождать Аренка по традиции вызвались двое его друзей. Втроём им предстояло посетить племя «Скрывшихся в дымах», где Аренк должен выбрать себе невесту. Им предстоял путь в четверо суток.

— Отправляясь в путь, держись Заветов! — вождь напутствовал сына ритуальной фразой.

— Я помню Завет! — озвучил Аренк ритуальный ответ.

Ширики-Шижи запнулся, и невольно скривился — последняя фраза согласно ритуалу должна была звучать так: — «И следи за быстрыми звёздами в пути!». Но в свете недавнего скандала со старейшинами, в устах вождя эта фраза звучала двусмысленно: вроде как он признавал правоту старейшин, чего Ширики-Шижи делать не хотелось.

— И следи за быстрыми звёздами в пути! — всё же проворчал он, заканчивая свою часть ритуала.

Аренк поклонился вождю и старейшинам, выкрикнул заключительную ритуальную фразу прощания: — Простите меня, если что не так! — развернул своего мурока, и в сопровождении друзей выехал в путь.

Им нужно было дать большой крюк, обходя долину гейзеров. За двое суток они благополучно прошли между опасными каменными осыпями и коварным Мёрзлым болотом. То болото замерзло сверху, но согревалось подземным жаром в глубинах, так что ступивший на лёд никак не мог быть уверен в его прочности. Теперь путь лежал по богатым болотной ягодой Тихим низинам. Аренк ехал мимо невысоких холмов, и предавался ностальгии, вспоминая, какими высокими горами эти холмики казались ему в детстве.

Это случилось утром. На ночлег фиане устроились в полном соответствии с Заветами, приняв все необходимые меры к маскировке, укрылись в прикрытом холодным камнем лежбище, устроенном здесь древними пастухами в незапамятные времена.

Аренк проснулся раньше друзей. Им-то хорошо — не их судьба решится в малознакомом племени! А ему приснилось под утро, что выбрал он себе невесту за покладистый характер — та ни слова не произнесла и вела себя скромнее прочих. Он даже лица невесты не разглядел. А когда уже согласно обычаю огласил свой выбор, скромная девица подняла к нему своё лицо... и оказалось, что это прабабушка Уна!

Аренк сразу проснулся — нечего в том сне досматривать было. Подумал, видать, кислорода в лежбище на троих маловато, вот и снится всякая чушь. А раз так — выполз он из лежбища на свежий воздух. Встал, потянулся смачно, холодного воздуха вдохнул с удовольствием, ощущая, как проясняется смурной со сна разум, умылся снегом. Направился к своему муроку — осмотреть, шерсть расчесать — и только тут заметил, что пейзаж изменился. Вершину ближайшего холма венчала непривычных очертаний глыба. Не то из стали, не то из стекла. Да и не глыба, а словно бы...

Аренк сорвался с места раньше, чем успел додумать мысль до конца. Вскочил на муροка, вжал пятки в его бока, вцепился пальцами в длинную шерсть. Муροк взвизгнул обиженно, и рванул с места вскачь. Комья снега летели из-под копыт, вечно пригнутые ветром стебли хлестали по ногам, Аренк нёсся верхом на муроке, не разбирая дороги. Лишь бы подальше от лежбища, где остались друзья! Лишь бы не в сторону становищ! Дальше в болотистые низины! В гиблую топь!

Сам виноват — не глянул вокруг, когда выползал наружу! Сам виноват — не слушал отца, глазел на звёзды, вот и накликал беду! Странная штука на холме взвыла, и, взметнув тучи снега, рванула в небо следом за беглецом! Муροка больше не требовалось подгонять — животное впало в панику.

В какой-то момент Аренк не удержался, и слетел со спины муροка прямо в глубокий сугроб. Испуганное животное умчалось, вереща от ужаса. А парень забился поглубже в снег и замер. Если повезёт, хищный демон не учует его под снегом, и погонится за несчастным муроком.

Аренк лежал, сляясь унять бешеный стук сердца — мнилось, демон может услышать. Сам Аренк уже не слышал воя демона, но это ничего не значит — в уши забился снег. Дышать удавалось с трудом, и в голове метались панические мысли о том, как он будет проковыривать дырочку для дыхания, что бы не привлечь этим движением страшного

демона.

Не сразу Аренк сообразил, что не ощущает чувств хищника. Если бы он только подумал, то решил бы, что это странно: должны же быть чувства у хищника. Притом, известно, какие. Но Аренк не думал об этом. Пока не услышал голос:

— Вылезай уже! Всё уже, всё прошло! Больше не нужно бояться! — голос был женский, мягкий, выговор был чудной, незнакомый, и плескал голос чувством глубокой искренней радости нежданной встрече. А ещё чувством смущения и немножко — вины. Рядом с его сугробом стояла молодая девушка, фианка — Аренк почувствовал бы её и раньше, если бы не паниковал так.

Парень осторожно разгрёб снег, высунул наружу голову, и увидел девушку сказочной красоты! А прямо за её спиной замер, раззявив пасть, мёртвый стальной демон — тот самый, что сидел на холме и погнался за ним!

Аренк на секунду замер в нерешительности, но от девушки повеяло немножко смехом — со стороны он, видать, выглядел сейчас забавно, и немножко виной — она сожалела, что нечаянно его напугала. Но страха в её чувствах не было и тени. Тогда Аренк разом решился, выбрался из сугроба и отряхнулся. До него дошло, что за спиной девушки стоит машина из стали и стекла. Всего лишь напитанная древней непонятной магией сложная машина, из тех, что бывают в сказках. Это, конечно, сильно его удивляло, но чувствуя радость незнакомой девушки, свой страх Аренк стыдливо запрятал подальше.

— Ты кто? — спросил он первое, что пришло в голову, которая, кстати, слегка кружилась после дикой скачки, падения, и потрясения зрелищем стального демона, раззявившего... лаз, конечно же, это лаз внутрь машины, а не пасть. Этот «демон», кстати, сильно пах горячим металлом, смазкой, и ещё целым букетом незнакомых запахов.

— Я Аритайя, — представилась девушка.

— А я Аренк из «Последних», — ответил он.

— Из последних, — эхом повторила девушка, и Аренк ясно ощутил её печаль. Не поняв, что так опечалило незнакомку, парень решил на всякий случай уточнить: — Не из тех «Последних», чьи схроны под Мрачным Камнем. И не из тех, которые живут в старых подземных ходах под каменным полем. А из тех, чьи схроны прямо у подножия вулкана!

— Так вас много? — обрадовалась Аритайя, но Аренк опять не понял, чему.

— А ты откуда? — просто спросил он.

— А мы пришли с далёких звёзд, — с готовностью ответила она, чем снова повергла бедного парня в ступор.

С далёких звёзд! «Ушедшие к далёким звёздам»!

— Так вот что значит «ушедшие к далёким звёздам»! — воскликнул Аренк, окрылённый догадкой. — Заветы говорят об ушедших к далёким звёздам! А мы-то считали это поэтической аллегорией! Считали, что речь идёт об умерших!

— Давай-ка, я помогу тебе отряхнуться от снега, — предложила Аритайя, — и ты поднимешься в мою машину, и я напою тебя горячим кейо, и угощу сладкими булочками!

Аренк очнулся от потрясения, и впервые обратил внимание, что странный наряд незнакомки не несёт ни клочка шерсти! И слишком облегает фигуру, что бы решить, будто шерсть есть внутри этого наряда! Бедная девушка, должно быть, замёрзла! Он с готовностью кивнул, скинул свою тяжёлую тёплую тогу, тряхнул её резко, и огляделся в поисках шапки. Похоже, шапку он потерял во время этой дикой скачки.

Аритайя сделала приглашающий жест, и Аренк мужественно сделал шаг к распахнутому

лазу. Глупое сердце на мгновение зашло в паническом страхе, но добрая девушка взяла его руку в свои... ой! — холодные рукавицы — это рыба кожа, что ли? — и провела внутрь. Лаз закрылся.

Внутри было очень тесно — оно и понятно: эта штука и снаружи не выглядела особо вместительной. Аритайя бочком протиснулась дальше за кресло, а его усадила. Шикарное ложе! Трон, достойный покорительницы стальных летающих демонов! Девушка протянула кружку с горячим ароматным отваром, и Аренк с благодарностью принял кубок. Только заметил опасливо:

— Мы тут торчим, как на ладони, — нехорошо.

И впрямь было неудобно: прозрачное стекло щедро открывало взгляду вид и вперёд, и по сторонам, и вверх — в небо. Непривычно.

— Чего нехорошего? — поинтересовалась непонятливая пришелица со звёзд. И Аренк вдруг вспомнил: быстрых звёзд больше нет.

— Заветы наказывают нас прятаться от взгляда быстрых звёзд, — пояснил он, — но недавно две последние быстрые звёзды исчезли.

— А! — протянула Аритайя, с пониманием, и прокомментировала: — Вы привыкли прятаться от спутников слежения! Да, мы столкнули два, и они сгорели в верхних слоях плотной атмосферы.

Вот так вот просто: вернулись «ушедшие к дальним звёздам», и погасили глаза демонов. Странно, что Заветы не говорят прямо о возвращении «ушедших».

— И что теперь будет? Что значит «конец времени»? Заветы обещают конец времени, как только погаснет последняя бегущая звезда! Нам теперь можно вообще не бояться звёзд? Или кохи-пожиратели спустятся из космоса? — завалил Аритайю вопросами очухавшийся от первого потрясения Аренк.

— Ну, во-первых, не все «бегущие звёзды», как вы их называете, погасли, — заявила пришелица. — Остался последний спутник слежения. Но он летает над другим полушарием, по ту сторону экватора, так что к вам сюда он никак не заглянет.

Новость потрясала воображение бедного парня: получается, сколько не смотри на звёзды, видишь не все небеса, а только половину! Полушарие, она сказала! Как же быть?

— Старейшины настаивают, что мы должны внимательно смотреть за всеми звёздами все ночи напролёт! — сообщил Аренк пришелице. — Что бы не пропустить первые знаки вторжения! Но если мы можем видеть лишь половину неба, сколько мы не смотри — у нас лишь половина шансов!

— Я не знаю ваших Заветов, — задумчиво произнесла девушка, — но высматривать знаки в небесах вам теперь не нужно. Мы скинули сторожевые зонды на соседних звёздах. Есть значительные шансы, что кохи не смогут их миновать, если вдруг они направятся сюда. Сенсоры засекут гравитационное возмущение при выходе корабля кохов из гипер-прыжка, и дадут нам знать.

Аренк не понял, что за заклинание прочитала сейчас Аритайя, но вдруг ясно осознал: надо сообщить старейшинам и вождю! И надо спешить! Они ещё два дня назад рассорились, и не известно, до чего эта ссора дойдёт.

— Мы должны сообщить старейшинам! — горячо заявил он девушке. — Они там так разругались с нашим вождём — как бы не дошло до беды! Мой мурок убежал, испугавшись твоего дем... твоей машины. Ты могла бы по... — тут у Аренка перехватило дыхание при мысли о полёте по небу, но он сделал над собой усилие, и договорил: — полететь со мной к

нашему схрону?

— Да, конечно, — сразу же согласилась Аритайя, — мне нужно представиться вашим старейшинам и вождю, познакомиться, рассказать о нашем возвращении. Я сюда прилетела, что бы найти место для временной базы.

А вот тут перед Аренком возникло сразу две проблемы. С одной стороны, надо лететь домой, к отцу и старейшинам, пока пришелица соглашается. Будем надеяться, что во время полёта по небу его душа не выпадет из тела и не отлетит к звёздам!

Но с другой стороны, в лежбище под холмом остались двое его друзей! Что они подумают? Решат, что он пропал! Что со звёзд таки спустились кохи-пожиратели, и сожрали Аренка, который не слушал отца, и засматривался на звёзды. И понесут весть по Великим Тундрам! Или будут сидеть там — под камнем — и горевать по погибшему другу. Плохо.

К тому же, как вернуться домой с полпути? Что он скажет дома на вопрос, как прошло сватовство?

— Ну, куда лететь? — спрашивала его тем временем Аритайя. Что она делала, видно не было, потому что она по-прежнему находилась за высокой спинкой ложа, в котором Аренк утопал, но что-то там попискивало и поскрипывало.

— А можно сначала на тот холм вернуться, откуда ты за мной погналась? — попросил Аренк.

— Легко, — раздалось в ответ.

Аритайя села в соседнее ложе, взяла из его рук пустую кружку, убрала. Внезапно волшебное ложе схватило Аренка за плечи и обхватило живот, вжимая в себя его тело. Не успел парень озвучить свой испуг, как мир вокруг качнулся, тундра провалилась вниз, затем горизонт завалился на бок, и закричать уже никак не получилось — дыхание перехватило.

— Ой, прости, пожалуйста! — взволнованно попросила пришелица со звёзд.

— Да ерунда, — осипшим голосом заявил он ей как смог небрежно, пытаясь пригладить вставшие на голове дыбом волосы.

— Я поведу осторожнее! — пообещала девушка, и он почувствовал, как она за него переживает.

Ещё чего не хватало! Что бы девчонка, пусть и космическая, жалела его нежную психику! Аренк недовольно крякнул, и собрал свою волю в кулак. В оба кулака. Которые до белых костяшек сжимали края чудесного лётного ложа.

Мироздание подалось к нему, побежало, далёкий, было, холм упал к ногам, и волшебная машина замерла на вершине холма, качнувшись напоследок. Коварное хватательное ложе тут же разжало объятия, и Аренк поспешил встать. Поспешил — голова-то на миг закружилась, и он едва не выпал в открывшийся лаз. Хорошо, рукой схватиться успел. Рефлексы настоящего объезжика резвых муроков!

Аренк вышел из чрева летательной машины, с удовольствием почувствовал под ногами привычную землю, и оглядел стоянку. Муроки его друзей, очевидно, разбежались. А вот взгляды самих друзей — настороженные и потрясённые — он ясно на себе ощущал.

Спускался по склону нарочито степенно, демонстрируя друзьям, что бояться тут совершенно нечего. Взгляды их буквально жгли, и опасений в них почему-то не убавлялось. Он встал напротив замаскированного лаза в лежбище, упёр руки в бока, вздохнул, и позвал:

— Ну, ладно, хватит вам! Ну, чего? Вылезайте уже!

— Нам тут хорошо, — донеслось.

— Ну, как знаете, ребята, — он покачал головой. — Вы, это. Не спешите. Погодите тут,

пока муроки успокоятся да вернутся. Может, и мой ещё придёт. Он у меня того — убёг. Испугался, бедолага.

— Ага! Ладно!

— А я пока того — полечу! — продолжил Аренк излагать план. — Дела срочные улажу. И вернусь. Наверное. Вы шибко долго меня не ждите, двигайте к «Скрывшимся в дымах». Может, там и встретимся. Но не спешите!

— Ага! — донеслось неуверенное согласие.

— Точно не вылезете? — уточнил Аренк на всякий случай.

— Да зачем бы?

— Ну, тогда не пеняйте, что я вас не познакомил с девушкой! — закончил он, и, развернувшись, кивнул Аритайе, замершей у лаза в машину, и не спеша взобрался на холм. Обернулся, помахал друзьям рукой. Так и не вылезли. Ну, ладно.

— Полетели, — кивнул прекрасной прищелице.

— Полетели, — легко согласилась та.

На этот раз к коварству лётного ложа Аренк был готов, и спокойно позволил охватить себя крест-накрест. Тундра снова ухнула вниз, мир опять накренился и завертелся, поворачиваясь, но толи прищелица теперь была осторожнее, то ли он уже обвыкся, но дыхание в этот раз не перехватывало.

— Вон в ту сторону, — указал Аренк рукой направление, чуть левее чёрного пика держи-ик! — когда мир рванул на встречу, выяснилось, что насчёт «обвыкся» он таки поспешил. — А как быстро твоя машина летает? — поинтересовался осторожно у хозяйки небес.

— Дважды быстрее звука, — откликнулась Аритайя.

— Ага, — откликнулся он, как мог спокойнее. Придётся взять волю в кулаки! Он сын вождя, как-никак! Он промеж старейшей и вождём уживается — уж к полётам в небесах как-нибудь приноровится!

Ширики-Шижи: Последний Завет предков

Ракла-Кслаим, Серая Тундра, пещеры Завета

Ширики-Шижи, конечно же, уступил старейшинам. Но это временно. С одной стороны — как не уступить? Старейшины излучали дружное осуждение его поведения, и это навязчивое чувство осуждения самого себя мешало упрямитесь, заставляло усомниться и пересмотреть свои аргументы. А с другой стороны — выказывая своё неодобрение, он не ради старейшин старался, но ради всех остальных!

Вот, выделил он фиан для надзора за небом — по настоянию старейшин. Глаз требовалось много: у каждого наблюдателя был свой сектор неба, и сменяться они должны были часто. Плюс, в горах на водохранилище, на древнем шлюзе нужно было держать как минимум двоих взрослых мужчин. И тоже регулярно менять дежурных. А им приходилось карабкаться по узкой тайной тропе в ночной темноте под недобрыми взглядами космических звёзд. А утром фианам работать — скоро смена сезона, дел много и все важные. Долго ли племя сможет такое терпеть?

Вытерпели две ночи. Почти три. В третью ночь уже вовсю роптали. А с утра фиане вывалили недовольство на старейшин! А ведь он — вождь Ширики-Шижи — предупреждал! Ладно, одного звездочёта терпеть, но всем племенем на звёзды пялиться, презрев дурную примету — это никуда не годится! Под ропот толпы старейшины заявили, что отправляются в пещеры Завета, искать другое решение проблемы. Ширики-Шижи, как вождь, отправился вместе с ними. А то, как бы старики не удумали какого непотребства.

И вот они в зале Завета. Просторная пещера неестественной идеальной куполообразной формы, с мощными каменными рёбрами по окружности. Веками вулкан Охтырдыж и долина гейзеров трясут землю, но в пещерах Завета Предков даже пыль с потолка стряхнуть не могут! Дух перехватывает при мысли о том, что могли строить фиане, умеющие делать такие пещеры! Впрочем, они-то как раз и доигрались!

Первый старейшина часто моргал, тяжело дыша, повиснув всем телом на своём костыле. Второй старейшина ворчал сердито в том духе, что не те его годы, дескать, что бы прыгать по каменюкам аки молодая козочка. И посверкивал глазом на старейшую. Уна, отмахиваясь время от времени от лезущей в глаза седой пряди, что выбилась из причёски, расхаживала вдоль Стены Памяти, внимательно вглядываясь в древние письмена.

Древнее панно было выполнено из глины, толстым слоем наклепленной на стены пещеры, раскрашено, украшено затейливой резьбой по краям, и несло священные письмена — оригинальный и полный текст Заветов, оставленных предками.

Уна уже убедилась, что оригинальный текст Завета заканчивается словами: «А в час, когда последняя бегущая звезда погаснет — конец времени». И всё — никаких рекомендаций. Но Уна упорно продолжала искать какую-то зацепку.

— Ну, что ты надеешься тут отыскать, бабушка? — Шижи устал, ему надоело всё: и упрямство стариков, и их дурацкая затея с организацией регулярного надзора за небом, и этот поход. Зря он потащился с этими упрямыми. Полёживал бы сейчас у себя в схроне, изредка покрикивая на расшалившихся детей. А когда бы старики вернулись из пещер, он бы со вздохом сочувствия объявил бы им: — «Я же говорил!»

Шижи сокрушённо вздохнул, и продолжил начатую мысль: — Ты же видишь, бабушка, тут ясно сказано, что с исчезновением бегущих звёзд наступает окончательный конец времени этого Завета.

— «Забывший Завет, усомнившийся в словах Завета — погибнет сам и погубит всех!» — в ответ Уна процитировала первый из Заветов.

— Да открой же глаза! — Шижи не стерпел, и вспылал: — Эти Заветы безнадежно устарели и утратили всякий смысл! «Любые работы наэлектростанциях выполняйте только при отсутствии питания!» У нас в Тундрах не водятся ни «наэлектростанции», ни «установки» не водятся! Может это где-то на юге они водились, да и то во времена, когда жила легендарная Тайга! Когда там «сосны» колосились! Почему же мы до сих пор должны ограничивать себя в еде перед работой?!

— А это?! — вождь возмущённо ткнул пальцем в древние строки. — «В шлюз проходите до конца, не задерживаясь в середине, дабы не замедлять погрузку» — в чём здесь смысл? Зачем бы тащиться большой толпой на водохранилище, и куда там дальше проходить-то, на шлюзах?!

Разгорячившись, Шижи стал возмущённо махать руками, подскочил к Стене Памяти, и ткнул в самый возмутительный кусок Завета:

— «План Эва Куя Ции!» Нет, вы только посмотрите, посмотрите! Что это? Абстракция? Моя малолетняя дочка лучше рисует, чем эта ваша Эва, дочь Куя, из рода Ции! И ведь никто из старейшин не знает, чего ради, для какой цели эта Эва из Ции составила свой план! Что это за лишённый смысла набор стрелочек? И зачем, Предков ради, зачем мы заставляем детей перерисовывать и запоминать это?!

— Или вот, вот ещё! — Шижи чувствовал неуверенность старейшин, и испытывал по этому поводу прилив вдохновения. — «Правила поведения при Эва Куя Ции!» Что это? Не понимаете? Я вам скажу! Любой вам скажет! Эта дурная баба, Эва, дочь Куя из рода Ции, была психически больной! В её присутствии фиане должны были избегать паники. Паники! Подумайте только! Дурная баба выглядела, должно быть, не важно, и вела себя вызывающе, так, что тогдашние старейшины ввели специальные правила: — «Избегайте паники! Не толкайтесь!». Жалко, конечно, эту Эву, но она давным-давно почилла с миром! Зачем, чего ради мы-то должны заучивать эти правила?! Зачем мы издеваемся над своими детьми, заставляя их перерисовывать каляки-маляки давно умершей душевно больной Эвы, из рода Ции?

Старейшины хранили хмурое молчание. Ещё бы! Что они могли возразить?

— Единственная часть Завета, которая хотя бы как-то похожа на нечто осмысленное, велит нам прятаться от звёзд! — с горечью в голосе, с болью в сердце и за своих фиан, и за давно ушедших предков, Шижи продолжал звать к разуму старейшин. Их тоже было жалко: старейшинам Завет прямо приказывал хранить все эти глупые правила, и втемняшивать их детям. — А вы что творите? Вы заставляете нас всех — всё племя! — пялиться на небо, дразня предвечный мрак! Беду накликаете! Нет больше бегущих звёзд, поймите уже! Нет больше смысла в древнем Завете! — и с этими словами воодушевлённый Шижи пнул Стену Памяти.

По стене пробежала трещина. Шижи это не отрезвило, а только раззадорило. Сломать Стену! Долой замшелые Заветы! Он, Шижи, даст фианам свободу! Вождь ещё раз пнул Стену, специально целясь в трещину.

— Что ты творишь! Святотатец! — воскликнул второй старейшина, и бросился к

разошедшемуся вождю.

— Остановись! Безумец! — прикрикнула на внука Уна.

Первый старейшина схватился за сердце, и страдальчески скривился. Стена Памяти трещала, трещина разбежалась и ветвилась.

— Чуть потерпите, старейшины! — уговаривал Шижи, — Сейчас! Ещё чуть-чуть, и сразу станет легче! Вот увидите! Нам следует жить своим опытом, знанием нашего мира, а не утратившим всякий смысл знанием о мире, давно исчезнувшем!

Вдруг второй старейшина, подскочивший к бушующему вождю, замер недвижимо на несколько долгих секунд. А потом подхватил отвалившийся от священной Стены острый кусок древней глины, и с размаху стал бить им по Стене! Первый старейшина, увидев это, так и сполз по стеночке на пол. Уна же стояла рядом со святотатцами, и внимательно вглядывалась в трещины.

Наконец, несколько крупных кусков с древними священными письменами отвалились разом, открывая скрытую под панно гладкую стену пещеры. И та стена была исписана письменами! И письмена те светились в полумраке пещеры!

— Что ж, — с чувством облегчения и удовлетворения, проговорила Уна, уперев руки в бока, — мы всё таки нашли, что искали! Нашли ответы!

— Да. Сдаётся мне, ты, Шижи, не первый, кто возмутился непонятному в Завете предков! — объявил второй старейшина.

— Что это? — недоумевая, спросил их первый старейшина, поднявшись на ноги, и доковыляв к остальным.

— Завет наших предков! — ответила Уна так невозмутимо, будто всегда знала. — Кто-то задолго до нашего Шижи решил скрыть исходный, истинный Завет, заменив его упрощённым вариантом!

— Но тут записано всё тоже самое! — возмутился Шижи.

— Только буквы мельче, — заметила ему Уна. — Значит, в исходном тексте Завета текста больше! — и принялась отдирать, отламывать куски древнего панно в правой части — там, где текст Заветов заканчивался.

Все поспешили ей помочь. И когда последний кусок ложной Стены Памяти пал, открывая истинный текст Заветов предков, Шижи не смог сдержать отчаянного крика:

— Нет! Только не это!

— «А в час, когда последняя бегущая звезда погаснет — конец времени страха и ожиданий! Соберите всех, кто выжил, и ступайте в последний тайный зал этих пещер. Песнь Завета откроет проход. Покиньте, наконец, эту несчастную планету! Летите к дальним звёздам!» — зачитала Уна последний, скрытый глиняным панно стих Завета.

— Вы же видели, что за злые вещи хранятся в Тайной пещере! — воскликнул возмущённый вождь. — Плита, которую должна открывать Песнь Завета давно перекосилась, и там есть узкий, но вполне проходимый лаз. Я был в Тайной пещере подростком! Именно тогда я понял, что Завет меня обманывает!

Старейшины молчали.

— Вы же не станете это делать?! — продолжал возмущаться вождь. — Одумайтесь! Вспомните, с чего началась Катастрофа! Вспомните, что об этом рассказывает ваш любимый Завет! Фиане достигли звёзд, и разозлили жестоких кохи! Кохи — порождения предвечной тьмы и зла, спустились из космоса, и разрушили древнюю цивилизацию наших предков! Так кто же виноват в Катастрофе, я вас спрашиваю? Демоны кохи? Такова их демоническая

природа — неуёмная жажда разрушения и убийств! Нет, кохи не виноваты! Виноваты те фиане, что, движимые глупыми фантазиями и непомерным тщеславием и гордыней своей, сунулись туда, куда их никто не звал! Полетели к звёздам!

— Решать не тебе, вождь племени «Последних»! — сердито и торжественно объявила старейшая Уна. — Пришло время отворить древний шлюз, и пустить воды водохранилища в жерло вулкана Охтырдыж! Пусть белый пар подымается к небесам! Его будет видно всем фианам! Во всех Великих Тундрах: и в Белой Тундре, и в Малой, и в Нижней, вплоть до скал Лисьего Когтя! Пусть собираются все фиане со всех Великих Тундр! И пусть вместе решат!

— Ага, как же! — возмутился Шижи, — Соберутся старейшины племён! А это не «все фиане»! Это «все старейшины»! Все те, кто всю свою жизнь заставлял детей зубрить наизусть тексты Заветов! Хочешь сказать, эти старики способны мыслить здраво? В таком вот вопросе? Надо уничтожить ошибки, что собрали в Тайной пещере те наши предки, что разбудили космических демонов! Те, кто привёл ужасных кохи! Вы, старейшины, предлагаете нам повторить ошибку предков?! Тогда вы просто выжили из ума! Надо уничтожить злые вещи в Тайной пещере! Завалить эти Пещеры Завета! Отворить шлюз на водохранилище на всю, что бы вся вода рухнула в жерло вулкана разом! Тогда вулкан точно взорвётся! И злые вещи в Тайной пещере зальёт магмой!

— Остановись, святотатец! — воскликнул первый старейшина, снова хватаясь за сердце.

— Не горячись так, внук, — попыталась воззвать к Шижи бабушка Уна.

Но вождь Ширики-Шижи уже не слушал стариков. Он сделает это сам! Он спасёт всех фиан! Шижи кинулся бежать к выходу из пещер. На внезапно замер, как вкопанный: у входа в зал Завета стояла незнакомая девушка фианка в странных одеждах, и буквально излучала уверенность в том, что у неё есть единственный верный ответ на все их тревоги. Именно это чувство она влила в слова:

— Кажется, я успела очень вовремя! Здравствуйте! Я — Аритайя из клана «Идущих-в-опавшей-листве», второй офицер наблюдения космического корабля «Песнь о доме».

Два часа спустя

— Капитан Неднишнош! Второй офицер наблюдения, Аритайя, вызываю капитана!

— Слышу тебя! Аритайя, дочь, что случилось? Почему такой официальный тон?

— Капитан! У меня потрясающие новости!

— Как?! И у тебя тоже?! Не пугай меня так! Твои кузены уже потрясли нас всех сегодня! В буквальном, так сказать, геофизическом смысле!

— Отец! Что с мальчишками? Что случилось?

— Да что с ними станется? Отрабатывают наказание у тётушки Абекойи, моют и чистят. Обвалилась древняя шахта, бывшая спуском в старые катакомбы. Вообще-то, туда бы ей и дорога! Мы лучше свой спуск сделаем — так оно надёжнее будет. Так что у тебя там?

— Я нашла выживших фиан!

— Прости, помехи на линии связи! Представляешь, мне послышалось, будто ты нашла живых фиан!

— Да! Потомки тех фиан, что пережили здесь Нашествие! Ведут примитивный образ жизни в тундре, пасут муроков. Они хорошие!

— Так. Дочка, а скинь-ка мне логи твоего медицинского браслета, пожалуйста!

— Капитан, я в полном порядке!

— Тогда оставайся на месте, и жди.

— Капитан! Я тут обнаружила крупный производственный центр полного цикла!

— Прости, что? Где?

— Внутри вулкана! Тут несколько звездолётов разных типов на стапелях! В состоянии консервации!

— Так! Слушай меня, Аритайя! Оставайся на месте. Ничего не предпринимай. Я сейчас же соберу бригаду специалистов, и мы вылетим к тебе на грузовом шаттле. Жди!

— Ясно, капитан!

— Конец связи!

Аритайя отключила рацию, поднялась из лётного ложементы, и спустилась по трапу. Вокруг стояли фиане племени «Последних». Стояли так тихо, словно даже боялись дышать, что бы не упустить её слова. Аритайя вздохнула, собралась, и объявила:

— Теперь всё будет хорошо! Сюда летит наш капитан и специалисты. Всё будет хорошо!

— Аритайя! — позвал её Аренк робко, — А когда начнётся обучение пилотированию?

— Вот, капитан прилетит — он и решит! — нашла Ааритайя. — Как капитан скажет, так и будет.

— Вот, это правильно, — тихо проговорил Шижи, но в этой тишине его прекрасно было слышно всем, — Как капитан скажет, так и быть должно!

— Шижи! — шикнула на него старейшая Уна.

— Чего? А старейшины имеют право подсказывать, конечно! Но как капитан скажет — так и будет! Вот, правильно всё, — закончил свою мысль вождь.

Вацлав: Когда старые друзья в сборе

Планета УОЕ, столица восточного звёздного сектора

«Yet Other Earth» — на текущий момент самый успешный проект по терраформированию. Нынешнее поколение жителей планеты и не помнит уже времён, когда для прогулки по её поверхности нужно было надевать кислородную маску и тёплый комбинезон. Давно уже можно не опасаться космической радиации, и не считать число часов, проведённых снаружи. Даже растительность здесь теперь жизнерадостного зелёного цвета с изумрудным отливом. А листва красных оттенков теперь осталась в ботанических садах, в тени зелёных видов. Правда, небу до благородной голубизны неба Земли пока ещё далеко.

Значительную часть работ по терраформированию планеты выполнили наномашинны. Естественно, что исследовательский институт наномашинерии появился на УОЕ раньше прочих организаций. Стоит ли упоминать, что образовавшаяся на базе того института из его сотрудников и разработанных ими технологий компания «Nan-tech-lab» выросла в транспланетарный флагман всей отрасли? И что, едва став индустриальным гигантом, компания обнаружила себя «по уши» в долгах перед Метрополией? Надо ли намекать, что кредиторы из Метрополии получили за свои инвестиции вместо сверхприбылей войну колоний за независимость, и вооружённых новейшими нанотехнологиями повстанцев?

По окончанию войны «Nan-tech-lab» разорилась, разумеется. Исчезла, аки утренний туман. И не надо строить догадки о причинах невероятного успеха образованной сразу после перемирия простыми колонистами компании «Наноит». Эту «воистину народную» компанию возглавляют — вот удивительно! — бывшие менеджеры «Nan-tech-lab». Правда, не все. Часть из них теперь сидят в правительстве планеты УОЕ.

Всё это Вацлав узнал, пока летел на УОЕ. Он прибыл в столицу восточного звёздного сектора в отпуск по семейным обстоятельствам, в целях разъяснения юридических аспектов наследования имущества и земли своего опекуна и приёмного отца в высших инстанциях. Всё прозрачно, понятно, законно. Ведь Топураг является колонией УОЕ.

Вполне закономерно УОЕ доросла до того, что обзавелась уже собственными колониями. Разумеется, планета, чей народ воевал за независимость колоний, не может уподобиться Метрополии! Политика, которую УОЕ проводит в отношении своих собственных колоний, радикально отличается! Её называют «нано-колониализм». Неофициально, разумеется.

На второй день по прибытию, что бы отдохнуть от суеты и общения с нотариусами и адвокатами, молодой лейтенант отправился посмотреть местные достопримечательности.

Вот, например, знаменитый «Монумент Древнейших Рас» — бульжник, найденный на планете УОЕ во время очередных строительных работ. Сперва его приняли за метеорит, но анализ показал, что материал этой каменюки лишь спектрограммой напоминает базальт (и то не местный — не из коры планеты УОЕ), но анализ молекулярной структуры материала допускает искусственное происхождение. Либо так, либо это окаменелые останки кремнийорганической жизни. Любители всяких мрачных историй про НЛО подняли восторженный вой. А камень поставили на постамент в парке перед музеем истории, в

качестве местной достопримечательности.

Вацлав четверть часа ходил вокруг Монумента, присматриваясь и так и эдак, и, наконец, вынужден был признать, что в этой глыбе действительно можно углядеть свернувшегося кольцами змея. Да, магниторезонансный анализ не выявил у этой штуки ничего подобного внутренним органам. Так что это скорее скульптура, чем окаменелый организм. Кому и зачем понадобилось миллионы лет назад запустить эту штуку в космос, и специально ли целились попасть в планету YOE — вопросы, обречённые остаться без ответа.

А вот сияющее белоснежное здание, увитое садами на «парящих верандах» — это «Музей новой и новейшей истории человечества в космосе». Корпорация «Наноит» отстроила этот музей в столице планеты YOE, что бы утвердить свои PR-концепции в умах последующих поколений.

Это чудо современной человеческой архитектуры очень выгодно смотрится на фоне пирамиды — геометрически правильное образование местных скальных пород. Вид пирамиды настолько навязчиво наводит на мысли о её искусственном происхождении, что эта груда камней была обречена стать достопримечательностью. Пирамиду специально покрыли защитным полимерным покрытием перед началом терраформирования, что бы сохранить и защитить. Теперь туда водят пешие экскурсии за сравнительно небольшую плату.

Вацлав задержался, что бы полюбоваться архитектурой, пару раз запечатлел себя на фоне музея на память, и всё равно вошёл внутрь за пять минут до срока, который сам назначил для встречи с неведомыми «доброжелателями» из «добровольческой освободительной армии».

Неприметная дверка с неброской табличкой «технический персонал» в реальности оказалась на месте. Вацлав вошёл не раздумывая.

* * *

— Ставлю «галеон» против двух, что он не придёт, — заявил командор Волков.

— Поддерживаю! — откликнулась Лия, не отвлекаясь, впрочем, от мониторов, и добавила: — И выдвигаю встречную ставку: ещё «галеон» против двух, что он не просто придёт, но заявится в течение первого часа!

— Принимаю! — откликнулся командор. Эти двое находились в небольшой камерке, напоминающей пост охраны: контрольные мониторы показывали различные залы музея, входы, запасные выходы, пожарные лестницы, коридор перед туалетами, и даже сами туалеты. Под мониторами были смонтированы старинного вида пульта с россыпями кнопок на них. Вот только всё тут было давно и безнадёжно морально устаревшее, и покрытое слоем пыли.

Лия сидела перед пультом в потёртом чёрном креслице из металла и пластика, старом и скрипучем. На ней был всё тот же прикид: лёгкий бронекембез угольно чёрного цвета, перехваченный партупеей, всё та же старая кобура на боку. А командор стоял за её правым плечом, сунув руки в глубокие карманы такой же робы, какие носит обслуживающий персонал музея.

— Пожалуй, я поддержу оба пари, — внятно и спокойно произнёс Вацлав, делая шаг из

скрытой тенью ниши.

— Ты выиграл, Малыш! — радостно оскалился Волков, нарочито медленно развернувшись на пятках к Вацлаву. — Фортуна любит надо мной потешаться! Отсюда мораль, дети мои: не полагайтесь на везение!

— Эффектно появился! — приветствовала Вацлава Лия.

— Не стесняйся, Малыш! — Волков раскинул руки в стороны, улыбаясь, — Давай обнимемся!

— Ты для этого меня разыскивал? — Вацлав не пошевелился. — Что бы обняться?

— Не пойму, ты делаешь вид, или действительно меня не помнишь? — спросил Волков, опуская руки обратно в глубокие карманы спецовки, и перестал улыбаться.

— После того, что он пережил, у Вацлава был выбор: амнезия или шизофрения, — прошипел подрагивающий от напряжения голос Виктории Редхат за спиной командора, и серая бетонная опора, занимавшая простенок между двумя соседними пультами, растаяла в воздухе, открыв фигуру женщины в штурмовой броне. Ствол тяжёлого бластера смотрел Волкову точно между лопаток.

— Вольт до сих пор в психушке! — добавила она. — Уже двенадцать лет! А Малышу вот повезло.

— Я знаю, я навещаю Вальтера, — отозвался Волков, не поворачивая головы, и осторожно поднял руки вверх.

— Подождите! — спокойно попросил Вацлав, — Я хочу знать, зачем он меня искал.

— А он ответит, — пообещала Виктория. — Только не здесь и сейчас, а чуть погодя и в специально оборудованной допросной.

— Нет! — отрубил командор, и, не опуская рук, развернулся к Виктории. Ствол тяжёлого бластера приподнялся, целясь точно ему меж глаз. — Нет, мы разберёмся здесь! И сейчас!

На минуту повисла пауза. Виктория раздумывала, и никто не хотел ей мешать. Молчание нарушил Волков:

— Ну же, нажми на курок! Давай, закончим с этим балаганом! — командор демонстративно опустил руки, и снова сунул их в карманы спецовки. Лия не то хмыкнула, не то фыркнула. Виктория закусил губу.

— Он не стреляет, да? — спросила Виктория, глянув на Лию. Та коротко передёрнула плечами. Редхат подняла ствол в потолок, и дважды щёлкнула спусковым механизмом. Бластер не выстрелил.

— Мой тоже не исправен, — кивнула ей Лия. — На случай, если ты его у меня выхватишь.

— А ты, подруга, полагала, что я тебя не узнаю? — возмутился вдруг Волков, и даже руками замахал, распаляясь: — Вот так запросто селишься у меня на борту, и считаешь, я тебя не узнаю?! Что, серьёзно? Виктория! Ты знатно изуродовала себе лицо — его я бы точно не узнал. Но твоя манера держаться, твоя пластика движений! Вот это вот! Вот! Вот же! Этот вот поворот головы! Бездна! Да кем бы ты ни нарядилась, хоть алиеном! Это же я и ты!

— Я всё равно тебя достану, Серый! — скрипнула зубами Редхат.

— Ты меня уже достала! — рыкнул Волков. — До самых печёнок! Вот ты у меня где! Довольна?!

— Хватит вам орать, — попросил Вацлав, поморщившись. — Вы, голубки, потом как-

нибудь эмоциями обменяетесь. Давай поговорим! — и он уселся на свободный чёрный стул-кресло. Старинный предмет мебели жалобно закрипел ржавыми креплениями.

— Собственно, я для того нас всех и собрал! — сразу же отозвался командор Волков, разом успокоившись, и приняв самый беспечный вид, уселся прямо на пульт с кнопками.

— Имей в виду, — мрачно проговорила Виктория, откладывая тяжёлый бластер в сторону, — эта безделушка не главное моё оружие! Я достаточно долго проработала помощницей у твоего стармеха на борту твоего крейсера.

— Ерунда! — заявил Вацлав невозмутимо. — Главная бомба у меня! Ну, вы же не думали, что лейтенант военной разведки придёт на встречу с непримиримыми сепаратистами с пустыми руками?

Командор при этих словах скривился, будто лимон целиком пражевал.

— Да держитесь за любые свои бомбы! — отмахнулся он. — Мне вот пофиг. Я поговорить хочу.

— Начинай, — предложила Виктория.

Рассказ командора Волкова

Специально для Вацлава я поясню один толстый момент: все здесь сейчас собравшиеся не просто знакомы. Нет, мы не кровные родственники, мы — ближе. Мы — одна семья. Мы росли все вместе в детском приюте «Ханаяма», на планете с тем же именем.

Я не очень понимаю, что имели в виду первооткрыватели, когда давали такое имя планете с таким низким индексом колонизации. Ядовитая атмосфера, кислотные дожди, поселения под мутными куполами. Видел я ту «цветущую гору», что так впечатлила первооткрывателей. Меня её цветастые, словно забрызганные ядовито-яркими пятнами склоны не впечатлили. Скорее угнетали. Честно сказать, я всегда полагал, что «Ханаяма» — это по-русски. Люди рыли в горе глубокие ямы, а в тех ямах их частенько поджидала хана. В буквальном смысле. Ханаяма — место тяжёлой промышленности и горного дела. И вся промышленность там очень тяжёлая — во всех переносных и прямых смыслах слова.

Мы — не просто сироты. Мы — дети повстанцев. Наши отцы и матери погибли в борьбе за свободу для всех простых людей. А мы стали воспитанниками детского приюта под патронажем той самой Метрополии, против которой они сражались, и которая их убила. Можно представить, как к нам относились тамошние воспитатели.

Однажды на наше пристанище отчаяния и безнадёжности напали. Ворвались до зубов вооружённые люди, всех без разбору положили на пол, зачем-то стреляли по облезлым потолкам. Затем всех взрослых связали, и заперли в спортзале. Это такой просторный подвал с узкими зарешёченными оконцами под потолком. Удобное место, что бы содержать заложников. Или тех, кто проиграл спор. Всегда думал, что это основное предназначение нашего спортзала, и лет до двенадцати я упорно называл его «спорзалом».

Мы, дети, смотрели на всё это с любопытством, подсказывали, в которой подсобке хранятся крепкие верёвки и деревянные колодки. И розги. Розгами нападавшие пользоваться не стали. Мы помогали террористам, от души пиная связанных воспитателей. Когда ещё такая шикарная возможность подвернётся.

Мы показали террористам, где находится здоровенный сейф директора приюта, но тем было не интересно. Террористы объяснили нам, что они — такие же борцы за свободу,

какими были наши отцы и матери, и что пришли они за нами. Нам пообещали, что нас увезут из Ханаямы, далеко-далеко. На тайную планету космических пиратов!

Там полно еды — она там просто растёт на кустах и деревьях в предостаточных количествах сама! Всё что нужно сделать, что бы поесть — протянуть руку, и сорвать понравившийся плод, а затем помыть его и свои руки чистой водой — и всё! И там можно гулять вне помещений без защитных комбинезонов, без кислородных масок, и не опасаться радиации! Там голубое небо, прямо как на легендарной Земле! И ещё там можно купаться прямо в открытых водоёмах, в ручьях и реках, и не нужно будет проходить процедуру дегазации! И вообще! Там никто нами не будет командовать, никто не станет нас наказывать! Те из нас, кто захочет учиться — смогут посвятить своё время учёбе. А кто не захочет — ни кто их заставлять и наказывать не будет! Нам подарят целую планету! И самое главное! При всём при этом мы никому не будем ничего должны! Никаких долгов перед банками! Никакого гражданского долга перед Метрополией! Вообще! Это называется «Свобода» — так нам сказали.

Дети взяли с собой только свои игрушки — те, у кого они были, конечно. Не всем и не всегда удавалось удачно спрятать самодельные игрушки от воспитателей. Организованной колонной по двое, держась за руки — как на учениях по гражданской обороне — мы загрузились на грузовой шаттл, угнанный нашими спасителями в космопорту, и нас вывезли на орбиту. А на орбите мы перешли на борт большого корабля.

Нас было две с половиной сотни детей разных возрастов. Мы с Викторией были самыми старшими. Меня все звали Волчёнком, или просто Серым. Вику никто никак не называл. Либо Вика, либо по фамилии — Редхат. Уж больно крутого нрава была девочка. Впрочем, она ничуть не изменилось — ты ещё убедишься. А тебя, Вацлав, звали Малышом. Ну, ты выглядел таким... миленьким. Прости. Прозвище Лии было... кхем, я его упоминать не буду. Ей не нравится, а мне с ней ещё ж... кхем! Мне с ней ещё ж работать вместе! Мы ж вместе одно дело делаем. А мягкой она только кажется. Внутри этой милой шкурки, поверь, хищник не мягче Вики... кхем! Я отвлёкся, простите дамы!

Так вот. Нас разместили в грузовом трюме, который кто-то постарался приспособить под перевозку пассажиров. У этих «кто-то», очевидно, было желание и время, ещё у них были грубые инструменты из ремкомплекта, но явно не было денег. Впрочем, мы были не привередливыми пассажирами. Нам там вполне понравилось. А ещё у нас там было в достатке армейских сухпайков. И даже газированная вода была.

Наше первое в жизни космическое путешествие. Корабль шёл короткими прыжками по стандартным транспортным маршрутам, но нигде не делал остановок. Только дозаправка и подзарядка накопителей, да и та часто в процессе очередного торможения или разгона. Наконец, корабль лёг в дрейф на дальнюю орбиту вокруг каких-то двух хилых коричневых карликов в мёртвой и пустой системе космического мусора. Отстойное местечко. И у нас на борту наступила невесомость.

Нам ничего не рассказывали про курс корабля. На наши вопросы о местоположении секретной планеты космических пиратов никто никаких ответов не давал — только пустые отговорки и обещания, что всё будет хорошо. И заверения, что мы не должны ни о чём волноваться. Первой сомнения высказала Лия.

Она твердила нам: — «Да включите же голову! Подумайте! Нам обещали волшебную планету, а вывезли на космическую помойку!»

Ей возражали с пылом: — «Думаешь, раз ты не знаешь такую планету, раз ты не видишь

её в иллюминатор, то её и нет? А вот и есть! Да мало ли, чего ты не знаешь и не видишь? Ты Землю видишь? Нет? А она существует! Иначе, куда бы уходили все те богатства, что добывают люди на Ханаяме? То-то! Заткнись, зануда! Не ломай нам кайф!»

Доводы Лии звучали логично: — «Да если бы где-то была такая планета, что там можно бесплатно дышать, ходить по поверхности без спец средств, и еда там прямо за так себе растёт — да все бы давно уже ломанулись туда, и никто бы не остался вкалывать на Ханаяме или пахать на Топураге!»

Ей возражали: — «Тебе же сказали, зануда: эта планета — тайная! Вот потому она и тайная! Набьётся туда народу, и на всех чудесной планеты не хватит. Тогда люди начнут воевать за место на той планете, и разнесут все чудесные сады в щепки! И хана чудесной планете! Потому туда и пускают только детей! Потому что дети лучше взрослых!»

Однако время непонятого ожидания тянулось, невесомость, так радовавшая всех детей первые дни, начинала уже всех тяготить, малочисленная команда корабля нас игнорировала, и сомнения стали набирать вес. А с ростом сомнений, появлялись страхи. А Лия не успокоилась, взломала фальшпанели, развинтила гермоизоляцию в кабельгоннеле, и проползла в недра корабля. Она ползала по вентиляционным шахтам, пролезала в щели под фальшпанелями, и часами караулила и подслушивала переговоры команды корабля.

А потом она нас огорошила: — «Эти вот два жалких коричневых карлика, это система с буквенно-цифровым кодом вместо имени — это самые дальние задворки восточного звёздного сектора! Мы на границе, а может быть, уже и за границей! Дальше — пространство aliens! Вы все должны помнить учебные фильмы про aliens! Про запрет человечеству летать в космос дальше Предела! И про угрозу aliens тотально уничтожить всё человечество, как вид!»

Конечно же, мы все помнили учебные фильмы. Но возражение было вполне убедительным: — «Где ещё может быть спрятана тайная планета, как не на Пределе?! Иначе подлая Метрополия давно бы уже прибрала её к своим загребущим рукам!»

Но Лия твердила с мрачной убеждённостью: — «Нет никакой чудесной планеты! Вы просто маленькие глупые дети, которых можно легко обвести вокруг пальца, просто наобещав всяких неправдоподобных чудес!»

От Лии, конечно, демонстративно отвернулись. Её заявление было отклонено неоспоримым аргументом: — «Бла-бла-бла, ничего не слушаю!» с демонстративным затыканием ушей. На что Лия заявила, что ей просто жалко глупых детишек. Однако, сомнения в наших душах давали всходы, и то тут, то там дети шёпотом делились своими страхами:

— «А что если нас хотят продать в рабство?»

— «А мы на Ханаяме, как ты думаешь, разве не были рабами? А кого из нас растят в приюте? Думаешь, банкиров?»

— «А что если нас хотят разобрать на внутренние органы?»

— «И кто из богатых не побрезгует вставить себе твою почку? Когда почки промышленно выращивают из стволовых клеток? А многие не доверяют клонированию, и предпочитают синтетику! Есть же первоклассная синтетика! И тут твои жалкие органы! Что с ними делать?»

— «А что если есть богатые извращенцы, которые покупают похищенных детей для всяких извращений? Они будут тебя тискать! Ты просто не знаешь! Однажды к нам приходила ужасная тётка, искала, кого бы усыновить. Так она меня в коридоре поймала и

так прям и заявила: — «я» — говорит, — «тебя затискала бы до смерти!»).

— «А что если военные из Метрополии хотят тайком выращивать из нас боевых мутантов? Хорошо бы!»

Но реальность оказалась страшнее всех наших глупых детских страхов.

Мы все спали, когда произошла стыковка. Поскольку мы направлялись на планету свободы, и наше ожидание неизвестно чего в полной невесомости затянулось, мы игнорировали правила и ремни безопасности, и спали прямо в воздухе — кто где завис. Глухой удар в тишине, кто-то стукнулся о переборку, мы проснулись. В иллюминатор с нашего борта другой корабль видно не было, и Лия полезла в свои тёмные лазы, что бы пробраться в отсек, где был иллюминатор на другую сторону. Вернулась она, дрожа от страха и возбуждения, и срывающимся голосом объявила, что к нашему кораблю пристыковался корабль аlienов!

Алиены! Эта новость не на шутку всех напугала. Я и Вика пытались успокоить детей, и вызвались ползти с Лией на разведку. Лия провела нас по вентиляционной системе, и я своими глазами увидел живого аliена. Это была фианка. Точно такая, какими их показывали кадры хроники Первого Контакта. Живая фианка, одна из тех, кто когда-то пригрозил человечеству тотальным истреблением, спокойно и неторопливо разговаривала с капитаном нашего корабля, и речь шла о детях. Точнее, о том, как перегрузить детей на борт её корабля, и стоит ли это вообще делать, поскольку она вполне может взять на буксир наш корабль целиком. Обсуждали технические детали.

Когда мы в ужасе вернулись в трюм к остальным детям, я не мог смотреть в их лица. Нас продали аliенам на опыты! Как в популярных фантастических боевиках с патриотическим уклоном. Память легко разворачивала перед мысленным взором кадры с расчленениями людей, с поеданием людей, с выращиванием внутри живых людей каких-то ужасных личинок, и тому подобное. Какие ещё у нас могли быть гипотезы о предстоящей передаче нас фианам?

Редхат предложила поднять восстание. Лучше умереть в безнадежном бою, чем терпеть пытки и муки в плену у аliенов. Умом с этим были согласны все, но мы же были просто детьми! Липкий страх велел бежать без оглядки, а осознание, что бежать с космического корабля некуда рождало панику. Редхат предложила план.

— «Они могут пустить по вентиляции усыпляющий газ», — говорила она, — «когда за нами придут, будет уже поздно сопротивляться! Мы должны атаковать первыми! Прямо сейчас!»

Я поддержал Вику сразу. Лия была за восстание с самого начала, наверное, ещё до того, как Редхат озвучила план. Одними из первых план восстания горячо поддержали ты, Малыш, и твой друг, Вольт. Очень быстро всех детей охватило паническое нежелание сдаваться аliенам в плен на опыты. А у Виктории был вполне конкретный и осуществимый план.

Виктория разделила всех детей на три группы. Первая группа — ударная. Мы выбирались через вентиляцию и нападали на команду корабля. Используя обломки мебели, всякие острые щепки, да и просто свои зубы. Нашей задачей было привлечь к себе внимание и связать команду боем. Мы прорывались в командную рубку, даже не представляя себе, где она находится.

Вторая группа спускалась по кабельным каналам на инженерную палубу. Их вела сама Лия, и их целью были системы жизнеобеспечения. Они отключили и разбили пульт системы пожаротушения, а для надёжности закрутили вентили подачи веществ пожаротушения. Но

главное — они пустили кислород. Много кислорода.

Мы не могли надеяться победить команду взрослых людей с настоящим живым алиеном. А даже если бы мы вдруг чудом как-то бы победили — нам не увести корабль с этой космической помойки. Мы были просто дети, мы не умели водить звездолёты. То есть при любом раскладе нас ждала смерть. Только она могла быть долгой и мучительной, а мы хотели сделать её быстрой, и для всех сразу. Мы решили сжечь корабль. Переобогатить атмосферу кислородом — и металл будет прекрасно гореть.

— «Пластмассы при горении щедро выделяют ядовитый дым, и угарный газ», — обещала нам Редхат, — «мы задохнёмся, и уже не почувствуем боли. Уже никогда не будет боли».

И мы в это верили.

Чего рассказывать? Всё пошло не по плану, всё оказалось хуже, кошмарнее, тяжелее, и болезненнее, чем могли вообразить наши детские мозги. Но мы сделали это! Пока мы дрались с командой, а Лия со своими срывала газовым ключом головки кислородных баллонов, ты, Малыш, с несколькими мелкими прополз под фальшполом к шлюзам. У шлюзов есть функция продувки. Вы её задействовали, и чистый кислород хлынул из открытых шлюзов.

Наш замысел был в том, что бы начать пожар от шлюзов. Что бы похитившие нас пираты вместе со своим знакомым алиеном не смогли спастись. Что бы никто не смог спастись. Из вашей группы в конце в живых остались только двое — ты и Волт. Только Волт, он сошёл с ума. Совсем. А твой мозг напрочь всё забыл. Должно быть, сработал у тебя в голове какой-то предохранитель. Что бы уберечь личность от распада, я полагаю. Остальные сгорели заживо.

А спасла всех та фианка. Она бросилась в огонь, и вручную, сорвав предохранители, вывернула запоры. Шлюз распахнулся, и её, обгоревшую, выплюнуло в открытый космос. Корабль лишился атмосферы, и пожар потух. Отовсюду повываливались аварийные дыхательные маски. А потом система аварийно восстановила герметизацию, и нагнала давление воздуха. Инертными газами.

Нашу ударную группу к моменту пожара взрослые успели раскидать, и позапирать в отсеках. На технической палубе всех вырубил ударной декомпрессией, поскольку мы же сломали гермопереборки в кабельных шахтах. Но та декомпрессия оказалась не такой уж ударной, так что никто не помер. У Лии немножко шла кровь ушами и носом. Но там были кислородные маски. Ты, Малыш, застрял за фальшпанелью, и тебя не выбросило наружу. Зато ты впал в кому. Из выживших ты пострадал больше всех. А Волт и вовсе был в соседнем шлюзе — пытался там устроить второй очаг возгорания.

Пираты всех нас собрали, обеспечили кислородными масками, и вызвали помощь. Дали «SOS» на тревожной волне, потому что корабль уже не мог сам выжить. Нас нашли военные, когда холод уже пробирал до костей, и хотелось просто уснуть и никогда не просыпаться.

Вот, собственно, и вся история.

Продолжение разговора

— Ты на самом интересном остановился! — прохрипела сквозь сжатые зубы Редхат. Лия молча давилась слезами, её зримо трясло. Командор Волков сидел на пульте

бледный, с прямой, словно деревянной, спиной, вцепившись белыми пальцами в край пульта. Вацлав молчал, внешне оставаясь всё таким же спокойным, словно речь не шла о его жизни или вообще о реальных событиях, словно он прослушал пересказ очередного фантастического боевика.

— Мы выросли, — продолжила Редхат, и её голос дрожал, — Я пошла служить в полицию, что бы провести своё расследование той истории! А ты! Ты нас всех предал! Ты пошёл к тем самым пиратам, что продают детей aliens на опыты!

— Не смей меня, Редхат! — резко оборвал её командор Волков. — Полиция служит властителям Метрополии, нашим врагам! Это ты предала нас всех, предала наших родителей, сражавшихся за свободу! Расследовать? Что ты можешь там расследовать?! Кто тебе позволит, ты, сторожевая собака хозяев!

— Заткнись! — рыкнула Редхат.

— Это я провёл своё расследование той истории! — заявил Волков. — Что бы что-то узнать, надо было идти не к полиции, а к тем, кто это всё затеял! Я стал одним из них! Ты себе не представляешь, правильная девочка, на что мне приходилось идти, ради того, что бы докопаться до правды!

— Потихе, пожалуйста! — попросил из Вацлав. — У меня голова так болит, что вот-вот лопнет. Прошу вас, не орите, ладно?

Волков и Виктория демонстративно отвернулись друг от друга. И Вацлав продолжил:

— И так, вы оба провели своё расследование того случая. Вика отправилась служить в полицию, ради того, что бы отыскать правду. Серый внедрился к сепаратистам с той же целью. По-моему, вы оба молодцы. Не понимаю, чего вы лаетесь. Лучше поделитесь информацией.

— Я ему не верю, — объявила Редхат. — Он совсем недавно повторил ту же ужасную подлость! Украл две сотни детей, и пытался продать их aliens в системе Кирибея-три!

Вацлав вздрогнул, и болезненно скривился.

— Я пытался исправить нашу ошибку, — вздохнул Волков, не глядя на Редхат. — Чудесная планета свободы действительно существует. Представьте себе! Люди, как вы можете видеть на нашем примере — разные. Каждый видит свою правду. Почему вы думаете, будто у aliens иначе? Кое-кто из фиан желает спасти человечество. Всех спасти они не могут, и потому предложили тайком вывести человеческих детей на далёкую, ничейную, пригодную к жизни планету. Они нашли подходящую планету где-то очень далеко в космосе, и даже засеяли её привычными людям фруктовыми и ягодными культурами. Там могла бы вырасти новая человеческая колония. Новое человечество. Свободное и от Метрополии, и от всего груза ошибок наших предков!

— Чушь! — Редхат вскочила.

— Я в своих руках держал результаты исследования планеты! Образцы почвы и воздуха! — возразил Волков.

— Откуда? — требовала Редхат.

— От живого фианина, — ответил Волков с вызовом.

— Нашел, кому верить! — Виктория удивлялась наивности взрослого командора Волкова.

— А если я тебе скажу, что этот фианин прожил среди людей более полутора столетий, исследуя человеческую природу?

— Шпион! — возмущённо фыркнула Виктория.

— ... и подарил людям знания фиан, — продолжал Волков спокойно. — Прикинувшись человеком, этот фианин открыл людям новый, прогрессивный взгляд на природу пространства, и возглавил строительство гиперпространственной крепости. Этот фианин был награждён орденом «за заслуги в укреплении обороноспособности человечества»!

Вацлав слегка побледнел, но продолжал сидеть молча.

— С самого начала меня заинтересовал вопрос: — как пираты смогли наладить контакт с фианами? О! Как я искал! Ты себе даже не представляешь, правильная девочка!

Редхат потрясённо молчала.

— Да, мы его нашли, — заявила Лия. — И он нам рассказал и про «чудесную планету Свободы», и про план переселения человеческих детей. Серый сильно сомневался, долго не желал верить, что мы своими руками убили свой шанс на лучшую жизнь, и добрую фианку, которая хотела подарить нам планету счастья.

— Тот фианин был не шпионом, — устало вздохнул Волков. — Он был учёным. Изучал наш вид. Однажды его заметки похитили какие-то хакеры, и издали в виде философского трактата под псевдонимом «Dr. Nobody». Потом ушлые журналисты обозвали эту книгу «О чём умолчал Заратустра». Взгляд фианина на человечества — это взгляд непредвзятого и совершенно не человеческого разума, взгляд со стороны. Что-то он видел под неожиданным для нас углом, в чём-то наивно заблуждался. Но нашлось немало фанатиков, свято уверовавших, что эта книга открывает человечеству путь к новой ступени эволюции разума. В среде добровольческого освободительного движения эта книга и учение на её основе стало чем-то вроде сакрального руководства.

— Позже этот фианин глубоко разочаровался в человеках, — вставила Лия.

— Это когда он вернулся со строительства гиперпространственной крепости, — отозвался Волков. — Вероятно, его коробило, что мирные технологии алиенов, которые он нам раскрыл, люди использовали для постройки чудовищного оружия.

— Нет, думаю, его подкосил именно наш бунт, — грустно покачала головой Лия. — Подозреваю, он знал ту фианку лично. Как бы то ни было, а наш фианин сменил образ, и стал фермером на Топураге.

— Это ещё не доказывает, что планета свободы существует, и что у алиенов нет каких-нибудь коварных планов по выращиванию на ней человеческих детей, — проворчала Редхат.

— Я прожил с ним двенадцать лет! — огрызнулся Вацлав, не выдержав. — Да он был человечнее нас всех вместе взятых! Если Роджер Бондски — фианин, то мне, аalien пожри, стыдно, что я — человек!

— Мы с Серым решили попытаться хоть как-то исправить то зло, что мы сотворили, — проговорила Лия.

— Я-то решил всё сделать правильнее, — подхватил Волков. — Я с самого начала всё рассказал детям. Они знали, что их вывозят фиане куда-то далеко за пределы освоенных самими фианами планет. Дети пошли со мной добровольно. Единственное их условие было, что бы мы с Лией не покидали их, а отправились бы на планету Свободы вместе с ними. Фианин согласился.

— А потом я вас отыскала в системе Кирибея-три, и расстреляла «слезами сатаны», — прохрипела Виктория, и медленно опустилась на пол, закрывая лицо ладонями.

— Вот так и живём, — грустно вздохнула Лия. — И никто не виноват. Я считаю, что в случае с притязаниями Метрополии и нежеланием колоний платить по счетам примерно та же история. Лично меня вполне устраивают условия Хартии. Если кому интересно, я с

Серым только ради его расследования, и ради планеты Свободы.

— Почему, почему ты, Серый, не рассказал мне, зачем подался в пираты?! — взвыла Вика.

— Думаешь, податься в пираты, это такая прогулка по парку? — возмутился Волков. — Я не хотел тебя втягивать в это дерьмо! Правильная девочка! Я хотел разобраться сам! Я оставил тебе письмо!

— Тьма! — рыкнула Виктория, — Вечно вы, мужики, такие! «Сам»! «Не хотел тебя втягивать»! А меня ты спросил? И письма твоего я не получала!

— Я не смог бы тебя потерять, дура! — вспыхнул Волков. — Ещё раз держать на руках твоё бессознательное тело, залитое кровью, как тогда — да я лучше просто сдохну! А ты вот лезешь вечно в пекло! Назло мне! Вот, надо оно тебе, а?!

— Эй, голубки! — начал было Вацлав, но его прервала сирена тревоги. Замигали кнопки на пульте, на которых сидел Волков.

— Это что? — поинтересовалась Виктория.

— Это нас пытаются арестовать, я полагаю, — отмахнулся Волков, спрыгивая с пульта. Он быстро пробежался пальцами по кнопкам... и снова уселся прямо на пульт. Сирена смолкла.

— Не волнуйтесь, они нам не помешают договорить, — заявил командор. — Так вот, Вацлав, я искал тебя, потому что...

— Ты что же, сидишь на работающем пульте управления? — прервала его Виктория.

— Не ведись, — буркнула ей Лия. — Это у него имидж такой. Типа он такой разгильдяй, склонный к эффектным импульсивным поступкам.

— А на деле? — поинтересовалась Виктория.

— А на деле я заблокировал пульт, прежде чем на него садиться, — откликнулся командор. — Теперь я могу продолжить?

— Ну, а тебя, Малыш, мы искали, ради координат этой тайной планеты, — объявил Волков Вацлаву. — Я уверен, что шпион алиенов не мог обойтись без тайного логова. Ну, а уж учёный — так и подавно не мог обойтись без тайной лаборатории! У твоего приёмного отца должно быть что-то такое! Должно быть что-то, что приведёт нас к планете Свободы!

Алугомайя: Падение

Неизвестная планета

Медленно, даже степенно проплывают мимо осколки. Такие прозрачные, холодные, такие блестящие, такие бессмысленные. Осколки жизни — мирной, безмятежной. Осколки прошлого. Сверкают сколами в острых, колючих лучах близкой звезды. И капли крови — тоже проплывают перед лицом. Капли крови и осколки бронестекла. Корабль издырявлен, как решето, воздух давно вышел. И хорошо — так хоть пожара нет.

Сначала торпеды проббили двигатель, и они не смогли прыгнуть. Торпеды разнесли двигатель в клочья. Они ещё пытались что-то делать, как-то лететь, работали маневровыми, но хищники проббили рубку. Накрыли залпом. Издырявили. Все офицеры корабля погибли. В клочья. В осколки. Но Алугомайя была на стартовой палубе. А поднялась наверх, что бы проверить — и стартовой палубы не стало. А рубки управления к тому времени уже не было. И вот, Алугомайя тихо парит в невесомости в коридоре, среди осколков и капель крови, и ждёт смерти. Мысли вязнут... тягучие... слипаются. Слипаются глаза. Проверить же. А дети плачут. Навзрыд. Быстрее бы всем умереть.

Воздуха нет, электроника вся вырубилась. Электромагнитные импульсные разрядники. Сдетонировали. А дети всё равно плачут. Надрывно. Им страшно. Они в своих капсулах на жилой палубе, в темноте. Связи тоже нет. Но дети плачут в голове у Сатаритайи — она же сенсорик. Фиане все телепаты, вопрос только в силе дара. Но на таком расстоянии, степень одарённости уже не так важна. Нужно бы проверить.

Алугомайя хотела решительно тряхнуть головой, что бы разогнать звон в ней и серые хлопья перед глазами, но получился только плавный неуверенный кивок. Её контузило.

Точно! Она же поднялась со стартовой палубы, что бы проверить. О! Проклятье! Проверить гидравлику! Если та ещё не перебита, можно попробовать вручную запустить маневровые. Дать импульс, что бы сбить траекторию. Уохатанон сказал. Хищники перестали стрелять. Хотят взять трофеи. Зачем разбивать то, что может стать трофеем, правда? Надеются взять несколько фиан живыми.

Алугомайя извернулась, перевернулась, и смогла дотянуться до куска оторванной ударом фальшпанели. Осторожно потянулась..., подплыла к стенке — дальше проще. Фиане хорошо летают в невесомости. Вперёд по коридору, до люка в инженерную нишу номер семнадцать.

После нескольких лет затишья, хищные кохи возобновили налёты на планету Минос. Торговля с миносцами стала рискованным делом, решено было эвакуировать торговую миссию.

Хищники перехватили их караван. Они приняли Песнь Тревоги, узнали, что у хищников теперь есть фианская технология сокрытия космических кораблей в пространстве, но было уже поздно: они уже попались. Хищники их настигли. Корабль разведчик сбили сразу. Сожгли, превратили во вспышку плазмы. Остальные фиане попытались удрать, кинулись врассыпную. Караван был небольшой. Транспортники уйти шансов не имели. А вот у их шхуны шансы были. Как им казалось. Да, шансы определённо были. Но им не повезло.

Алугомайя старалась думать о чём угодно, только не о том, что происходит вот прямо

сейчас. Получалось так себе. Но иначе липких холодный страх начинал сковывать движения, и становилось сложно отгонять желание скорчиться и выть, в ожидании скорой смерти.

Вентили легко поддались, удалось сбросить давление в гидравлической системе, но аварийную гермопереборку открыть так и не удалось — деформация. Зато Алугомайя придумала, как открыть грузовую аппарель. С помощью всё тех же вентилей гидравлической системы. Но не сейчас. Она подождёт.

Выбор был сложный: если сбросить персональные капсулы с детьми повыше, в стратосфере, то их раскидает подальше, и хищным кохи будет труднее их все найти. Но как дети смогут выжить на неизвестной планете в одиночку? Алугомайя выбрала другой вариант: на высоте она сбросит грузовые контейнеры. Кохи не смогут отличить контейнеры от капсул. Тварям придётся отслеживать траекторию каждого, и обыскивать огромную территорию. А капсулы с детьми Алугомайя сбросит совсем низко.

Сперва дождаться огня. Начнутся плотные слои атмосферы планеты, корабль окутает пламя, и она откроет грузовую аппарель. Затем нужно быстро добраться до жилой палубы. Как только убитый звездолёт упадёт в облака — дёрнуть рычаг ручной катапульты.

А пока Алугомайя будет думать о родителях, например. Будет сердиться на них, за то, что те расстались так глупо. Будет вспоминать последние торги с миносцами, и мысленно сочинять отчёт торговой миссии для Запределья.

Арита́йя: Кто такие человеки?

Планета Раксла-Кслаим, Серая Тундра, звездолёт «Песнь о доме»

— Всё не так просто, девочка моя...

Арита́йя сидела в своём кресле в ставшей уже родной рубке управления звездолёта «Песнь о доме». Она давно ждала этого момента, и вот, едва инженерам и механикам удалось починить систему дальней связи, девушка отправила запрос в «Запределье».

Весь долгий день она была страшно занята важными неотложными делами, и потому почти не виновата, что выбрала время для сеанса связи после отбоя, когда уже все фиане спят.

В руках Арита́йя сжимала ракушку космического моллюска — артефакт квантовой связи, и запрос в «Запределье» бал связан с ним. Вернее, с тем, что она услышала из этого прибора. Все услышали.

И вот теперь Арита́йя желала узнать: чей это голос, и о чём он поёт.

— Всё не так просто, — голографическая старейшина покачала головой. — Будь на твоём месте кто-то другой, мы бы ответили однозначно: это закрытая информация! Но ты, девочка, имеешь право знать.

Арита́йю накрыло волной дурных предчувствий. Вообще, она подозревала, что «Запределье» — всего лишь вычислительная машина. Квантовый компьютер, запущенный навечно куда-нибудь в гиперпространство. По крайней мере, отец не упоминал ни о чём подобном. Отец говорил, что «Запределье» присылает сообщение, принимает отчёты, выдаёт справочную информацию — словно обычный компьютер. Впрочем, голограмма ничего не доказывает — это может быть компьютерная модель. Однако одно то, что для неё неведомое «Запределье» сделало явное исключение, настраивало на дурные предчувствия.

— Давным-давно, жили два замечательных парня, два верных друга, — начала рассказ голограмма. — И случилось так, что влюбились они оба в одну девушку. Первый подарил девушке редкий артефакт квантовой связи. Но девушка выбрала второго. И стала твоей матерью. А отвергнутый друг твоего отца посвятил свою жизнь научному исследованию в глубине одной из запретных для навигации зон. Он отправился изучать новый вид разумных, под названием «человеки».

— Это их язык, — озвучила свою догадку Арита́йя. Сердце тоскливо сжалось. — Я так и думала...

— Послушай, девочка моя, — продолжила голограмма старейшины из «Запределья». — До того, как стать женой твоему отцу, твоя мать, Анипейтойя, была космическим капитаном, и участвовала в спасательных операциях, которые организовывало наше «Запределье». Обычно мы рассылаем сообщение о готовящейся спасательной миссии, и выбираем из тех капитанов, кто откликнулся. Да, когда друг твоих родителей попросил «Запределье» о помощи, мы отправили запрос нескольким самым опытным капитанам. И твоя мать была в этом списке, хотя с твоего рождения и не принимала ни одной заявки. В тот раз она откликнулась первой. Фактически она подняла звездолёт ещё до того, как мы решили, кого из наших капитанов послать на это непростое дело.

— Она... — голос предал девушку, и сорвался.

— Твоя мама была смелым и опытным капитаном, — дальняя космическая связь не умеет передать эмоции, но голограмма всем своим видом старалась выразить участие и сочувствие. — Иногда беда случается и с самыми опытными и умелыми.

Аритайя закусила губу, силясь справиться с накотившей тоской. Эта тоска за все прошедшие годы стала уже привычной, но от того не стала меньше.

— Мне очень жаль, девочка моя! — вздохнула старейшина из «Запределья». — Ты должна понять главное: мы рассказываем это тебе, потому что ты имеешь право знать. А ещё для того, что бы ты не наделала глупостей, пытаясь самостоятельно выяснить подробности.

— Могу я ознакомиться с результатами изучения «человеков»? — спросила Аритайя, после того, как совладала со своими чувствами.

— Нет, — старейшина с сожалением покачала головой. — Доклады нашего исследователя полны противоречий. Эти «человеки» — странный народ. Разумнее нам воздержаться от дальнейших контактов с ними.

— Но... хотя бы... их язык...

— Не пытайся выяснить у человекoв подробности гибели твоей матери. Нам жаль, но между нашими видами нет взаимопонимания. А эти фразы, которые ты нам передала, взяты из их песен. И они не несут смысловой нагрузки.

Это, скорее, ритуальные песнопения дикарей. Иногда это абстрактные желания, иногда краткий и не полный пересказ незначительных историй. Ничего интересного.

— Я обещаю не делать глупостей, — сказала Аритайя, смахнув со щеки слезу.

— Ох! — голограмма вздохнула печально и протяжно... весьма достоверно, словно действительно живая фианка. Изобразила колебания, и, наконец, решила: — Хорошо, дочка. Я перешлю тебе готовый разговорник. Он не без изъянов, но что-то понять можно. Принимай.

— Кстати! — старейшина встрепенулась, словно бы о чём-то вспомнив, — Где вы сейчас находитесь? «Песнь о доме», я имею в виду.

— Э..., - Аритайя растерялась: можно ли сообщать «Запределью» о том, что капитан Нелнишнош привёл корабль, полный фиан, в запрещённый красный сектор, и высадился на заброшенной планете? Девушка осторожно начала из далека: — Флотилия нашего клана попала в засаду хищных кохи, и наши старейшины приняли решение разделить...

— Это мы знаем, — мягко прервала её голографическая старейшина, — И с тех самых пор от «Песни о доме» не было никаких вестей.

— Мы сломали систему дальней связи...

— И это нам известно, — кивнула голограмма. — И мы рады, что теперь у вас всё нормально, и связь работает. Но буквально вчера от нас было оповещение...

— Что случилось? — у девушки сжалось сердце в предчувствии беды.

— Звездолёт «Перо на ветру» был сбит хищниками, и упал на неизвестную планету. Мы разослали сообщение с известными нам подробностями, и просьбой к тем, кто может туда долететь, откликнуться.

Голограмма рассыпалась миллиардом звёзд, тут же закружившихся, и выстроившихся в узнаваемый рукав галактики. Затем голографические звёзды рассыпались, разбежались в стороны, и к девушке приблизилось конкретное скопление — соседние — и крайняя звёздочка в скоплении сверкнула, привлекая внимание.

— Пара прыжков от нас, — прикинула Аритайя.

— Пожалуйста, передай капитану Нелнишношу, — мягко попросил голос старейшины

из «Запределья», и голограмма погасла. Почти сразу зазвучал стандартный сигнал синхронизации, и следом за ним — сигнал оповещения о принятом пакете данных.

Аритайя вздохнула, на минутку спрятала лицо в ладонях. А потом решительно встала, и пошла будить отца.

Капитан Нелнишнош проснулся сразу, а как только услышал о потерпевшем бедствие корабле — мигом оделся, собрался, и прибежал в рубку управления. И засел за звёздную карту. Аритайю он твёрдо и решительно выгнал спать.

Девушка залезла в свою капсулу, закрылась, и честно попыталась заснуть, но сон совершенно никак не шёл: ему мешали мельтешащие в голове тревожные мысли. Безусловно, её отец, капитан Нелнишнош — фианин твёрдых принципов и долга. Но если он отправится на поиски потерпевших крушение, что будет с пассажирами «Песни о доме»? Их всех придётся оставить здесь — просто в голой тундре, поскольку обустроить лагерь они так и не успели. На тёплом юге сделать это мешал гнус — там никто из фиан не хотел оставаться на ночь вне корабля. А на севере под лагерь ещё и место не выбрали! Мерзлота, сейсмические толчки, ещё и интересы местных фиан следовало учесть. Да и как это можно — высадить пассажиров, и улететь? Пассажиры «Песни о доме» — не чужие фиане, это же родня. А лететь всем вместе — нет никакого смысла: тогда для спасаемых на борту не будет свободных мест.

Помучившись, девушка погрузилась в личное виртуальное пространство, и заняла себя изучением добытых сведений о чужом языке. За странной структурой концепций и понятий угадывалась совсем чужая, неизвестная культура. Это сначала затянуло, а потом так утомило, что Аритайя заснула сном уставшего младенца.

Пробуждение было не простым. Сначала она осознала, что спит. Попытки проснуться ни к чему не привели. Осознать, что это не сон было очень сложно, поскольку реальностью это тоже не являлось.

Дело в том, что для погружения в виртуальную реальность специальный излучатель альфа-ритмов погружает мозг фианина в состояние контролируемого сновидения. Используются такие вещи, как, например, сонный паралич: мозг посылает сигналы в мышцы, но до мышц они не доходят, а мозг воображает, что тело бежит по виртуальным просторам. И окружающие предметы компьютер вовсе не рисует на сетчатку глаз. В мозг передаются только грубые контуры архетипов восприятия различных объектов, а детали мозг дорисовывает себе сам — в воображении. Засыпать по-настоящему в таком состоянии не следует.

Очнуться и выйти из виртуальной реальности у Аритайи получилось само собой, одним рывком, как только она вызвала часы — утро, оказалось, было уже позднее, а важных дел в новый день ожидалось много.

Когда девушка прибежала в рубку управления «Песни о доме», оказалось, что капитан Нелнишнош так и не ложился спать: обсуждение щекотливой ситуации затянулось, и только набирало обороты — по мере включения в обсуждение новых заинтересованных лиц.

Аритайя немного послушала, и ушла отсюда. Ничего нового она не услышала. Отец говорил о том, что кто-то должен лететь и попытаться найти выживших в крушении, и о своём долге космического капитана. А ему напоминали о его долге капитана перед пассажирами «Песни о доме», которых он не может бросить здесь.

Против спасательной экспедиции были и оценки шансов потерпевших крушение фиан на выживание. Мало выжить в крушении — нужно умудриться выжить на неизвестной

планете. Но и этого мало — нужно ухитриться спрятаться от охотников хищных кохи, которые и сбили звездолёт «Перо на ветру». Осложнял дело факт, что на борту «Пера» было много детей — из-за этого Нелнишнош сильнее рвался в полёт, но это же сильно снижало оценки шансов потерпевших крушение дожидаться спасателей. А подлые и коварные хищники кохи наверняка устроят засаду — они знают, что фиане непременно прилетят на помощь своим, если только будет на чём лететь.

Полная мрачных дум и тяжёлых чувств Аритайя покинула борт, и брела, не разбирая дороги. Ноги сами принесли её в становище «Последних». После обнаружения живых фиан потомков тех, кто пережил нашествие кохи, «Песнь о доме» перелетела в обитаемую тундру. Последнее время фиане, пришедшие из космоса, налаживали контакты с местными, разворачивали образовательные программы. А технические специалисты были поглощены изучением древних звездолётов и удивительных технологий предков.

И так, Аритайя шла, погружённая в нелёгкие думы, пока не наткнулась на Аренка. Аренк — хоть и слабый в сравнении с ней эмпат, но прекрасно прочувствовал весь захвативший её душу мрак. Однако парень улыбался во весь рот, и терпеливо ждал, пока девушка его заметит. Дождлся: Аритайя врезалась в него, и, ойкнув, подняла, наконец, глаза.

Аренк улыбался так легко, и так заразительно, что на миг Аритайя просто выбросила из головы весь сумрак, и улыбнулась в ответ.

— Рад-тя-вить! — наконец, поздоровался он. — Хорошего!

Все фиане, которых Аритайя встречала раньше, всегда сокращали приветствие «Хорошего дня!» до «Дня!». А вот местные — все как один — сокращают до «Хорошего!». Забавно.

— Хорошего дня! — поздоровалась она.

— Что-то стряслось бедовое, — серьёзно кивнул Аренк, и тут же заявил: — Капитан обязательно всё решит правильно!

Вера местных в капитана Нелнишноша иногда пугала. Правда, только её, Аритайю.

— Это верно, — вздохнула Аритайя, и невольно поморщилась: — А потом он будет всю жизнь корить себя.

Она же знает своего отца: он поступает правильно, по совести и долгу, не потому, что так правильно, а потому что иначе не может. Однако в нынешней непростой ситуации что бы не выбрал Нелнишнош — кого-то ему придётся подвести. Либо бросить здесь пассажиров и часть команды, либо остаться, и даже не попытаться спасти фиан с «Пера на ветру».

— Ему не разорваться надвое. Что бы капитан не выбрал, кого-то придётся подвести, и отец будет жалеть об этом всё оставшуюся жизнь, — она не собиралась говорить это в слух, и не сразу спохватилась, что наболевшее вырвалось.

— Никто не может пройти разом по двум тропам, — заметил на это Аренк, и тут же, пожав плечами, предложил выход: — Одну из троп надо доверить другому!

Это-то понятно! Но дело даже не в том, что выбор «тропы» в данном случае весьма не прост: обитатели «Песни о доме» — и команда и пассажиры — не впадают в панику под свалившимися на них бедами потому, что верят в своего капитана. И если «Песнь о доме» отправится спасать потерпевших крушение у далёких звёзд, то только железная воля Нелнишноша, пожалуй, сможет поддержать брошенных в промёрзлой тундре у неспящего вулкана фиан. Но и провести звездолёт мимо хищников кохи, и попытаться отыскать на неизвестной планете выживших в крушении может только опытных капитан. Их штурман —

тоже фианин сильный, и космолётчик опытный, но сможет ли Нелнишнош отправить его в почти безнадежную миссию вместо себя?

Основная сложность всё же не в этом непростом выборе. А в том, что звездолёт у них один! Отправить на рискованную миссию «Песнь о доме» и оказаться прикованными притяжением к этой планете? Фианам, привыкшим к мысли, что всегда могут улететь?

— Что? — Аренк пытливо взгляделся ей в глаза. — Ты поморщилась, словно колючку проглотила.

— У нас только один звездолёт, — пояснила Аритайя.

— Как так один?! — удивился бесхитростный укротитель муроков. — У нас целый флот!

Девушка только отмахнулась. Как объяснить пастуху, впервые в жизни увидевшему звездолёт, что их замечательные корабли, завещанные предками — безнадежно устаревший хлам!

Беда даже не в том, что там, например, вообще не было плазменных крыльев для полётов в гиперпространстве. Да там даже маневровой системы нет! Вообще не понятно, как предки собирались летать на таком! Беда же по-настоящему в том, как сделаны эти древние звездолёты.

Предки использовали нанороботов, которые строят себе подобных, собирая их из подвернувшихся атомов подходящих элементов. Зародыш будущего звездолёта растёт в расплаве металлов и кремния — в базальтовой лаве. Растёт десятилетиями! Собственно, нанороботы предков так примитивны, что не прекращают работы и не меняют программы.

Например, в первые дни увлечённые инженеры с «Песни о доме» сверлили дырки в переборках и пультах на борту древнего звездолёта, совали туда щупы и зонды, что бы понять, как спроектированная предками машина устроена. Но дырки быстро зарастали, стружка впитывалась в пол. Зонды и щупы звездолёт предков тоже съел.

Беда не в том, что такой звездолёт нельзя разобрать. Беда в том, что такую машину нельзя модернизировать!

Пока взрослые, опытные специалисты удивлялись и восхищались чудесным материалам звездолёта, Аритайю эти материалы пугали. Химический анализ показал весьма сложные формулы, очень напоминающие органику. Только вместо атомов углерода тут были атомы кремния. Аритайя не могла отделаться от мысли, что эти звездолёты предков живут какой-то непостижимой неживой жизнью. Как в страшных детских сказках про оживших мертвецов.

А ещё совершенно не понятно, как предки собирались управлять этими звездолётами. В их рубках управления перед непривычного дизайна креслами есть непривычных очертаний панели — абсолютно пустые, гладкие. Никаких органов управления! Зато звездолёты древних умеют говорить. О, да! Они здороваются, когдаходишь на борт. Они предупредительно открывают двери, включают освещение. И полностью игнорируют голосовые команды!

— Я думаю, — с серьёзным видом завил Аренк, — что старейшины согласятся отдать вам один звёздный корабль, раз уж он вам нужен! Ты только объясни, что за беда стряслась.

— Ой, Аренк, — девушка покачала головой, и решила озвучить аборигену часть своих сомнений: — Никто из нас не может управлять этими кораблями предков!

— Да вы же и не пробовали! — парень только плечами пожал. В нём ни на миг не промелькнуло сомнение в могуществе и мудрости предков. Раз те оставили потомкам

звёздные корабли, значит, те просто не могут не летать среди звёзд. Иначе, зачем бы предкам создавать такую пещеру Завета!

— Ладно, ты прав: капитан примет правильное решение, — Аритайя решила, что все её переживания ничем отцу не помогут, и что от неё будет больше толка, если она займётся делом. — А у меня сейчас математика в младшей группе, затем физика и астрономия в старшей.

— И песни! — напомнил Аренк. — Ты обещала!

— Да, и песни! — девушка вздохнула — день обещал быть не лёгким. — Спасибо тебе, Аренк! За щедрое предложение подарить нам звездолёт. Увидимся ещё!

Аритайя убежала в сторону Школы — самого большого шатра в селении, сооружённого совсем недавно и наспех. Аренк засмотрелся ей вслед. Лично он был за то, что бы проводить занятия в пещерах Завета: просторное же помещение, и всё равно без дела простаивает.

Отвлёк его гул со стороны вулкана. Аренк взглянул на клубы дыма и вулканического пепла, вздохнул, и отправился туда. Ему в голову пришла мысль посмотреть насчёт управления звёздными кораблями Завета. Не может быть, что бы предки не оставили подсказок. Может, в пещерах. Может, в самих кораблях. Да, он в курсе, что до него уже всё осмотрели. Но вот он сам сходит и посмотрит ещё раз. Мало ли.

* * *

В следующий раз они встретились вечером. Аритайя была уставшей после занятий в Школе. Аренк же был возбуждён сверх всякой привычной меры, и смотрел на неё выпученными глазами.

— Как хорошо, что я тебя встретил, Аритайя! — воскликнул он, и девушка-сенсорик вздрогнула, почувствовав: парень совсем недавно испытал глубокое потрясение, и сейчас излучал сильное волнение.

— Может, позвать... кого-то? — предложила она.

— Ты должна это увидеть сама! — настоял он. — Быстрее!

Аренк взглянул ей в глаза, и Аритайя осознала: он очень хочет схватить её за руку и тащить за собой, но не решится этого сделать. Тогда она кивнула, и пошла с ним сама. Аренк ускорял шаг, то и дело срываясь на бег, но тут же одёргивал себя.

Когда Аритайя поняла, что они двигаются к пещерам Завета, то засомневалась.

— Аренк! — позвала она спешащего вперёд парня. — Может, капитана позвать?

— Может, — легко согласился тот, но тут же поправился: — Но сперва ты сама должна увидеть! Вот, увидишь — и решишь — как это сказать капитану!

Больше она не окликала его. Они добрались до пещер, почти бегом понеслись по древним переходам.

С утра слегка потряхивало. На поверхности этого почти не чувствовалось, разве что сейсмодатчики тревожились. А в пещерах Завета толчки отдавались тревожным гулом. Тут своды из космолитена, так что пещеры Завета останутся целыми даже если планета развалится на куски.

Когда Аренк, а вслед за ним и Аритайя по очереди протиснулись в щель между покосившимися половинками шлюзовых ворот, девушка на секунду замерла, потрясённая видом. Уже не первый раз это видит, и всё равно не может привыкнуть.

Они находились в галерее, накрытой бронестеклом на несущем космолитеновом каркасе, и тянущейся по всему периметру огромного кратера. Там, за стеклом, клубился густой дым, швыряя хлопья пепла. А в редкие прорехи меж клубами дыма можно было разглядеть непривычных очертаний древние звездолёты в переплетении строительных лесов.

Базальтовая лава — обладает низкой вязкостью и высокой температурой. Течёт быстро и растекается широко. Здесь излишки лавы стекали в специально устроенные стоки. Вообще изнутри кратер выглядел искусственным сооружением. И снова, уже в который раз, в голову пришла мысль, что никто из нынешних фиан не смог бы, да просто не посмел бы до такого додуматься! Устроить космическую верфь в кратере действующего вулкана!

Нанороботы проросли из лавы подобием строительных лесов, на вид хрупких, и чрезвычайно переплетённых — настоящие дебри. В этих дебрях подобно гигантским фантастическим фруктам, выросли покатые бочонки звездолётов. Сейчас из-за небольшого землетрясения всё это раскачивалось, словно странный лес во время какой-то дымной чёрной бури.

— Так, Аренк! — Аритайя начала терять терпение, когда парень распахнул люк.

— Ты утром как сказала, что вам звёздный корабль нужен, так я сюда пошёл, — принялся путанно объяснять Аренк. — А она возьми, и как выскочит, как заговорит! И светится!

Выскочит? Светится? Аритайя, прикинув, решила, что проще будет всё же самой всё увидеть, и вернула свою отвисшую, было, челюсть на место.

Через люк они прошли из надёжной обзорной галереи в раскачивающийся кишкообразный трап к входному люку одного из древних звездолётов. Тут было жутко. Обоим. Но оба, упрямо стиснув зубы, не показывали свой страх. И оба испытали облегчение, ступив, наконец, внутрь шлюза древнего корабля.

— Добро пожаловать на борт транспортного звездолёта! — поприветствовал их голос корабля. Голос казался детским. Возможно, так казалось из-за высокого тембра, а может быть — из-за того, что голос очень старательно проговаривал слова и тщательно строил фразы как можно проще. Из-за сложности языка фианские компьютеры всегда старались строить фразы так, что бы избежать двойного смысла. Однако современные Аритайе компьютерные системы давно ушли от попыток озвучивать вывод. Они всё визуализировали.

— Это здесь! — воскликнул Аренк, подбегая ко входу в рубку управления. Мембрана, закрывавшая вход, вежливо раскрылась при его приближении. Аритайя осторожно заглянула внутрь. Там всё было, как прежде: непривычно, ново, и стерильно чисто. Корабль «поедал» любую пыль, грязь, а часто и какую-нибудь забытую вещь.

Аренк шагнул внутрь, на секунду замер, сглотнул, и осторожно приблизился к хрустальному черепу. Аритайя тоже подошла. Как сенсорик, она чувствовала в парне какой-то суеверный страх, решимость, и немного обречённости.

Хрустальный череп — единственная деталь, выделявшаяся из прочего ансамбля в интерьере. Он был прочно встроен в специальную нишу рядом с одним из «пультов» — если только гладкие и лишённые каких-либо элементов управления панели перед креслами были пультами.

Эти черепа — а такой был на каждом из древних звездолётов (и не удивительно, ведь они клоны) — вызывали больше всего интереса у фиан — и местных, и «космических пришельцев». Предположений высказывалось много, порой самых диких. Наверное, правильнее сказать: только диких, поскольку ничего правдоподобного никто так и не сумел

предложить.

— Я сделал так... — тихонько проговорил Аренк, и осторожно сел в кресло возле ниши с черепом. Ничего не произошло. Аритайя заметила, что невольно перестала дышать.

— А потом я сделал так, — проговорил Аренк, но что именно он сделал, девушка рассмотреть не успела — хрустальный череп вдруг несильно вспыхнул, и превратился в страшную светящуюся голову!

Аритайя вздрогнула, но, к своей гордости, не вскрикнула, удержалась. Хотя ей потребовалось несколько секунд, что бы сообразить, что перед ней банальный голопроектор. Древний и странный, но просто голопроектор.

Неведомо почему, но почему-то древние не желали строить голограмму просто в воздухе, предпочтя массив хрусталя. Может, технологии у них были... древние. Ну, а форма — в виде фианского черепа — это потому, что голопроектор этот умеет показывать только голову — голову собеседника. Это же система связи!

— Сорок часов назад получен сигнал, — спокойно проговорил «голос звездолёта». — Сигнал классифицирую как сигнал бедствия. Внимание, воспроизведение!

И страшная светящаяся голова ожила и заговорила. Страшной она казалось потому, что была изрядно залита свежей кровью, и искажена гримасой боли. Как только включилась воспроизведение записи, по окровавленным щекам покатались крупные слёзы.

— Звездолёт «Перо на ветру», торговая миссия, обстрелян подлыми хищниками! Мы падаем на неизвестную планету! Прошу помощи! Повторяю! Звездолёт «Перо на ветру» торговая миссия, обстрелян подлыми кохи! Мы падаем на неизвестную планету! Планета живая! На борту дети! Прошу, спасите их! Кто-нибудь! По...

Запись оборвалась. Хрустальный череп погас. Перепуганный Аренк медленно повернул голову к перепуганной Аритайе. Девушка стояла напряженная, словно натянутая струна, и губу закусил до крови.

Она поняла: капитан Нелнишнош наверняка получил сообщение от «Запределья» с подробностями известных обстоятельств крушения. Ночью, когда отправил её спать. Ей никто не сообщил о том, что там дети. И о том, что упали они на живую планету, а значит, шансы у них есть. А значит лететь надо. Надо лететь и попытаться спасти! Но на совести капитана Нелнишноша около сотни фиан — пассажиров «Песни о доме», которых он просто не может бросить у подножия действующего вулкана в обледенелой пустыне заброшенной планеты!

— Они не полетят, — глухо уронила она прямо в лицо такому наивному дикарю, храброму пастуху мохнатых муроков. — Капитан не сможет бросить здесь своих пассажиров, и забрать единственный корабль...

Сначала по лицу молодого фианина разлилось безмерное удивление. Затем, так же не торопливо, его сменила решимость. Аренк сдвинул брови.

— Тогда полечу я, — просто сказал, и опустил глаза в пол.

— Пойми! — на глазах девушки выступили и неуверенно задрожали слезинки. — Эти звездолёты постоянно без всякого техобслуживания тысячу лет в жерле вулкана на поверхности планеты с кислородной атмосферой! Все технические жидкости давно высохли, смазка давно кристаллизовалась, всё, что могло окислиться — осыпалось прахом! Не говоря уже о том, что их никто никогда не заправлял топливом! Эти древние памятники не могут летать!

— Вы просто чужие, — ответил на это Аренк, не поднимая глаз (и это было почему-то

особенно обидно). — Вы не умеете. Верить. «Нельзя сомневаться в Заветах Предков! Забывший Заветы погибнет сам и погубит других!» — эту цитату у нас малыши учат наизусть, едва научившись говорить. Эти звездные... повозки... не могут не полететь! Их же завещали нам наши предки! Когда ваши сбежали...

— Аренк! — девушка вскрикнула, не сдержавшись.

— Ты хорошая, Аритайя. Ты должна сейчас идти к отцу. Аренк полетит.

Девушка вздохнула, быстро сморгнула слезинки, и заверила его:

— Ну уж нет! Я буду с тобой, храбрый укротитель муроков! — и вздохнула.

Парень встал, по-прежнему не глядя ей в лицо, осторожно взял за руку, и увлек за собой.

Коридором они прошли назад, к шлюзу. Стая у открытого люка Аренк ещё раз попросил её:

— Ты должна вернуться к отцу. Иначе скажут, что сумасшедший пастух муроков похитил тебя, — теперь Аренк взглянул ей прямо в глаза. И Аритайя осознала: он боится, что она уйдёт, а он один не справится, и боится, что она останется, и он её погубит.

— Нет уж, сумасшедший ревнитель Заветов! — вздохнула Аритайя. — Кто-то же должен быть рядом с тобой! Сумасшедшим положен доктор. Я, конечно, не доктор, но сойду за медсестру! — и добавила уже тихо: — У тебя нет команды. Я, к сожалению, не пилот, и не навигатор, но сойду за младший технический персонал.

— Тогда, летим! — тряхнул головой Аренк, и замер.

— Как? — спустя минуту решила спросить Аритайя.

— Знаешь, я не летал раньше на звездных машинах, — протянул парень задумчиво, — но зато я ездил на муроках. И ещё плавал на льдине, — сказал, и едва заметно покраснел. Девушка-сенсорик догадалась: то плавание кончилось каким-то конфузом.

— И первое, что надо сделать, когда отправляешься в плавание на льдине — оттолкнуться от берега, — заявил Аренк, и, упершись, оттолкнул гофрированную «кишку» перехода. Та колыхнулась, и отошла, складываясь «гармошкой». В открытый шлюз тут же влетел вихрь едкого вонючего дыма с пеплом, но вдруг откуда-то с громким шипением ударили упругие струи воздуха, шлюз закрылся, дым и пепел исчезли.

— Фиксирую окончание посадки, — объявил невозмутимый «голос звездолёта», как только Аренк с Аритайей вышли из шлюза в коридор. — Предстартовая проверка. Все системы готовы полностью. Объявляется стартовая готовность. Просьба команде занять места в рубке управления.

— Я же говорил! — радостно воскликнул Аренк. — Эта штука обязана летать! Из уважения к предкам!

— Фиксирую готовность команды, — объявил всё тот же голос, едва Аренк и Аритайя сели в кресла. Они особо не выбирали, куда кому садиться — разницы между креслами на вид никакой не было. Кроме, конечно же, хрустального черепа — и парень и девушка, не сговариваясь, заняли места от него подальше.

— Классифицирую внешние условия, как не препятствующие старту. Старт! Начало разгона в плотных слоях атмосферы.

Рубка управления плавно покачивалась, никакой тряски или толчков. Привычная Аритайе перегрузка мягко вдавила в кресло.

— Эта штука летит! — громко выплеснула своё удивление Аритайя.

— Расчётная точка один — полёт нормальный, — ответил «голос звездолёта». — Повышенный пульс у членов команды. Просьба успокоиться. Все системы работают штатно.

Огненный шарик, плавно ускоряясь, поднялся из жерла древнего вулкана, и устремился

в зенит — без видимых усилий и без лишнего грохота — лишь с шипением и свистом. Сказал бы кто деду Уохинтонкану, что для страта с поверхности планеты с плотной кислородной атмосферой применяют замкнутые контуры сверхпроводящей плазмы в термоядерном реакторе открытого типа — дед бы только рассмеялся. И чего себе думали древние?

— Вторая контрольная точка, выход на расчётное ускорение. Все системы работают штатно.

Превозмогая навалившуюся перегрузку, Аритайя достала из кармана ракушку космического моллюска, и уставилась на неё с удивлением. Удивлялась она, конечно же, не приборчику квантовой связи, нет. Удивлялась она себе. Ведь умная девушка, офицер наблюдения, достаточно осведомлённая о космических полётах. Как так получилась, что она взяла, и полетела на древней машине неведомого устройства, которой совершенно непонятно как управлять, в холодное, не прощающих ошибок космическое пространство? Ладно Арэнк — он просто примитивный дикарь, свято верящий в записанные кем-то тысячу лет назад заветы. Но она?! И почему сейчас она так спокойна? Почему не чувствует никакого раскаяния в этой глупой выходке?

Время шло, древний космический корабль уверенно держал курс, Аритайя с удивлением всматривалась в себя. И увидела ответ. Она решила на этот безрассудный полёт не сегодня, и не вчера, когда впервые узнала о крушении «Пера на ветру». На этот полёт она решила ещё в тот день. Когда втискивалась, стиснув зубы от боли, в шлюз в ремонтном скафандре, ставшим неповоротливой обузой, и грозившим стать её гробом. Когда пыталась закрыть люк трясущимися ватными руками, не чувствуя боли в прокушенной до крови губе. А перед глазами всё стоял десантник кохи, и всё целился в неё из своего бластера. Перед глазами он всё ещё стоял живой, но всем своим существом сенсорика она переживала его агонию. А в ушах звучала песнь. Песнь человек. Гремя огнём, сверкая блеском стали...

Ещё тогда она решила на свой совершенно сумасшедший полёт. А неизвестная планета, принявшая несчастное «Перо на ветру» станет лишь первой остановкой.

— Я Вас внимательно слушаю, господин лейтенант, — заметил начальник разведотдела четвёртого флота, капитан первого ранга, Андрей Егорович.

Вацлав угрюмо вздохнул. Это вот «господин лейтенант» было не к добру. Устав уставом, но промеж своих обращаться принято на «товарищ лейтенант» — традиция неписанная. Официоз же означает, что начальник сильно не в духе. Чего, собственно, и следовало ожидать после всех этих приключений с отпуском без одобрения непосредственного начальника, проникновением в пиратское логово, и побегом оттуда во время облавы.

Разговор происходил в кабинете начальника разведотдела, куда Вацлав явился представиться по случаю возвращения к службе из отпуска.

Андрей Егорович принялся было нервно барабанить пальцами по пультам перед собой, но спохватился, перестал, а затем и вовсе, крякнув, поднялся со своего ложементов, и встал прямо перед Вацлавом:

— Рапорт я прочёл, бегло. Что сказать, шедевр. Оставим потомкам. Ты мне, товарищ лейтенант Бондски, точно ни чего не хочешь объяснить? Может, совета спросить? Как у старшего товарища, побывавшего, в своё время, и не в таких, знаешь ли, переделках.

Вацлав тяжело вздохнул. Начальство сменило тон с предгрозового на «лёгкую облачность», что внушало некоторую надежду. Но беда была в том, что всю дорогу с планеты Ё в распоряжение эскадры четвёртого флота парень ломал голову над тем, что и как будет объяснять начальству, но ничего толкового придумать так и не смог. Понятно, что лучше придерживаться как можно ближе к правде, но где та грань — совершенно не понятно. Однако что-то говорить было надо.

— Вы знали, Андрей Егорович, — начал всё же Вацлав, — что во времена колониальных войн на планете Ё был штаб повстанцев? В бункере под землёй. Теперь это подвал тамошнего музея истории.

— Эк! — начальник разведотдела крякнул с досадой. — Я должен был об этом подумать! Верхушка «Наноит» вся оттуда! Приспособили, значит, к делу. Что бы старые наработки не пропадали. По принципу «в хозяйстве сгодится». Ну, дальше ясно: как и положено уставами, у древнего командного пункта имелись пути экстренной эвакуации.

— Ничего оригинального, — подтвердил Вацлав, — банальная секретная ветка метрополитена.

— Выходит, Волк получил с тебя, что хотел, — Андрей Егорович нахмурился, и резко сменил тему. — Иначе бы он тебя не отпустил. Так?

— Не совсем, — Вацлав замялся, подбирая слова. — Скорее, получил новую надежду найти то, что ищет.

— Что-то связанное с твоим отцом? — как бы между прочим поинтересовался капитан первого ранга, но тут же покачал головой, и добавил: — Сочувствую твоей потере. Мне жаль что у них там, на Кирибее... так всё получилось.

— Вы знаете, что там произошло?

— Извини, — Андрей Егорович отвёл взгляд, — Только вчера узнал. Бардак как всегда! Полицейские не любят делиться информацией по взаимодействию, жадничают до своей юрисдикции, а нас зовут, когда уже ситуация SOS. Да и в контрразведке... бывший куратор твоего отца, когда на пенсию уходил, представь, взял, да и зашифровал личное дело Роджера Бондски. Каждое слово отдельным шифром! И ведь не лень было столько возиться! Еле раскопали. Старик, видишь ли, верил... фианину... больше, чем своей контрразведке. Опасался, что обидят.

Теперь Андрей Егорович смотрел на Вацлава испытующе. И ждал, что тот скажет.

— Он был мне... отцом! Вряд ли Вы найдёте отца, который уделял сыну внимания и заботы больше, чем мой мне, — пояснил свою позицию Вацлав.

— И что же за наследство он тебе оставил, что крутейший из космических пиратов готов ради этого на всё? — капитан первого ранга прищурился, заглядывая Вацлаву в глаза. С таким хитрым прищуром Андрей Егорович походил на какого-нибудь варварского вождя, допрашивающего посланца цивилизованной и развитой, но заплывшей жирком, разленившейся и оттого обессилившей соседней империи. Звериная хитрость, варварское коварство, и готовность драться против тихого приличного мальчика, который до этой встречи считал своей проблемой затёкшие от долгого сидения ягодичные мышцы, и мечтал принять ванну с чашечкой кофе. Вацлав невольно сглотнул.

И внезапно Вацлав решился. Это было, пожалуй, решение спонтанное, но в тот момент идея выглядела весьма привлекательной. Вацлав решил вести свою игру. Другого выхода нет: либо играешь ты, либо играют тебя. А для игры нужен приз. Хороший приз.

— Планета. Планета земного типа, с кислородной атмосферой, с достаточными запасами воды, со специально подготовленной биосферой для комфортного проживания людей. Но главное: эта планета за Пределом. И ещё: она предложена кое-кем из фиан, как убежище на случай Вторжения. Планета, свободная от угрозы вторжения.

Начальник отдела разведки изменился в лице. Его выдержка была хороша, но испытание ей выпало слишком серьёзное.

— Это может быть правдой. Добрый фианин подарил нам гиперпространственную крепость, так почему бы ему не подарить и планету? Постой, так те дети... Бездна проклятий! Но это же выходит... идеальная военная база на случай вторжения! Ты представляешь, насколько это может изменить наши шансы? Шансы человечества на выживание...

— Вы, должно быть, хотели сказать: идеальное место для пикника всей власти предрежающей верхушки Метрополии на случай Вторжения! — зло заметил Вацлав. — Все эти лощёные банкиры и президенты...

— Тут ты прав, — Андрей Егорович недовольно поморщился. — Слетятся туда, как мухи на мёд, а военную базу поставит запретят — испугаются. Но эту проблему мы можем легко решить. Военная разведка может усмотреть весомые причины не снимать гриф совершенной секретности до самого часа Ч.

Капитан первого ранга движением руки развернул виртуальные окна со стратегическими картами.

— И где же эта тайная планета находится? — как бы между прочим поинтересовался он.

— А вот в этом проблема, — развёл руками Вацлав, удивляясь, как легко у него получилось. Он скормил хитрому разведчику наживку, и сейчас пора подсекать. — Это

точно знал мой отец. И подобными знаниями Роджер со мной не делился. Но кое-что у меня есть. Подарок отца.

Вацлав вздохнул, мысленно обозвал себя идиотом, совершающим большую ошибку, но достал и показал заветную ракушку редкого космического моллюска, превращённую неведомым инопланетным гением в устройство квантовой связи.

— Устройство квантовой связи, насколько я понимаю, — пояснил Вацлав, завидя недоумение на лице начальника разведотдела.

— Облом, — тут же откликнулся Андрей Игоревич, — взять пеленг не получится.

— Языка я не знаю, но кто-то с той стороны... поёт мне песни.

— Песни? — капитан первого ранга удивился. — Впервые такое: что бы агенты глубокого внедрения использовали хитроумную шпионскую технику для распевания песен!

— Прости за шпионов..., — тут же спохватился Андрей Егорович, — это профессиональная оговорка... я не имел в виду...

— Нет, отчего же, — Вацлаву было не до того, что бы обижаться на личное. Он был целиком захвачен планом собственной игры, который приходилось придумывать на лету. — Вы верно сказали: шпионы бы не стали песни петь. Я считаю, что это личная линия связи.

— И ты... это... — замялся капитан первого ранга, — поёшь им что-то в ответ?

— Да, было. Пару раз, — Вацлав решился, и сделал свой ход в игре с разведкой космофлота: — И знаете, я считаю, что вполне могу найти... певунью.

— На это же рассчитывает Волк? — Андрей Егорович снова прищурился, снова становясь похожим на какого-то коварного варвара, предводителя варварских орд, готовых сокрушить соседнюю империю более продвинутой культуры. — Впрочем, с пиратами мы разберёмся. Скажи, что тебе нужно для поиска?

— Нужна личная свобода перемещений, и какой-нибудь корабль, — сделал свою ставку Вацлав.

— Разумно, — кивнул начальник разведотдела, — И проще некуда. Но одного я тебя не отпущу. Подберём тебе в помощь пару достаточно опытных и достаточно безгол... смелых ребят. Уволим из рядов. Тебя — по состоянию здоровья, их... найдём за что. С выплатой. С правом ношения формы. Согласно уставам. И по случайному стечению обстоятельств вам подвернётся возможность прикупить какое-нибудь старое, но надёжное карыто. Списанный с баланса флота фрегат подойдёт.

Вацлаву стало плохо.

Нет, то, что его отпускают «на волю», выдают персональный космический корабль (не просить же пирата Волкова «подвезти» до планеты, запланированной под тайную военную базу космофлота), да ещё и команду подберут — это всё хорошо. Это даже немножко больше того, на что он надеялся, затеявая свою игру. Но внезапно встал вопрос: а что он, Вацлав Бондски, будет делать потом, когда и если найдёт планету Свободы? Почему-то с большим опозданием пришла мысль, что ему-то и на Топураге хорошо жить: отстроил бы заново сгоревший дом за счёт страховки, прикупил бы оросители новой модели, и зажил бы, чай бы с Варенькой распивал. Начинать строить план надо было с конца: определиться, что ему надо, зачем, что с вожделенным призом делать — а потом бы уж решать, как выкручиваться перед начальством.

Парень так глубоко задумался, что и не слышал, что там говорит Андрей Егорович (тот разъяснял вопросы связи — оперативной и конспиративной, и подходил к вопросу, как обыграть пирата Волкова). Вацлав ушёл в себя, и где-то там, в глубинах, в завалах

ассоциативных связей, страхов, и надежд, отыскал в памяти момент, с которого всё началось:

«А знаешь что? Если приложишь эту раковину к уху, то сможешь услышать песни далёких звёзд...»

«Но откуда у тебя такое?!»

«Это подарок» — отец делается вдруг очень грустным, — «Мне оставила на память... один друг... очень, очень хороший... друг».

Кажется, ещё тогда маленький Вацлав решил для себя, что отправится к далёким звёздам, и разберётся сам...

Виктор и Константин

Броненосец «Смелость отчаянных»; экзопланета Ньютон

Витёк задёргал ногами. Как-то так подозрительно задёргал, конвульсивно как-то. Константин замер, прислушиваясь. Но друг звуковых сигналов не подавал. Странно: ногами вон как дёргает — будто хочет чего-то сказать, но молчит!

Ноги Виктора торчали из узкой (а так же тёмной, душной, и таки грязной внутри) кабельной шахты. Друзья отработывали «парко-хозяйственный день» в «пространстве технического вспоможения» — то есть в «кишечнике» под арт-палубой.

— Чего ты там? — тихонечко спросил несколько встревоженный Константин у ног Виктора. Ноги на секунду замерли, и задёргались с новой силой. Это напомнил Константину сцену из фильма, где одного второстепенного героя заглотило инопланетное чудовище. Там ноги бедолаги вот точно так же дёргались. Решившись, Константин схватил друга за ноги и потащил пострадавшего из пасти инопланетного пожирателя космонавтов.

И вытащил!

— Гы! — радостно улыбнулся другу Виктор — по виду, вовсе даже никакими чудовищами не покусанный. Так, только пожёванный слегка. Но это его практически обычный вид.

— Помнишь, ты спрашивал, куда я дел нашу получку? — поинтересовался вдруг Виктор. — Ну, там ещё, на Топураге!

— И? — озадаченно нахмурился Константин. Он-то помнил. «Спрашивал» — это мягко сказано. Константин тогда серьёзно на друга обиделся, и, что случилось у них редко, изрядно наорал.

— Я её нашёл! Почти! Только тихо! — загадочно сообщил возбуждённый Виктор, не переставая улыбаться так, что казалось, будто зубов у него раза в три больше, чем положено по уставу. Или даже в четыре.

— Давай! — Константин требовательно протянул руку.

— Не-а, — ухмыльнулся друг, — «давай» её теперь не получится, только «наливай». Я на нашу получку контрабанду на Топураге у тамошних фермеров купил! Первокласный самогон! Никто не знает, с чего эти угрюмые огнепоклонники его варят, но вещь отменная! На той же Ё можно загнать в любом кабаке раз в десять дороже! А если найти гурмана-коллекционера — то и в двадцать!

— Ну... ты... — выдавил из себя Константин, меняя окраску кожи лица.

— Да я же всё для друга! Для нашего же благосостояния! Ты чего?! Ты того! Тебе так сердиться нельзя! Помнишь, что доктор говорил?

— Какой доктор? — отвлёкся Константин от праведного гнева.

— Да ладно тебе! — тут же воспрял Виктор. — Да все так делают! Маленькая безобидная контрабанда. Даже не контрабанда, а так — одно название! Но, короче: заныкал я тару там, а она во время маневров, видать, свалилась сюда. Я там её не нашёл, расстроился, вот и не стал тебе говорить. Соврал, прости! Не хотел твои нервы тревожить. Только представь, каково было бы тебе спать, зная, что кто-то на корабле, должно быть, нашёл нашу контрабандную заначку? А? Нелегко! Да, брат! Я вот так и мучился — один, за двоих! Всё на

себя взял! А ты, вот, не ценишь. Короче: нашлось всё! Мы снова в деле! Прибудем на Ё, и я сделаю нас богатыми дядьками! Ну, не то что бы совсем богатыми, но явно богаче, чем мы сейчас.

Константин вздохнул. Он давно собирался поговорить с другом серьёзно. Насчёт навязчивой идеи, застрявшей у того в голове, и отравляющей жизнь обоим.

— Послушай, Конста, — решил всё же высказаться Виктор. — Насчёт твоих планов прикупить космический корабль. Это...

— Здорово, правда? — Виктор посмотрел в глаза Константину с таким выражением... с таким... ну, как щенок, ожидающий, что любимый хозяин с ним сейчас погуляет. — Красота же! Правда?

Константин снова вздохнул. Ну, почему всё так? Его кто-то проклял, что ли? И теперь он обречён встречать в неприятности вслед за безрассудным другом вечно? Но вот как его такого бросишь?

— Да ты же только посмотри! — громко прошипел Виктор, и полез обратно в кабель-шахту. Правда, практически сразу вернулся, и торжественно поставил перед Константином пластиковый ящик, заполненный толстенькими, зелёного стекла, бутылками.

— Раритетные бутылки! Натуральное стекло! Прикинь! Ловко я тех фермеров развёл, да? Ну, скажи! Скажи, что я молодец!

— Ты...! — начал было Константин, но осёкся, услышав посторонний шум.

— Эй! — раздался голос старшины, — Братцы-акробатцы!

Виктор дёрнулся, скривился, но быстро сообразил накрыть ящик с контрабандой старым бушлатом, который использовал в качестве подстилки под спину, когда работа требовала залечь в какую-нибудь щель, и долго лежать на спине, воюя с гайками.

Под мерное цоканье магнитных подошв своей обычной тяжёлой походкой вошёл старшина собственной персоной.

— Вот вы, — констатировал он очевидный факт.

— Товарищ старшина, работы по техническому регламенту продвигаются в установленном порядке! Проблем пока не обозначено! — доложил Константин, стараясь отвлечь внимание старшины от Виктора на себя.

— Ну, и хорошо, — степенно кивнул на доклад старшина. Крякнул, и уселся... прямо на ящик с контрабандой. Парни замерли, забыв дышать.

— Чуете? — спросил старшина непонятное, но тут же пояснил: — Процент на двадцать прижимает больше нормы.

— Оттормаживается... — откликнулся Константин.

— Точно так, — кивнул старшина. — Внеплановая остановка у нас. Отойдём от эскадры. Ненадолго.

— Почта? — ляпнул глупость Виктор, лишь бы что-то сказать.

— Пассажиры, — пояснил старшина. Стало, правда, ещё непонятнее. Какие-такие пассажиры на военном корабле?

— Вы, братцы, не подумайте на старика плохого, — вздохнул странно подобревший старшина. — Хорошие вы у меня ребята! Кабы не ветер в голове этого вот олуха, — тычок пальцем в Виктора, — так и толковыми бы вас назвал! Но и так скажу: положиться на вас можно! Хоть в бою, хоть по жизни. Будьте уверены, я так командиру и заявил!

Парни переглянулись озадаченно. Поведение старшины было подозрительным, и как бы намекало, водило на мысль, что что-то стряслось, но, лихорадочно перебирая в голове свои

«косяки», и отработанные наказания, ни Виктор, ни Константин никаких правдоподобных предположений насчёт того сделать не смогли. Однако, дальнейшие слова обычно грозного и строгого старшины напрочь порушили обоим сложившуюся картину мира:

— А за тот случай с дыркой в щите, простите. Погорячился. Дыру прожгли не вы, виноват.

Затем старшина крикнул, привстал, и, потянувшись, достал из ящика, на котором сидел, бутылку. Внимательно осмотрел, поцокал языком, и, наконец, вынес вердикт:

— Не дурно! Знатный напиток! — а затем произнёс и вовсе невероятное: — Я возьму одну? — спросил старшина у Виктора.

— На-а здоровье! Товарищ старшина, — проямлил потрясённый Виктор.

Старшина благодарно кивнул, крикнув, встал, и крепко пожал обоим руки:

— Благодарю за службу!

Затем, прищёлкнув каблуками, отдал честь. И ушёл.

— Нас расстреляют. Перед строем, — предположил Константин. Но не угадал. Пиликнули одновременно их персональные инфоры. И оба друга одновременно прочитали приказ. Уволены в запас.

— Алиен, пожри мою селезёнку! — высказался за обоих Константин.

* * *

Ньютон — не только легендарный древний учёный, но и экзопланета, жутко интересная яйцеголовым учёным, которым в принципе жутко интересно любое непотребство, если оно не похоже на уже изученные ими непотребства. Учёных сюда слетелось столько, что хватило на небольшой город под ажурными куполами. Специально ради такого количества людей науки (и ни в чём не повинных технарей, вынужденных тут терпеть тяготы, дабы не дать бесславно помереть радостным и опьянённым открытиями учёным) сюда подали свет — широким когерентным лучом от ближайшей звезды. Свет был тускловат и совсем не грел — это из опасений растопить драгоценные вековечные мёрзлые торосы на несчастном Ньютоне.

Кроме вековечных торосов смёрзшегося амиака и сероводорода, на Ньютоне была жиденькая атмосфера из водорода и гелия, и гравитация аж в половину от нормы. То есть условия почти идеальные. Для учёных, обнаруживших в этих амиачных льдах какую-то реликтовую пыль времён сотворения мира, и богатое месторождение диссертаций.

Космодромом здесь величали идеально ровный древний естественный кратер, на краю которого гордо красовалось новенькое здание космопорта, сработанное в духе нео-футуризма. Сюда часто садились космические аппараты самых разных конструкций и назначений. Но впервые за всю историю Ньютона, в его космопорт входил тяжёлый ударный броненосец!

«Стойкость отчаянных» садился аккуратно, будто опасался ненароком развалить несчастный планетоид. Сверкал после ремонта свежей полировкой броневой щит. Сверкали стволы орудий, и направляющие ракетных установок, развёрнутые в парадное положение «на салют». Сверкали лазерные голограммы боевых наград.

С грацией балерины коснувшись поверхности поля космодрома, тяжёлый ударный броненосец открыл десантную аппарель. По ней не спеша спустились двое: в наглаженной

парадной форме космолота, с дыхательными масками на лицах, у каждого чемодан. Выпендрёж чистой воды: по Ньютону гулять предписывается как минимум в лёгких скафандрах. Но человек выносливый несколько минут сможет пройти и вот так.

Едва эти двое космолотцев ступили с аппарели на грунт, с борта броненосца грянул марш «Прощание славянки». Как космолотские технари ухитрились заставить разряженную водородно-гелиевую атмосферу звучать положенным уставами образом — остаётся их секретным «ноухау». Но «Прощание славянки» гремело над древним оледенелым Ньютоном как положено. Мелкое крошево под ногами Константина и Виктора подпрыгивало в такт ударным. Парни обернулись. На главной несущей правого борта выстроились старшие офицеры броненосца. Виктор с Константином, даже не переглянувшись, синхронно вытянулись «смирно», и синхронно отдали честь. А потом развернулись, и пошли к зданию космопорта. Вразвалочку и не спеша (хотя холод Ньютона начинал уже пробираться сквозь парадную форму).

В этот момент Виктор простил космолоту всё. В его душе играл марш «Прощание славянки». Константин был с другом в этот момент солидарен, как никогда.

Космопорт встретил двух теперь уже гражданских пассажиров всё тем же маршем «Прощание славянки» по громкой связи, и бурей аплодисментов собравшейся ради такого редкого для Ньютона случая толпы.

Парни, однако, повернулись к толпе спинами: едва за ними закрылись двери шлюза космопорта, оба подошли к широкому обзорному окну, и сейчас наблюдали, как стартует «Стойкость отчаянных».

Поле космодрома было так хорошо освещено, что казалось светящимся, а разряженная атмосфера Ньютона не могла скрыть звёзды даже «днём». Гордый ударный броненосец изящно и плавно поднялся из светящейся чаши космодрома в тёмное и усеянное звёздами небо. Заложил разворот, врубил маршевый, и стал набирать ускорение, что бы нагнать эскадру, и вернуться в строй.

Константин украдкой смахнул слезу.

— Простите, уважаемый, — обратился Виктор внезапно осипшим голосом к ближайшему местному. — Подскажите, где тут у вас магазин гражданской одежды, пожалуйста.

— Конечно, если господа желают, мы подождём, — закивал местный, и указал рукой в сторону лестницы — Все магазины сосредоточены в главном куполе.

— Подождёте? — переспросил Константин.

— Мы на сутки отложили старт нашего грузовоза ради вас, — местный снова с улыбкой кивнул.

Парни переглянулись. Константин хотел сказать... но сдержался. Впрочем, Виктор его прекрасно понял. Ой, неспроста это вот тут!

— И куда идёт ваш грузовоз? — поинтересовался Константин.

— Известное дело, — улыбнулся местный, — На Ё идёт!

— Отставить магазины! — решил Виктор. — Где тот грузовоз?

— Так на рейде ждёт. А вас ожидает шаттл. Второй шлюз, — местный показал рукой.

Парни опять переглянулись, синхронно подхватили свои чемоданы, и отправились ко второму шлюзу посмотреть. Пришли. Посмотрели. Узнали. Ещё раз переглянулись так многозначительно, что многозначительнее уже некуда.

— «А не тот ли это паренёк...», — одними губами обозначил Виктор, не договорив: —

«которого мы на Топураге завербовали, и чужое приписное подсунули».

— «Точно, тот...», — движением глаз отсигналил другу Константин, не договорив: — «которого мы старательно избегали на борту родного броненосца».

— День добрый, уважаемые господа, — поздоровался Вацлав Бондски, одетый в неприметный комбинезон, совсем, как местные технари. — Есть работа. Господа не интересуются?

— А что за работа? — с подозрением поинтересовался Константин.

— Кое-кому из фермеров на Топураге пришло в голову вложить инвестиции в космические изыскания. Речь о фрахте небольшого судна.

— Зависит от размера аванса, — решился осторожно прощупать почву Виктор.

— О! Аванса на покупку небольшого космического корабля хватит. Аккурат на первый взнос по кредиту, — объявил обоим Вацлав.

— А...? — открыл было рот Виктор.

— Есть такой корабль на продажу, — ответил ему Вацлав слегка небрежно. — Списанный фрегат.

Константин очень выразительно посмотрел на Виктора. Очень выразительно. Некоторым надо быть осторожнее с желаниями — они, — вот ведь засада! — исполняются!

— А гражданскую одежду нам вообще надо покупать? — поинтересовался тихонечко Константин. — А то мне кажется, что наша служба...

— Непременно надо, — кивнул Вацлав.

Алугомайя: На живой планете

Неизвестная планета, неподалёку от места крушения

Алугомайя приподнялась из липкой, вязкой, размокшей почвы. Перед ней дымился обломок обшивки. Чуть дальше, из-за холма подымался густой чёрный дым. Откуда-то Алугомайя точно знала: туда упал маршевый двигатель.

С трудом поднявшись на непослушные ноги, она огляделась: позади тёмное озеро, куда упало то, что осталось от «Пера на ветру», развалившегося на несколько частей ещё над облаками. Под ногами был топкий берег, а дальше стеной вставал Лес. Невероятно высокие деревья гордо возносили крону ввысь, под самые облака. Нужно спешить, укрыться в корнях этих великанов.

Небеса загудели недовольно, грозно, и Алугомайя оглянулась на бегу, что бы увидеть высоко в небе хищные силуэты перехватчиков кохи. Уже высаживают десант! Как быстро они! Она испытала приступ дежавю. Но отмахнулась.

На бегу быстро отстегнула и скинула шлем — откуда-то Алугомайя точно знала, что здесь можно дышать. Впрочем, если тут атмосфера ядовита, то они всё равно обречены. Запах — густой, тяжёлый, чужой — заставил дыхание сбиться. Снова приступ дежавю. Она резко остановилась. Сзади тут же навалился страх, что подгонял её бежать. Бежать! Теряя рассудок, теряя себя от ужаса! Бежать!

Алугомайя подумала, что это, должно быть, сон. Кошмарный сон. Ущипнула себя за щёку — боли не почувствовала. Было ощущение касания, тупого давления пальцев на кожу, но, кажется, в реальности ощущаться должно иначе?

Сзади раздался свист. Кохи! Команда развернуться в цепь.

Она постаралась проснуться. Очень-очень постаралась! Но ничего не вышло, наоборот: кошмар навалился животным ужасом.

Это сон! — сказала себе Алугомайя, и решила, что не станет сопротивляться сну — так будет только хуже. Лучше сну подыграть. Она побежит, но будет бежать спокойно, и будет игнорировать страх!

Игнорировать страх было не просто. Алугомайя вбежала в лес, подбежала к ближайшему дереву великану, остановилась, и осторожно протянула руку. Это уже было. Она же знает, что будет дальше по сценарию! Да, и есть ещё способ убедиться, что это — сон. Алугомайя подняла к глазам предплечье — в этом месте на скафандре индикаторы здоровья, несколько кнопок, и её имя. Во сне читать не получится — как раз та часть мозга, что складывает иероглифы в осмысленные слова — спит.

На предплечье было несколько светящихся индикаторов, и несколько кнопочек. И никаких надписей. Но они же там должны быть! Или нет?

Алугомайя решила, всё же, что надпись точно есть. В реальности. А это — точно сон! Кошмар по мотивам того, что действительно было. И она даже знает, что будет дальше!

На периферии зрения мелькнула быстрая тень, Алугомайя взглянула — ребёнок! Кто-то из детей. Хлёсткий бросок лиан — и ребёнка уже не видно. А там, где только что была широкая — как в парке — тропа, теперь колыхались переплетённые ветви. Лес прибирал её детей. Всё верно, вот только в реальности капсулы с детьми раскидало по лесу, и нашла она

первого из них только через сутки!

Сзади послышался хруст веток под башмаками скафандров кохи. Алугомайя смело шагнула к дереву-великану, и прижалась доверчиво к стволу, к шершавой коре. Её тут же обвили лианы, закрыла листва. Она знала, что услышит дальше, и перестала бояться.

Лес честно предупреждал их: хлётко били колючие ветви по лицам... защищённым забралами шлемов. Кохи предупреждениям не вняли. Хуже: они стали стрелять из своих бластеров! Глупые, злобные козявочки бегали по шкуре матёрого зверя и палили из своих смешных крохотных игрушечных бластеров! Зверю стоило только лениво махнуть лапой.

Лес убил двоих самых шустрых. Быстро — только бронепластины скафандров хрустнули громко. Алугомайя ничего не почувствовала — кохи умерли мгновенно, не успев испытать боли. Лес добрый. Но оставшиеся кохи не вняли. Стали стрелять ещё злее. Лес потерял к ним интерес. И убил разом всех. Лианы скрыли с глаз хищные корпуса их машин. Потом лес выпустил Алугомайю и детей.

Всё точно, как она и ожидала! Алугомайя не боялась и не удивлялась — она знала — это лишь сон. Сон, который хотел её напугать. Теперь страх ушёл, сбежал, сон стал таять и истаял. И Алугомайя проснулась.

Она открыла глаза, и обнаружила себя там, где и должно быть: в уютном гнёздышке между корней великана на мягком мху.

— Вооо, — прошептал зелёный великан, — уже лучше. Ещё сеанс, и кошма-аы пе-естанул тефя муушити.

— Спасибо! — Алугомайя поблагодарила от всего сердца. — А ты сегодня говоришь намного лучше! Потрясающе, как быстро ты учишься говорить!

— Не я. Мы. Я бы сам не смог, — прошелестело «дерево» в ответ. — Но ховоити не слошно! Умееш смоти было слошно! Тфа века ушилша! — и кора «дерева» сразу в нескольких местах чуть разошлась, словно веки, только вертикальные, и на Алугомайю уставились сразу с дюжину глаз! Самых разных! Посмотрели, и снова спрятались.

— Посшти-и! Не шелал пухай!

— Не хотел напугать, — поправила Алугомайя, и тепло улыбнулась. — Ты чудо! Ты два века учился смотреть? Растил себе глаза?

— Ти шудо-о! — согласно кивнул ветвями великан. — Они шудо-о!

Алугомайя обернулась: на полянке играли дети. А маленькая Сотохимайя разговаривала с «деревом»:

— Не с кем было ховоити, — отвечало ей «дерево». Видимо, девочка спросила, почему здешние «деревья» начали учиться говорить только сейчас.

— Как это не с кем? — удивилась Сотохимайя. — Друг с другом же! Вас же много!

— Мы мнохо, — согласилось с ней «дерево». — Но мы ховоити ненато швук.

— Без звука?! А как же?

— Сапах. Кохта шветём. Кохта шветёт Лес, мы мнохо-мнохо-мнохо ховоити. А после мнохо-мнохо-мнохо думаити. Хохошо-о...

— Кохи тоше шудо! — сказал вдруг зелёный великан Алугомайе. — Я жалею! Кохи не шелай ховоити!

— Кохи разговаривают только с кохи, — вздохнула Алугомайя. Когда-то она тоже наивно мечтала, что бы договориться с кохи, установить контакт. Но хищные кохи с едой не разговаривают в принципе. Правда, вряд ли они смогут назвать едой дерево... вернее, «дерево»... но всё равно же разговаривать не станут. Предпочитают стрелять. Это, кстати,

проблема. Те несчастные кохи, что высадились в Лес, не единственные кохи во селенной. Значит, скоро прилетят другие. И новые уже не будут высаживаться. Могут предпочесть ковровые ядерные бомбардировки. Лес в опасности.

— Ховои, пошалуйша, — попросил зелёный. — Ховои про всё, шо выше неба! Про швёщды!

— Прости, что? — переспросила Алугомайя, не расслышав мало внятнй шелест зелёного друга.

— Ррраскажи пррро звёзды, — проскрежетало соседнее «дерево». — Так лучше понимать?

— Да, — согласилась удивлённая Алугомайя, — а, пожалуй, было бы совсем хорошо, если бы вы сочетали ба способа!

— Ховои, я пока слушай шолко..., - прошелестело справа.

— Урор в себя, — пояслили слева.

— Ушёл в себя? — переспросила Алугомайя.

— Да. Я торе буду торько слурай. Буду рррастить себе репталово...

— Чего?

— Шешталово, — пояснили справа, — мы хошим оба шпошопа ховои.

— Оба способа говорить? Вы выращиваете себе новые органы речи? — не веря, переспросила Алугомайя. Каждый день «деревья» удивляли её новыми открытиями.

— Не быстро, — предупредил тот, кто скрежетал. Другой прошелестел утвердительно. И оба замолчали. Но оба выкатили по глазу в её сторону.

— Хорошо. Я пока расскажу вам про звёзды, и про космос вообще, — согласилась Алугомайя.

Арита́йя: Полёт нормальный

Борт звездолёта «Наследие Предков»

Арита́йя вошла в рубку управления. Аренк был там, сидел в одном из кресел и медитировал на модель пульсара «Маяк синей птицы». Изображение пульсара с подробными спектрограммами и данными орбит занимало всю переднюю полусферу рубки управления и действительно выглядело впечатляюще. Аренк изучал пульсар так увлечённо, что Арита́йя невольно ему позавидовала: самая большая проблема на этом древнем звездолёте предков была в скуке.

Предки не предусмотрели тут возможности погружения в виртуальное пространство. Возможно, тогда ещё ничего такого не изобрели, хотя лично Арита́йе казалось, что эта технология древнее гиперпространственных прыжков. Кто их знает, предков. Может, этот самонаводящийся звездолёт все вычислительные ресурсы тратит на то, что бы самому собой управлять? На развлечение фиан ничего не остаётся.

— Ты посмотри! — восхищённо выдохнул Аренк, не оборачиваясь, впрочем, к подошедшей девушке. Парень потыкал — осторожно, сосредоточенно прикусывая кончик высунутого языка — в светящиеся символы на панели управления, и изображение пульсара изменилось — теперь модель визуализировала рентгеновскую часть спектра излучения.

— Ух! — прокомментировал это парень.

Очень может быть, что на самом деле он не пульсар так увлечённо изучает, а управление информационной системой. По крайней мере, занят он этим уже давно, но про пульсары у Арита́йи ничего не спрашивал. Только про древние иероглифы.

Этот пульсар был двойной звездой. Звёзды вращались вокруг общего центра масс, и более массивная регулярно стягивала с соседки звёздное вещество. Выглядело это впечатляюще: светящееся вещество стекало с обворованной звезды, накапливаясь эдакой «каплей», а затем срывалось гигантским протуберанцем. В результате светимость двойной звезды и в видимом, и в радио спектре заметно пульсировала. Словно грандиозные песочные часы.

Арита́йя использовала этот пульсар, как ориентир, достаточно заметный и узнаваемый в звёздном небе, как опорную точку для ориентации в пространстве. Хотя курс корабль предков прокладывал себе сам, девушка, на всякий случай, старательно его контролировала. Прыгал этот древний экспонат истории освоения дальнего космоса весьма неуклюже, и каждый раз при выходе из гиперпространства Арита́йя серьёзно пугалась, видя, как сильно отклонились они от расчётной точки. Однако пока им везло. Звездолёт исправлял ошибки, брал поправку, и снова уходил в прыжок. И к счастью, Арита́йя ещё ни разу не почувствовала хищников.

Девушка вздохнула, оставила увлечённого укротителя лохматых мурашек и, по совместительству, объездчика древних звездолётов, и отошла к самому дальнему месту. Села, вздохнула, и уставилась на хрустальный череп. Потом провела рукой над гладкой поверхностью панели управления, и та покрылась светящимися символами.

Две недели назад, когда этот древний звездолёт вышел на орбиту над Раксла-Кслаимом, «голос звездолёта» объявил им: — «Достигнута расчётная орбита. Активирую системы

управления!» И вот тогда на гладких «досках» у каждого кресла появились россыпи светящихся символов. Какой был резон предкам блокировать управление до выхода на орбиту? Гадать бесполезно. Может, предки опасались, как бы кто-то при первом старте с перепуга что-то не то не нажал.

Тогда же «голос корабля» объявил, что кроме заложенной в программу полёта цели, имеет отметку о месте, откуда получен сигнал бедствия. И всё то время, пока Аритайя с Аренком не могли решиться, а древний звездолёт облетал планету, на всех панелях управления светились два прямоугольника: «научная база [что-то неразборчиво]», и «[что-то непонятное] сигнал бедствия».

Бедные инженеры и техники с «Песни о доме»! Они-то ломали головы, как предки предполагали управлять этими звездолётами! А система управления было попросту скрыта, недоступна, до выхода на орбиту. В общем, управление тут было непривычным. Необходимая информация и средства управления рисовались светом на ровной поверхности панели. Группы иероглифов, обведённые рамочкой, были собственно элементами управления — их следовало касаться пальцем.

Термины, и обозначающие их иероглифы, в звездоплавании фиан не менялись веками. Это традиции! Аритайя выбрала символ «связь», панель мигнула, и покрылась новым набором символов. Теоретически, отсюда можно установить дальнюю связь с «Песней о доме». Теоретически. Термины и обозначающие их символы не менялись веками, да, но это не означает, что неизменным оставался смысл этих терминов. А кроме того, многое просто забывалось. За ненадобностью в связи с внедрением новых технологий. В фианском письменном несколько десятков тысяч иероглифов. Сейчас. Примерно столько же — редкие и забытые иероглифы «старой школы».

Хорошо ещё, что большая часть иероглифов, несмотря на устаревшее начертание, вполне узнаваемо. Но вот, например, этот — составной, из трёх базовых. Вот это, скорее всего, намекает на произношение, а два других элемента — на смысл. И Аритайя могла бы составить пару неплохих догадок насчёт смысла, только это бесполезно. Будь этот составной иероглиф в рамочке один — тогда да, но поскольку в данном случае он используется в связке с другим, то и смысл меняется.

Радиоэфир. Этот составной устаревший иероглиф скорее всего означает «радиоэфир». Когда используется один. Насчёт второго догадок пока нет. Аритайя осторожно коснулась пальцем загадочной надписи. Часть символов с панели исчезла. И что? Это что-то вроде «убрать лишние элементы»? Пару секунд спустя выскочила надпись красным, мигнула, и всё вернулось, как было до прикосновения. Прочитать ту надпись целиком Аритайя не успела — всё-таки это архаичное начертание — но ухватила часть: — «В текущем режиме не...».

А вот ещё интересный символ — тоже в рамочке — значит, управляющий: череп со скрещенной парой костей под ним. Этот иероглиф Аритайе не приходилось встречать никогда ранее. Если подумать, что такое кости? Костяк, скелет, несущая конструкция, основа, базис. А череп... бывшее вместилище мозга. Возможно, речь идёт о предках? Что-то связанное с почитанием предков? Основа... предки...? Базовые сакральные знания предков?

Аритайя занесла пальчик над символом черепа с костями.

— Как думаешь, — окликнул её Аренк, — смогу я так нарисовать?

— А? — не поняла вопроса девушка.

— Хочу нарисовать эту звезду на стене где-нибудь в Пещерах Завета, и вот думаю, как такие краски получить? — задумчиво пояснил ей парень. — Что смешать надо?

— Думаю, идея не плохая, — откликнулась, подумав, девушка. — Это тебе надо с кузенком Уонехтоном поговорить. Это который старший из них. Он как-то заляпал белоснежный скафандр в пятна похожего колера, но так и не сознался, что это было.

И Аритайя коснулась всё-таки кнопки с черепом.

Панель управления опять мигнула, и выдала надпись: — «не рекомендуется», и тут же: — «несоответствие обстоятельств». И всё. Странно, ну да ладно, — решила девушка.

Она с тоской посмотрела на «хрустальный череп» — голопроектор системы дальней связи. Единственный сеанс связи с «Песней о доме» состоялся ещё на орбите Раксла-Кслаима, когда отец сам их вызвал. Тогда «голос звездолёта» оповестил: — «Установлен канал связи. Абонент не известен. Сигнал устойчив!» — и «хрустальный череп» засветился, явив голову капитана Нелнишноша.

Поговорили.

— Неизвестный корабль, назовите себя! — потребовал Нелнишнош, хмурый как никогда.

— Говорит капитан этого наследия предков, Аренк! — нисколько не смущаясь, заявил тогда Аренк. И вежливо поздоровался: — Доброго дня, капитан Нелнишнош!

Так их безымянный звездолёт получил имя: «Наследие Предков». Напыщенно и глупо — по мнению Аритайи, но при этом очень красиво — по мнению Аренка. Прошу прощения — капитана Аренка, конечно же.

Аренк тогда же прямо сообщил капитану Нелнишношу, что они с Аритайей отправляются на помощь потерпевшим крушение фианам.

Принципиальное отличие «Наследия» от нормальных современных звездолётов фиан в том, как они управляются. Нормальный звездолёт управляется непосредственно пилотом, который посредством элементов системы управления даёт звездолёту команды, КАК лететь. На «Наследии» нужно было только указать, КУДА лететь, а уж КАК — звездолёт решал сам. Хотя, на взгляд неискущённого молодого офицера наблюдения, каковым была Аритайя, это их звездолёт делал явно хуже любого живого пилота. Но всё же делал. Летел.

Аритайя тогда объяснила отцу, что поднялась на борт, потому что не верила, что древняя конструкция далёких предков сможет взлететь. Но теперь, когда выяснилось, что «Наследие Предков» неплохо летает, она намерена отправиться в свой собственный поход: нельзя не откликнуться на сигнал бедствия, а пилот им не нужен, зато без сенсорики в такой экспедиции не обойтись!

Отца едва удар не хватил:

— Если и ты пропадёшь, я не переживу...

— Ты фианин долга, — ответила ему дочь, — Твой долг велит тебе отозваться на сигнал бедствия, но долг же запрещает бросить пассажиров. Я знаю: ты их не бросишь, но если никого не отправишь на помощь, не сможешь себе этого простить. И я такая же, как ты. Поэтому я сделаю, что могу и должна. Прости, папа!

— Прости, папа! — прошептала Аритайя, снова припомнив тот разговор, и глядя на «хрустальный череп» голопроектора системы дальней связи, которой так и не сумела воспользоваться. Каждый день она приходила в рубку управления, садилась здесь, и ждала, что отец снова выйдет на связь. Хотя и понимала, что так рисковать нельзя: что, если сигнал перехватят хищные кохи?

— Готовность к прыжку! — бесстрастно объявил «голос звездолёта». Аритайя и Аренк откинулись в креслах. — Прыжок!

Алугомайя: Беседы в Лесу

— Как так получилось, что деревья обрели разум? — Алугомайя, наконец, насмелилась задать давно подспудно мучивший её вопрос. — Вот, мы, млекопитающие. Мы имеем ноги, что бы передвигаться, и нам необходима достаточно развитая нервная система, что бы ориентироваться в пространстве. Но вы же не ходите?

— Мы не ходим, — согласился зелёный великан, в развилке ветвей которого удобно устроилась Алугомайя, и шелест его листвы изобразил легкий смех. — Зачем бы нам ходить?

Затем великан успокоился, затих, но Алугомайя ошиблась, решив, что он свернул разговор. Её собеседник сегодня был в благодушном настроении, и расположен поговорить. Могучее древнее «дерево» со скрипом и скрежетом вытащило «корень» из почвы, и опёрлось им о землю.

— Наши предки — очень давно, когда тут всюду была вода — ходили. В воде им было легко ходить. Но ходить — ума не надо! — и шелест листвы снова сымитировал смех. А великан вернул свой «корень» в землю.

— Разум нужен, что бы познавать себя, — серьёзно заявило «дерево». Лишь через познание возможен рост.

— Мы познаём мир вокруг себя, — сообщила фианка.

— Зачем? — поинтересовалось «дерево». — Разве вы можете изменить всё то, что снаружи?

— Нет, но, поняв, как всё вокруг устроено, мы можем приспособиться.

— А мы познаём себя, что бы познав, мочь изменить себя. Познавая и изменяя себя, мы растём. Рост это жизнь. Нет роста — будет увядание. Третьего никому не дано.

Алугомайя задумалась, пытаясь понять услышанное. А её собеседник сделал паузу. Хорошая беседа должна быть неспешной.

— Когда скорлупа, в которой вы летели через космическую пустоту, упала, и ударила, мы испытали боль, — задумчиво проговорило дерево.

— Мне очень жаль, что так вышло, — отозвалась фианка, припомнив, сколько деревьев погибло при крушении звездолёта.

— А нам нет, — возразил зелёный великан. — Но ты дослушай. Ветер нынче лёгок, разговор будет неспешный, и вдумчивый, как должно быть хорошему разговору.

Алугомайя послушно промолчала, любуясь пейзажем, рисунком облаков, движением зелёных волн по кроне леса.

— Мы очень древнее существо. На заре геологических эпох были времена, когда мы испытывали боль. Боль всегда внутри, но её причины часто снаружи. Боль — если подумать — вопрос личной силы: когда силы больше — боли меньше. И от того боль — основной стимул к личному росту.

Великан замолчал, давая время осмыслить сказанное. Затем неспешно продолжил:

— Я смотрю в себя — это важнее, чем смотреть наружу. Я внутри. Снаружи — не я. Мы смотрели в себя, и постигали себя. Так развивался наш разум. Чем больше мы себя постигали, тем эффективнее могли себя изменять. Мы росли, и росла наша сила. Росла наша сила, и причин для боли снаружи становилось всё меньше. Пока их совсем не стало. Долгие века мы продолжали смотреть в себя, постигать себя, и нам казалось, что мы по-прежнему растём! Мы заблуждались! Оказалось, что глядя в себя, себя не разглядеть. Нужны причины

снаружи.

— Ты имеешь в виду боль, что ли? — недоверчиво переспросила Алугомайя. — Боль, как необходимое условие развития, роста над собой?

— Звучит странно, — заметил зелёный великан, и задумчиво покачал веточками, — но это так.

— Мир снаружи отзывается во мне внутри, — попытался объяснить Лес. — Как бы там ни было, но я всё же часть всего. Неотъемлемая часть. Всего что снаружи. Так выходит, что внутреннее и внешнее едины. Несмотря на то, что понятия внешнего и внутреннего противоположны до несовместимого! Но они едины. Взаимно проникают. Частично. Взаимозамещаются. Внутреннее и внешнее. Глядя на то, как во мне отзывается внешний мир, я могу видеть, куда и как расти. Могу пробовать. Ошибаться и снова пробовать. Когда мы стали слишком сильны, снаружи не осталось ничего, что могло бы вызвать какой-то отклик внутри. Теперь понимаешь?

— Удивительно, но, кажется, да, я кое-что понимаю, — задумчиво отозвалась фианка. — Это... странно! Мне никогда не приходило в голову ставить вопрос о личном росте... с такого ракурса.

— Верно! Верно! — заволновалась крона великана. — Я говорю именно об этом! Общение с другим, который снаружи! С разумом, который понимает иначе! Это грандиозный источник вопросов и мыслей для роста!

Великан замолчал, и фианка не решалась прервать паузу первой.

— Вот почему я хочу пригласить сюда кохи! — неожиданно заявило «дерево».

— Кохи! — Алугомайя невольно вздрогнула, и, наверное, свалилась бы, не подхвати её бережно ветви. — Кохи не разговаривают! Хищники! Их стихия — разрушение!

— Что поделаться! — вздохнул Лес. — Хищник рождён, что бы настичать жертву, и убивать. Таков смысл хищников. Если они перестанут убивать, они потеряют смысл, а это будет очень печально! Пусть прилетают сюда. Мы вырастим для них дичь — пусть охотятся! Если моя дичь окажется для кохи слишком резвой, или слишком сильной, мы вырастим что-нибудь слабее. И так хищникам кохи удастся сохранить свой смысл! А когда они сохранят свой смысл, они смогут говорить! Ведь почему кохи не говорят? Боятся, что если начнут с вами говорить, то уже не смогут вас убивать, и потеряют смысл себя! Вот почему. Так мы думаем.

— Вы нечто потрясающее! — только и смогла проговорить ошеломлённая фианка.

Арита́йя: Кто рисует на планетах?

Безымянная система, борт звездолёта «Наследие Предков», планета Лес

После выхода из гиперпространства им пришлось провести ещё долгую неделю в режиме торможения и маневрирования для исправления промаха при прыжке. Планета, к которой они летели, была уже отчётливо видна, но делать дополнительный «короткий» прыжок к ней Арита́йя не решилась: слишком уж не точно прыгает «Наследие Предков», рискованно.

Арита́йя провела последние пять суток в крайне взвинченном состоянии, вслушиваясь в свои предчувствия, пытаясь угадать, если ли поблизости хищники. Иной раз что-то такое мерещилось.

Как итог, когда «Наследие Предков» вышел на расчётную орбиту, девушка выглядела измученной, больной, и истощённой, а чувствовала себя и того хуже. А ведь теперь ей предстояла самая основная работа: каким-то образом отыскать на поверхности целой планеты несколько выживших фиан. Почему-то Арита́йя надеялась, что следы крушения будут заметны. Ладно, Аренк — бесхитростный житель Великих Тундр, но она — офицер наблюдатель с пусть небольшим, но всё же опытом космических полётов! Наивная!

И с дурацкой древней системой связи так и не удалось разобраться! Арита́йя сумела понять, как прокладывать курс, как указывать место посадки, но система связи так ей и не покорила. В общих чертах понять управление системой связи удалось, но непонятым осталось самое главное: как выбрать абонента? Как и с пилотированием, здесь, в отличие от нормальных фианских звездолётов, нельзя непосредственно управлять направлением луча связи, нельзя задать частоту, фазу, поляризацию, канал кодирования. Здесь иные принципы: надо указать, КОГО ты желаешь вызвать, а КАК — звездолёт решит сам. Но какую систему использовали древние для выбора абонента, понять так и не удалось. И как теперь вызывать потерпевших крушение?

Аренк, глядя на занявшее всю переднюю полусферу изображение планеты, хмуро молчал. Арита́йя чувствовала: парень растерян, и не знает, что делать дальше. Это почему-то вызвало у неё волну раздражения на себя: ладно Аренк — самозванный капитан, но она-то чем думала!

С силой потерев лицо ладонями, и буркнув под нос грубый упрёк самой себе, Арита́йя вздохнула, и, приготовившись к кропотливому разглядыванию деталей ландшафта, увеличила изображение поверхности.

И почти сразу увидела стрелку. Контрастным красным цветом на фоне зелёного лесного массива.

Похлопав недоумённо глазами — мерещится всякое от перенапряжения! — она перевела камеру к другому участку. И увидела белую стрелку, перечеркнувшую целый горный массив.

За время, пока «Наследие» сделал виток над планетой, Арита́йя нашла ещё две стрелки. Все они были циклопических масштабов, так, что их можно было разглядеть с орбиты и без оптических приборов. Что за сила могла так легко рисовать стрелочки на планете, Арита́йя не могла даже предположить. Но: все замеченные ею стрелки указывали в одну точку. И в

этом месте удалось разглядеть обломок маршевого двигателя крупнотоннажного звездолёта какого-то из крейсерских классов. Возможно — грузовоз из той самой торговой миссии.

Обломок торчал из небольшого кратера — сама бы она его с орбиты не смогла бы отыскать.

А рядом стоял, распахнув десантную аппарель, перехватчик хищников! Судя по отсутствию любых излучений — пустой и мёртвый ничуть не менее чем тот обломок маршевого двигателя!

И кратер был окружён яркой жёлтой полосой. Ширина полосы навскидку больше поля космопорта!

Аритаия передёрнула плечами — страшно себе представить, что за сила с такой лёгкостью рисует на целой планете, словно на детском мячике!

Повинуясь командам, которые Аритаия набирала дрожащими пальцами, вычислитель звездолёта рассчитал и предложил ей траекторию спуска. Что бы попасть в «окно», нужно сделать коррекцию орбиты, и ещё один виток.

Убедив себя, что если бы здесь были хищники, то давно бы уже напали, и в том, что ей совершенно необходимо нормально выспаться, прежде чем принимать тяжёлые решения, Аритаия решительно отправилась спать. Как жаль, что на этом древнем звездолёте нет фазоратора! Абутай — инженер звездолёта «Песнь о доме» — в своё время показал ей, что забравшись в камеру фазоратора, можно прекрасно поспать.

* * *

Что ей снилось, Аритаия вспомнить не смогла, но проснулась резко, буквально выскочив из спального ложементы (и впечатавшись в переборку — невесомость). От сна осталось чёткое ощущение, что её кто-то звал. Не так, как её звали капитан и сенсорик с потерпевшего крушение на загадочной планете «Смелого Свистуна». А так, как её звала, скажем, тётушка Абекойя к себе на камбуз. Добрый хозяин планеты великодушно приглашал её спуститься в его царство.

Аритаия потрясла головой, отгоняя наваждение. Этого не может быть, потому что не может быть никак! Даже если среди потерпевших здесь крушение фиан есть сильный сенсорик — о, бездна! — такой властью и такой силой не может обладать никакое живое существо во вселенной! Это явный морок, извращённая фантазия измученного долгой и напряжённой вахтой мозга сенсорика-наблюдателя!

Однако решение о посадке далось ей легко, как будто было ею принято заранее. Аренк только кивнул с мрачным видом — он и не сомневался, что надо садиться, ведь они для того сюда и летели!

А вот решение девушки сенсорика о плане экспедиции капитану Аренку не понравилось категорически! Аритаия настаивала, что Аренк, как капитан, обязан остаться на борту. Она пойдёт ТУДА одна. Потому что она — сенсорик, и сенсорик достаточно сильный. Она справится лучше, и с поиском выживших фиан, и с избеганием засады хищных кохи.

Доводы Аренка были весомее: вперёд идёт мужчина, потому что таковы Заветы Предков, точка! Нет, не точка. Восклицательный знак! Какая-то логика-шмогика, сказано тебе, женщина: Заветы Предков! Так веками выживали фиане в Великих Тундрах! И в Малой, и в Нижней, и в Белой Тундре!

— Капитан Аренк, в космосе выжившие фиане веками выживали иначе, чем в тундре! — стараясь говорить спокойно и весомо, объявила Аритайя. — В космосе у фиан есть свои священные заветы: судовое расписание, судовые роли экипажа, и субординация.

В итоге было принято компромиссное решение, которое сильно не нравилось обеим сторонам: они пошли вдвоём. Причём лучший следопыт Великой Тундры, ясное дело, выдвинулся вперёд. Но не дальше пары шагов — что бы в случае опасности сенсорик успела бы вовремя предупредить лучшего следопыта Великой Тундры, что пора применять навыки лучшего мастера скрытности и камуфляжа, и спрятаться в ближайшую канаву. Но мастер следопыт гордо отстаивал своё право на самостоятельный выбор канавы в таком случае.

В общем, договаривались долго. А ушла экспедиция не далеко. Дольше договаривались.

Им навстречу вышла фианская женщина, и вместе с ней весело выбежали несколько ребятишек. Ну, как «вышла» — грациозно спустилась с дерева. С дерева, которое величественно склонилось, ссаживая фианку с ветвей.

Сенсорик Аритайя ощутила чьё-то присутствие... везде. Какой-то добрый великан смотрел на неё с Аренком снисходительно и с умилением, как седой дедушка смотрит на милых детишек. Смотрел разом отовсюду. Но ведь живых... существ... размером с планету... не бывает в природе, вроде.... а?

В южное полушарие Топурага пришла зима. Это означает, что хлопот у фермеров прибавилось: пора сеять зимние культуры! А кое-где кое-кто ещё летний урожай не убрал до конца! Даже с нанятыми на сезон техниками, и арендованным дополнительным сквадом сельхоз дроидов (сильно «БэУшные» машинки, вот беда!), Теодор Мицкович «зашивался»: дальнейшее поле фермы Бондски — поле номер четыре — оставалось не убранным.

Что такое зима на планете Топураг? Одна звезда греет слабее, зато другая — сильнее. Зимой добродушный здоровяк Альф смотрел на южное полушарие Топурага вскользь, и даже цветом мягчал. Зато Бета давала жару во всех смыслах, но особенно — в переносном. Её магнитные бури зимой доставляли немало хлопот: почему-то под Бетой предпочитали наглеть вредители. Гнусные жуки во время магнитных бурь напрочь теряли совесть и чувство меры, и жрали без перерыва и тормозов.

Двор фермы Мицковичей представлял собой открытый склад сельхозпродукции, сортировочную, ремонтный двор, и свалку — одновременно. Подвывая сервоприводами, и поскрипывая рессорами, деловито сновали потёртые дроиды, сухо и коротко — совсем без души — матюкались техники: снова «заглючил» приёмный тракт на дальнем конце, пропала связь с четвёртым полем, и, в отсутствии дистанционного управления, тупой комбайн что-то косил и молотил — судя по показаниям телеметрии — усердно, но явно не в поле. Куда эту тупую железяку занесло её глючное софтилово — как раз и обсуждали техники. Ну, и прочее в том же ключе, только чуть менее цензурно, более народно, ближе к земле и правде жизни.

— Так! Всё, зеленокожие! — прикрикнул на техников Теодор, едва заметив, как на крыльцо дома вышла его Марта. Вышла, и встала, уперев руки кулаками в бока, и гордо вскинув голову. — Баста! Хватит на сегодня, цирк закрывается! Вырубай этому комбайну питалово по аварийке! Завтра будем разбираться! Всё завтра, зеленокожие!

Теодор Мицкович стойко держался против моды на зелёную кожу, предпочитая старый добрый защитный крем, чем гордился. Причина его неприязни к моде была во вложенных когда-то в тот самый защитный крем для кожи инвестициях. Подлая мода загубила надежды на хорошие проценты, акции «дали медведя», но Мицкович упёрся, и упрямо ждал, когда мода на зелёные лица сойдёт, и его акции отыграют своё.

Техники пожалы плечами, утёрли с зелёных лиц трудовой пот, махнули руками, гася виртуальные окна, и, наконец, стянули с рук перчатки манипуляторов. Баста — так баста.

— Пошли все в сад! — прикрикнул Теодор, пиная «залипшего» дроида — тот никак не мог решиться, какая из подзадач приоритетнее, и довольно глупо крутился на месте. Машина жест истолковала верно, мигнула синеньким экраном, и откатилась под навес — ресетиться.

— Все в сад! — повторил хозяин техникам, и те заулыбались — наверное, первый раз не так поняли. С нанятыми техниками на веранде все не помещались, так что теперь семейство Мицковичей поставило стол в саду — там, в уютном теньке, среди зелени и цветов, кушать было даже приятнее, чем на веранде.

Причина так резко прервать ненормированный рабочий день, который у фермеров в горячую пору легко затягивался до ночи, была весомой — Мицковичи ждали гостей!

Вацлав Бондски приехал из города на взятой в прокат машине. Свой корабль оставил на орбите — поднимать груз орбитальным лифтом было выгоднее. Да и привлечь лишнее внимание незачем.

Внедорожник — хороший, удобный, практичный и вместительный — остановился у ворот, дверца распахнулась, вышел статный молодой человек в мунди... не, в цивильном костюме. Вацлав? Теодор прищурился. Да ведь это точно Вацлав! Вот ведь, а?! И откуда что взялось?!

— Охо! — воскликнул Теодор, и, раскинув руки в стороны, шагнул навстречу гостю. Вацлав улыбнулся широко, радостно, и чуть смущённо.

Обнялись.

— Ну, ты! — уважительно заметил Теодор, хлопнув парня по крепкому плечу. Вацлав кинул взгляд куда-то за спину Теодору, и тут же смутился, потупился, но быстро взял себя в руки. Мицкович оглянулся. На крыльце веранды стояла Варенька. Румяная, как цветущая роза.

— Ну, проходи... те! — пригласил Мицкевич гостей. — Проходите в сад!

Гость приехал не один, а с двумя друзьями. Друзья — два крепких парня — держались скромно, на шаг позади Вацлава. Цивильные костюмы на всех троих сидели так, что боковым зрением воспринимались военными мундирами, а глянешь — нет, померещилось — цивильный костюм. Выправка, что тут скажешь.

— Это мои друзья и партнёры по бизнесу, — представил друзей Вацлав. — Константин, Виктор. А это мой уважаемый сосед, Теодор Эдмундович.

— Просто Теодор, — отмахнулся Мицкович, — Я не так стар, что бы по батюшке меня величать. Давайте к столу!

Когда шли через двор, Теодор обвёл рабочий беспорядок широким жестом:

— Полюбуйся, Вацлав! Задал ты мне заботы! Едва управляюсь, у самого ж... спина в мыле, ребят, вон, загонял!

— Ну, дык! — буркнул себе под нос один из техников. — Кабы не вешали бы сопля соплями, а поставили бы стационарно, по уму, так оно бы и работало нормально.

— Вот-вот! — подхватил хозяин, ни мало не смутившись критике, — А всё почему? Из-за неопределённости! Как я могу планировать расходы, вкладываться в развитие инфраструктуры, кады я не знаю, толи ты завтра уже вернёшься, толи вообще не вернёшься! Ты уж, определился бы, а?

Вацлав споткнулся, остановился, нахмурился, и уже, было, открыл рот что-то ответить, как Теодор, страшно выпучив глаза, истоиво замахал на него руками:

— Не-не-не! Никаких разговоров о делах! За стол! Прошу за стол, гости дорогие! С делами потом! Всё потом!

Посидели хорошо, душевно посидели. Покушали вкусно, плотно. С молодого вина под свежее рагу уставших после честного труда людей немного разморило. Разговор тёлк неспешно, чинно. Константин травил помалу байки — все только приличные. Космофлотскому человеку на поверхности да среди гражданских пристало себя достойно держать. Варенька над байками от души смеялась, делаясь при этом как-то особенно милой. Виктор другу поддакивал, Вареньке улыбался. У техников своих баек хватало, и все они были как есть из жизни непосредственно взятые, остроумными замечаниями приперчённые. Вот, и про нынешний случай со сбежавшим комбайном, который умудрился мимо поля промазать, в целое поле и не попасть! И ведь что-то где-то там нашёл, что бы косить да

обмолачивать!

Посмеялись, ещё поболтали, ещё посмеялись. Чаю с десертом отдали должное, хозяйюшке выказали заслуженное. И уже опустились на сад и мир за ним сумерки. Альф уткнулся в горизонт, застрял, и так ведь и будет торчать краешком до полуночи. А потом и всходить на завтра будет так же неспешно, до зенита так и не дотянется — зимняя спячка у звезды.

Обрадованные заходом Беты застрекотали в округе ветунцы. Непонятно кем и как завезённые с Веты ещё в первую волну колонистов, эти тварюшки почему-то прижились только в этих краях, под Альфа-сити. Местные бы их давно извели — пользы от ветунцов никакой, а спать мешают, но невесть как ветунцы на Топураге попали под охрану редких видов (тут их было — пруд пруди, но жить где-то ещё на всём Топураге твари отказывались на отрез), так что пришлось местным привыкнуть.

Только тогда — в сумерках — перешли к разговорам о делах.

— Ну, и скажи мне, Вацлав, сынок, — спросил Теодор после долгого нарочитого вздоха, — и что же ты решил? Чего ты хочешь от жизни? По вселенной мотаться, или на своей земле жить?

— Я, дядь Теодор, хочу по вселенной мотаться, чудес разных насмотреться, а потом сюда, домой вернуться, что бы на своей земле жить, — подумав, честно ответил Вацлав.

— Э как! — всплеснул Теодор руками. — И как мне-то содержание хозяйства планировать? На год, на два? На десять? Разница есть, и большая! А с другой стороны, ну, как ты сгинешь, прости меня за такое слово, но вдруг? Кому твоя земля достанется? Банку! Ты можешь себе представить, что банкиры будут с землёй делать?

От эдакой картины Теодору даже жарко вдруг стало. Да ничего банкиры с землёй делать не будут — ясно же! Не смыслят они в этом, и даже братья не будут. А будут продавать. Но не сразу! Банкиры — ушлый народец! Попридержат они землицу-то, покуда землица-то на бирже дорожает! Загнать подороже — вот их цель! А земля без присмотра, без заботы за это время что?

— Вот и думай! — сделав неопределённый жест пальцами в воздухе, закончил хозяин.

— Решаемо, — заявил молодой Бондски, кивнул своим мыслям, и так продолжил: — Вы, дядь Теодор, план необходимой инфраструктуры накидайте, а ребята техники Вам помогут. Смету прикиньте, а я всё оплачу! И технику закуплю! Вот вернусь — на той технике сам же работать буду, а пока оставлю Вам доверенность. Генеральную.

И пока Теодор обдумывал предложение, склоняясь к мысли, что парнишка-то здраво мыслит — уже не парнишка, чай, а мужик, хозяин! — Вацлав вспомнил о сбежавшем с поля комбайне.

— Где, говорите, комбайн-то заглянул?

— Да за четвёртым полем, — техник махнул рукой в сторону фермы Бондски.

— Сходить надо, глянуть, — решил молодой человек.

А как решил, так из-за стола поднялся, хозяйку поблагодарил, хозяину кивнул, и в джип свой сел. Константин с Виктором от Вацлава ровно на шаг отстали. Хлопнули дверцы, джип вырулил на дорогу, и покатил не спеша в закат.

Вот так и получилось, что только теперь Вацлав оказался у того самого погребца за четвёртым полем, который не единожды в мыслях в самые подходящие моменты поминал.

«Запомни, Вацлав, — наставлял его отец, — по тревоге системы гражданской обороны мы с тобой бежим в погреб за четвёртым полем! Только в погреб за четвёртым полем! Ни в какие эвакуационные пункты, не к военным, а в наш погреб за четвёртым полем!»

«Запомни, Вацлав! Что бы не случилось плохое — совсем не важно, что именно — ты бежишь в погреб за четвёртым полем! Меня рядом не будет — не ищи меня, не жди — время может стоить жизни! Сразу беги в погреб за четвёртым полем! Там я тебя ждать буду, там и встретимся. Ты, главное, помни: что бы не случилось!»

Вацлав помнить-то помнил. Да вот, как-то не сообразил раньше.

За четвёртым полем возвышался холм: аккуратный, с крутыми боками, поросший травкой-муравкой. Под холмом и был погреб. А за тем холмом с погребом в нём начинались поросшие жиденькой синюшной травкой да колючками солончаки, потому и полей дальше не было. Бывало, Теодор Мицкович с Роджером Бондски подолгу спорили, как лучше приспособить солончаки к делу, но простых методов не было, а на непростые вечно чего-то не хватало: то ресурсов, то времени.

Сбрендивший комбайн стоял неподалёку в густом бурьяне, что тянулся между краем поля и солончаками, сразу за холмом, скрывавшем в себе фермерский погреб. Рядом с комбайном из земли торчало нечто длинное и непонятное. Мало ли. Торчит себе, жрать не просит, жить не мешает. Может, это геодезисты что-то себе отмечали, когда Топураг исследовали. Геодезисты тут на местности много чего понатыкали с одними им понятными значками. Так думал Вацлав раньше, когда в космофлоте не служил, не видал антенное хозяйство боевых фрегатов.

Ряд ассоциаций продолжил спуск в погреб. За простенькими квадратными створками ворот скрывалось не такое уж и просторное помещение с металлическим полом, стенами, и потолком.

— Занятный погребок, — заметил Виктор, притопнув ногой по полу. Знакомая ребристая поверхность стандартного грузового шлюза отозвалась привычным глухим звуком.

— Гидравлика, — ткнул пальцем в трубы Константин, — вот основная, и вон резервная.

— А кран-балку, я так понимаю, фермеры в своих погребах используют для погрузки картошечки? — ворчал дальше Виктор, глядя на стандартное оборудование загрузки боекомплекта.

Вацлав осматривал погреб молча. Он это всё видел, вот только раньше он видел это только в отцовском погребе, так что ему и в голову не приходило.

Не приходило в голову, что, например, этот ровненький ряд аккуратных оплавленных отверстий, зашпаклёванных и покрашенных, вовсе не сами прогнили, и уж точно броню прогрызли не мыши, а, скорее всего, «дракон» — счетверённая зенитная скорострельная установка.

— Не, ну, а что такого? — пожал плечами Константин. — Я вот был в погребе одной милой старушки — помогал по хозяйству. Хорошая была старушка, я вам скажу! Накормила «от пуза»! Это, мы тогда на той временной базе вахтили, Витёк, помнишь? Так вот, там, у старушки бочки с соленьями в погребе. А вместо гнёта на тех бочках старушка касетные боеголовки использовала. Взрыватели грамотно выкручены — я проверил.

— Эхо войны, — кивнул Константин.

— Это же часть корпуса какой-то повстанческой лоханки. Верхний грузовой шлюз на старых фрегатах, например, был примерно таким же. Использовался для загрузки боекомплекта. Видать, этот сбили, а фермеры уцелевшую часть корпуса под погреб приспособили, — Виктор пожал плечами. — А что? Молодцы. Зачем добру пропадать.

Если сбили и бросили, зачем кому-то пробоины не просто зашпаклёвывать, а так вот надёжно заделывать? — подумал про себя Вацлав, и оторвал от стены лист фанеры. Надеялся увидеть за ним проём на месте шлюза, и земляную стену — это бы означало, что тут только кусок корпуса вкопан. Но за фанерой был гермолюк. Который открылся без единого скрипа. Трап блестел натёртыми поручнями в свете тусклых ламп аварийного освещения. Если это верхний грузовой шлюз, и уцелевший обломок древнего фрегата соответствует размеру холма снаружи...

— Гадство, аalien пожри! — буркнул Вацлав, спускаясь по трапу на служебную палубу. Типичную палубу классического фрегата времён Колониальных Войн, где располагались основные службы поддержки и обеспечения.

— Что сказать, уютненько тут у вас, в погребочке, товарищ лейтенант! — заявил Виктор. Константин только присвистнул.

А Вацлав лишь отметил мимоходом, что «пирамида» (стойка, где размещается ручное автоматическое оружие — располагается там, где будут пробегать поднятые по тревоге люди) — пуста. Технические люки к системам вооружения заварены — видимо, вооружение всё же было демонтировано. Значит, эта «лоханка» ещё летала после войны в качестве какого-то гражданского судна.

В полном молчании все трое спустились в машинное отделение. Уж тут за бронелюком точно должен быть грунт планеты Топураг: никто не бросает фермерам корабль, пусть и списанный, пусть и переделанный в гражданское судно, но с маршевой двигательной установкой! О том, что аварийное освещение намекает на вполне рабочий термоядерный реактор — старались не думать.

Люк открылся легко и без скрипа. Опять-таки. Отец, каким Вацлав его помнил, всегда отличался аккуратностью в отношении к технике.

— Мать моя женщина! — выдохнул Виктор, не сдержавшись.

Вацлав покачнулся, и сел на рифлёный металл фальшпола.

— А старшина бы тут заявил так, — Константин постарался изобразить голос родного старшины: — «Учитесь, глисты недоделанные, как надлежит технику в порядке содержать!» — и тут же поинтересовался, уже своим голосом: — А кстати, чего это такое?

Перед потрясёнными молодыми людьми сияло идеальной чистотой и смазкой чудо враждебной технологии: фианский фазоратор гиперпространства. Похож на фазараторы гиперкрепости, как, примерно, породистый скакун на осла: то есть весьма условно, но что-то родственное всё же ощущается.

«Собственно, чему я так удивляюсь?» — попробовал успокоить себя Вацлав, — «Вполне логично ожидать, что товарищ фианин при внедрении на территории человечества позаботился об удобном транспорте, который не привлекал бы внимание аборигенов. Взял старый корпус погибшего в колониальных войнах человеческого фрегата, и надел на шасси фианского корабля дальней разведки! Фиг его знает, как он такое сумел проделать — уж явно не вручную, ну да это уже детали. У фиан оборудование компактнее человеческого, и при этом значительно мощнее, так что всё получилось».

Утешение вышло слабым. Но вышло.

А вот теперь придётся подумать. С ходу Вацлав видел как минимум две возможности: оставить свой официальный корабль болтаться на орбите Топурага красной тряпкой для всех заинтересованных в слежке лиц, а самому сбежать на вот этом. Или наоборот: запустить куда-нибудь вот это — пусть заинтересованные лица гоняются — а самому тихо уйти на родном и скромном человеческом корабле. Впрочем, есть мысль интереснее: те непонятные штуки, что торчат на пустыре — это не система ли дальней связи ли?

Вацлав рывком встал, и широким быстрым шагом — едва не бегом — отправился искать рубку управления.

Нашёл.

— Ё<вырезано-вырезано-вырезано>! — вылетело из Константина, и он даже смутился немного: — Извиняюсь за мой французский!

Просто в рубке управления светилась живая голова алиена, и что-то говорила, повторяя раз за разом. Голограмма. Язык непонятный, но Вацлаву знакомый — его драгоценная космическая ракушка пела на том же языке.

— Не могу согласиться безоговорочно, — прогудело самое высокое «дерево».

— Что не удивляет, — отмахнулось ветвями толстое «дерево», — поскольку любое утверждение может быть принято лишь в оговоренных рамках определённых условий. Безусловно можно утверждать лишь, что ничего нельзя утверждать безусловно!

— Однако никто не станет спорить, что вселенная наша в основе своей глубинной природы сугубо логична! — проскрипело тонкое «дерево», вытягивая свои ветви выше толстяка — воспользовалось случаем, пока тот махал ветками.

— Учитывая принципиальную непознаваемость вселенной наша логика обречена быть весьма туманной для логики! — строго возразило толстое «дерево», пытаясь вернуть своей кроне утерянное преимущество в высоте. — Поскольку любая принятая нами аксиома может оказаться не такой надёжной, как представлялось, а в некоторых условиях наши аксиомы и вовсе окажутся ошибочными.

— А как у вас обстоят дела с логикой? — поинтересовалось самое высокое дерево у фиан.

— У вас хотя бы принято чёткое определение истинного и ложного? — присоединился к вопросу толстяк, и выкатил из-под коры три глаза в сторону фиан.

— А разве это не очевидно? — осторожно удивился Аренк. — Истинно то, что верно.

— Тогда огласите определение верного? — не удовлетворились «деревья».

— В отсутствие чётких определений, построенная на некоем аксиоматическом понимании «само собой очевидного», вся красота логических построений обрекается на уровень гаданий, — попеняло Аренку тонкое «дерево».

— Принципиальная непознаваемость вселенной — утверждение не бесспорное, — осторожно заметила Арита́йя, — так что это слабый аргумент.

— Можно поспорить, — согласилось толстое «дерево», — но давайте пока предположим, что вселенная всё же безупречно логична, даже если наш несовершенный разум не в силах это доказать.

— Так и есть! — уверенно тряхнула головой Алугомайя, и вернулась к уже пройденной точке спора: — И тогда, опять-таки, мы неизбежно придём к объединению пространства и времени в единый континуум! Вы же не станете спорить, что с точки зрения той самой логики пространственные и временные координаты концептуально коррелируют? Просто взгляните на элементарное уравнение движения!

— Ай-я-я я не могу следить сразу за столькими ветками рассуждений одновременно! — взмолилась Арита́йя. — Вы плетёте слишком густую крону из рассуждений!

— В таком случае, милая, придерживайтесь ствола беседы, — предложило самое высокое «дерево», и обозначило тот самый «ствол»: — время не тождественно пространству, объединять их в континуум нет смысла. И если пространство — тут мы с вами можем вполне согласиться — можно представить как метасущность, то с временем так нельзя!

— Давайте всё же вернёмся к определению времени, и завершим хотя бы эту ветвь беседы, — предложил толстяк, вернувший к этому моменту своим верхним ветвям отнятую

тонким коллегой высоту. — Время, это процесс порождения следствий причинами.

— И в таком случае должно быть ясно, что время многомерно и течёт разом во все стороны, поскольку многие причины имеют сразу набор разноразмерных следствий, — поддержало его самое высокое «дерево», которое на молчаливое соперничество за высоту двоих своих товарищей взирало со снисхождением.

— А! Апчхи! — громко выразил свою позицию Аренк.

— Я тоже устала, и мозги уже не шевелятся, — вздохнула Алугомайя.

— Да, давайте отложим, — согласилась Аритайя, и всё-таки высказалась: — Но теки время сразу во все возможные стороны, каким бы тогда образом сложилась устойчивая итоговая картина вселенной? Мы наблюдаем лишь один результат, а не интерференционную картину всех разноразмерных последствий разом!

— Что, правда? — удивилось толстое «дерево», и даже ветви раскинуло в стороны, чем тут же воспользовалось «дерево» тонкое, снова вытягивая свои верхние ветви вверх над толстяком.

— Как вы можете такое говорить, — поддержало «толстяка» самое высокое «дерево». — Ведь вы же разговариваете со всеми нами одновременно!

— Вот именно, — пискнуло тонкое «дерево», отчаянно стараясь не дать толстому вернуть утерянную от удивления высоту. — Я тут единственное существо, а вы разговариваете со всеми мною разом, и утверждаете, будто время линейно! Это просто смешно!

— Всё, всё, всё! Пожа-а-алуйста! — взмолилась Алугомайя, — Я сейчас мозг вывихну же! И помру от истощения!

— Да! Истинно говорю вам: необходим перерыв на обед! — заявил Аренк.

— На ужин, вообще-то, — вздохнула Аритайя, глядя на красочный закат.

— Дети! — позвала Алугомайя. — Где вы там?! Возвращайтесь немедленно!

— Мы можем неторопливо поговорить за едой, — неуверенно предложило толстое дерево, протягивая фианам ветви с фиолетовыми плодами. — Те, что в крапинку берите — они спелее!

— Не забывайте, друзья мои, шкурку не ешьте! — напомнило самое высокое «дерево» — У нас с вами белки совершенно несовместимые, и моя плоть для вас никак не может быть съедобной! А вот внутри под скорлупой — это специально для вас!

— Вкусно! — прокомментировал Аренк, вгрызаясь в самую середину разломленного надвое плода.

— Что, правда? — удивился толстяк, и тут же обрадовался: — Ну, наконец-то! Столько экспериментов! И всё практически вслепую!

Алугомайя покосилась на плотную рощицу пока совсем маленьких растений — это «анализы». Местные «деревья» — ходячие биохимические лаборатории, анализ инопланетных ДНК делают быстро, но вот результаты расшифровки придётся ждать долго — пока те результаты укоренятся, пока прорастут, пока в силу войдут. Лишь будущей весной эта молодая поросль сможет сообщить свои результаты. Хорошо, что Лес нашёл другой способ: попросил образцы белков, и сумел вырастить с сотню различных плодов, содержащих подходящий для метаболизма фиан материал. Но вот проблему вкуса Лесу решить пока не удавалось: лучшие из плодов оказывались совершенно безвкусными.

— А можно мне тех, вчерашних, в зелёную полоску? — смущаясь, попросила Аритайя.

— Чего так? — смачно чавкая, поинтересовался Аренк.

Аритайя только покосилась на парня, смущаясь ещё больше и не решаясь признаться, но глядя, как дикарь из Великих Тундр вгрызается в мякоть, как разлетаются фонтаном брызги сока, девушка не выдержала, и озвучила:

— Эти плоды... они похожи... на попу!

Аренк замер, потом осторожно сложил половинки плода вместе, и заключил, хмыкнув:

— Действительно, похоже! — и продолжил смачно чавкать.

— Вот, попробуй эти, — предложило тонкое «дерево», опуская в руки Аритайе ветку с гроздью небольших орешков.

— Спасибо! — поблагодарила та. — И прощай, Лес! Ну, правда! Нам же лететь давнo пора, а мы уже неделю прощаемся.

— Прости, если я невольно задерживаю вас, — развело ветвями дерево. — Уверяю, у меня и в мыслях не было препятствовать вашей экспедиции! Вы же сообщите обо мне другим?

— Обязательно! — пообещала Аритайя.

— И к нам сюда прилетят новые разумные?

— Конечно!

— Прилетят специально ради бесед со мной? — уточнило тонкое «дерево».

— Именно!

— Ну, так чего же вы не летите? — удивилось самое «высокое». Опять. Оно и вчера так же удивлялось. Фиане уже неделю прощаются с Лесом. Лес оказался существом настолько же мудрым, насколько и древним. Каждый день Аритайя открывала для себя суть Леса заново, глубже, но природа этого существа по-прежнему оставалась загадкой. Коллективный разум «деревьев»? В какой-то мере да, но нет. С Лесом всё сложнее.

Беседовать с Лесом можно было о самых разных вещах и явлениях. Его знания оказывались весьма глубоки, а его прозорливость и мудрость потрясали. Каждое утро они начинали с прощания, увлекались, слово за словом, и вот уже вечер! И снова дети Алугомайи разбежались по всему Лесу, и пока их соберёшь, уже с ног валишься, и отлёт опять откладывается до следующего утра.

А ведь связи с отцом по-прежнему не было. Аритайя всё больше переживала, что отец за неё волнуется, места себе не находит. Каждый вечер Аритайя ложилась спать, твёрдо обещая себе, что улетит прямо завтра же. Но назавтра снова был день, и снова Лес поднимал интересную тему для обсуждения. Каждый вечер Аритайя обсуждала завтрашний отлёт с Аренком и Алугомайей, и все трое соглашались, что кохи непременно заявятся сюда, и что к тому моменту лучше бы им оказаться от планеты Леса подальше. Но утром прощание с Лесом снова выливалось в интересную беседу, которая снова затягивалась до сумерек.

Лес действительно был уникальным источником знаний и мудрости. Критически важно было сообщить о нём Запределью. Пусть пришлют сюда экспедицию специалистов, учёных, организуют исследовательскую базу, налаживают контакт с Лесом. Его знания и его мудрость запросто может вывести фиан как расу на совершенно новый уровень! Взять хоть сегодняшнюю беседу, начавшуюся с обсуждения того, как Лес представил себе устройство фианских фазораторов, и принципы навигации в гиперпространстве. Жаль, что ни Аритайя, ни Алугомайя толком в теме не разбирались. Сюда бы специалистов.

А ведь кроме прочих дел, у Аритайи было ещё одно: совершенно уникальная и архиважная миссия, порученная ей самим Лесом. Неделю назад «деревья» поманили девушку в сторону от других фиан, и попросили... стать ветром.

— У нас к тебе важная просьба, Аритайя! — обратился к девушке Лес. — Может, тебе покажется странной моя просьба... или даже неприличной... тогда прости — я не хочу ни в кое случае тебя чем-то обидеть. Но... пожалуйста, стань моим ветром!

— Что, прости? — не поняла Аритайя.

— Ветром! — повторил Лес. — Смотри: мы покрываем всю планету. Как ты считаешь, каким образом мы добрались до самых дальних и до самых труднодоступных мест на планете? С помощью ветра! Ветер, он, несёт семена. Понимаешь?

— Ты хочешь, что бы я...

— Мы не умели мечтать. Вы научили нас мечтать. Теперь мы мечтаем о других мирах! Ты летаешь через великую пустоту на далёкие планеты! Унеси семя Леса туда, с собой! В другие миры! Тебе это ничего не стоит.

И «дерево» протянуло Аритайе веточку с парой крупных орехов.

— Всего два..., - проронила девушка, и на неё опустилось сразу множество веток, накрыв зелёным шатром. На ветвях были орехи.

— И их тоже захвати, — попросил Лес. Фианка опустила глаза: вокруг её ног расхаживала целая толпа маленьких зелёных росточков на узловатых белёсых корешках.

— Орешки можно высадить там, где трудно жить и расти, а рассаду высади где-нибудь, где есть вода и тепло. Пожалуйста.

Аритайя вспомнила выжженные просторы Раксла-Кслаим. И вдруг поняла: не зря Лес столько расспрашивал её о планете, откуда она прилетела! Попыталась представить себе тот самый белоснежный древний город на берегу тёплого моря, но в окружении зелёного Леса...

— Хорошо, Лес, я буду тебе ветром! — пообещала девушка в тот раз. И было это неделю назад. Во время первого прощания с Лесом.

Вот, сейчас Аритайя вспомнила это всё, вздохнула, и решительно объявила:

— Мы улетаем сегодня!

— Но мы все устали, — не уверенно возразила Алугомайя, — да и дети опять куда-то убежали.

— У нас есть много важных дел, и мы уже слишком долго откладываем отлёт, — покачала головой Аритайя. — Капитан Аренк, командуйте! Алугомайя, собери детей. Лес! Я обязательно прилечу ещё раз! До свидания!

— Дети! — позвала Алугомайя. — Куда вы запропастились?! А ну, немедленно возвращайтесь!

Вдруг деревья явственно вздрогнули, затем сплели ветви и долго шелестели листьями. Фиане, заподозрив что-то неладное, нетерпеливо ждали. Наконец, деревья перестали шелестеть, и самое толстое выкатило на фиан ещё четыре глаза.

— Мы очень сожалеем...! — заявил толстяк, и его тут же перебило самое высокое «дерево»:

— Дети живы! Всё будет хорошо! Не волнуйтесь, пожалуйста!

— Да что случилось? — нахмурился Аренк.

— Дети там! — тонкое «дерево» качнула ветвями, и трава расступилась, образуя чёткую тропинку.

Аренк тут же сорвался с места и понёсся по тропинке к детям. Аритайя задержалась, что бы спросить:

— Что с ними?

— Неподвижны. Молчат, — лаконично ответил Лес.

Алугомайя охнула и покачнулась, Аритайя поддержала её.

— Отравление исключается! — заверил их толстяк, пряча в кору глаза. — Они ели эти плоды... похожие на попки...

— Мы пытались добавить пище вкус с помощью минеральных солей, — заговорило самое высокое «дерево». — Никаких сложных соединений! Поверьте, я прекрасно знаю, что такое яды, и говорю вам: отравление я категорически исключаю!

— Что же тогда? — слабо поинтересовалась Алугомайя.

— Какие-то побочные эффекты, возможно, даёт ваша аутоимунная система..., — неуверенно прошелестел толстяк.

Детей Аренок нашёл быстро: те лежали в обнимку в траве, и тихонечко посапывали. Медицинские индикаторы на их комбинезонах уверенно горели зелёным светом.

А двумя часами позже в медотсеке «голос» звездолёта объявил:

— Жизненные показатели в норме. Ярко выраженный седативный эффект. Медицинское вмешательство не рекомендуется.

Услышав это, Алугомайя, нервно расхаживавшая по медицинскому отсеку, шумно выдохнула, устало прикрыла глаза, и... сползла по стенке на пол, засыпая. Аренок в кресле в углу безвольно уронил голову на грудь.

Аритайя устало поглядела на обоих, вздохнула, и снова перевела взгляд на детей, что лежали рядом в белых медкапсулах.

— Вот и надо улетать! — сама себе скомандовала девушка.

Уложить Алугомайю в медкапсулу Аритайя с трудом, но смогла. А вот Аренка оставила в кресле: стартовую перегрузку он и там перенесёт. Только защёлкнула страховочные ремни, и спинку кресла немного опустила: что бы голова Аренка не падала ему на грудь, а лежала на подголовнике.

Следующей задачей было подобрать на пульте управления нужную комбинацию древних иероглифов.

— Всё же тупая ты машина! — ворчала девушка. — Мог бы хотя бы простейшие команды с голоса понимать! Ох уж эти предки!

— Предстартовая готовность, — игнорируя её ворчание, объявил «голос звездолёта». — Все системы в норме. Экипаж на борту. Расчётное время выхода на орбиту сорок минут, казус десять косекуров!

Нет, ни Аритайя, ни бережный хранитель заветов предков, Аренок, что такое касекуры, и какой в этом казус понятия не имели. Утерянное знание. Но иногда Аритайе казалось, что «голос» просто издевается над потомками своих создателей.

— Предки! — вздохнула Аритайя. — Вот я вам при встрече на том свете всё выскажу! Касекуры вам в душу! — и нажала «старт».

Девушка-сенсорик ворчала, потому что на душе было тревожно, и чувство неправильности происходящего начинало уже навязчиво давить. Однако Аритайя списывала это на усталость и переживания за детей, наевшихся фруктов с таким ярким эффектом, но слава предкам, все лишь седативным.

То, что она ошиблась в диагностике своих чувств сенсорик и офицер наблюдения осознала слишком поздно.

— Внимание! Отмечаю сигнатуры аппаратов хищной расы кохи! — бесстрастно объявил «голос звездолёта», и подсветил на поверхности передней полусферы рубки отметки стаи фрегатов, несколько крейсеров, и целый рой перехватчиков.

Мысли Аритайи судорожно заметались: немедленно уйти в гиперпрыжок? Или лучше нырнуть обратно в атмосферу, и попытаться спрятаться где-нибудь на поверхности, в Лесу?

— Внимание! Отмечаю множественные пуски ракет!

— Назад! Назад! Падай назад, в Лес! — отчаянно кричала девушка, лихорадочно тыча пальцами в древние иероглифы на панели управления. Кричала зря — звездолёты системы «Наследие Предков» могут говорить, но не умеют слышать.

— Ошибка курса! — прокомментировал её метания беспристрастный «голос». — Рекомендую поправку! — и на панели перед Аритайей высветилась баллистическая дуга, ныряющая в жерло потухшего вулкана.

— Ай да предки! — воскликнула девушка, нажимая на пульте «исполнить». — Ваши бы касекуры вам, да по самые Заветы!

«Наследие Предков» довольно грубо переложил вектор тяги, и рухнул вниз, к поверхности. С каждой секундой всё больше проигрывая ракетам хищников в скорости, древний звездолёт всё же успел нырнуть в жерло давно потухшего вулкана. Ракеты взорвались о склоны. Удар о сыпучий склон вышел скользким. А жерло древнего потухшего вулкана оказалось весьма глубоким. Стенки сужались, пока скользкий вниз звездолёт не застрял между ними.

— Повреждения обшивки 10 процентов! Перенапряжение несущей конструкции двадцать семь процентов! — комментировал падение «голос». — Деформация корпуса! Разгерметизация грузового отсека! Разгерметизация второго технического коридора! Повреждение обшивки двадцать процентов! Деформация несущих конструкций! Опасные деформации креплений маршевого двигателя! Повреждения обшивки двадцать девять процентов!

Аритайя сжалась в своём кресле в испуганный комок, и тихо выла, зажав уши ладошками.

Тряхануло ещё раз, и всё затихло.

Свет в рубке управления погас. Девушка испуганно вскинулась.

— Множественные повреждения! Время восстановления несущих конструкций и корпуса семнадцать часов, казус семьдесят касикуров! — сообщил «голос». — Устранение деформации маршевого двигателя требует дополнительных ресурсов! Рекомендуется погружение в базальтовую лаву.

Пульт мигнул световыми символами, и высветил стандартный и привычный набор значков. Аритайя вздохнула: звездолёт жив! Но тут же отстегнула ремни, и бросилась в медицинский отсек. Попыталась броситься: наклон палубы составлял на глаз около тридцати процентов.

Пока девушка, соскальзывая и отчаянно цепляясь, ползла по тёмному коридору, вокруг скрипело и скрежетало.

— Восстановление проходит в расчётном темпе, — сообщил «голос звездолёта». — Пожалуйста, не открывайте аварийные герметичные переборки! Опасность разгерметизации! Расчётное время восстановления семнадцать часов!

Аритайе на её пути аварийных герметичных переборок не встретилось. Добравшись, наконец, до медицинского отсека она смогла заглянуть внутрь через бронестекло. Увидела Аренка — тот по-прежнему сидел пристёгнутым в кресле, только голова свесилась на бок. Но отсюда было видно: медицинский датчик на комбинезоне светится зелёным. Тем же зелёным светились индикаторы медицинских капсул.

— Слава предкам! — всхлипнула Аритайя, оплывая на пол.

Открыть медотсек не удалось. Переборка здесь была заметно выгнута, видимо деформация и препятствовала. Аритайя со вздохом побрела обратно в рубку управления.

Капитан Смерть: Пока ещё живая легенда

Место действия неизвестно

Из тяжёлого гула и свинцовой немощи возникло недовольство, затем лёгкое раздражение, и вдруг родилось осознание себя живым существом. Спасительное ничто истончалось, тягучими тяжёлыми каплями потекло время, и вдруг выкристаллизовалась мысль: — «Сознание возвращается!», — и следом: — «Не хочу! Не хочу!». Из ничего родилась уверенность, что возвращение в реальность ей категорически не понравится. Однако беспамятство отступало, вернув ей сначала осознание: она — девушка расы фиан, а затем имя: Аритайя. Вернулось чувство собственного тела: она лежит горизонтально, на чём-то мягком, и у неё ничего не болит. Кроме разорванной в клочья души.

Из мути небытия перед её мысленным взором родилось видение незнакомого лица: совсем седой сморщенный старик с выцветшими усталыми глазами склонился к ней, и что-то говорил. Говорил, колебал воздух. Зачем? Какое ей дело? У неё одно простое желание: она не хочет быть.

— ...не скажу, что уж теперь всё будет хорошо, девонька. Вот уж вряд ли!

Осознание: этот неприятный старик никак не сновидение, а очень даже реальность! Она — Аритайя — не спит и не бредит, а лежит с открытыми глазами.

Не хочу! Не хочу! Назад, в неведение!

Поздно! Ты живая.

Ох.

— ... а так? — настойчиво приставал к ней дед, показывая её три пальца. — Так сколько?

Вот ведь предок, завет ему в эту, как её... в касекуру!

— Сколько пальцев? — требовал вредный дед. А ведь хорошо, что к ней дед пристаёт. Память ещё не вернулась, но грозила вернуться и напомнить о том, чего она помнить совсем не хочет.

— Двенадцать..., - прохрипела Аритайя, и попыталась повернуть голову на бок. Голова повернулась, но почему-то резким рывком. Вот ведь, новость.

— Двенадцать не бывает, — недовольно попинал ей дед, — не на одной же руке! А так сколько пальцев?

Аритайя повернула голову обратно к старику. Голова опять повернулась резким рывком. Что за чертовщина с её телом?

— Два, — сообщила приставучему старику Аритайя, глянув на его пальцы.

— Так два, — удовлетворённо кивнул старик, и почему-то добавил: — Уже соображаешь. С возвращением!

«Сгинь!» — хотела сказать Аритайя.

— Сдохнуть! — вместо этого выдохнуло её тело.

— А это фиг тебе! — хмыкнул старик, — Моя очередь помирать! Я и так слишком долго ждал! А теперь ты будешь ждать.

— Смерть? — безучастно поинтересовалась Аритайя, лишь бы что-то сказать. Старик ей с самого начала не понравился, а теперь уже и достать успел.

— Приятно познакомиться! — почему-то заявил старик, и неприятно захлопнул, то ли кашляя, то ли смеясь. — Капитан Смерть!

— Вы — Капитан Смерть? — оказалось, она достаточно жива, что бы уметь удивляться. Впрочем, такая новость может и мёртвых удивить заставить!

— Нет, девонька! Уже нет! — мерзко захихикал старик. — Ты — Капитан Смерть!

Раксла-Кслаим, Серая Тундра

Капитан Нелнишнош стоял совершенно потрясённый, и, задрвав голову, смотрел в небо. Вокруг суетливо бегали фиане, кто-то кричал в отчаянии, кто-то молил его что-то сделать, а Нелнишнош не мог оторвать взгляда от совершенно сюрреалистичной картины.

В высоком голубом небе Раксла-Кслаим с уверенностью крейсера летел гигантский золотой череп кохи, сжимая в клыках узнаваемых очертаний аппарат: типовой транспортный звездолёт «Наследие Предков» с вывернутым под непредусмотренным конструкторами углом маршевым двигателем.

Уверенно снизившись в самое жерло вулкана Охтырдыж, страшный череп выплюнул покалеченный звездолёт, и заложил разворот к поселению.

Тем временем местные фиане сноровисто прятались по своим схронам, любезно приглашая и гостей с борта «Песни о доме». Многие мазались грязью — так велят Заветы. Понять можно: инфракрасные прицелы хищников можно обмануть, если обмазаться холодной грязью. Но, во-первых — ненадолго, и во-вторых — то ж про хищников кохи, а тут... сказочный Капитан Смерть. Порождение предвечного хаоса и запредельного мрака вызванное к подобию жизни стонами убитых хищниками фиан... — это если легендам верить.

Нелнишнош так и не пошевелился, наблюдая, как золотой звездолёт в форме гигантского черепа хищника аккуратно садится рядом с «Песнью о доме». А смысл суетиться? Не бывает в природе золотых звездолётов, ибо понятно же: золото совсем не тот материал! Слишком тяжёлый и слишком мягкий металл, что бы им летательные аппараты покрывать. Звездолёт в форме черепа и с покрытием из натурального золота бывает только в легендах. В одной весьма конкретной легенде — о Капитане Смерть. Ну и раз уж такое сюда прилетело — какой смысл суетиться?

За спиной капитана Нелнишноша собралась плотной кучной вся команда «Песни о доме». Пассажиры же предпочли довериться опыту выживания местных фиан из племени Последних.

Огромный золотой череп, наконец, утвердился на опорах рядом с «Песнью». Отсюда было теперь отлично видно, что никакой это не череп, конечно же, а стилизованный под череп космический аппарат. И не такой уж он огромный — не крейсер, так... чуть-чуть больше фрегата, пожалуй. Да и то больше он за счёт надстроек, необходимых для придания сходства с черепом хищника. А вот типичного для хищников кохи вооружения не видно. А золото, словно бы постоянно текущее по поверхности «черепа»... впечатляет. Нелнишношу стало бы любопытно, как неведомые инженеры такое ухитрились сотворить, если бы ему сейчас было до этого какое-то дело. Капитан старался понять, кто это к ним прилетел, зачем, и как спасти фиан?

Золотой череп спустил трап, и на грунт сошли... фиане! Несколько детей и двое

взрослых. Все они излучали облегчение. Эдакое не высказанное: — «Ну, наконец-то!» ясно слышал даже совсем слабый в эмпатии фианин. А вот за их спинами шла фигура в антрацитово чёрном пилотском комбинезоне и не излучала совсем никаких чувств — потому-то Нелнишнош не сразу узнал... дочь!

— Аритайя? Дочка! — воскликнул капитан, и бросился к ней. Аритайя улыбалась очень старательно, но всё же искусственно.

— Простите, что мы вас так напугали! — громко — явно стараясь, что бы её услышали укрывшиеся в схронах, попросила Аритайя, окидывая взглядом поселение.

— Простите, что напугали! Всё хорошо! Не бойтесь, пожалуйста! — подхватил Аренк, уже бегая по становищу от схрона к схрону. — Мы вернулись! Всё хорошо!

А Аритайя повернулась к отцу:

— Прости, папа! Так получилось.

— Что с тобой? — тревожно спросил Нелнишнош, нервно кидая косые взгляды на трап золотого звездолёта.

— Да ерунда, — отмахнулась девушка. — Транквилизаторы. Успокаивают слишком хорошо. Ты не волнуйся, я в порядке.

— А... как так... на этом...? — отец кинул красноречивый взгляд на звездолёт Капитана Смерть.

— Прости, — Аритайя опустила глаза, — мы наш звездолёт немножко поломали... об скалы... пришлось этот взять...

Ещё долгую минуту Нелнишнош вглядывался в лицо дочери, и, наконец, поверил. Рывком притянул к себе, крепко обнял.

— Я тебя выпорю, дочка! Ох, как же я тебя! Ремнём! — шептал он, обнимая её.

— Было бы здорово, папка, — всхлипнула Аритайя. Нелнишнош отстранил дочь от себя, удерживая за плечи на вытянутых руках, и недоверчиво вгляделся. Аритайя слабо улыбнулась, и пояснила: — Было бы здорово, если бы можно было так просто!

— Разберёмся, — хмыкнул Нелнишнош, снова обнимая дочь.

* * *

«Последние» устроили большой праздник. Ныряльщики натаскали «морских пальчиков» — эти штуки росли только в одном месте: на дне залива, вокруг подводного геотермального источника. Очень вкусно, но очень мало — потому «морские пальчики» готовили только по редким праздникам. Тётушка Абекойя постаралось достойно представить «Песнь о доме» перед местными, для чего развила самую бурную деятельность, привлекла в помощники всех, кого только смогла, и наготовила кучу вкусностей.

А местные устроили показательные выступления лучших танцоров Серой, и Великой Тундр.

А «Песнь о доме» предоставила просмотр видеоматериалов с позапрошлогоднего фестиваля на планете Кипуча-Куча.

А дети бегали вокруг гигантского золотого черепа, пытались наковырять золота с его обшивки, и старались залезть куда-нибудь: на стабилизатор, или в дюзу двигателя.

— Дочка, — позвал Аритайю капитан Нелнишнош поздним вечером, в сумерках, когда праздник уже перевалил за свой апогей. — А ведь ты снова наглоталась успокоительного.

Полагаю, это ты для того, что бы я по твоим эмоциям не догадался, что ты задумала?

— Отец, — Аритайя опустила глаза, и покачала головой, — это я для того, что бы не испортить праздник.

— Но в главном я прав, да? Ты же что-то задумала?

Аритайя промолчала. Отец грустно покачал головой: раньше у них не было друг от друга никаких секретов.

— Что, так и не расскажешь ничего? — попытался он ещё раз.

— Эта штука, — кивнув на звездолёт в форме черепа хищника, медленно начала говорить Аритайя, тщательно подбирая слова, — это древний эксперимент, ещё одна попытка наших предков решить проблему с хищными кохи. Кто-то из предков, наверное, решил, что если бы кохи могли на себе чувствовать переживания своих жертв так же, как мы, эмпапы... В общем, это такой летающий излучатель эмоций. Только вот этой штуке нужен не просто одарённый сенсорик телеэмпат в качестве главной детали генератора излучения. Нужен сенсорик, переживший...

Девушка замолчала, не в силах выдать из себя слово. Но капитан Нелнишнош вдруг понял, о чём умалчивала легенда о Капитане Смерть, и что хочет объяснить ему Аритайя.

— Смерть, — выдохнул он. — Оператор этой золотой штуки должен быть сенсориком, прочувствовавшим смерти убитых хищниками фиан. Эта штука излучает муки и боль, что бы дать почувствовать хищникам, что чувствуем мы!

— Да, — осипшим вдруг голосом подтвердила Аритайя. — Последний оператор... Капитан Смерть... умер у меня на глазах. Старик был слишком стар, и держался исключительно на чувстве долга и силе воли. Он искал приемника. Там, на борту есть система... не знаю даже, как она работает, но она как-то обнаруживает и указывает... где сейчас... убивают.

— Постой, погоди, — отец сжал её плечо, — то есть у вас там произошло что-то ужасное, так? Что-то такое, что привлекло Капитана... Смерть. Ты... пережила...

— Хищники убили живую планету, — прошептала Аритайя, прижимаясь к отцу. — Разумное существо размером с планету. Доброе, мудрое, забавное. Убивали долго... атомными бомбардировками с орбиты.

— Всё позади, дочь, — приговаривал Нелнишнош, обнимая её, — Всё прошло. Такого больше не повторится. Не с нами, слышишь? Просто элементарная статистика на нашей стороне. Мы и так перевыполнили среднюю норму по неприятностям, с нас уже хватит. Космос огромен, понимаешь? Космос бескраен. Гораздо больше Великих Тундр. А фиане, как видишь, выжили в Тундрах, — и вдруг выпалил: — Оставайся с нами!

— Я..., - Аритайя чуть отстранилась от отца, что бы заглянуть ему в глаза. — Я глотаю транквилизаторы, потому что иначе и без всякого излучателя могу буквально залить вас всех тоской и болью. Понимаешь? Мне надо уйти...

— Нет, нет, что ты говоришь такое, — зашептал Нелнишнош, снова обнимая дочь. — Ну, как ты-то будешь одна в таком состоянии? Да ты с ума сойдёшь! Нет, уж лучше оставайся здесь. Посмотри на них! Мы все тебе — семья! Горе, поделённое на стольких, покажется уже и не горем, а так — лёгкой грустью. Поверь мне!

— Отец!

— Ну почему все молодые фиане такие максималисты? С чего ты взяла, что первая и единственная во вселенной, пережившая большое горе? Уж поверь, твоя ситуация не уникальна. И фиане давно научились, как с этим быть.

— Отец, — голос Аритайи обрёл спокойную твёрдость. — Дело же не только во мне.

— Дочь, если ты про долг, — капитан Нелнишнош кивнул на золотой звездолёт в форме черепа хищника, — то прими как факт: этот старый эксперимент провалился! Эта программа давно закрыта! И неспроста. Капитан Смерть уже стал просто страшной сказкой. Так позволь ему уйти в мир сказок.

— Ты не понимаешь, — покачала головой девушка, — речь ведь о том, что наши предки вовсе не были такими, как мы теперь о них думаем. Наши предки вовсе не убегали безропотно от хищников, они боролись! Они пытались! Они устроили космическую верфь в жерле действующего вулкана! Они направили на хищников тучи не убиваемого гнуса, и таки выжили тех с планеты! Жертвуя собой ради крохотного шанса кто-то из наших предков всё же пытался найти контакт, и договориться с кохи! Наконец, они даже додумались изобрести Капитана Смерть, который вполне успешно пугал хищников, гоня их по галактике, словно перепуганных воробьёв! Целый век!

— И это не решило проблему, — заметил Нелнишнош.

— И это не значит, что мы должны сдаться, и тупо петь Песнь Смерти, заведя корабли хищников! — заявила на это Аритайя.

— Значит, ты уже всё для себя решила, — вздохнул отец, то ли спрашивая, то ли констатируя.

— Я должна и я буду искать решение проблемы, — уже спокойно объяснила ему дочь. — Делать хоть что-то. Пытаться. Искать выход. Хотя бы шанс.

— На это существует Запределье, — предпринял Нелнишнош последнюю попытку.

— Я тоже существую, — заметила ему Аритайя. — И значит, действую!

Нелнишнош горестно вздохнул, а дочь вдруг совсем другим голосом спросила:

— Кстати, как ты относишься к лесопосадкам?

— Прости, что? — не понял капитан.

— Лес, — сказала, и вдруг по-настоящему тепло улыбнулась: — Я хочу посадить на Раксла-Кслаиме Лес!

Старый фрегат «Старина Джо», некогда приписанный в обеспечение ударного крейсера «Песнь Доблести», а ныне подчистую списанный в многоцелевые гражданские суда и лишённый всего вооружения, отмерял парсеки уверенно и чётко, словно метроном. Хотя старику теперь было не угнаться за новенькими фрегатами ни в маневренности, ни в огневой атаке, но, как и положено старому коню, «Старина Джо» «борозду не портил»: уверенно держал курс, точно и строго осуществляя задумку штурмана. Поскрипывали протяжно переборки, ровно пел маршевый, и пусть обмотки уже посвистывают, но посвистывают они в такт и в тон допустимым расчётным отклонениям.

На командном мостике собрались трое парней — весь нынешний личный состав. Будь «Старина Джо» одушевлённым субъектом, он бы вздохнул о временах и нравах. Но всё равно, и эту свою команду старик слушался, как привык: по-военному чётко.

— Куда прокладывать курс потом? — задумчиво поинтересовался Константин, постукивая о подбородок маркером. Он даже не замечал, что держит маркер не тем концом. И что у него, вообще-то, уже и лоб, и левая щека, и правое ухо в пятнах и росчерках от маркеров. Цветных отметок на его лице уже едва ли не больше, чем на навигационном планшете — огромной прозрачной панели, со светящейся звёздной картой, и координатной сеткой — у которого Костя и работал последние часов... несколько.

Да, можно было бы разрисовывать карту пометками в цифровом виртуале. Но Константин за годы службы в Космофлоте заряжающим на главном калибре, привык, что автоматика дублируется ручным приводом. Компьютерам он доверял, но работу свою предпочитал дублировать ручными средствами контроля. А маркер с прозрачного навигационного планшета легко стирается. Жаль с кожи он стирается хуже.

Ответа на вопрос о курсе не последовало, и Виктор, переглянувшись с Константином, окликнул Вацлава, который сейчас развалился в ложементе, прикрыв глаза, и усердно сопел.

— Эй, адмирал! — крикнул Виктор Вацлаву. — Определите цель следующего перелёта! Штурман запутался!

Адмиралом Витёк повадился называть Вацлава с самого начала, с того дня, когда Вацлав назначил Виктора капитаном. Когда дело дошло до заполнения документов, и они заполняли судовые роли. Вацлав настоял, что не может быть капитаном, за неимением подходящей подготовки, и вообще — он по официальной версии — фермер, всего лишь фрахтующий частный космический корабль с командой. На деле Вацлаву было важно, что в полётных журналах и прочих документах будет фигурировать не его фамилия. Виктор тогда, было, взглянул на Константина, но тот сразу «пошёл в отказ»: — дескать, это Викторова мечта, вот Виктору и быть капитаном. Виктор согласился, но с тех пор упрямо именовал Вацлава адмиралом.

Вацлав вздохнул, открыл красные от усталости глаза, и хмуро отмахнулся:

— Я тут не капитан!

— Ага?! — Виктор разыграл возмущение. — Твой корабль!

— Хватит вам, — попросил Костя, но как-то не уверенно.

— А кто ж у нас командует? — не отступал Витёк.

— А кто у нас больше всех мечтал о собственном корабле? — ехидно поинтересовался у него Константин.

— Здравсьте! — всплеснул руками тот.

— Здравия желаю, товарищ капитан! — козырнул Вацлав, не вставая с места, и не упустил случая попенять: — Ты вполне себе капитанствовал, когда за копенюкой своей по всему космосу гонялся.

«Капенюка» — это неизвестного происхождения фиговина... пардон, артефакт, занимающий заметное место в трюме, и жутко мешающий всем при погрузке и выгрузке. Виктор эту фи... этот артефакт нашёл, и был уверен, что это — след древней исчезнувшей цивилизации каких-нибудь предтеч. Капенюка и в самом деле напоминала Камень Древних в парке у музея истории на планете Ё. Однако продать капенюку музею не получилось.

Сперва-то Виктор и слышать не хотел о музее, клялся, что впарит эту фиговину богатому коллекционеру за большие деньги. Но когда заинтересовать никого из богатых коллекционеров не удалось, и парни всё же обратились в музей, директор музея, взглянув на артефакт, весьма красноречиво закатил глаза и отключился. В смысле: связь отключил. Хотя, может он там и в обморок упал потом — этого уже было не видно, поскольку связь же директор отключил.

Как бы то ни было, но про «выбросить капенюку за борт» Виктор и слышать не желал.

— Ах, то есть так, значит, — хмыкнул Виктор, и объявил: — тогда летим сюда! — и вывел на большой экран рубки управления фианскую звёздную карту!

— Ох ты ж! — Вацлав буквально подпрыгнул из положения полулёжа. Эта была именно та карта, что они скопировали в отцовском «погребце» за четвёртым полем, и которую сам Вацлав до красных глаз крутил в личном виртуальном пространстве уже второй месяц.

— Как навигатор официально заявляю, что выход за Предел ореола обитания человечества категорически запрещён, — объявил Константин.

— Запрещён человеческим кораблям, — поправил его Виктор, — а мы можем взять фианский!

— Тот фианский корабль слишком человеческий! — заметил Вацлав, имея в виду, что там только «машина» фианская, а корпус-то — человеческого фрегата.

Вацлав весь извёлся за эти два месяца: заветная ракушка больше не пела, на его попытки что-то говорить, петь, читать стихи, или проигрывать музыку никто не отвечал. Может ли это быть как-то связано с его визитом на зарытый отцовский корабль? Они там старались ничего не трогать, но мало ли? Вспомнить хоть говорящую по фиански голографическую голову: они не смогли понять, что это за сообщение, и ответить даже не пытались. Но вдруг там какая-нибудь камера была включена на передачу?

К сожалению, была версия и похуже: последнее, что Вацлав слышал из заветного приборчика квантовой связи — крик, полный боли. И всё — как отрезало. Вдруг, там что-то случилось? Что-то нехорошее?

Вот и крутил Вацлав перед глазами звёздную карту фиан часы напролёт. Но уж больно много там было отмечено звёзд и планет! Или империя фиан столь обширна, или фиане одержимые исследователи космоса. Хотя, судя по тому, как они запугали человечество — скорее всё же первое.

Были на той карте особо отмеченные зоны — обведены и закрашены красным. В одной такой — самой крупной — обитало человечество. Логично было предположить, что так

фиане отмечают территории, заселённые иными расами. Значит, в других «красных зонах» можно найти «братьев по разуму». Возможно, их там фиане тоже запугали угрозами тотального геноцида. Может быть, там можно узнать побольше о самих фианах.

И самое, в свете текущих задач, важное соображение: искомая планета Свободы может быть в такой же «красной» звёздной системе. Ведь, по рассказам Сергея Волкова, группа фиан, симпатизирующая людям, хотела подарить человеческим детям планету для спасения от Вторжения. А что может защитить планету от Вторжения? Только то, что агрессоры о ней не знают. Значит, Планета Свободы должна быть либо где-то среди неисследованных империей фиан звёзд, что при взгляде на фианскую карту представляется весьма маловероятным. Либо эта планета находится на территории иной расы. А значит, искать её следует в соседней «красной зоне». Другие «красные зоны» слишком далеко от Предела.

В общем, Вацлав склонялся к мысли посетить ближайшую отмеченную красным звёздную систему. Склонялся, но сомневался и колебался. А главное: как ребятам-то сказать? Посвятить их в тайну? Руководство разведки космофлота это ему не рекомендовало. По плану операции, он, Вацлав, устанавливает контакт с симпатизирующими людям фианами через свою чудесную ракушку — alienских прибор квантовой связи, и как бы случайно находит планету Свободы.

Однако самому Вацлаву не нравилось использовать ребят «в тёмную». Не говоря уже о моральной стороне дела, это создавало целый ряд неудобств. Даже если бы связь установить удалось. А её не удалось установить. И решишь он на самостоятельный рейд за Предел — держать команду в неведении будет невозможно.

А тут такой удобный случай! Виктор, оказывается, сам вынашивает план слетать к алиенам! Спрашивать у Виктора, почему тот скопировал себе фианскую карту, да ещё и тайком, Вацлав не стал. А что толку-то? Да и предъявить нечего: у Вацлава на эту карту авторских прав нет. Никаких нет. Ну, хоть коллекционерам Витёк карту не продал, и то ладно. Однако вслух такое Вацлав не скажет — Витёк обидится. Скопировал-то карту он чисто для себя, из неодолимого любопытства. А его стремление к наживе — это скорее смекалка и реакция на потребность выкручиваться из стеснённых финансовых обстоятельств. За это время да в работе единой тесной командой Вацлав успел достаточно неплохо узнать своих товарищей.

— Ла-адно, капитан, — протянул Вацлав с непонятной интонацией. — Тогда идём на Топураг. Там угоняем отцовский звездолёт. Что тут же фиксирует космический департамент полиции и военные с орбитальной базы.

— Эй, эй! — замахал руками возмущённый Виктор. — Чего сразу-то?! Отец твой как-то же гонял там... ну, до того, как закопать свою посудину.

— Роджер Бондски, да будет тебе известно, — наставительно сообщил Вацлав, — один из основателей и первопроходцев! Попросту говоря, во времена, когда он «гонял», как ты выражаешься, Топураг был стихийно заселённой планетой, без контроля со стороны Метрополии, без орбитальной станции, и даже без полиции. Просто закрытая религиозная коммуна огнепоклонников. И дельцы с планеты Ё свои вложения в Топураг не афишировали: это был для них запасной плацдарм, на случай, если бы Метрополия решила бы припомнить им поддержку повстанцев в Колониальных Войнах. Вся эта цивилизация с полицией появилась на Топураге сравнительно недавно. Ё пригнало свою полицию, а Земля, «соблюдая паритет», «ответила симметрично», повесив над Топурагом свою орбитальную станцию.

— Как у вас стало сложно жить, — буркнул в ответ на эту лекцию Виктор.

— Поднимем шпионское корыто под видом металлолома, — предложил Константин, задумчиво почесав нос маркером (да, опять не тем концом). — А после, уже в полёте поменяем корабли. Если в шпионском кораблике начинка фианская, то и бортовые ответчики системы опознавания «свой-чужой» должны быть фианские. А значит, за пересечение Предела нам ничего не будет!

И с некоторым недоумением глядя на то, как напряжённо уставились на него Вацлав с Виктором, Константин добавили извиняющимся тоном:

— Ну, со стороны фиан не будет.

— И почему мы до сих пор ещё не сделали так? — нахмурившись, потребовал у Вацлава Виктор.

Вацлав вздохнул. И решился:

— Потому что я пытаюсь наладить связь с фианами, — пожал он плечами. Что уж теперь, они в одной лодке. Даже хуже: в одном космическом аппарате. Надо открывать карты. Не всё, конечно.

— Вот как так получается, господин судовладелец? — нехорошо прищурился Виктор, встав из своего ложемент. — Я тут, значит, с сомнительной каменюкой ношусь, жилы рву, стараясь продвинуть науку ксенологию, а у Вас, господин судовладелец, личные связи с фианами?!

— Всего лишь алиенский приборчик квантовой связи, — Вацлав постарался придать своему голосу уверенности. — Приборчик, в экспериментах с которым предположительно наметился контакт с фианами.

— Гадство! — буркнул Виктор, плюхнувшись обратно в ложемент.

— Эм..., - протянул Константин, — Виктор имеет в виду, что нам никто ничего не объяснял, когда нас из Космофлота увольняли. Однако у нас определённо сформировалось предположение, что это не столько увольнение, сколько своеобразный перевод в... скажем так, в другую... службу. Но... как бы спросить... мы ведь не у фиан теперь, я надеюсь, служим?

— Да я не о том! — поморщился Виктор, и демонстративно скрестив на груди руки, проворчал недовольно: — Как подумаю, сколько я потратил сил на «каменюку»! А ведь мы в любой момент могли сгонять к алиенам, и набрать полный трюм настоящих артефактов!

— Виктор! — воскликнул Вацлав, не выдержав, и осуждающе покачал головой.

— Кто о чём...! — индифферентно пожал плечами Константин.

— Решено! Мы идём за Предел! — подумав пару минут, объявил Вацлав.

— А как же связь с фианами? — поинтересовался Виктор. — Я так понимаю, речь же с друзьями твоего отца? Закопать такое в своём огороде... понятно же!

— А связи пока нет, — Вацлав невольно нахмурился. Предчувствия всё больше толкали его к мысли, что у «космической певуны» стряслось что-то плохое. А значит, придётся рискнуть, и форсировать события.

— А вот разрешение мы всё же запросим, — добавил он, и набрал код запроса. Мигнул значок дальней связи. Вацлав вывел на громкую: пусть парни поймут, что Вацлав не просто так от них секретничает, ну и, раз уж они и так догадываются — всем же будет проще.

— Фермер Кречету, — ровно произнёс Вацлав. — Код красный. Вариант три. Запрашиваю крышу. Остановка: Топураг. Цель на горизонте. Вектор — вольный!

— Вас принял, Фермер, — раздалось из динамика, и через минуту молчания: — Крыша

на Топураге будет по варианту «Затмение». По вектору... всё понимаю, но... будьте осторожнее, Фермер. Подтверждаю код «вольному воля»! Повторяю: код «вольному воля» подтверждён. В задней полусфере обеспечу вам четвёртый ударный и «Зенит». Канал для взаимодействия — семнадцатый. Удачи вам, парни!

Арита́йя: Здесь будет город-сад!

Ракла-Кслаим, побережье Тёплого моря

Арита́йя беззвучно плакала. Сидела на пыльном грунте, когда-то оплавленном убийственным жаром, пропитанном боевыми ядами, и смотрела на шевеление рассады. Маленькие и тоненькие зелёные... создания, потешно раскачиваясь, перебирались по грунту с места на место, то запуская свои тоненькие белёсые корешки в грунт, то выдёргивая их и судорожно отряхивая. По щеками наблюдающий за этим девушки текли слёзы. И Арита́йя ничем, совсем ничем не могла помочь малышам.

Наконец один росточек, отползший дальше других, затих. Арита́йя пригляделась, и убедилась: малыш запустил все свои корешки глубоко в грунт. Ещё через пару минут замер на месте второй росток. Третий. Четвёртый покачнулся, и упал, листочки его печально поникли. Девушка осторожно взяла малыша, и наудачу переместила в сторону к тому, что укоренился первым. Тут малыш пару раз неуверенно потыкал одним корешком в грунт, немножко сместился, и всё же погрузил свои корни. Тревожило только, что листики его оставались поникшими.

Арита́йя вздохнула, потянулась за канистрой, и осторожно налила лужицу чистой воды посередине между укоренившимися малышами.

Теперь остаётся только ждать.

Подтянув колени к груди, и опустив на них голову, девушка смотрела в сторону ажурных белоснежных башен города Предков на фоне моря. Откуда-то издалека на грани слышимости доносилась песнь. Простая, но красивая, протяжная и певучая...

Арита́йя вздрогнула, и судорожно похлопала себя по карманам: ракушка! Её заветная ракушка, приборчик квантовой связи! Она совсем забыла о нём!

— «Выходила, песню заводила,
Про степного гордого орла,
Про того, которого любила,
Про того, чьи песни берегла»

Арита́йя слушала чужую Песнь, прижав ракушку к уху, смотрела на пустой город Предков, и чувствовала себя вот этой вот обожжённой войною землёй: убитой, растоптанной, пропитанной смертью, землёй, в которую кто-то осторожно и опасно ронял семена надежды.

Надо бы вернуться к отцу, и забрать с «Песни о доме» разговорник человеческого языка. Да и вообще...

Она ведь решила, что станет искать решение проблемы хищников. Хотя бы какую-нибудь возможность, какую-нибудь идею того, где искать решение. Так почему бы не поискать у людей? Она, конечно, обещала кое-что старейшине Запределья... но ведь можно то обещание и не нарушать. Да и вообще! У неё теперь собственный звездолёт есть! О! Нет, не так. Ещё круче:

Она же теперь — Капитан Смерть.

И это кое-что значит. Например, что она теперь может ни у кого не спрашивать разрешения.

Да и хищники... теперь они пускай опасаются случайно встретить её на пути.

Вот, кстати, можно воспользоваться случаем, и поговорить с тем человеком, у которого парная ракушка квантовой связи!

— «Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт!
Пусть он Землю бережёт родную...»

Пока Аритайя решалась, песня оборвалась, приборчик замолчал.

— Я здес-е-есь! — пропела в ракушку девушка. — Я zde-есь!

Учитывая, что понятие «я» в фианском гораздо глубже человеческого, и слов для обозначения «я» существует с десятков, плюс многочисленные суффиксы и сабсуффиксы, дополняющие и уточняющие какая именно часть «я» из богатого внутреннего мира имеется в виду, и прочее, и прочее....Сказать: — «я здесь» — по фиански можно тысячью способов, и ни разу не повториться.

В общем, Песня получилась длинная. Вот, перевод на человеческий выходит такой короткий, а фианская Песнь получилась длинная, очень мелодичная, богатая эмоциональными оттенками, и содержащая глубокий философский подтекст, который в переводе на человеческий, пожалуй, можно дать в виде сноски. Правда сноска та займёт много страниц.

Однако сколько не пела Аритайя, никто ей не ответил.

«Вот Бездна», — подумала она, — «я его потеряла! Моего человека!»

К счастью, на фианских навигационных картах территория обитания человекотв отмечена — информация не секретная. К тому же, на борту «золотого черепа» карта даже подробнее той, что есть у капитана «Песни о доме». А значит, Аритайя может отправиться туда, где исчезла её мать.

Пожирая последние парсеки пути, лихо вспенив пространство за кормою, самодельный и неказистый кораблик, слепленный учёным фианином из обломков человеческого фрегата, гордо вышел из гиперпрыжка... прямо в нижние слои хроносферы звезды. И начал совсем не так уж гордо падать в её фотосферу.

Капитанский мостик в скудном аварийном освещении. На большом тактическом экране, занимающем переднюю полусферу мостика, надпись белым по синему: «Ошибка синхронизации, Пожалуйста, подождите...».

— Сдаюсь! — в отчаянии выкрикнул Константин. — Твой, Вацлав, отец был alienским гением! А я нифига не понимаю в том, что он наворотил!

— Спокойнее! — попросил Вацлав, закусывая губу до крови.

— Натянуть человеческую рубку управления на фианскую машину! — не унимался Константин. — Человеческие приборы! На машину, рассчитанную на иные принципы управления! Да у этой alienской машинки параметров больше! И я не понимаю, как управлять половиной из них!

— У нас есть пять минут на истерику, — сообщил Виктор, глядя на показания тех приборов, которые ещё работали. И потом ещё десять минут на попытку выбраться. Плюс, я полагаю, пару минут на попрощаться. Так что давайте шустрее истерить! Раньше начнём — раньше закончим!

— Нет, холодного пота обшивки хватит больше, чем на полчаса, — возразил Вацлав, считыв показания приборов, и прикинув в уме экстраполяцию по времени.

— Это тут, в фотосфере. Тут прохладно. А выше будет на пару миллионов градусов теплее, — хмуро поправил его Виктор.

(Справка: для примера, возьмём звезду по имени Солнце. Для Солнца температура в фотосфере уменьшается с высотой от 8000-10000 оК до минимальной на Солнце температуры около 4300 оК. Температура в хромосфере растет с высотой неравномерно: в нижней части — медленно, 4500–4800 оК, а в средней и верхней частях — быстро, достигая на границе с короной в переходном слое значений 106 оК.)

Тем временем Вацлав, отметив, что большая часть приборов на мостике не работает, попытался подключиться к бортовому компьютеру своим инфором. То, что ему нарисовал лазер инфора на сетчатке глаза, заставила Вацлава воскликнуть:

— Вот же я тупой идиот! Подключайтесь инфорами к машине!

Бросив на него беглый взгляд, Виктор мотнул головой вверх — условный жест управления — и его новая, гражданская, но очень навороченная модель инфора закрыла ему глаза стильными очками. И тут же парень очутился в настоящей фианской рубке управления. Причём все приборы имели поясняющие подписи на человеческом русском языке. И всё в этой виртуальной рубке прекрасно работало.

Человеческий капитанский мостик с его приборами оказался лишь муляжом. То, что большинство приборов этого муляжа работало, говорит о том, что фианский учёный, известный нам под человеческим именем Роджера Бондски, имел привычку относиться к

любому делу предельно аккуратно и скрупулёзно. А подсказки на приборах наводили на мысль, что фианин допускал мысль передать свой корабль приёмному сыну — Вацлаву.

Кроме рубки управления, виртуальное пространство было готово мгновенно продемонстрировать всю конструкцию корабля, и даже демонстрировало пояснения к частям фианской машины.

— Доверни-ка нам тангаж градусов на 30, - попросил Вацлав, и Виктор выполнил просьбу.

— Температура растёт! — воскликнул Константин. Виктор глянул на показания приборов, и вернул тангаж в прежнее положение.

— Какая-то фигня в нижнем трюме нас экранирует, — высказал он своё предположение.

— Та мешанина из трубок, — вспомнил Вацлав. Они облазили этот корабль, и видели ту штуку в нижнем трюме, хотя тогда и не поняли, что это такое. — Накопитель, — озвучил Вацлав всплывшую перед глазами подсказку.

— То есть прошлый прыжок у нас так хорошо получился, потому что фианский накопитель был полон, — догадался Константин. — Как я мог увидеть, что накопитель пуст, если на капитанском мостике нет такого индикатора?!

— Я должен был догадаться заглянуть в виртуал, — с горечью повинился Вацлав. — Я знал, что отец не оставил бы мне корабль без инструкции! Просто искал её не там!

— Что будет, когда накопитель зарядится? — спросил Виктор, и сам себе ответил: — Мы сгорим. Это плохая новость. Хорошая новость: нам не придётся беспокоиться о достоверности нашей аварийной ситуации!

У них был план. Замечательный, разумный план, учитывающий возможные риски. Они планировали осторожно выйти из гиперпрыжка вблизи звезды — в расчёте, что в её свете их не сразу обнаружат возможные службы наблюдения. Собрав доступную информацию, и предварительно её обработав, они бы зашли к планете по широкой дуге. И при этом изображали бы неполадки: крутились бы так, что бы создать впечатление неисправности систем ориентации.

Планета, ставшая их целью, стоила всех этих ухищрений: предварительное наблюдения и анализ показал, что у отмеченной на фианских картах красным цветом звёздной системы есть планета земного типа. И что звезда имеет некоторые колебания светимости, которые могло бы объяснить существование на её орбите сооружений, вроде фрагментов сферы Дайсона. А ещё планета имела явно повышенный ради фон: вроде, как сплошной шум, но использование широкополосных систем связи с кодовым разделением каналов и сверхнизким соотношением сигнал/шум на планете Земля сейчас даёт похожий наблюдаемый эффект.

В общем, шансы на то, что планета обитаема определённо были. Предположительно, заселена она не фианами, поскольку на фианских картах эта система закрашена красным, как и территории, заселённые людьми. Поэтому план предусматривал разведку с мерами предосторожности.

Учитывая, как красиво горит сейчас броня их корабля (сгорал тот самый «холодный пот» — специальное вещество, которое испаряясь, остужало нижележащие слои брони), о достоверности изображения аварийной ситуации им теперь беспокоиться было уже не нужно.

— Пять минут на истерику вышли, — сообщил Виктор. — Пошло время на попытку

спасения!

— Двигаем отсюда, прямо к планете! — скомандовал Вацлав. В их положении осторожность была уже не актуальной. Горящий корабль вряд ли вызовет опасения у возможных стражей планеты. Скорее, спасателей позовут. И то, что горящий корабль не ответит на попытки установить связь, тоже подозрений не вызовет. Зато, имея полные накопители, ребята смогут в любой момент уйти в гиперпрыжок.

Ну, это, если удастся выбраться из звезды.

К счастью для парней, фианская машина показала, что превосходит человеческие аналоги даже больше, чем думали люди. Когда они подняли корабль в верхние слои хроносферы, и скачок температуры убил предпоследнюю надежду, фианская машина оправдала остаток надежд, уведя корабль «скольжением» — эдакий недо-гипер-прыжок, который хотя и практикуется в пределах звёздных систем, но не исполняется внутри гравитационных «воронок» космических тел.

Почти все следующие условные сутки измученные парни проспали. Оставить на вахте было некого: их было всего трое, и каждый из троих алиенски вымотался.

А потом ещё сутки они восстанавливали из подручных материалов сгоревшее антенное хозяйство: фиг с ней, со связью, но остаться без радаров в разведывательной миссии никак нельзя. Да и внешнюю камеру удалось настроить. Единственную, запасную.

Потеряв восемьдесят процентов брони, обгорелый кораблик нёсся к таинственной планете. Нёсся, однако, по безопасной для её гипотетических обитателей траектории — благоразумная предосторожность. Расчётное расстояние расхождения с планетой, при этом, обещало щедрые возможности для подробного изучения чужой цивилизации.

Первой радостной новостью после новости о собственном чудесном спасении, стало известие, что виденное ранее в телескоп кольцо вокруг планеты, определённо имеет искусственное происхождение. С нынешней дистанции это было уже очевидно.

Да и их полёт их корабля должен был бы уже быть замечен разумными, отстроившими на орбите своей планеты такое грандиозное сооружение. Однако до сих пор ничего похожего на попытку связи не происходило, и никто в них не стрелял.

— Ну и чего? — пожал плечами на это Виктор. — При таком уровне развития технологий, местные могут не бояться одинокого маленького кораблика.

— Ты покрутись ещё, покрутись, — попросил Вацлав. — Покажи им, что у нас только один маневровый работает.

— Да я уже им и джигу танцевал, и вальс! — заявил Виктор. — Уже всякое им продемонстрировал! И что у нас с ориентацией проблемы, и что мы при этом вполне осознанно уклоняемся от столкновения с их планетой, управляясь единственным работающим двигателем из всей системы ориентации!

— Стрелять в нас им никакого резона нет, — заверил Константин. — А спасти нас им разумнее начать, когда мы ближе подойдём. Разумно вывести спасательный аппарат на параллельный курс, когда мы с их планетой разойдёмся. Сейчас-то им суетиться незачем.

Вот тогда Вацлав и позволил себе расслабиться. Ушёл в кубрик, завалился в свой спальный ложемент, и нырнул в виртуальное пространство, где был только космос, полный звёзд. И просто смотрел. Иногда мечтал, иногда вспоминал. Потом стали в голову мысли мрачные лезть — о том, что могло случиться с загадочной космической певуньей. Тогда Вацлав вздохнул, на ощупь достал из кармана заветную ракушку, и запел. «Катюшу» пел.

Его прервал хмурый Константин уже под конец песни:

— Вацлав! Ты должен это увидеть! Срочно!

Вацлав сдёнул с головы гарнитуру инфора, отложил ракушку, и бросился бегом на капитанский мостик.

Так что не услышал Вацлав, как его окликнул голос из заветной ракушки.

На мостике всю переднюю полусферу занимало увеличенное изображение искусственных сооружений, кольцом опоясывающих планету. Сооружения те... носили очевидные следы интенсивного обстрела. Били прицельно, били кучно, били насмерть...

— Чёртовы фиане! — скрипнул зубами Виктор. — Вот что означает красный цвет на их звёздных картах! Обитаемые миры, подлежащие уничтожению!

Минуту люди в молчании потрясённо взирали на картину разгрома. На разбомбленный орбитальный город.

А потом взвыла сирена боевой тревоги.

— Множественные пуски ракет! — вскрикнул Константин, взглянув на радар. И передвинул внешнюю камеру. На экране появилось изображение какой-то безобразной конструкции, висящий чуть в стороне от мёртвого орбитального города, и активно выпускающей ракеты.

Виктор уже закладывал градиент, необходимый для гиперпрыжка.

* * *

Три недели спустя, разбитый кораблик, путая следы меж необитаемых звёзд, добрался таки до той нумерной системы двойного коричневого карлика на Пределе, где парни оставили своего «Старину Джо», и пересели в фианскую самоделку.

Хмурого измученного бессонными вахтами Вацлава на борту «Старины Джо» ждало сообщение от командующего разведотделом четвёртого ударного космического флота:

«В приграничном пространстве восточного сектора имело место боестолкновение объединённого космического флота человечества с кораблём фиан. В первые минуты боя личный состав флота оказался выведен из строя. Фианский корабль с места боестолкновения скрылся. Фермер! Твою же ж матушку поминая! Скажи мне, что это не ты спровоцировал войну!»

Боевая тревога

Безымянная система на границе Предела, эскадра четвёртого ударного флота

За два дня до возвращения Вацлава на борт «Старины Джо» состоялась вторая в истории встреча человечества с фианами. Встреча, к которой люди готовились уже триста лет, состоялась так:

— Боевая тревога! Занять места по боевому расписанию! Повторяю: это НЕ учения Боевая тревога!

— Есть телеметрия! Одиночная цель! Алиен! Внимани! Алиен! Есть целеуказание!

— Вася! Твою матушку поблагодарить!

— Орудийная палуба тов!

— Да здесь я!

— Ракетные тов!

— Вали со своими правым бортом!

— Есть, принял! Красный лидер: вывожу эскадрилью шлюзами правого борта!

— Главный калибр тов!

— Викинги где?

— Викинг-один посту наблюдения: подходим, готовность 3 минуты!

— Саня, сторожко там! Прикрою!

— Ты прикроешь!

— Вот именно, Саня: я как начну — успеи свалить! А не как прошлый раз!

— К порядку в эфире! Готовность три минуты! РЭБ!

— РЭБ работает!

— Семечки пошли!

— Не забудки тов!

— Говорит Ком! Внимание всем! Эскадра к бою тов! Работаем штатный вариант «альфа»! Отсчёт даёт «Викинг»-один! Солирует «Ярость Богов», с поддержкой «Гнева Валькирий», и «Славы Предков»! Ударные броненосцы на флангах! «Потрошителям» — готовность ноль!

Сначала Аритайя испугалась. Рядом оказались чужие. Не разобравшись, Аритайя ударила. Ударила, как наставлял вредный старик: допинг, помогающий забыть себя, убрать всё личное, затем короткая формула психической настройки, включить излучатели, и нырнуть в воспоминания о боли и смерти. Такова работа Капитана Смерть.

Повезло тем, чей мозг отключил сознание почти сразу. Тем, кто обладал психикой покрепче, пришлось помучиться сполна. Сперва у человека, как правило, одновременно по спине выступал холодный пот, сердце пропускало удар, руки и ноги начинали неудержимо дрожать, и только секунду спустя приходил панический животный ужас. У кого-то сильные спазмы нарушали дыхание, кто-то срывался, и куда-то бежал, кто-то застывал на месте, а кто-то начал стрелять. Хуже всех пришлось пилотам космических штурмовиков и истребителей.

В одно мгновение весь личный состав эскадры четвёртого ударного флота оказался выведен из строя. Столько подготовки, и всё зря? Не совсем. Всего три секунды паники, и

спокойный женский голос — одинаковый на всех кораблях флотилии, в каждом гермошлеме, объявил людям предусмотренное инструкцией сообщение:

— Активирован «императив Креза»! Фиксирую множественные случаи потери адекватности среди личного состава! Ручное управление заблокировано! К выполнению программа «альфа-два». По эскадре начинаю маневр уклонения! Эвакуирую управляемые аппараты! Выпускаю запасные дроны! Начинаю массированный ракетный удар по имеющимся целеуказаниям! Отстрел кассет с ракетоносителями на три, два, один, отстрел!

К счастью, Аритайя быстро опомнилась: она сообразила, что не ощущает нормального для хищников кровожадного желанья рвать плоть клыками. Не было охотничьего азарта, не было злой радости. Чужие существа, что встретились ей в этот раз, опасались её, Аритайю. Считали её хищником!

Девушка прервала Песнь Боли. Капитан Смерть исчез, и Аритайя с облегчением перевела дух: быть Капитаном Смерть очень и очень тяжело! Но удивительно, что этот проект провалился!

Теперь девушка-сенсорик вслушалась в чужие чувства внимательнее. Они готовились драться — да, но совсем иначе, чем хищники: страх за оставленных дома родных, сожаления о невысказанных извинениях и добрых словах, волнение перед трудным и опасным делом. И упрямая готовность бороться до конца, но не отступить. Что-то очень знакомое!

Эти чувства потянули её в прошлое, когда она ещё была вполне живой. Вспомнила: это было в день, когда Аритая сделала первый шаг к тому, что бы стать Капитаном Смерть. Первый хищник, обречённый ею на смерть... нет, близко, но не то. Ах, вот же: чужая Песнь! Та самая, что подтолкнула фиан на корабле «Песнь о доме» дать отпор хищникам, и сбросить их фрегат в хроносферу звезды!

Тогда эти чужаки, должно быть, сородичи её Голоса! Подумать только! Её Голос — он реален! Реальное живое существо! Она знала! Почти с самого начала чувствовала! И она нашла их! Они же могут знать того, кто так долго был для неё Голосом!

Надо с ними поговорить. Да, она на них сильно надавила, применила технику Капитана Смерть. Нехорошо получилось. Вот, как теперь наладить контакт? Обратиться к Голосу? Но он может быть не на этих кораблях, он вообще может где-то на планете жить, или лететь сейчас совсем в другом краю космоса! И что же делать? Спеть! Конечно! Спеть им Песнь, из тех, которым её научил Голос!

— Говорит Ком! Говорит командующий эскадрой! Отставить «альфа-два»! Вернуть ручное управление!

— В доступе отказано! Личный состав подвергся сильному психологическому воздействию неизвестной природы. Возвращение ручного управления исключено. Продолжаю операцию!

— Есть связь! Алиен на связи! — объявил офицер с радиопоста, но его слова были уже лишними: каждый человек и так слышал — прямо в своей голове:

Ой ты песня, песенка девичья,
Ты лети за ясным солнцем вслед!
И бойцу на дальнем пограничье
От Катюши передай привет!

— Отставить! Прекратить огонь! Ком эскадре: прекратить огонь! Положить корабли в дрейф!

— Отклонено! — ответил компьютерный голос. — Перегруппировка сил завершена! Фрегаты группы «Викинг» на позициях. Дроны корректировщики в расчётных точках. Начинаю атаку! Всем огневым средствам: уничтожить цель!

Пусть он вспомнит девушку простую,
Пусть услышит, как она поёт!
Пусть он землю бережёт родную!

— Беги отсюда, дура! — орал кто-то по открытым каналам. Но Аритайя плохо понимала язык людей — её требовалось покопаться в разговорнике, найти нужные словесные конструкции... К счастью, она прекрасно читала их чувства. Отчаяние, беспомощность, ожидание непоправимой беды, и сожаление. Они жалели её!

Думать о том, что происходит, было уже некогда, и Аритайя увела корабль в прыжок. За миг до того, как космос расцвёл фейерверком смерти.

— Фиксирую искажение метрик. Показания телеметрии цели: дальний гипер прыжок. Отбой боевой тревоги! Возвращаю ручное управление! — отчиталась компьютерная программа.

— Ё*****ТЬ! — высказался Ком в общем канале. Личный состав поддержал командование молчаливым одобрением.

— Доклад по потерям!

— Потерь нет!

— Ком эскадре: жду офицеров на экстренное совещание! Доложить соображения на тему: что это тут было?! Отбой!

Вацлав: Свидание... едва не сорвалось

Борт «Старины Джо», нейтральное межзвёздное пространство

— Отзовись, отзовись... знала б ты, как меня это достало уже!

Вацлав — с лицом серо-зелёного цвета, с тёмными кругами под красными глазами, — сидел прямо на полу, в углу, поджав под себя одну ногу, и вытянув вторую. Сидел и бубнил в заветную космическую ракушку. Третьи сутки подряд.

Он прошел все классические стадии: отрицание, торг, злость (вот, хорошо, что Аритайя в это время была в гипере, и этого не слышала), и сейчас находился в депрессии. Не зная подробностей о столкновении с фианским кораблём, он успел всякого передумать. Установить связь с космической певуньей в сложившихся обстоятельствах было крайне важно. Вот только надежды на это совсем не осталось. И всё равно, он упрямо звал и звал её.

— Слы. Шу. Те. Бя. Я. - вдруг вполне чётко раздалось из ракушки. И это оказалось столь неожиданно, что Вацлав надолго замер, потрясённый и растерянный.

— Про. Пал. Сно. Ва. — вздохнул приборчик квантовой связи.

— Стой, погоди! — воскликнул Вацлав, испугавшись, что певунья снова исчезнет со связи. — Я-я-а... растерял все слова, что хотел тебе сказать, потому что долго тебя звал...

Слова он действительно растерял. Собственно, чёткого текста и не было. Вацлав скачал и прочитал рекомендуемые человеческими учёными сценарии Контакта, и ничего из этого не выбрал — не подходит к ситуации, а то и просто выглядит глупо. А тут вдруг оказалось, что его неведомая космическая фея понимает человеческую речь! Вацлав припомнил, что кричал в чудесную ракушку связи вчера, покраснел, и обрадовался, что вчера связи не было.

— Можем мы с тобой встретиться? — наконец, проговорил он.

— Встретить. Можем. С тобой, — ответила фея как-то неуверенно. — Восход. Цефеиды.

Цефеиды — маяки вселенной — класс пульсирующих переменных звёзд с довольно точной зависимостью период-светимость.

Понятно, почему и фиане, и люди, используют цефеиды для астронавигации. Цефеид не так уж много: в нашей галактике их всего несколько сот. Их несложно обнаружить — ведь они периодически меняют свою светимость. Период пульсации цефеид — от суток до месяца, и у каждой он свой. Вычислив мощность излучения по зависимости период — светимость, можно определить расстояние до цефеиды.

Идея простая: где бы вы не оказались — найдите на небе несколько звёзд с переменной светимостью, замерьте их периоды, спектральные характеристики, и выберите в справочнике подходящие. Затем замерьте углы, рассчитайте расстояния до выбранных цефеид, возьмите их координаты из справочника — и вы сможете установить своё местоположение в галактике.

— Азимут на цефеиды! — обрадовался Вацлав, и тут же снова напрягся: — Ты сможешь использовать нашу метрическую систему?

— Система. Считать. Начало. Размер. Сложно, — вздохнула фея. — Я спою тебе звёзды! — и спела.

Вацлав сначала просто растерялся и слушал обалдело, но потом спохватился, схватил

свой инфор, включил запись.

— Повтори! Пожалуйста, повтори! — попросил он, и фея снова спела.

— Дай мне время на анализ, — попросил парень, и отправился будить друзей — думать вместе.

Мозговой штурм начали на капитанском мостике. Сразу же выяснили, что так называемая «песнь звёзд» состоит из шести отрывков. Каждый отрывок — это периодическое повторение некоторого набора звуков — фразы. Самая короткая «фраза» состояла из единственного звука, и он многократно повторялся. Были «фразы» из двух и трёх звуков. Самая длинная «фраза» походила на какое-то предложение на неизвестном языке. Продолжительность «фраз», число повторений в отрывках — не повторялись.

Поскольку было сказано, что звёзды, «озвученные» в этой «песне» — это переменные цефеиды, то сразу возникло предположение, что продолжительность «фразы» соответствует периоду мерцания конкретной звезды. Этой информации оказалось недостаточно, что бы выбрать шесть из нескольких сотен известных мигающих звёзд. Что означает продолжительность отрывка, какой смысл скрыт в очерёдности отрывков, и означает ли что-то перепад высоты нот? Предположений у ребят оказалось много, но однозначных догадок среди них не было. Константин принялся составлять запросы в навигационную базу, Виктор, объявив друга ламером, стал писать собственные скрипты, и пока бортовой компьютер перебирал варианты в каталоге известных звёзд, обсуждение перешло из рубки управления на камбуз, где начался неформальный обед, и плавно перетек в ужин.

Ответа на загадку инопланетянки всё ещё не было, когда Вацлав объявил перерыв, схватил свой инфор, и убежал, заявив, что ему срочно надо «проветрить голову». Для этого проветривания он выбрал, как ни странно, скафандр, забравшись в который, прошёл в шлюз, заперся, продул, и вышел наружу.

Виктор заметил, что проветривание головы в открытом космосе — подход, без сомнения, радикальный. Константин пожал плечами, и вернулся к вычислительным экспериментам.

А Вацлав перебрался на борт отцовского корабля, прошёл в рубку управления, и воспроизвёл запись песни фианки.

Вернулся Вацлав на «Старину Джо» через полчаса. Вернулся хмурый, озадаченный, и бросил ребятам устало:

— Есть координаты. Надо готовиться к походу.

— Стоп! — воскликнул Виктор, как раз занятый просмотром результатов своих запросов к навигационной базе. — Если у тебя есть правильный ответ — погоди, не говори пока! Сейчас я закончу, и мы проверим, кто из нас оказался прав!

— Это уже не важно.... - начал было Вацлав, но Виктор его прервал:

— Дело принципиальное! Дай пару минут — не сбежит от нас твоя фианка!

— Погоди, — подал голос Константин, отрываясь от своих расчётов, — ты в фианской машине ответ нашёл?

— Представьте, — кивнул Вацлав, — просто воспроизвёл запись, и в той виртуальной фианской рубке управления появилась голограмма звёздной системы, со стрелочками на шесть опорных цефеид.

— Читер! — отозвался на это Виктор. — Мы бы и так расшифровали бы!

Неделю спустя «Старина Джо» вышел из гиперпрыжка в неизвестной человечеству звёздной системе вблизи газового гиганта, и начал торможение с выходом на его орбиту.

Вацлав сглотнул ком в горле, и, сдерживая волнение, позвал свою инопланетную «визави», поднеся к губам заветную космическую ракушку:

— Это... я, — и замолчал.

— Молодец, — отметил Виктор, — Двигай следующий тезис, красноречивый ты наш!

— Прошу тебя, отзовись! — выдал Вацлав. — Мы вышли из гипера в указанной тобой системе.

— Не-не-не, — завертел головой Виктор, — Ты должен спеть! Она тебе пела? Пела. Теперь ты — того — солируй!

— Пожалуй, человеческие протоколы связи, предусматривающие сухие доклады, могут быть и не применимы в случае контактов с иными разумными, — задумчиво изрёк Константин. — Особенно с такими, чья культура «повёрнута» на пении.

— Ты не теряйся, адмирал, я тебе подскажу текст, — предложил Виктор, и тут же предложил текст песни: — Милая моя, солнышко инопланетное! Где, в каких краях...

Вацлав молча сунул Виктору под нос ракушку связи. Виктор поперхнулся, и быстро переключившись, выдал в фианский артефакт квантовой связи:

— Мы пришли с миром! — и умолк.

— Забыл добавить: «Карамба! Тысяча бешеных алиенов мне в печень! Йо-хо-хо!» — тихо подсказал со своего места Константин.

— Вот от тебя, Константин... — начал Вацлав, но тут встрял Виктор:

— ... мы такого не ожидали! — и, выхватив у Вацлава ракушку, протянул её Константину: — Теперь ты, Брут!

Константин, не смутившись и не растерявшись, запел спокойным, серьёзным тоном:

— Вот вы-ышли мы-ы из ги-ипера-а, а Ва-а-ас нигде-е неви-идно!

Вацлав тут же отобрал ракушку связи, буркнув:

— Спасибо, но наше шоу «Голос» в Ваших потугах не нуждается!

— Да какая разница, — флегматично пожал плечами Костя, — всё равно фиане ничего не поймут. Тут главное просто обозначить своё присутствие на линии связи.

— То есть ты не думаешь о значительности момента для Истории? — всплеснул руками Виктор. — Наши слова войдут в учебники! В том числе — в фианские!

— Милая моя, солнышко инопланетное, — ехидно прорекламиривал ему Константин.

— Это, — смутился Виктор, — я что-то только сейчас про Историю подумал...

— Ту. Ши. Ре-ак. Тор, — раздалось из заветной ракушки.

— Это чего? — Константин вопросительно уставился на Вацлава.

— Доигрались... — буркнул тут же нахмурившийся Виктор, и тут же склонился над приборами.

— Отставить! — отмахнулся Вацлав. — Тут должен быть смысл.

— Целей не наблюдаю! — доложил Виктор.

— Отключение реактора приведёт к выходу с орбиты, — доложил Константин, — В свободный полёт за пределы системы. Не вижу смысла.

— Сейчас. Туши. Всё. Сейчас, — настаивала фианка.

— Тревога! — вдруг воскликнул Виктор. — Наблюдаю мелкие искажения гравитационных метрик! Наблюдаю слабые отсветы в рентгене! Констатирую расхождение показаний приборов обнаружения!

— Обесточить все системы! — решил Вацлав. — Тушите реактор! Режим полной тишины в эфире!

— Есть! — отозвался Константин, щёлкая тумблерами.

— Беда, — донеслось из ракушки. — Поз. Дно.

— Тревога! Множественные целеуказания! — доложил Виктор. — Неопознанные цели. Классифицирую как фрегаты.

— Отставить режим скрытности! — отреагировал Вацлав. — Приготовиться к прыжку! Вектор случайный!

— Фиксирую излучения систем наведения! — продолжал докладывать Виктор.

— Готовность к прыжку теперь минут семь! — доложил Константин.

— Не успеем, — отозвался Виктор.

— Разворачивай нас грузовым шлюзом к гостям, — скомандовал Вацлав, сообразив, что единственное, что они могут использовать для своей защиты — это груз в трюме, который можно сбросить, увеличив число отметок на радарах противника.

— Держи. Себя. Крепко, — посоветовала фианка.

— Новая цель! — тут же отозвался Виктор. — Больше фрегата! Курс на сближение! Столкновение через три! Фиксирую работу систем наведения!

— Полный ход! — крикнул Вацлав Константину.

— Будет через три минуты! — откликнулся тот. Он успел обесточить многие системы, и сейчас на их перезапуск требовалось время.

— Держи. Себя, — донеслось из ракушки.

— Выстрел! Income! — Крикнул Виктор.

— Ракета по левому борту! Столкновение через...

— Маневр уклонения!

— Да пытаюсь!

— Открываю грузовой шлюз! Сброс груза!

— Жаль, груз не тот! — скрипнул зубами Виктор. — Сюда бы «Слёзы Сатаны»!

Удар сотряс «Старину Джо», жалобно взвизгнули переборки. И ещё один удар.

— Разгерметизация в техническом коридоре!

— Возгорания?

— Нет!

Вацлав подключил камеры внутреннего обзора, наткнулся взглядом на торчащий из стены технического коридора инородный предмет, и с удивлением объявил:

— Нас загарпунили!

— Чего? — не понял Константин.

— Живьём будут брать, — сообразил Виктор.

— Глуши. Всё. Глуши. Стой, — старательно, чётко и громко произнесла фианка.

— Стоп машина! — хмуро скомандовал Вацлав.

— Есть стоп! Мощность маршевого ноль! — доложил Константин. — Маневровые ноль!

— Множественные цели идут на сближение, — мрачно сообщил меж тем Виктор. — Фиксирую множественные пуски ракет! Ираст через пять!

— Держи. Себя. Крепко. Крепко. Себя, — заговорила фианка.

— К маневру держаться! — скомандовал Вацлав.

И «Старину Джо» тряхнуло. Заскрипели переборки, замигали аварийные сигналы на пультах. Освещение в рубке управления переключилось на аварийное.

И тут вдруг фианский корабль, захвативший человеческий, прыгнул вместе с добычей в гиперпространство!

— Мы в гиперпространстве! — удивлённо сообщил Константин, и через пару секунд добавил: — Параметры прыжка... аномальные!

— Это вот чего такое, товарищ адмирал? — осторожно поинтересовался Виктор у Вацлава. — Это нас спасли, или в плен взяли?

— Нас загарпунила явно твоя фианка, Вацлав, — задумчиво произнёс Константин. — Она очень вовремя предупредила: — «Держи себя крепко». Как раз перед самым ударом.

— Вопрос в том, что она с нами сделает, — как-то нервно хмыкнул Виктор, и, повернувшись к Вацлаву, спросил: — Что ты о ней знаешь, Вацлав?

— Знаю, что она из друзей моего отца, — заявил Вацлав, но тут же поправил себя: — Предполагаю, что так.

— То есть, я так понимаю, лично вы не знакомы, — ещё раз хмыкнул Виктор. — Рисково. Надеюсь, оно того стоит. Но знаете, что? На всякий случай, нам надо подготовиться.

— Ты... прав, — с трудом, но согласился хмурый Вацлав.

— Тогда... прощаться? — уточнил у него Виктор, и стало понятно, что за подготовку он имеет в виду.

После первого Контакта человечество стало ответственно относиться к гипотетической возможности захвата злыми алиенами какого-нибудь космического аппарата с людьми. Так что на любой человеческой машине, вылетающей за пределы атмосферы, есть... система, называемая в народе коротко и точно: «Прощай».

— Я прощаюсь, — тяжело выдохнул Вацлав, и набрал команду, которую знает любой человек, вылетающий за пределы атмосферы, но которую никто ещё ни разу не использовал по назначению.

— Достану прощальный комплект, — вздохнул Константин, и вышел из рубки.

В коридоре он приложил ладонь к панели, которая почти сразу отъехала в сторону, тихо прожужжав сервоприводом. За ней, в нише, хранились «прощальные комплекты». Открыть эту панель можно только после ввода команды на самоуничтожение корабля.

Когда Константин вернулся, и кинул на пол рубки управления три «прощальных» комплекта, Вацлав с Виктором не сговариваясь присвистнули от удивления. Кто-то позаботился, и укомплектовал «Старину Джо» последним достижением корпорации «Наноит»: новейшие боевые скафандры космического десанта «Set».

— Гробы! — Виктор, похоже, обрадовался.

— Боевая броня «Сет», — педантично поправил его Константин.

— Я и говорю: это же «саркофаги Сета»!

Set — не только английское: «набор, комплект». Set или Seth — бог из древнеегипетской мифологии. Вроде, был покровителем воинской доблести, ярости, войны. При одних фараонах Сэт — покровитель и защитник, при других — демон, олицетворение хаоса, и чуть ли не хозяин загробного мира.

Ходили упорные слухи, что боевой скафандр системы Set может эффективно продолжать бой и после физической смерти десантника. Дескать, нейросети, формируемые

управляющими нанитами не только саообучаются, но буквально копируют часть личности носящего эту броню десантника, и после нескольких схваток способны самостоятельно управлять оружием и силовыми приводами. Менеджеры корпорации «Нанит» такие слухи не опровергали, очевидно, считая их выгодными с точки зрения PR и повышения продаж.

Вацлав, облачившись в боевой скафандр (Сэт, вообще-то, самостоятельно «обтёк» фигуру), с полной серьёзностью объявил:

— Не поминайте лихом. Для меня было честью служить вместе с вами, ребята.

— Прости, адмирал, если... там... за косяки, короче, — попросил в ответ Виктор. — Я при любом раскладе ни о чём не жалею.

— Вы, товарищ лейтенант, держитесь за нами, пожалуйста, — попросил Константин. — Когда начнётся.

— Да, — подхватил Виктор. — Уж положись на нас. А то... потеря командира в бою — сам понимаешь, товарищ лейтенант. Уж лучше мы первые.

— Главное, что бы не сыграть в сухую, — буркнул Константин, проверяя, как силовые приводы отзываются на движения рук. — Хотелось бы не продешевить.

— Скажешь тоже! Уж, мы себя не на помойке нашли, — отозвался Виктор, — цену знаем, марку будем держать.

— Взрыватели взведены, плазмы в реакторе хватит, — сообщил Вацлав, последний раз проверяя приборы.

— Мы. Пришли. Смирно, — проговорила несказанной красоты нежное видение, внезапно появившееся прямо посередине рубки управления.

— Это вот чего, это и есть фиане? — ошарашенно пробормотал Виктор.

— Клянусь, у неё хвост, — прозвучал удивлённый голос Вацлава.

Гарнитура инфора пилинькнула Вацлаву в ухо, тактично напоминая, что начат обратный отсчёт системы самоуничтожения. И Вацлав метнулся к пульту управления.

Виртуальное пространство на сервере Генерального Штаба

Расширенное экстренное совещание генерального штаба проходило в виртуальном пространстве. Аватары офицеров строго по инструкции: условные фигуры соответствуют званию, должности, текущим задачам и сектору ответственности, но никакой личной информации. Всё собрание плыло над звёздами, испещрёнными метками стратегического планирования. С докладом выступал начальник разведывательного отдела штаба четвёртого ударного флота.

— Мой полный доклад прилагается. Кратко, по существу произошедшего недавно на границе восточного звёздного сектора боестолкновения между эскадрой объединённого космического флота человечества и звездолётом фиан, имею доложить следующее.

В центре круга аватаров командования, генералов и адмиралов, появилась фигура фианской девушки.

— Господа офицеры, представляю вам офицера наблюдения фианского космического флота: госпожа Аритайя, капитан и смерть. Кхм. По имеющимся у меня данным последнее — ранг, допускающий, в том числе, использование психотропного оружия, которое госпожа смерть применила в обсуждаемом инциденте.

Отдельные тихие писк, отмечающие поступление конфиденциального сообщения кому-то из собравшихся, слились в поток шума. Докладчик взял паузу, переждав, пока этот шум немного утихнет.

— Прошу Вас, госпожа капитан, смерть, Аритайя.

Изящная фигурка инопланетянки склонилась в, наверное, ритуальном поклоне, и раздался голос фианки:

— Вина. Моя. Ошибка. Приношу полные извинения.

Шум поднялся с новой силой.

— Как вы все можете видеть, — не повышая голоса, спокойно продолжил докладчик, и пиликанье и служебных инфоров прекратилось, — в результате операции, успешно проведённой разведотделом штаба четвёртого...

Тут бибикнул инфор самого докладчика, и через секунду его аватар сменил сначала звёзды на погонах, а затем и мундир.

— Кхм. В результате успешной операции разведывательного департамента генерального штаба в сотрудничестве с нашей контрразведкой, нам удалось выйти на контакт с группой прогрессивных и доброжелательно настроенных фиан. Обсуждаемый здесь сейчас инцидент случился в результате попытки этих фиан самостоятельно выйти на контакт с нами.

— Мы пришли с миром, — вставила фианка.

В третий раз докладчика прервал шквал сигналов приёма конфиденциальных сообщений.

— Фиане, представляемые здесь госпожой капитаном и смертью... кхм! Прошу прощения, возможно я неверно трактую систему званий и статусов, принятую в космическом флоте фиан. Фиане, представляемые здесь госпожой Аритайей, предоставили

нам ряд пояснений к Ультиматуму, который человечество получило от империи фиан триста лет назад. Подробности изложены в материалах, прилагаемых к моему докладу. Коротко: угроза геноцида, которую озвучили человечеству триста лет назад фиане, исходит не от самих фиан, а от их угнетателей, от расы галактических агрессоров, под названием «хищники», они же «кохи». В ходе особой операции нашими... оперативниками... привлечёнными в рамках... э...

Ещё раз пиликнул инфор докладчика, и тот продолжил увереннее:

— Оперативниками отдельного подразделения из числа сил особого назначения разведывательного департамента генерального штаба доподлинно установлены некоторые факты злодеяний упомянутых «хищников». Мы исследовали руины уничтоженной агрессорами цивилизации, расположенными в непосредственной близости от Предела. Наши оперативники были дважды атакованы «хищниками» без всякого предупреждения. И это несмотря на то, что наш оперативный разведывательный отряд действовал на безоружном гражданском борту!

И снова шум прервал докладчика. На этот раз пауза вышла дольше предыдущих. Шум прекратился, когда внезапно слово взял аватар «товарища первого»:

— Товарищи офицеры! Наши аналитики тщательно изучают представленные материалы, и я лично могу сейчас сообщить предварительные выводы. Так называемый Ультиматум, предъявленный человечеству триста лет назад, являлся попыткой уберечь нас от столкновения с расой кохи. Фиане нас... м-да... пожалели. Спрятали.

На этот раз шум сигналов конфиденциальной связи посмел прервать даже «товарища первого».

— Понимаю, — кивнул тот после минутной паузы. — Тут есть что обсудить. И сделать оперативно-тактические выводы. Мы ждём проработанный план компании по защите... прогрессивных разумных рас галактики... от агрессоров.... Товарищ начальник контрразведки, возьмите под личный контроль: необходимо в кратчайшие сроки скорректировать пропагандистскую работу в массах. Пускай заменят силуэты фиан на всех плакатах на что-нибудь хищное. А сейчас я попрошу доложить состояние боеготовности основных сил, ударных флотов, и групп специального назначения.

— Первый ударный в боевом патрулировании, готовность ноль!

— Второй ударный действует по плану учений. Готовность ноль!

— Третий ударный завершает выдвижение на позиции. Готовность ноль!

— Четвёртый ударный проходит внеплановую профилактику оборудования. Готовность три!

— Пятый ударный завершает доукомплектование и загрузку боекомплекта. Готовность четыре!

— Шестой ударный в боевом патрулировании. Готовность ноль!

* * *

— Особая тактическая группа одиннадцать выдвигается на новые позиции. Готовность пять!

— Специальная авианосная штурмовая группировка двенадцать. Готовность три!

— Докладывает гиперпространственная крепость!

— Адмирал! — недовольным голосом отозвался «товарищ первый». — Вы являетесь...

— Гиперпространственная крепость требует доукомплектования личном составом!

— ...стратегическим резервом Ставки! Надеюсь, Вам знакомы выражения «особые планы» и «крайний случай», адмирал?

Вацлав и Арита́йя: Передышка

Земля

— Какая красивая Песнь! — восхитилась Арита́йя. До этого фианская девушка слушала новый популярный хит, совершенно замерев. — А о чем она?

— Честно говоря, — Вацлав замялся, — понятия не имею. Я не знаю этот язык.

— Почему? — удивилась та.

— У людей много языков. Все не выучишь.

— Вот как! — удивилась фианка. — А зачем людям много языков?

Пока Вацлав лихорадочно соображал, как это объяснить инопланетянке, Арита́йя переключилась на другой вопрос:

— А почему она не поёт сама здесь? Почему... ну... гало... грамма?

— Это вокалоид, — вздохнул Вацлав. — Это существо не существует в реальности. Она — виртуальная.

— Ого! — восторженно, словно юная девочка, воскликнула грозный капитан Смерть великой расы фиан, и от полноты чувств попрыгала на одной ноге. — Сфотографироваться! Можно?

— Затопчут же, — вздохнул Вацлав, кивнув на толпу поклонников и поклонниц популярного вокалоида.

Вацлав с Арита́йей гуляли на фестивале комиксов и аниме. При этом фианка была одета в свой старый потёртый лётный комбинезон, украшенный лентачками с каким-то национальным фианским узором. Очень сокрушалась, что другой одежды у неё на корабле Капитана Смерть не было. Корила себя, что не подумала о гардеробе, когда собиралась лететь на встречу с заочно знакомым лишь по голосу человеком.

Так что фианка прошлась по Земным магазинам. Правда, перепутала, и попала в хозяйственный. Но ей и этого хватило: купила ленты, краску, и уже в гостинице нанесла на ленты какой-то фианский традиционный узор. Украшенный узорными лентами лётный комбинезон Капитана Смерть смотрелся на инопланетянке (кстати, весьма милой для человеческого глаза) как-то очень экстравагантно. Вполне аутентично для инопланетной-то расы.

А Вацлав предпочёл простой мундир. Не военный, нет. Мундир был из мира комиксов.

В общем, парочка особо не выделялась здесь, на фестивале.

— Лучше сфотографируйся... вон, с тем милашкой! — Вацлав кивнул в толпу героев различных комиксов, и на глаза ему попался тентакледемон, расхаживающий неподалёку с табличкой: «бесплатные обнимашки!»

— А кто это? — тут же переключилась Арита́йя на тентакледемона.

— О! Это персонаж одной древней философской притчи! — заявил Вацлав, смутившись лишь самую малость. — Я тебе потом расскажу.

Подумать только, вначале притащить девушку инопланетянку на фестиваль манги казалось ему замечательной идеей! Ещё бы! Где же ещё на планете Земля можно спокойно погулять с фианкой, как не на фестивале, где каждый второй наряжен фантастическим существом! На фианку тут никто и внимания не обратит.

Отчасти он угадал, но только отчасти. Во-первых, внимание всё-таки обращали.

— А ты кто? — громко спросил подбежавший откуда-то восторженный маленький мальчик у Аритайи.

— Второй наблюдатель космического флота фиан, — ответил за неё Вацлав.

— А ты тогда кто? — спросили уже у самого Вацлава.

— Не видно разве? — Вацлав развёл руки, демонстрируя свой китель: — Я же Капитан Очевидность!

Просили вместе сфотографироваться, улыбались, и пеняли, что фианка выглядит не достаточно впечатляюще для алиена.

— Вам явно не хватает аксессуаров, — весомо посоветовала Аритайе девушка-киборг, увешанная человеческими черепами, и, скрежетнув шестерёнками, предложила: — Хочешь, вот, возьми у меня одну черепучку. Увидишь, образ сразу заиграет!

А во-вторых, сама Аритайя! Уж фианка-то внимание обращала — на всех и на всё! И Вацлав уже чувствовал себя выжатым лимоном. Поди-ка объясни, кто все эти существа, и чего это они тут вытворяют.

— А что такое «обнимашки»? — вот, опять.

— Ритуальное выражение личного сочувствия и участия, — выдал Вацлав не задумываясь первое, что пришло в голову. И мимолётно подумал, что, наверное, неплохо смотрится в роли Капитана Очевидность.

— Ай! — с визгом отпрыгнула Аритайя от тентакледемона. — Он... — и залилась краской, хвост поджала.

— У него только верхнюю пару щупалец можно считать живыми, да и тем руки плотно замотаны слоями ткани. А эти, остальные тентакли — просто механическая игрушка, их прикосновения не считаются, — постарался успокоить Вацлав фианку.

Та смутилась, буркнула: — «Простите!»

— На! Пальни в чудовище из моего бластера! — предложил оказавшийся рядом Старший Спасатель Малой Бу, протянув бутафорский бластер, со встроенной камерой. — Пальнёшь, сразу полегчает! Вот мы с ребятами в пятьдесят втором эпизоде третьего сезона! Смотрела?

— Вы весьма любезны, — заметил наш Капитан Очевидность, — но демон уже сбежал.

— А что такое «бластер»? — поинтересовалась Аритайя, вертя в руках игрушку.

Вацлаву мимолётно подумалось, что лучше бы он с Аритайей ещё раз погулял в ботаническом саду!

«Почему бы тебе, товарищ Вацлав, где-нибудь не погулять пока с инопланетной девушкой?» — предложили они. — «Ты, наверное, и сам был бы не прочь посетить, скажем, Землю? Колыбель, и всё такое...»

«Познакомь её с нашей цивилизацией, с нашими культурными традициями, со всяким нашим искусством... ну, пожалуй, кроме так называемого «актуального современного» — сам понимаешь» — попросили они.

«Мы тут пока будем заняты. Мы вас потом позовём. Погуляйте пока» — приказали они. — «И смотри, парень! Если что — башкой отвечаешь!»

Он их спрашивал: — «Хотя бы в двух словах поясните, какой линии мне следует придерживаться?»

И они сформулировали генеральную линию для ознакомительной поездки представительницы фиан на Землю, озвучив краткие, но чёткие тезисы:

«Мы белые и пушистые!» — строго приказал какой-то большой генерал. — «Мы за прогресс и счастье всем даром!» — и помахал выразительно кулаком. Очевидно, грозил всем этим либеральным блогерам, и прочим сочинителям пасквилей.

«Но под белым пухом у нас стальные яйца!», — дополнил другой. — «Нас где согнёшь, там и прикопаем!»

«Но с нами легко договориться», — закончили они инструктаж.

И Вацлав купил билеты на балет в знаменитый Большой Театр. На лебедей. Они белые и пушистые. И на стадион — продемонстрировать алиенскому миру в лице симпатичной фианки нестигаемый дух человеков на примере спортивных состязаний. А потом прелестная космическая фея заявила, что ей надоело носить скафандр, когда все вокруг одеты так легко.

Да, фианку нарядили в лёгкий космический скафандр. Карантин, бактериологическая угроза, всё такое. А заодно избежать преждевременного распространения слухов. При нынешней свободе слова контролировать толпы блогеров решительно невозможно.

Так что Аритайя прогуливалась по Земле в лёгком скафандре, и её лицо закрывало зеркальное забрало, прозрачное изнутри, но непроницаемое снаружи.

Нет, люди на улице не пялились на кого-то, одетого в лёгкий космический скафандр. Тут, на Земле, в центре межзвёздной толерантности ещё и не так одеваются. Некоторые. Всём, в общем-то, плевать, пока ты ведёшь себя прилично.

Но самой фианке ходить в скафандре быстро надоело. И одним прекрасным утром она заявила Вацлаву, что, дескать, зря тот переживает за фианский иммунитет к Земным бактериям. Фиане, дескать, многие столетия путешествуют по самым разным планетам, и где только не приспособиваются выживать! Уж проблемы с вирусами и микрофлорой они давно для себя решили.

— Человеки, наверное, боятся, что Аритайя вас чем-то неведомым заразит? — прямо спросила фианка.

— Ну... да, — прямо сознался Вацлав, и брякнул: — Вдруг мы биологически совместимы?

Сообразил, что брякнул, и покраснел до корней волос, как мальчик на первом свидании.

— Это. Сложно сказать, — задумалась фианка. — Аритайя не биолог. Но у фиан есть кцкхе.

— То есть, ты уверена, что скафандр тебе не нужен? — Вацлав поспешил вернуть разговор с темы биологической совместимости на тему скафандров.

— Безопасно. Аритайя без скафандра на этой планете может жить. Аритайя без скафандра безопасна для человеков. Потому что кцкхе.

— Нет перевода, — повозившись со своей носимой электроникой, сообщила Аритайя. — Словарь не полон.

Этот разговор состоялся у них вчера, в номере гостиницы, снятом генеральным штабом для Аритайи. Тогда-то Вацлав и придумал отправиться на фестиваль манги и аниме.

— Это просто чудачество, — в очередной раз попытался он объяснить Аритайе смысл происходящего. — Смысла нет. Это всё что бы было весело.

— Капитан Очевидность загнул! — крикнул ему кто-то. Вацлав даже не глянул в ту сторону, только рукой помахал, дескать, рад помочь, обращайтесь ещё.

— Да, — заявила фианка. — Аритайя видит это... в себе. А Вацлав..., то есть Вацлав...

— Какая милота! — раздался чей-то голос откуда-то со стороны.

— Вот! — тут же оживилась фианка. — Нужное слово! Вацлав боится. Вацлав всё время

боится, что Аритайе не понравится здесь, среди людей. И это мило! Да!

От такого заявления парень, было, растерялся, но быстро нашёл выход:

— Может, перекусим? — предложил Вацлав. — Можно прямо на газоне расположиться.

Роджер Бондски предпочитал вегетарианскую кухню, и был весьма ею доволен. Вацлав, помня кулинарные пристрастия отца, с самого начала весьма верно догадался, какими блюдами можно расположить сердце фианки к человеческой кухне. Отчасти поэтому высшее руководство посчитало кандидатуру Вацлава наиболее подходящей для сопровождения дружественного капитана фианского космического флота.

Парочка расположилась на траве газона. Среди таких же парочек, попивающих напитки из термосов. Отсюда было хорошо видно сразу две эстрадные площадки. На одной выступали вокалоиды, а на другой шёл данс-батл.

Перекусив, Аритайя принялась объяснять Вацлаву, что является сенсориком:

— Понимай, Вацлав: Аритайя смотрит глазами, слышит ушами, но это всё не так важно для Аритайи. Важнее, что Аритайя чувствует все чувства всех живых существ вокруг. Внутри себя. Аритайя сенсор. Очень чувствительный, да. Внешнее и внутреннее едины. Взаимопроникают, взаимозамещаются. Аритайя чувствует, что все эти люди полны добра, радости, счастья от общения с себе подобными. Люди очень странные существа. Такие забавные.

Вацлав слушал фианку, и думал. Думал о долге, о приказах, и о том, что генералы, пожалуй, не понимают, чем всё может обернуться.

— Наряжаются чудовищами, и веселятся! — меж тем продолжала Аритайя. — Полагаю, это очень сложно отразить в отчётах. Немудрено, что наши чопорные и сухие старейшины из «Запределья» решили, что фианам следует воздержаться от контактов с людьми. Вы действительно очень странные. Но, Вацлав, пожалуйста! Аритайя очень просит! Давай будем думать о серьёзном завтра! Можно сегодня здесь просто побыть счастливыми?

И Вацлав плюнул. Махнул рукой на генеральный штаб, и плюнул на политику. Сегодня и здесь он просто отдохнёт, а о серьёзных вещах подумает как-нибудь потом, на свежую голову.

Оказалось, что нервное напряжение Вацлава для фианки-сенсорика было чем-то вроде волнореза, или защитного фильтра. Когда Вацлав расслабился, Аритайю накрыло чувствами людей, собравшихся на фестиваль веселиться. Накрыло, смыло все тревоги и сомнения, и унесло в какие-то заоблачные дали эйфории.

Аритайя запела. Она пела, изливая переполняющее её счастье.

Нет, излучающее психотропное оборудование осталось на борту звездолёта Капитана Смерть. Просто певунья, будучи сенсориком-эмпатом, тонко чувствуя настроение аудитории, точно попадала в нужные эмоции, затрагивая в сердцах сокровенное, заставляя их все биться в резонанс.

* * *

Прекрасная и такая милая фианка в потёртом лётном комбинезоне явно инопланетного кроя, трогательно украшенном ленточками с каким-то инопланетным узором, пела «Катюшу». Пела самозабвенно и искренне. С непередаваемым милым акцентом.

Непривычным человеческому уху, местами резковатым, но всё же милым. Пела под усыпанным звёздами ночным небом, стоя на козырьке над входом в какую-то кафешку, куда её буквально вознесли на руках восторженные слушатели.

Эта запись на следующее утро обошла экраны всех каналов по всем заселённым человечеством мирам. Эту запись смотрели фермеры на Топураге, учёные на Ньютоне, инженеры на Кольцах Сатириуса, и даже непримиримые сепаратисты на своих тайных пиратских базах.

Посмотрели её и генералы генерального штаба.

«Хорошо поёт», — как всегда, кратко и ёмко констатировал «товарищ первый». Соответствующие службы сразу сделали верные выводы, и «взяли под козырёк». После трёхсот лет насаждения образа врага, поющий капитан фианского флота оказался очень кстати.

«Сделайте из неё звезду эстрады. И не называйте фианкой. Вообще, переименуйте как-нибудь фиан. Фианам всё равно, как мы их называем, а нашей агитационной компании будет проще. Да назовите их феями, что ли», — озвучил задачу ответственный генерал.

* * *

— Ненужно ничего оплачивать, что Вы! — распинался перед Вацлавом директор пятизвёздочного отеля. — Просто спойте! Одну песню! Очень просим!

— Я чувствую, им это почему-то очень нужно! — тихонечко сказала Вацлаву Аритайя. И спела.

«Нужно им!» — ворчал про себя Вацлав. — «Реклама им нужна. Практически задаром!» — но выступление фианки заснял на личный инфор.

— В любое время года, в любом часу суток, в нашем отеле всегда будет номер люкс для Вас совершенно бесплатно! — заверил Аритайю лично владелец отеля после короткого концерта, который, разумеется, засняли внезапно материализовавшиеся журналисты.

* * *

Вызов Вацлаву на персональный инфор пришёл неожиданно, и незнакомый адмирал сразу перешёл к делу, минуя формальности и приветствия:

— Мне жаль, сынок. Но лететь должна та же команда на той же машине. Дело важное, и рисковать проколоться на мелочах мы не можем. Так что «Старина Джо» уже ждёт тебя.

На этот раз брифинг по предстоящей операции проходил в реальном пространстве-времени, ради чего Вацлаву и его товарищам пришлось лететь на Венеру.

Как раз там, на знаменитых Венерианских верфях, его ожидал отремонтированный «Старина Джо». В скромном закутке на задворках, на фоне грандиозной, ни на миг не прекращающейся стройки, на фоне силуэтов «объектов» с числовыми кодами вместо имён. Это, в сполохах плазменных разрядов, в брызгах раскалённой стали, рождались новейшие батлшипы проекта под рабочим названием «Судья». Первый из батлшипов этой серии получит имя «Dies irae», каковое и впишет в историю мощью своего главного калибра. Тактико-технические характеристики «объектов» серии «Судья» ещё заставят самых упёртых скептиков убедиться, что человечество не оскудело покамест ни инженерами, ни проектировщиками. Но это потом.

Сейчас путь маленькой команды Вацлава Бондски лежал мимо Венерианских верфей к парящему городу номер семьдесят один.

Задачу команде ставил Андрей Егорович. Теперь старый разведчик служил в разведывательном департаменте генерального штаба, носил звание контр-адмирала, и новая его должность была Вацлаву неизвестна.

Поставленная задача Вацлава удивила. Вернуться в пространство, контролируемое хищниками, и выполнить действия по инструкции «Первый контакт». Очень старая инструкция, составленная ещё до Ультиматума от фиан, предполагала предоставить инопланетянам эдакую рекламную открытку о цивилизации людей.

— Пасторальные пейзажи, весело играют розовощёкие детишки, пляшут народные пляски профессиональные коллективы, плюс строительство моста, и панорамы городов с высоты птичьего полёта. Надеюсь, хищникам придётся по вкусу, — хмуро высказался Андрей Егорович, и добавил: — И ни одна пацифистская душа потом нас не попрекнёт!

После представления, разведчикам предписывалось без паники и спешки отступить в систему Немо-1820.

— А теперь я попрошу задавать вопросы, — пригласил Андрей Егорович к обсуждению.

— Вы хотите ударить первыми, — не спросил, а констатировал Вацлав. Для него не составило труда догадаться. Очень уж эта миссия похожа на банальную провокацию. И заманивание в ловушку.

Виктор и Константин стояли рядом, и с вопросами лезть не спешили, но слушали внимательно.

— К сожалению, нам ничего другого и не остаётся, — не смутившись, ответил контр-адмирал. — Спроси меня, скольких аналитиков мы привлекли к этой работе. И я не смогу тебе ответить точно. Бессчётное множество. Миллионы прогонов тысяч математических моделей. Вывод один: сейчас у нас есть возможность реализовать преимущество внезапности. Но с каждым днём наши шансы тают. Вы наткнулись на хищников, они наверняка поняли, что ваш «Старина Джо» — явно не фианская яхта. Они станут искать неизвестную цивилизацию. А мы, к сожалению, не иголка в стоге сена. А когда — заметь, я

не говорю «если» — когда они нас найдут, преимущество внезапности будет уже на их стороне.

Помолчали.

— Скажи, сынок, — поинтересовался Андрей Егорович, — а за каким лихом, ты загрузил трюмы «Старины Джо», перед уходом на «вольный вектор» далеко за Предел? — и заглянул в глаза, хитро сощурившись.

Вацлав смутился. Это Теодор Мицкович настоял, что бы Вацлав забрал свою долю урожая. «Девай, куда хочешь! У тебя, вон, корабль есть — свежи, да продай!» А Виктор, их капитан Виктор, ещё и заявил, что это, возможно, шанс наладить торговлю с инопланетянами. В той заварушке, когда «Старина Джо» попал в засаду хищников (которые, вообще-то, ловили не его), Вацлаву пришлось скинуть весь груз за борт.

— Это было гениально, сынок, — похвалил адмирал. — Вы появились на устаревшем звездолёте, лишённом вооружения, и скинули хищникам не какую-нибудь компьютерную технику, а продукцию сельского полеводства! И вас спас звездолёт фиан! Если бы мы сочиняли сценарий для заманивания в наше пространство хищников, то не смогли бы придумать ничего лучше! Безоружные, отсталые, травоядные, полагающиеся на покровительство фиан. Покровительство фиан, которых хищники рассматривают исключительно в качестве охотничьих трофеев! Такие предварительные выводы должно сделать их руководство.

— И что, по мнению наших аналитиков, предпримут хищники? — поинтересовался Вацлав.

— Выверты психологии неизвестной нам расы, разумеется, не предсказуемы. Люди организовали бы разведку боем. Небольшое мобильное ударно-диверсионное подразделение флагов на дюжину. Осторожничать бы не стали. Ну а отмороженные психопаты-убийцы, какими рисуют хищников фиане, радостно бросились бы всей толпой. К счастью, у нас есть возможности подготовиться к обоим вариантам.

— Мы для них незнакомая раса, — покачал головой Вацлав. — Элементарная логика диктует осторожность. А воинственная раса, нагнувшая всю галактику не может быть сборищем дураков.

— Думаешь, мы этого не учитываем? — нахмурился Андрей Егорович, и тут же поинтересовался: — Что ты хочешь предложить?

— Если бы мы могли выдать себя за уже известную хищникам расу каких-нибудь слабоков..., - задумчиво протянул Вацлав.

— Мы прорабатывали эту идею, — кивнул контр-адмирал. — Но ситуация такова, что хищники знают о прочих расах нашей галактики гораздо больше нашего. Мы наверняка облажаемся, попытавшись прикинуться кем-то.

— Госпожа Аритайя... — начал, было, Вацлав, но и сам сообразил.

— Насколько нам известно, она не является специалистом по инопланетным расам, — с сожалением покачал головой Андрей Егорович. — Иначе бы она к нам и не сунулась. Милая наивная девочка. Получившая своё свободное капитанство, наверняка, в силу стечения каких-то отнюдь не штатных обстоятельств. Мы не можем требовать от неё слишком многого.

— Что нас ждёт в системе Немо-1820? — спросил тогда Вацлав.

— Мы сооружаем там подобие орбитального города, что вы обнаружили в свой первый поход за Предел, — ответил контр-адмирал. — Из замаскированных и сцепленных друг с

другом кораблей наших флотов, и наспех собранных конструкций. Хищники увидят мирный орбитальный город. Если их будет, как мы и рассчитываем, небольшой диверсионный отряд, то город едва-едва отобьётся, понеся якобы чудовищные потери и разрушения в результате их пробной разведки боем. Пусть хищники радуются, и прилетают основными силами.

— А если их будет много?

— Немо-1820 — тройная звёздная система со сложной навигацией. Прямо сейчас наши самоотверженные инженеры в тяжёлых условиях монтируют на низких орбитах тех звёзд дивизионные концентраторы. Проект класса «Последний довод». Это когда в качестве рабочего тела боевого лазера выступает сама звезда.

— Вы так откровенно нам всё рассказываете...

— Потому что дело у вас крайне рискованное. Вы должны понимать, за что идёте умирать.

— Это мы и так всегда помним, — буркнул Виктор.

— Сделаем всё в лучшем виде, — заверил Вацлав контр-адмирала.

— С Богом, сынки! — серьёзно кивнул тот в ответ.

Вацлав: Неслучайная встреча

Система Сириус, на борту «Старины Джо»

— Охайо! О! Учуу-но сенкан! — разразилась дальняя связь хрипловатым басом, — Курасива, курасива сёнкан! We will be refull it. Bistro-bistro refull!

«На связи техническое судно компании «Sirius bistro engineering», — гласила поясняющая надпись.

Вацлав мельком глянул на мониторы. Среди сполохов помех мерцала отметка небольшого инженерного судна. «Sirius bistro engineering» — одна из дюжины мелких компаний обслуживающих перекрёсток космических трасс на Сириусе.

Вскоре после визита Вацлава с командой на Венеру, с Аритайей поговорили. Кто-то из профессионалов переговорщиков. Сочувственно поинтересовались, не переживают ли её родные, мягко подтолкнули к мысли, что неплохо бы ей слетать домой, искренне пожалели, что она улетает, выразили надежду — ни сколько не кривя душой — что ещё смогут когда-нибудь услышать её песни, и намекнули, что Вацлав с ребятами на «Старине Джо» смогут проводить фианского Капитана Смерть до Предела человеческих территорий. Так что теперь «Старина Джо» сопровождал чудной чужой звездолёт в форме аlienского черепа. Там они должны будут расстаться, и маленькая команда Вацлава отправится ловить таинственных хищников, тысячелетие наводящих ужас на всю галактику. Ловить на живца.

Вообще, по первоначальному плану они должны были идти через Вольф, что в 7.8 светогодах от Солнца. Но Вацлава смутило цветастое, усыпанное блёстками и полное радостного предвкушения приглашение, пришедшее от имени «искренних фанатов фантастического таланта несравненной Аретайя, с нетерпением ожидающих встречи в системе Вольф». Представив толпы фанатов, Вацлав благоразумно вспомнил о важности предстоящей миссии, и решил, что слегка запутать следы — вот, только безопасности ради — будет разумной предосторожностью. Мало ли какие террористы, или просто психопаты загорятся вдруг какой-нибудь странной идеей. Нельзя же, из-за них рисковать такой важной миссией.

И как раз во время обсуждения курса, в момент, когда Вацлав взял задумчивую паузу, подбирая слова, что бы как-то ненавязчиво предложить Аритайе слегка изменить курс, та вдруг сама же и спросила про Сириус. Дескать, где это, и не будет ли им случайно по пути.

Дело быстро сладилось: пока Константин по просьбе Вацлава рассказывал Аритайе с системе Сириус, и как там всё очень интересно и загадочно, сам Бондски потихоньку отправил заявку на техобслуживание, желательно быстрое, и прямо в полёте.

Сейчас «Старина Джо», только что вышедший из гиперпрыжка, оттормаживался, а техническое судно «Hoshikuzu» подходило правым бортом сходящимся попутным курсом. Очевидно, их капитан заранее вышел на нужную орбиту от Сириуса-Бетта, на основании полученных в заявке от Вацлава координатах встречи.

Вацлав смотрел на экран радара, на сполохи помех, и отстранённо думал о том, что уж чем славен Сириус, так это мусором и пылью — этого тут много. Хотя не настолько, что бы совсем запретить навигацию. Газ и пыль в системе оставила стародавняя катастрофа, когда звезда Сириус-Бета взорвалась, сбросив кучу звёздного вещества, и стала сжиматься,

превращаясь в то, что мы видим сейчас — белый карлик. Трудно представить, сколько планет тогда сгорело и рассыпалось в пыль. И глядя на сполохи помех на экранах радаров Вацлав недоумевал, что тут могло заинтересовать Аритайю. Сразу-то он не спросил — обрадовался поводу сменить курс и уклониться от поклонников новой звезды эстрады.

— We будем быстро-быстро refull такой курасива учуу-но сенкан! — ещё раз пообещала дальняя связь.

Вацлав мельком подумал о том, что ни устаревшее слово «refull», ни чаще применяемое нынче слово «recharge» не особо соответствуют тому, что под этим подразумевают: комплекс технических мер, необходимых для подготовки космического аппарата к следующему гиперпрыжку. Ещё он так же мельком подумал, что хорошо, должно быть, фианам: на их звездолётах есть такая специальная запчасть, под названием «накопитель», которая заметно упрощает гиперпрыжки. И о том, что команда из трёх человек слишком мала для обслуживания «Старины Джо» в дальнем походе, где нет таких удобств, как «Sirius bistro refull». А потом на связь вышла Аритайя.

Галограмма фианки в полный рост возникла прямо посреди рубки управления:

— Доброго дня! — поздоровалась она. — Аритайя уйдёт к большой яркой звезде Сириус-Альфа. Зарядить накопитель, и сделать измерения для навигационного журнала.

— И тебе доброго дня, Аритайя, — отозвался Вацлав. — Хорошо, я понял. Встретимся позже и скорректируем курсы на следующий прыжок.

Инопланетянка явно замаялась, но решившись, заговорила:

— Вацлав показал Аритайе свою планету, планету людей. Аритайя должна... Аритайя хочет показать Вацлаву планету фиан. Так правильно!

Вацлав не пару секунд остолбенел, потерялся в сумбурном потоке мыслей и чувств. Подумалось о перспективах установления дипломатических отношений с потенциально дружественной и технически более продвинутой расой, и о шансе увидеть, возможно, родину отца, Роджера Бондски, и о важном задании от военной разведки генерального штаба, из-за которого придётся от всего этого отказаться. Сильнее всего, конечно же, потрясала воображаемая сцена, в которой Вацлав сообщал бы Виктору о том, что их пригласили в гости на настоящую планету настоящих фиан, полную настоящих артефактов, которые там, должно быть, можно легко выменивать на какую-нибудь банальщину, вроде стеклянных бус, и что от этого приглашения им придётся отказаться. Тут воображение Вацлава подводило, и попытка представить лицо Виктора, услышавшего такую новость, провалилась.

Пока бедняга Бондски судорожно пытался изобрести, что бы такого сказать этой замечательной фианке, что бы отказаться от такой чести, Аритайя продолжила говорить:

— Так правильно, да, но Аритайя не может! Это сложно объяснить! Очень-очень жаль! Мои полные извинения! — и фианка изобразила глубокий ритуальный поклон.

Вацлав с облегчением выдохнул, не сдержался. Девушка эмпат-сенсорик взглянула на него с удивлением.

— Правда в том, что я тоже не могу сейчас принять такое замечательное приглашение, — тут же постарался ей объяснить Бондски. — У меня есть дело, которое я должен сделать. Понимаешь?

— Долг, — кивнула фианка, — Аритайя понимает!

И всё бы хорошо, и Вацлав уже подумал, было: — «Пронесло», — но фианка вдруг с чего-то поинтересовалась:

— Когда мы расстанемся, Вацлав вернётся домой? На планету Земля? Аритайя хотела

бы кое-что передать...

Внимание, вопрос знатокам: как соврать инопланетному экстрасенсу эмпату? Правильно, никак. Вот и Вацлав решился, и честно признался Аритайе, что должен лететь на поиски кохи, что бы попытаться установить с ними контакт.

А попробуйте не признаться, если девушка — хороший сенсорик, и читает твои чувства, как открытую книгу. Врать нельзя, мало ли, как фианка отнесётся ко лжи. Нельзя рисковать дипломатическими отношениями с целой расой. С расой, космическая техника которой явно превосходит человеческую. А уж если и девушка эта тебе, откровенно говоря, интересна... Короче — часть правды о своей миссии Вацлав решился приоткрыть.

Но вот реакция Аритайи его напрочь выбила из колеи: лицо фианки в ускоренном темпе продемонстрировало бурю эмоций, а в следующую секунду Аритайя закрыла лицо руками. Вацлав за время, проведённое в беседах с фианкой полагал, что научился распознавать эмоции у фиан, но тут он растерялся и ничего не понял.

— Лес говорил так же! — пробормотала фианка. Совладав с собой она отняла руки от лица, но глаза на Вацлава так и не подняла.

— Лес — это друг. Мудрое, древнее, могущественное существо. Лес считал, что может договориться с хищными кохи. Они убили его! Сожгли ядерными бомбардировками целую планету! Вацлав... Вацлав тоже не послушается Аритайю?

— Нет! Нельзя! — заявила фианка мгновенно превратившись из трогательного милого существа в... весьма взволнованное и строго нахмуренное трогательное милое существо. — Фиане много раз пытались поговорить с хищниками кохи! И не только фиане! Все переговорщики погибли! Всегда погибали! Вацлав должен понять: мы для хищников просто еда! Хищник с едой не разговаривает! Хотя запросто может поиграть!

Вацлав попытался успокоить космическую гостью, но та успокаиваться не желала:

— Аритайя не специалист по инопланетным формам жизни и генезису разума во вселенной. Но Аритайя теперь Капитан Смерть! Это значит, что Аритайя имеет доступ к материалам исследований. Даже таким материалам, которые не рекомендуются к ознакомлению обычным фианам. Аритайя может показать эти материалы Вацлаву. Но проще будет сразу дать выводы.

Вацлав, начавший было заверения в том, что его миссия — шаг необходимый, пусть даже останется простой формальностью, поскольку тут дело в принципе, и что лично он, Вацлав, рисковать жизнью не собирается, и всё сделает с безопасной дистанции, заслышав о доступе к секретным исследовательским материалам фиан, тут же заткнулся на полуслове, совершенно потрясённый. Аритайя, эта девушка со звёзд, что, действительно вот так ему лично доверяет? Или...?

— Садись, Вацлав, — предложила меж тем фианка, — Садись и слушай.

Вацлав подумал, кивнул, и сел, приготовившись слушать. Аритайя пару минут походила из угла в угол, очевидно, собираясь с мыслями, а затем начала говорить:

— Жизнь в нашей галактике — довольно редкое явление, но жизнь разумная — вообще феномен. Нашим учёным известно много различных видов, потенциально имеющих искру разума, но осознают себя, изобретают речь, и прогрессируют лишь считанные единицы из этого множества. Лишь редкие исключения. Давалоги, например, могут изобрести простейшие орудия труда, при необходимости, но легко забросят их и забудут, стоит только той необходимости исчезнуть. Микшааль в опытах показали способность и к индуктивному и к дедуктивному мышлению, но на протяжении уже четвёртого миллиона лет продолжают

вести животный образ жизни. Для возникновения разума нужны особые условия, особая потребность, понимаешь? Нам известно только два принципиально различных пути развития разума. Самый распространённый — это путь травоядных. В эволюционной гонке травоядные противопоставляют силе хищников коллективизм. Научаются заботиться друг о друге. И разжигают искру разума в поисках знаний об окружающем мире, в поисках способов приспособиться и выжить. Сложная социальная структура стаи с множеством социальных ролей, необходимость обмениваться с другими племенами, заставляют развивать речь.

Травы всегда больше, чем дичи, так что травоядные могут позволить себе не конкурировать за пищу. Тогда как среди хищников сбиваются в стаи лишь мелкие. Сильных хищников приучить к социальной жизни может лишь борьба на уничтожение за ограниченные охотничьи угодья с ещё более сильными хищниками в условиях, когда на планете, например, резко меняется климат, и выживать вдруг становится очень сложно. Когда выбор: убей или умри. Их разум рождается в стремлении победить более сильного. Хитростью и коварством.

Разумные травоядные расы нашей галактики, не смотря на, порой, колоссальные различия в биологии и психологии, всегда мирные. Эволюцией приученные ладить друг с другом, приспособляться к суровым условиям среды, и приспособлять к делу силы природы. Никто из нас не способен убивать живых существ.

Хищники же — совсем другое дело! Это будет сложно, но попробуй представить себе такое: разумные хищные существа специально изобретают технические средства, предназначенные для убивания других живых существ! Ужасно, я знаю! В это трудно поверить, но это так! У кохи полно технических средств изобретённых специально для разрушения и уничтожения! Вот почему Вацлав не должен пытаться договориться с кохи! Это невозможно в принципе. Тут нужно придумать что-то другое.

— И что, — осторожно поинтересовался потрясённый услышанным Вацлав, — только мирные травоядные и коварные хищники? А других вариантов... разве... нет?

— Нет! — решительно отмахнулась Аритайя. — Либо хищники, которые убивают, потому что такова их сущность, либо травоядные, с которыми всегда можно договориться, какими бы странными они ни были.

— Однажды мы нашли совершенно уникальный вид разума, — вдруг фианка снова стала грустной, и заговорила печальным голосом: — разумный Лес. Это совершенно удивительное... существо... было. Лес состоял из отдельных, вполне самостоятельных «деревьев», и все они могли осознавать себя единым разумным существом размером с планету. Лес утверждал, что его разум возник из стремления к росту, из стараний в самосовершенствовании. Представляешь, Вацлав? Лес был огромным, размером с планету древним, мудрым, могущественным разумным существом. Он хотел пригласить кохи к себе. Намеривался вырастить на своей планете специально для хищных кохи подходящую дичь. Кохи... сожгли весь Лес ядерными бомбардировками.

— Мне очень жаль, — Вацлав не нашёл, что ещё можно тут сказать.

— Не ищи кохи, — попросила фианка, — Аритайя не хочет, что бы кохи убили и сожрали Вацлава!

— Я очень благодарен тебе, — заговорил Вацлав, как мог, проникновенно, и твёрдо, — Вацлав тоже не хочет, что бы кохи кого-то убивали и жрали. Я очень ценю и твоё доверие, и твою помощь. То, что ты рассказала — важная информация, которая может оказаться очень

полезной. Но я должен идти. Я сделаю то, что должен сделать.

— Человеческие штучки, — вздохнула Арита́йя. — Не понимаю, но, приму, как есть. Что ж, в таком случае, Арита́йя отправляется с Вацлавом!

— Что? — вырвалось у парня.

— Арита́йя уже поняла, что человеки не умеют слышать чувства других, — сказала фианка, и как-то странно улыбнулась. Лукаво? И странно вздохнула. С сожалением? И пояснила: — В походе к хищникам нужен сенсорик. И с сенсориком в команде будет слишком опасно, а без сенсори́ка — верная смерть.

— Я не могу тебя взять, — возразил Вацлав. — Прости, но мы не можем рисковать тобой!

— Не бери, — фианка кивнула, — Арита́йя просто полетит рядом. Человек не может запретить Арита́йе.

И пока Вацлав пытался, ошарашенный всем услышанным, собрать мысли в кучу, фианка попрощалась:

— Арита́йе пора отключать связь. Надо вывести звездолёт к хроносфере Сириуса-альфа. До свидания, Вацлав. И передавай мой привет твоим друзьям.

Фианка отключилась, галограмма погасла, а Вацлаву и в голову не пришло поинтересоваться, о каких «друзьях» оговорилась сенсорик в конце. И без того было о чём задуматься, но если бы он уделил внимание этой мелочи, но подумал бы про Виктора и Константина, что сейчас отсыпались после вахты, оставив «Старину Джо» на него, Вацлава, и специалистов из «Sirius bistro engineering».

Люк рывком распахнулся, и через коммингс в рубку управления впрыгнули один за другим трое в потёртой штурмовой броне. Снята с вооружения лет с полста назад, но это не делает штурмовую броню гражданским платьем, верно?

— Спокойно! Корабль захвачен, и вы тут все теперь под защитой добровольческой освободительной армии!

«Вот, alienское везение!» — была первая мысль. Но спустя ещё пару-тройку мыслей до Вацлава дошло. Дошло, о каких друзьях его предупредила фианка. Сенсорик наверняка «прочитала» этих пиратов. Да они даже оружие на него не поднимают же!

— Тьфу ты, Серый! — воскликнул Вацлав, — И тебе «здравствуй»! Проходи, садись, чаю не налью — чай на камбузе.

— Привет, Малыш! — Сергей Волков сорвал тактический шлем с головы, и засиял обаятельной улыбкой. — Не звонишь, не пишешь, я уж переживать стал, не забыл ли ты своих старых друзей. И, что хуже, не отобрали ли у тебя нашу планету Свободы друзья новые, с погонами?

Волков прошёлся по рубке, осмотрелся, и неспеша уселся на полкотник пустующего ложе́мента второго пилота.

— Военным сейчас не до того, — скривился Вацлав.

— Как сильно не до того? — поинтересовался командор Волк.

Вацлав оглядел две молчаливые фигуры в штурмовой броне. В одной узнал Лию, и решил, что раз уж Волков заговорил о планете Свободы при этих двоих, значит, командор им полностью доверяет.

— Сильно, — серьёзно кивнул Бондски.

— Вот оно как, — Сергей посмурнел лицом, задумался, — значит, собрались затеять то, к чему они так долго готовились.

— Другого выхода, похоже, нет, — проговорил Вацлав, стараясь придать голосу как можно больше веса. — Ни у кого из нас нет.

— Это значит, — поднял взгляд на него Волков, — что времени у нас совсем мало. Значит, нам надо спешить.

— Я могу передать тебе фианские карты, — подумав, предложил Бондски.

— Что, прости?

— Фианские навигационные звёздные карты. — Вацлав протянул модуль памяти инфора. — Правда, планета Свободы на них не отмечена. И вот ещё что: ближайшую систему, отмеченную красным я проверил. Там руины. Целая планета радиоактивных руин.

Волков быстро воткнул модуль в свой инфор, включился, сверкнув красным светом из глаз, и почти сразу присвистнул от удивления.

— Ничего ж себе, сколько тут!

— Прости, больше я помочь ничем не могу. Понятия не имею, куда друзья моего отца могли планировать спрятать от войны человеческих детей. Учитывая, что и сами фиане прячутся от хищных кохи.

— Ты это..., - командор замялся, — того... прости меня, Малыш.

— Да чего там, — отмахнулся Вацлав.

— Эта карта...

— Это карта отца. Нашёл на личном корабле Роджера Бондски.

— Вот как, — Сергей вздохнул, почесал затылок пятернёй, вздохнул ещё раз, и спросил:

— А твоя фианка — она не могла бы что-то знать? Ну, понимаешь же, нам столько систем, сколько на этой карте, и до конца жизни не проверить.

— А если предположить, что друзья отца нашли планету Свободы в системе, на фианских картах не отмеченной, то и того больше, — кивнул Вацлав. — Но Аритайя... я не могу её спрашивать. Не могу заговорить об этом с ней. У Аритайи прибор квантовой связи, парный прибору моего отца. Это значит, что та фианка, что спасла нас с тобой, ценой собственной жизни... могла быть...

— Я понял, — как-то хрипло выдохнул Сергей. — Ладно, оставь поиски Свободы на меня. Я разберусь.

Командор Сергей Волков встал, развернулся уходить, но Вацлав его окликнул:

— Постой, а как ты нас вычислил? Откуда ты знал, что мы сюда свернём?

— Твой маршрут, — Сергей обернулся, и улыбнулся хищно, как делал обычно командор добровольческой освободительной, по кличке «Волк», — Твой маршрут я знал. И знал, что его знаю не только я. Так что мне подумалось, что будет интереснее справоцировать тебя на небольшой крюк. Открытка тебе, пара слов, брошенных вскользь фианке, и вы оба здесь. Ну, согласишься, что я — крутейший космический пират нашей галактики!

— Коварнейший, — кивнул, соглашаясь, Вацлав. Затем нахмурился, и попросил: — Знаешь, коварнейший, мне тут надо кое о чём посоветоваться с кем-то умным. Но я даже не рискну предполагать, какие выводы могут сделать мои новые друзья.

Волков нахмурился, кивнул своим людям, и те быстро вышли. Командор же уселся обратно на подлокотник ложементы второго пилота. И Вацлав рассказал Сергею Волкову всё то, что поведала фианка. О фианской теории эволюции разума во Вселенной.

— Выходит так, — закончил рассказ Вацлав, — в начале люди неосознанно считали свою Землю типичной планетой, а оказалось, что Земля — редкое отклонение от нормы среди планет — большей частью безнадёжно мёртвых. Затем люди полагали Солнечную

систему типичной для нашей галактики. Как оказалось, она редкое исключение из общих правил. Сейчас люди всё ещё неосознанно полагают, что наш разум типичен для разумной жизни во Вселенной. Но выходит, что и тут мы оригиналы?

Волков, молча и внимательно выслушавший весь рассказ, покачал головой, и заявил:

— Не верю! Малыш, дружище, подумай вот о чём: если бы ты выбирал легенду для агента влияния, ты бы смог придумать что-то лучше наивной милой девочки? Которая, к тому же, великолепно поёт? Это только первый пункт. Всё же не забывай: коварство во вселенной изобрели не только люди. Даже если верить твоей фианке, есть ещё как минимум кохи, которые жутко коварны.

— Дальше..... ох, Малыш, сам подумай: как разумный вид может развить технологии до выхода в космос, без войн? Без войн разумные могут только в каменных пещерах ютиться. Я, конечно, не специалист, но сдаётся мне, древние люди придумали каменный топор не для того, что бы хворосту нарубить. Скорее им требовалось постучать теми топорами по головам соседей. По мне, так война — лишь ещё один из предохранителей в механизме саморегуляции популяций биогеоциноза. Как только какой-то вид начинает нагло доминировать, так его начинают косить эпидемии. Не справляются они — запускается механизм агрессии к себе подобным. Не считай меня кровожадным солдафоном, но... двигатель прогресса, вопреки поговоркам вовсе не лень. А война.

— Математика появилась, потому что нужна была для строительства фортификаций. И осадных машин. И метательных машин. Вспомни гения эпохи Возрождения, Леонардо да Винчи: гуманист, художник! Расписывал картинами капеллы, и изобретал осадные механизмы! Интегральное вычисление придумали по заказу военно-морского флота: что бы строить орудийную палубу и прорезать в бортах кораблей порталы для пушек, нужно было вычислить ватерлинию. А для того, что бы использовать закон Архимеда, нужно посчитать объём корабля. А корабли никогда не были параллелограммами — тут без интегралов объём не посчитать. Я уже не говорю про первый спутник, запущенный в ходе испытаний ракетносителя для атомных бомб.

— Так что прости, но я не верю в наивных и безоружных фиан, развивших разум и науку заради познания мироздания, и поиска своего места в нём. Скорее я поверю в фиан, проигравших межзвёздную войну, и придумавших использовать человечество в своих интересах.

— Ой, не рви мне сердце такой тоскливой физиономией, Малыш! Да, командор Волк — чёрствый циник! Дай тебе Всевышний, Малыш, прожить жизнь до самого конца в твоих розовых очках! Чёрствым циником жить куда сумрачнее. Ты... того... как минимум твои военные начальники мыслят так же, как я, так что... просто, будь осторожнее, Малыш.

— Значит, люди, по фианской классификации, хищники? — пробормотал Вацлав. — Только челюсти у нас маленькие, вот фиане клыков и не видят, и заблуждаются на наш счёт.

— Ой, да брось, Малыш! — воскликнул Волков в сердцах, — Какие, нафиг, из нас хищники? Глянь на мой клык, нет ты глянь! Вифишь? Как такими клыками рвать мышцы загнанной антилопы? Представил? А травой питатся мы такие свои зубы быстро сотрём. Да и желудок наш нифига на коровий не похож. Всё в нас предназначено кушать приготовленную пищу. Впроваренную, пропаренную. И чем же, скажи-ка, при таком раскладе питались наши обезьяноподобные предки, пока не изобрели огонь, ганчарное ремесло, и кулинарию? Хомосапиенс — падальщики, Малыш.

— Что-то ты с лица спал. Вот, теперь ты в курсе, почему я не интересуюсь науками.

«Многие знания — многие печали», Малыш. Ну их нафиг! Надо жить по-человечески! Не бери в руки тяжелого, в рот грязного, а в голову дурного! Всё, пора мне!

Уже переступая коммингс, командор обернулся:

— Малыш, береги себя. И прошу, оставайся собой. Ты нам такой как есть и нужен. Пока! — махнул рукой, и ушёл.

— Мы закончили работы, — донеслось по внешней связи, — Ваш корабль готов к гиперпрыжку! Спасибо, что воспользовались услугами «Sirius bistro engineering»!

Возвращение блудного «Старины Джо»

Необитаемая звёздная система Немо-1820, на Пределе

Четыре долгих месяца контр-адмирал Андрей Егорович, начальник разведывательного департамента генерального штаба ждал вестей о «Старине Джо». Четыре долгих месяца именно на Вацлава, не зная о нём, молились инженеры, спешно разворачивавшие гигантские дивизионные концентраторы на звёздах системы Немо-1820. Молились и техники, разворачивающие в древних кратерах мёртвых пыльных планетоидов ударные комплексы дальнего огневого подавления. Через четыре месяца и один день один из постов дальней радио разведки доложил:

— Есть входящий! Семнадцатый сектор на второй спирали! Двадцать один градус над эклиптической! Есть опознавание! Лёгкий фрегат «Старина Джо»!

— Доклад в Ставку! Немедленно!

— «Старина Джо» на запросы не отвечает. Фиксирую отклонения в телеметрии и интерференционной картинке. Маршевый у «Старины» рывками отдаёт плазму.

Ещё через сорок две минуты тот же пост доложил:

— Есть входящие! Отмечаю множественные цели! Цели распознаванию не поддаются! Внимание всем! Алиены в системе! Отмечаю два десятка целей. Большой разброс в тоннаже! Внимание! Новые входящие цели! Их ещё больше!

Ещё через полчаса тот же пост доложил:

— «Старина Джо» уходит в «скольжение»! Гиперпрыжок в пределах системы! Выход на шестой спирали, с шестой на пятую, градус двадцать, упреждение двенадцать! Скорость на выходе будет меньше обычной, судя по телеметрии «Старине Джо» изрядно плохее!

— Седьмой красному лидеру! Два звена на встрече «Старины Джо»!

— Есть два звена на встрече!

— Аварийную команду!

— Есть, принял!

— Внимание в системе! Фиксирую искажения в метрике! Алиен уходит в скольжение! Цель групповая! Вектор... веером прыгают!

— Калибры в готовности ноль, ждут целеуказаний!

— Дивизионы готовы начать сведение!

— Отставить! Тишина в эфире! Отдыхайте, парни. Это дело быстро не сложится.

«Дело» действительно «сложилось» далеко не сразу. Корабли алиенов двигались, на первый взгляд, совершенно бессистемно, хаотически. То и дело срываясь в «скольжение», разлетались по системе, охватывая дальние орбиты.

* * *

Виктор невольно крикнул, поморщился — стрельнуло в больном боку — и, вздохнув, стал скручивать наскоро оголённые провода. Он закрепился на внешней обшивке «Старины Джо», аккуратно над дырой в борту, и копался в мешанине порванных проводов и кабелей.

Бессовестно долгие вахты и сон, больше похожий на обморок — урывками, застили сознание тонким слоем ваты. Но непослушные пальцы пока ещё худо-бедно, но гнулись.

— ...ветьте! «Старина Джо», немедленно ответьте! — раздалось в наушниках. Виктор не стал докладывать на мостик, что связь налажена, поскольку сил уже и так не было, а про связь на мостике уже и так должно быть слышно. И верно: через минуту в наушниках раздался голос Вацлава. Правда, сейчас в этом сорванном сиплом голосе сложно было узнать голос того Вацлава.

— «Старина Джо» на связи. Докладываю. Проводил фианского посла доброй воли до Предела человеческих территорий. Совершенно случайно повстречал звездолёты расы кохи. Опознать звездолёты помогла капитан фианского флота Аритайя. Действовал согласно инструкциям. Проиграл голографический видеоряд по программе «Контакт». Кохи попыток вступить в переговоры не предприняли. Ответили крайне агрессивно. «Старина Джо», гражданское безоружное судно, получил множественные пробоины. Повреждён маршевый двигатель. Лейтенант Вацлав Вонтски доклад закончил.

— Наконец-то, — выдохнул Виктор, — наконец-то хоть что-то, что я чиню, заработало! На секунду его ослепил блик от подходящего по борту перехватчика S30-Shoker-Spark, и Костя устало помахал рукой пилоту боевой машины.

* * *

— Молодцы, что вернулись, — говорил в это время начальник разведывательного департамента, контр-адмирал Андрей Егорович, Вацлаву по закрытому каналу.

— Вернулись мы, я полагаю, только потому, что кохам было любопытно узнать, куда мы летим, — вздохнул Вацлав.

— Я и говорю: вы молодцы, — ничуть не сбился контр-адмирал. — И доложил ты по открытому каналу всё как надо! Хорошо сказал! Я уж было, грешным делом, подумал, что придётся без речи героя этот день в историю записывать!

Вацлав в этот момент сидел, неудобно скрючившись, под полуразобраннным пультом связи в рубке управления.

— Тут, товарищ контр-адмирал, у нас и нехорошая новость есть, — откликнулся он. — Накладочка вышла, фианский капитан Аритайя... сейчас у нас на борту.

— Что?! На каком борту, ты ошалел, сынок?!

— На борту «Старины Джо».

— Ты на кой... фианку обратно притащил?! Ты...! Представляешь, что тут сейчас мы делать будем? Мне что теперь, план операции под фианских зрителей корректировать! Вацлав, твою богу душу!

— Виноват. Обстоятельства...

— Знаешь, куда ты должен засунуть обстоятельства?! Мне тебе ещё и объяснять нужно, как должно лейтенанту военной разведки с обстоятельствами справляться?! Ты в бараний рог должен гнуть любые обстоятельства! Ты их! А не обстоятельства тебя!

— Аритайя закрыла нас своим кораблём. Кохи взорвали фианскую «золотую черепушку».

— Проклятье!

— Виноват...

— Виноват он! Куда мне теперь фианку деть? Так. Отставить шторм в эфире. Приказываю: что хочешь делай, а фианка под твоей ответственностью! Эх, так всё правильно складывалось... как чуяла моя душа! Всё. Принимай аварийную команду, и вставай за бронёй «Славы».

— Есть, принял.

— Ну, а данные по технике врага какие есть?

— Любят использовать высокоэнергетическую плазму, разогнанную до десятка махов, ракеты...

— Погоди, какой толк с жалкого десятка махов? — не понял контр-адмирал. — На обычном расстоянии уверенного радарного контакта я дважды увернуться успею. Нет, трижды.

— Они подходят близко, — неуверенно пояснил Вацлав, — вплоть до визуального контакта. На малых аппаратах. Крупные вымпелы по нашему «Старине Джо» огонь не вели. Так что за их главный калибр ничего не скажу...

— Вот как, — протянул Андрей Егорович.

— Ещё вот что. Рентгеновские лазеры у них, у кохи — наша «квантовая рубашка» будет малоэффективна. Да и газовая линза, создаваемая испаряющимся «холодным потом» на рентгеновском...

— Ясно, принял, — отозвался генерал.

— Может, если под углом щиты ставить...

— Мы тут такую доработку никак не осилим, да и времени нет, но конструкторам я доложу. Благодарю за службу.

— А ещё, у них ракеты, бывает, пилотируются, — устало буркнул Вацлав, вспомнив вдруг.

— Чего? — не понял Андрей Егорович.

— Пилот-самоубийца, — пояснил Вацлав. — Труп у нас в техническом коридоре лежит. Там сейчас вакуум. Разгерметизация.

— Принято. Труп алиенский нам теперь, как я понимаю, без интереса. Мы, сынок, сейчас таких экспонатов тут накроем — складировать будет некуда. Но всё равно, молодцы. Ещё раз благодарю за службу. Но за то, что фианку назад притащил — моё тебе порицание! Это всё?

— Это всё.

— Принято. Тогда — конец связи, — буркнул контр-адмирал и отключился.

Вацлав вздохнул, и полез из-под пульта, стараясь не задеть провода.

— Что там? — поинтересовался у него Константин.

— Нормально всё, — Вацлав пожал плечами. — Только очень уж неудобно так разговаривать...

— Ну, так, закороти на громкую связь, — буркнул Костя, протирая красные от недосыпа и усталости глаза. — Можно будет слушать радио, не залезая под пульт.

— Алиенов осколок, — вздохнул Вацлав, покосившись на застывшую пузырями «жидкую сварку», закрывающую дыру в переборке напротив полуразобранного пульта.

— Так точно, — Костя зевнул, — алиенов и есть.

Раздалось шипение шлюза. Люк рубки управления намертво заклинило из-за деформации несущих. Это случилось без малого месяц назад, после первого знакомства с кохи. Тогда команде пришлось временно проделать дыру в переборке. С тех пор в коридоре

служебной палубы было прекрасно слышно всё происходящее в рубке управления и наоборот: шипение шлюза и цоканье магнитных подошв по настилу коридора прекрасно слышалось в рубке.

Сначала в рубку вошёл, цокая магнитными подошвами по потолку, слегка закопчённый скафандр с надписью: «Старина Джо» — это, очевидно, Виктор вернулся. А следом за ним вплыл кто-то незнакомый.

— Здравия желаю! — заявил бравый капитан-лейтенант, и представился: — Командир спасательной команды, капитан-лейтенант Воронов. Мы начинаем вашу эвакуацию. Захватите с собой...

— Щас, ага! — недовольно буркнул Виктор, только что расстегнувший скафандр, — Только носки поглажу!

— Но..., - попытался капитан-лейтенант, но Виктор, показательно лениво планируя с потолка в ложемент пилота, его перебил:

— Это мой корабль, aliens пожри! Знаешь, сколько я о собственном корабле мечтал? Да сколько себя помню!

— Спокойно, — попросил его Вацлав, и обратился к спасателю: — Товарищ капитан-лейтенант, эвакуация личного состава команды «Старины Джо» невозможна. Нас сейчас с нашим кораблём не разлучить.

— Да вам же в санчасть надо! — возразил, было, Воронов, но подплывший к нему, судя по знакам на скафандре, старший лейтенант медицинской службы, спокойно пояснил:

— У них шок. Их сейчас никакие успокоительные не возьмут. Пусть тут немного посидят. Нас «Предки» бронёй прикрывают.

— Принято, док, — махнул рукой капитан-лейтенант.

— Лучше расскажите, что там снаружи сейчас происходит, — попросил Вацлав.

Капитан-лейтенант со вздохом посмотрел на полуразобранный пульт управления.

— Aliens ваши разлетелись по всей системе, словно стадо любопытных слонов. Полный хаос, никакой системы в их перемещениях не просматривается, — и, вздохнув, кивнул на полуживой пульт, — Придётся заняться ремонтом, если уж вы тут собираетесь оставаться, иначе ничего не увидим и не услышим. Так. Мы пока займёмся дырами этого решета... пардон, я хотел сказать: повреждениями этого корабля. Схожу, осмотрю маршевый, пока ребята системами жизнеобеспечения займутся.

Вацлав проводил командира спасателей взглядом и, вздохнув, полез снова под пульт. Если уж и впрямь тут сидеть, обидно будет всё интересное пропустить. Сейчас наблюдать за происходящим снаружи действительно никакой возможности не было. Последний перелёт к планете парни выполняли почти что вслепую.

* * *

Недавно ещё казавшийся неорганизованной толпой флот кохи как-то неожиданно выстроился в красивый хоровод и, кружа по сходящимся спиралям, сближался с планетой, на которой за бутафорским орбитальным городом скрывался человеческий флот, и маленький старый побитый фрегат «Старина Джо». Замысел алиенов, тем самым, наконец-то, стал ясно виден. Звездолёты кохи заходили на безымянную планету веером, со всех сторон, по сходящимся спиралям. Очевидно, пришельцев больше всего волновало не дать никому

сбежать с обречённой планеты. Их разведка системы Немо-1820 результатов не принесла: дивизионные комплексы класса «последний довод» на сверхнизких орбитах звёзд кохи не разглядели. Инженерные дивизионы дальнего огневого подавления класса «Гнев Сатаны», развёрнутые в тёмных кратерах вообще довольно проблематично разглядеть, пока они не запустят свои реакторы открытого типа, но тогда их разглядывать будет уже поздно.

Сблизившись достаточно, кохи дали ракетный залп. По командному каналу связи по эскадре разнеслось:

— Внимание, ракетная атака! Приказ группе «Авангард»: половину ракет пропустить! Работайте только по ракетам!

И это было прекрасно слышно всем присутствующим в рубке управления «Старины Джо»: как и предлагал Константин, выход усилительного каскада приёмника просто закоротили на внутрикорабельную громкую связь, которая пока функционировала.

— Есть, «Авангард» приказ принял! — раздался ответ. — Работаем только по ракетам, половину пропустить!

Код доступа, который выдали группе Вацлава на эту операцию, позволял команде «Старины Джо» слушать штабные каналы.

— Началось, — хмуро буркнул Виктор.

— А? Что? — проснулся Константин, который на время отключился в ложементе второго пилота.

Воронов встал за капитанский пульт, пробежался пальцами по клавиатуре и вывел на большой экран панораму планеты.

— Мы подключили внешние камеры с наших S-20, - пояснил командир спасателей.

Беззвучные в космосе взрывы красиво брызгали обломками бутафорского орбитального города.

— Обзор, конечно, не шикарен, но основное, думаю, увидим, — задумчиво проговорил Воронов.

— Внимание группе «Авангард»! — ожило радио. — Вспомогательными калибрами по крупным целям! Беглый, по готовности! Огонь!

— Ох, балбес же я! — воскликнул вдруг Вацлав, звонко шлёпнув себя затянутой в керамическую броню лёгкого скафандра ладонью по голове — ага — на которой сейчас не было шлема. — У меня же живая фианка там! — и Вацлав, схватив свой шлем, сорвался с места и пулей вылетел через дыру в переборке из рубки в коридор.

Когда он влетел в медотсек, Аритайя уже покинула медицинскую капсулу, в которой отдыхала. Вацлав нашёл её в углу, за капсулой. Фианка сжалась в комок, обхватив колени руками.

— Вацлав! — воскликнула она, заметив его, — Грядёт что-то страшное!

* * *

Беглый огонь по крупным вымпелам противника ощутимого вреда тому не нанёс. Уверившиеся в результатах разведки боем, кохи решились на штурм. И тогда группа «Авангард» получила приказ выдвигаться вперёд и связать противника боем.

— Внимание, группа «Авангард»! — разнеслось по коридору служебной палубы «Старины Джо», — Ваше время! Приказ: связать противника боем!

Вацлав попытался закрыть люк медотсека, но помятый коммигс не дал этого сделать.

— «Авангард» принял! — снова заговорило радио. — Внимание всем вымпелам группы «А»! Говорит адмирал Кудинов. Для меня честь, служить с вами, братцы! Для меня честь с вами умирать в бою! За всё, что нам свято! И пусть завидуют нам те, кто сегодня не может встать с нами рядом! Эскадре к бою! По местам стоять! К маневру товсь! Работаем, братцы!

— Послушай, — Вацлав склонился над фианкой, приблизив своё лицо к её так, что они едва не касались лбами, — Послушай меня, пожалуйста! Тебе сейчас нельзя слушать чужие чувства! Здесь сейчас будет много боли! Заглуши, я не знаю, как-нибудь!

— Никак! — Аритайя заметно дрожала (её сознание заполняла жажда причинять боль и смерть — знакомые чувства кохи — у тех загонщики всегда доводят себя до злобного неистовства перед охотой).

— Фиане не могут закрыться, — пыталась объяснить Аритайя человеку, — Переживать чувства других живых существа — в этом сущность фиан, это и значит, быть фианином! Если бы у меня была аптечка капитана Смерть! Как жаль, что она погибла вместе с моим звездолётом!

— Тогда так. Тогда слушай меня! — Руки дёрнулись обхватить девушку за плечи, но парень опомнился и сдержался: они не настолько близки и кто их знает, этих фиан, что в их культуре может значить подобный жест.

— Меня слушай! Сосредоточься на мне!

* * *

Тем временем, вымпелы авангардной группы вышли из побитого алиенскими ракетами бутафорского орбитального города-кольца, сходу выстраиваясь в боевые порядки, щедро рассыпая ложные цели, и отрабатывая вспомогательными калибрами по «москитам» противника. Флаг группы держал супербаттлшип «Пётр Великий», под командованием адмирала Кудинова. Пока вымпелы основного состава занимали позиции и готовились к стрельбе, рывком вышедшие вперёд ракетоносцы — а в их числе было много чего, от торпедных катеров до орбитальных платформ — спешно опустошали ракетные погреба.

Заряженные ракетами кассеты разлетались в стороны от бортов. Каждая кассета содержала в упаковке дюжину ракетоносителей. Боевая часть каждого ракетоносителя вмещала от четырёх, до десятка реактивных снарядов — в зависимости от типа. По таймеру ракетоносители запускались, покидали кассету и, выписывая противозенитные финтили, уносились в сторону противника, с тем, что бы на половине пути распасться, выпуская реактивные снаряды. Какие-то из этих снарядов несли электромагнитные разрядники, какие-то несли средства радиоразведки и радиоэлектронной борьбы — автономные космические аппараты с ноготь размером, а какие-то несли и ядерные фугасы, и одноразовые лазерные самострелы с ядерной накачкой, и прочее, и прочее.

Ракетоносцы ещё не отстрелялись, когда в работу включились главные калибры. Работали ударные броненосцы прорыва, крейсера, сам супербаттлшип «Пётр Великий», при поддержке приданных фрегатов.

Классическая боевая задача обороны планеты выглядит следующим образом. Задача атакующей стороны — занять низкие орбиты над планетой, что означает взять контроль над ней — тогда любая цель на поверхности может быть гарантированно поражена. Атакующая

эскадра подходит к планете по сходящейся спирали, интенсивно работая маршевыми двигателями на торможение, что бы сбросить свою скорость до первой космической. Но когда работает маршевый двигатель корабля, его заметно легче обнаружить среди туч ложных целей. Так что защитники изначально находятся в более выгодном положении. Встречающий флот защитников плотным огнём принуждает атакующих заглушить маршевые двигатели, что бы избежать значительных потерь в артиллерийской дуэли. Но выключение двигателей ведёт к тому, что траектория атакующих вместо сходящейся спирали превращается в сильно вытянутый эллипс. Атакующие корабли пролетят мимо планеты, с тем, что бы вернуться на следующем витке.

Впрочем, неважно. Сейчас задача группы «Авангард» была проще и, вместе с тем, отчаяннее. Кохи заходили на планету слишком широко, и авангард должен был стянуть их корабли на себя и связать боем. Чтобы в дело вступила группа «Б», она же — группа «Браво». После чего уже самыми стойкими вымпелами неприятеля, самыми тяжёлыми их кораблями занялась бы группа «В», она же — группа «Валгалла».

Однако кохи сильно удивили командование объединённого космического флота человечества. Мало того, что под шквальным огнём ударных крейсеров и броненосцев непонятные алиены не погасили маршевые двигатели, так их дальние от места начала схватки аппараты немедленно начали интенсивно менять курс на сближение с группой «А».

С первых же залпов стало видно техническое превосходство алиенов: их системы наведения обращали мало внимания на ложные цели, редко ошибались, и почти не поддавались усилиям человеческих средств радиоэлектронной борьбы. Тем ни менее, против стокилотонного когерентного импульса у них чудес в запасе не нашлось. Преимущество в дистанции уверенного поражения оказалось на стороне человеческих орудий. И то ли человеческие средства радиоэлектронной борьбы так успешно нарушили связь между кораблями кохи, то ли сами кохи так верили в своё превосходство, но они упрямо лезли к вымпелам группы «Авангард» на дистанцию плазменного огня, то ли не замечая своих потерь, то ли не желая с ними считаться. В результате сближение вышло слишком быстрым, и «Пётр Великий», в окружении ударных крейсеров и броненосцев своей группы, ни на миг не прекращая беглого огня из всех калибров, к удивлению собственного командования, прошёл сквозь боевой порядок алиенов, как горячий нож сквозь масло. Пролетевшие мимо звездолёты хищников падали на низкую орбиту прямо в перекрестия прицелов удивлённых канониров группы «Браво». Ещё до того, как те открыли прицельный огонь, алиены стали разлетаться в хаотичном беспорядке.

Если раньше при некотором старании ещё можно было усмотреть в действиях алиенов какую-то систему, то теперь ничего не усматривалось. Слово каждый их корабль воевал сам по себе. Но ведь так не бывает?

Флагманом объединённой эскадры человечества в этой операции был баттлстар «Боевая слава предков», возглавлявший при том ещё и группу «В».

— Что, аalien пожри мою печень, тут происходит? — возмущённо вопрошал со своего места командующей этой операцией космофлота. Лицо адмирала покраснелось, словно он собирался немедленно лично броситься в штыковую.

— Так ведь, не человеческий же разум, — рискнул откликнуться кто-то из офицеров, не поворачивая, Впрочем, головы к адмиралу.

— Аналитики! — рявкнул адмирал на ряды голов офицеров, склонившихся за рядами экранов.

— Предположительно, это управляемый хаос, — откликнулся старший группы аналитиков. — Судя по скудным сведениям от фиан, эти «кохи» имеют опыт множества межзвёздных битв в их прошлом. Битв с нелюдьми. Трудно представить, чему их научили те битвы. Но сейчас наблюдаемая нами картина может быть следствием применения тактики управляемого хаоса. Теоретически, такая тактика может быть весьма эффективна против хорошо организованного противника.

— Что за..., - адмирал поморщился, но взял себя в руки, — Пример ситуации, когда такая тактика выигрывает?

— Э... п... партизанская война в сильно пересечённой местности? — замялся аналитик.

— Пересечённой? Это про кусты и овраги? А применительно к орбитальному бою? — фыркнул адмирал.

— Ну, например, скрыть свои намерения от нас. Возможно, у них есть какой-то козырь, но его применение требует.... alien его знает, какого-то условия, которое кохи сейчас пытаются создать. Наблюдаем с их стороны упрямое стремление выйти на сверхкороткие дистанции огня. Возможно, это показуха и провокация, но может стать...

— Я вас услышал, — кивнул нахмурившийся адмирал и, подумав, сообщил: — Никак нельзя вводить в бой основные силы до того как мы узнаем, что за козырь прячут в рукаве эти чокнутые алиены! Понятно, что мы можем потерять всю группу «А»...

— Командующий! Противник обнаружил нас! Противник атакует баттлстар «Боевая слава предков»!

— Мы не можем!

* * *

А вот на борту «Старины Джо» ситуация выглядела... ну, как оно обычно и выглядит на передовой: сумятица и неразбериха, и только вера, слепая вера в то, что нужно держать строй и в то, что товарищи поддержат и прикроют. Впрочем, перед «Стариной Джо» сейчас стояла очень простая боевая задача: выжить. Как и было приказано: держаться от атакующих кохи за бронёй баттлстара «Боевая слава предков».

По внутрикорабельной громкой связи, на которую сейчас был выведен командный канал эскадры, разносились переговоры:

— Валькирии, доложите ситуацию!

— Работаем. Половина машин ещё в строю, так что живём. Живём коротко, зато быстро и красиво!

— Бойтесь, в ваш сектор подходят гиперпространственные перехватчики, будет лютый пэцэ.

— Есть, принял!

— Внимание сектору двенадцать-восемь! Алиены обходят с третьей полуспиралью! Отзовись, кто принял!

— «Свят» принял по сектору двенадцать-восемь! Дам огня через три!

— «Стойкость» принял по сектору двенадцать-восемь! Вижу цель. Цель групповая.

— Четвёртый сектор, бойся! — рявкнуло вдруг радио, и смолкло.

— Чего? — дёрнулся Виктор.

— Антенное хозяйство накрылось, — отозвался Константин.

— Мои ребята сейчас глянут, — откликнулся капитан-лейтенант спасателей. — Скорее всего, полагаю, нас накрыло брызгами расплавленной брони с «Боевой славы».

Вацлав всё это слышал из медицинского отсека. Фианке было плохо. Она скрючилась, обхватив голову руками, и дрожала всем телом. А Вацлав, головой отвечающий перед командованием за неё, никак не мог придумать, как ей помочь.

— Больно! Больно! Они горят заживо! — стонала Аритайя.

— Держись, прошу тебя, — заговорил он. — Не слушай их боль. Я рядом. Слушай меня!

— Вацлав... как волнорез, — невнятно всхлипнула Аритайя, — Если бы не Вацлав было бы хуже. Намного хуже.

Смотреть, как мучается прекрасная фианка было невыносимо. Вацлав сам не заметил, как прижал Аритайю к себе, заключив её в объятия.

— Прощу, постарайся отвлечься! Переключить внимание! — уговаривал он.

Аритайя встрепенулась, но тут же скривилась, и пояснила:

— Сумеешь ли слушать тихий шёпот, когда вокруг кричат?

Вацлав судорожно искал варианты. Человеческая медицина исключалось: неизвестно, как наши препараты подействуют на фиан. Как не крути, оставалось лишь искать какой-то психологический трюк. Если бы он знал бы хоть что-то из психологии чужой расы!

— Сумею! Сумею услышать шёпот, — горячо уверял он Аритайю, — если только поверю, что этот вот конкретно шёпот для меня сейчас важнее всего на свете!

Аритайя подняла на него глаза, и на мгновение застыла.

— Говорит «Стойкость»! — кричало радио, — Прощу поддержки!

— Тебя не отталкивает мой вид, — проговорила фианка, глядя в глаза Вацлаву. — Тебя не отталкивает то, что я — существо совершенно чужого биологического вида. Это... странно? Нет, не то... Мило, я вспомнила слово. Ты переживаешь, боишься, но боишься за меня. Боишься, что мне будет плохо. И боишься, что я в тебе разочаруюсь.

— «Гордость»! «Родина»! Кто там ещё? — забеспокоилось радио, — Поддержать огнём! Потрошители! Сможете поработать со «Стойкостью»?

— Есть поработать со «Стойкостью»! Минут через шесть будем!

— Не могу! — воскликнула Аритайя, заламывая руки, и забилась в объятиях Вацлава. — Прости, Вацлав, но кохи слишком больно умирают! И я с ними! А-ай! Люди умирают спокойнее. Люди сосредоточенно и методично делают своё дело, даже когда горят заживо! Продолжают заряжать! Горящими руками!

— Боевые психотропные, обезболивающие, — пояснил Вацлав.

— Кохи никогда не пойдут на то, что бы вводить себе в кровь химию, — отозвалась Аритайя. — Они сейчас бросаются прямо на ваши пушки и упиваются болезненной агонией!

— Психи, — выдохнул Вацлав.

— Нет, загонщики же, — постаралась объяснить фианка. — Загонщики кохи перед охотой доводят себя до безумия. Ярость, злоба, желание убивать. Их инстинкты самосохранения в таком состоянии не работают, и они кидаются прямо в огонь. Это что бы дать жертве понять, кто тут охотник, а кто жертва. Сломить волю жертв, посеять в их сердцах страх перед бесстрашными охотниками, что презирают смерть.

— А кроме загонщиков кто у них ещё есть? — заинтересовался Вацлав. — Ну, кто-то же должен у кихи сохранять контроль за ситуацией.

— Охотники, — тут же пояснила фианка, — Вожди.

— Что чувствуют они?

— Беспokoйство. Всё пошло не так, как должно было. Загонщики гибнут напрасно. Вожди хотят отступить, что бы перегруппироваться. Но не могут.

— Почему?

— Первый отступивший покроет себя позором. Сейчас вожди гонят охотников в разные стороны.

— Почему?

— Каждый вождь видит правильное решение по своему, и презирает других вождей. Они всё ещё не понимают, с кем столкнулись. Они ещё не понимают, что это уже не охота! Совсем не охота!

— Валькирии! Отходите на базу! — разразилось тревогой радио.

— Поздно, база! Нам тут уже немного осталось, и уйти нам теперь не дадут. Уж не серчайте на нас! Дожмите их, братцы! За нас дожмите!

— Говорит «Витязь»! Потерял главный калибр, спешно выхожу из боя, прошу прикрыть огнём!

— Почему молчат дивизионы?! — забеспокоилось радио. — Говорит крейсер «За Родину!», боекомплект израсходовал на девяносто процентов! Быстро теряю броню!

— Говорит броненосец «Стойкость отчаянных»! Прикрою «Родину» собой!

— А-р-р! — натурально зарычал из рубки управления Виктор. — Я должен быть там! Там! Столько лет я готовился именно к этому!

— Заткнись, Витёк, — отозвался Константин. — Не ты один! Так что...

— Связь! — заорал Вацлав, повернув голову ко входу, — Связь мне! Срочное донесение!

* * *

Спустя не полных пять минут после доклада Вацлава группы «Б» и «В» синхронно вступили в бой. Ситуация изменилась резко, и покатила неотвратно. Фианка захлёбывалась слезами, но, судорожно вцепившись в Вацлава, как-то ещё держалась. Потерявшие всех своих «загонщиков», охотники кохи, наконец, решились отойти и перегруппироваться. Те из них, что поспешили сделать это первыми, так и не успели понять, что их убило. Потoki когерентного высокоэнергетического излучения фронтовых дивизионов дальнего подавления «Гнев Сатаны» переводили материю в агрегатное состояние плазмы практически мгновенно.

— Сектор восемьдесят, бойся! Работает арта!

— Внимание в секторе шестнадцать! Валите на вторую спираль! «Последний довод» заканчивает сведение!

— «Пётр», командованию! Доложите ситуацию!

— Докладывает «Пётр Великий». Нормально всё. Нахожусь под интенсивным огнём противника. Половина брони ещё цела. Возгорания на борту потушены. Работаем.

— Вацлав! Вацлав! — Аритайя повисла на Вацлаве, судорожно вцепившись в него. — Что же это, а? Люди страшнее хищников! Вы такие же, как кохи, да? Вы хищники? Я ошибалась, принимая вас за травоядных?

Вацлав по-прежнему бережно сжимал фианку в объятьях.

— Нет, конечно, нет! — отозвался он на её причитания.

— Но вы же охотитесь на них!

— Нет, что ты, глупая, — он улыбнулся. — Мы не охотники, мы — солдаты. Это... разные вещи. И вообще, видишь ли, Аритайя, твоя теория про всего два пути развития разума... несколько наивна. Вселенная, видишь ли, богаче на выдумку.

— Внимание всем в системе! — прервало его радио, — Оповещение! Есть входящий! Цель групповая! Наличествуют большие тоннажи! Предположительно, крейсера, и несколько баттлшипов! Внимание всем в системе!

И почти тут же радио заговорило другим голосом:

— Говорит адмирал добровольческой освободительной армии! Имею под командой до пяти десятков вымпелов, и намерение вступить в бой с аlienом! Как поняли меня, приём!

— Вот, ведь, чертяка, Волков! — хмыкнул Вацлав, расплываясь в улыбке. — Я знал, что он что-нибудь эдакое отмочит!

— Говорит командование объединённым космофлотом человечества, — откликнулось радио. — Принципиальных возражений не имею. Видите групповую цель на седьмой спирали, двадцать градусов над эклиптической?

— Так точно, цель вижу!

— Предположительно, это сильнейшие вымпелы противника, до сих пор уклонявшиеся от боя.

— Есть, принял! Оставьте это моим добровольцам! Добровольческая освободительная с честью вступает в бой за свободу всего человечества! Внимание по эскадре! Стоять к параду! Лучшие сыны и дочери человечества, во искупление, во славу предков и в назидание потомкам! К бою! Товсь! Полный вперёд!

— А знаешь, Аритайя, — заговорил Вацлав задумчиво, — я ведь покопался в специальной литературе по генезису человеческого мозга и разума. Так вот, наши учёные считают, что разум человеческий родился не из потребности координировать сложные совместные действия стаи.

— А из какой тогда? — фианка настолько заинтересовалась, что даже перестала вздрагивать и всхлипывать, и взглянула ему в глаза.

— А из потребности выпендриваться перед себе подобными, — хмыкнул Вацлав.

Эпилог: Капитан Нелнишнош

Планета Раксла-слаим

Небо Раксла-Клаима наполнилось тревогами. Песни с далёких звёзд приходили одна другой невероятнее, фантастичнее, страшнее, и в сдержанном рокоте вулкана Охтырдыж чудились раскаты далёкой канонады. Где-то среди звёзд полыхала война. Разумные специально и целенаправленно убивали разумных.

А месяц назад на Раксла-Кслаим прилетели кохи. Накидали на орбите сторожевых спутников, высадились где-то. Племя Последних перебралось в звездолёты предков, и наружу из Пещер Завета выбирались редко, осторожными вылазками. Остальные откочевали куда-то, и вестей о них не было давно. За пультом дальней связи звездолёта «Песнь о доме» велось круглосуточное дежурство, но кохи никак своего присутствия на планете не выдавали: ни переговоров, ни полётов над поверхностью. И это было подозрительно и страшно. Страшно было представить, что за пакость готовят коварные кохи.

Фиане с «Песни о доме» на многочасовых совещаниях никак не могли прийти ни к чему, хотя бы похожему на мнение, не то, что к решению. Все с надеждой смотрели на капитана. А Нелнишнош не мог бежать с Раксла-Кслаима. Не мог, пока нет вестей от дочери. Аритайя... где бы она не была, если... если что — будет искать его здесь. Так что капитан собрал команду и добровольных помощников, и аккуратно наполовину закопал, наполовину присыпал галькой звездолёт так, что «Песнь о доме» теперь нельзя было не то что с орбиты засечь, но и на бреющем полёте пройди — не заметишь. Если не сенсорик, конечно.

В общем, замаскировал звездолёт, и стал ждать... хоть чего-нибудь. И вот — дождался! Прямо с тревожных небес Раксла-Кслаима, точно на покинутое стойбище Последних, в огненных сполохах и под вой поднятого ветра, спустился межзвёздный корабль. Большой. Не просто большой, а... сейчас, вот, смотрите: первое, что бросилось в глаза капитану — остеклённая надстройка, которая оказалась — только не падайте — бассейном! Таким, что весь клан Последних мог бы там купаться одновременно. Огромный, шикарный красавец звёздный лайнер выглядел, как иллюстрация к сказке о невероятном будущем.

Капитан, обречённо принимая свою судьбу, вышел навстречу пришельцам. Будь, что будет.

И было вот что: лайнер, чужой всему, что только знал о звездолётах капитан Нелнишнош, спустил трап, и оттуда уверенно вышли несколько гуманоидов, закованных в мощную даже на вид броню. Они спокойно взяли под контроль периметр, и после этого по трапу спустил... спу... спустилась Аритайя!

О! Бедное сердце старого капитана едва не разорвалось! Нелнишнош не сразу узнал дочь — так изменился её эмоциональный фон. Если раньше Аритайя воспринималась, как маленькое солнышко, лучащееся чистыми и яркими детскими эмоциями, то сейчас она была окружена спокойной, уравновешенной, вполне гармоничной эмоциональной сферой зрелого, взрослого фианина.

— Отец! — Аритайя тепло улыбнулась, а потом раскинула руки и бросилась в объятия, как делала в детстве. — Оте-ец! Папка! Как же я соскучилась!

— Дочка! — только и смог выдохнуть капитан — дыхание перехватило, в горле застрял ком. Но Нелнишнош быстро совладал с собой, бросил подозрительный взгляд на чужой звездолёт, и тихо, но твёрдо спросил: — А это кто, и что им от тебя надо?

— Это люди, и мой новый звездолёт... — стала объяснять дочка, но потрясённый капитан её перебил:

— Постой, постой! Это те самые люди, которые убивают злобных кохи? Те самые существа, которых боятся даже презирающие смерть и боль кохи? Самая страшная раса в галактике?!

— Отец! — Аритаия вздохнула, и, как ни странно, попробовала заступиться за людей: — Кохи — безжалостные убийцы! Люди поступают с кохи так же, как кохи поступают с ними! С нами! Со всеми!

— Насилие есть зло! — Нелнишнош на всякий случай решил повторить своей дочери прописные истины: — Отвечать кохи тем же, значит стать такими же кохи! Сеять зло — путь в бездну! Непротивление злу насилем завещал великий, мудрый...

— Да, да, да! — перебила его Аритаия. — Не собираюсь спорить с очевидным. — Но вот эти конкретные люди там, — она показала на ближайшую фигуру в могучей броне, — это мои люди!

— Ты..., - Нелнишнош сделал над собой усилие, и постарался говорить спокойно и твёрдо. — Наш народ многое потерял из-за злобных кохи, многое утратил. У нас нет крупных промышленных центров, нет... возможности производить самим некоторые важные вещи. Поэтому фианам приходится выпрашивать необходимое у миносцев. А миносцы просят что-то в обмен. Они, миносцы, высоко ценят дочерей народа фиан. И... некоторые молодые фианки... уходят на Минос... ради материальных выгод для своего рода и клана. Но наш род! Никогда, до селе! Наш клан, слава предками! Пока ещё!

— Нет, нет! Что ты! Отец! — забеспокоилась Аритаия. — Пожалуйста, успокойся! Не надо тебе так переживать. Слушай меня внимательнее, пожалуйста. Эти вот — мои люди. Они служат мне.

— Что, прости? — не поверил своим ушам Нелнишнош. — Они что тебе делают?

— Служат, — кивнула Аритаия. — Они обслуживают мой звездолёт. Ну, посмотри на эту громаду! Как, по-твоему, я сама в одиночку справлюсь с такой сложной машиной?

— Дочка, пожалей отца! — взмолился капитан. — Объясни, что с тобой происходит? Как это гордые и страшные люди служат тебе?

— Я пою людям песни. Только пою песни и ничего больше!

— Песни? — пожалуй, редко когда капитан Нелнишнош был настолько обескуражен.

— Люди очень любят песни, — кивнула дочка. — Но большинство из них сами не поют, представь себе: стесняются! Зато очень любят слушать.

— Песни? — ещё раз на всякий случай переспросил Нелнишнош дочку, честно пытаясь что-то понять. — Те самые люди, которые страшнее кохи? Самые страшные разумные существа в нашей галактике любят песни?

— У людей есть такая странная штука, называется «деньги», — принялась объяснять дочка. — Эта система регулирования материальных ценностей и ответственности чем-то напоминает нашу систему очков социальной значимости. Только деньги полагаются отдавать сразу, как ты их заслужил.

— Погоди, — перебил Нелнишнош, — я заслужил социальную значимость, и тут же должен её кому-то передать?

— Да, — кивнула Аритайя.

— И я снова становлюсь незначительным, никому не нужным?

— Я же говорю: странная система, — Аритайя пожала плечами.

— Я пока не определился, то ли это невероятно глупо, то ли просто гениально, — покачал головой старый капитан. — Но продолжай, пожалуйста.

— Больше всех «деньги» получают те люди, которым приходится принимать самые ответственные решения, — продолжила объяснять дочка.

— И это логично, — кивнул он.

— Но совсем-совсем больше всех «деньги» получают популярные певицы и актёры!

— Погоди, — Нелнишнош нахмурился, и задал провокационный вопрос, который, как он надеялся, поможет ему понять главное: — А вот те люди, которые сражаются со злыми кохи — сколько «деньги» получают они?

— Совсем немного! — Аритайя довольно улыбнулась. — Самые отважные из них, за самоотверженность и самопожертвование собой в бою ради других людей получают «орден». Это такая безделушка на память, которая никак не влияет на количество «деньги» у человека. Теперь понимаешь?

— Ох! — выдохнул старый капитан. — Выходит, люди не ценят убийства? Может, даже стесняются того, что вынуждены убивать?

— Да, да! — закивала Аритайя.

— Что же, выходит, эта раса не так уж безнадёжна! — заключил капитан. — Ты должна подробно объяснить это старейшинам «Запределья»! Уверен, они пересмотрят своё отношение к людям, и разрешат фианам контакты с этой странной и непонятной расой.

— Погоди, дочка, — Нелнишнош ещё раз окинул взглядом огромный корабль. — А зачем тебе такой большой звездолёт? Зачем тебе там бассейн? Что за ерунда?

— Это выпендрёж, — серьёзно заявила Аритайя. — Это никак не переводится на фианский язык, но для людей это очень важно! Делать «выпендрёж» — очень рискованное и ответственное решение! Если ты угадаешь и твой «выпендрёж» впечатлит людей, то они станут тебя сильнее уважать. Но если ты просчитаешься, и твой «выпендрёж» людей не впечатлит — они станут тебя презирать.

— Вот как! — удивился старый капитан. — И что, корабль, размерами превышающий разумные потребности — это успешный вые... как там это слово, не запомню?

— О, да! — дочь заулыбалась, кивая: — Успешный. Я не сама придумала, мне друзья подсказали. Мне вообще повезло с ними. Я тебя обязательно познакомлю! Виктор берёт все организационные вопросы на себя. Называется — «агент». Я, если чего-то не понимаю, говорю: — «переговорите об этом с моим агентом!» — и всё, Виктор всё уладит.

— Но что это я! — спохватился Нелнишнош. — Беседую с тобой под открытым небом, словно безмозглый мушок! У нас тут тревожно, опасно стало. Месяц назад прилетели кохи! Они совершенно точно запустили на орбите новые спутники! А сами высадились где-то на Раксла-Кслаиме! Ох, беда! Беда, дочка! Я не хотел улетать, не зная, что с тобой!

— А, кохи, — с непонятным чувством произнесла Аритайя, подняла к лицу какой-то миниатюрный прибор, и что-то сказала на странном чужом языке. В воздухе появилась голографическая голова человека. Человек что-то спросил, Аритайя что-то сказала, и голова человека исчезла.

— А, что... — начал, было, спрашивать Нелнишнош, но Аритайя ответила, не дожидаясь вопроса:

— Мой багаж, — объяснила она. — Подарок от друзей, человек. Сейчас выкатят.

И действительно, по трапу с лайнера с глухим лязгом скатилось несколько баранок. Матово поблёскивая на солнце покрытием, сильно напоминающим броню, надетую на человека, баранки подкатились к Аритайе, и со щелчком развернулись в некое подобие гигантских членистоногих насекомообразных. Только эти были не живые — фианин это чувствовал точно: это машины. Нелнишнош с подозрением покосился на многоствольные штуковины на шарнирах.

— Готовность полная! — доложила ближайшая машина слегка вибрирующим голосом на вполне понятном фианском языке. — Сквэд ожидает приказов!

— Даю вводную, — заговорила Аритайя, — где-то на этой планете скрывается враг: кохи. Ставлю задачу скваду: обнаружить врага и огнём принудить покинуть планету!

— Приказ принят! — бесстрастно откликнулась машина, и повторила приказ: — Обнаружить кохи, уничтожить фортификации, выдавить из помещений, подавить огнём сопротивление, попыткам покинуть планету не препятствовать.

— Ну, так то же верно, — откликнулась Аритайя. — Подтверждаю приказ!

Боевые дроиды свернулись обратно в бублики, и покатали к горизонту. За этими несколькими машинами по трапу из недр большого корабля потянулась вереница таких же.

— Дочь! Объясни! — потребовал Нелнишнош.

— Да всё просто, — Аритайя беззаботно пожала плечами, — в отличие от фиан, эти машины не чувствуют боли других живых существ, и могут делать то, на что никто из фиан не способен.

— Но дочка! Ты же...

— Я же — что? Позволяю кохам убираться отсюда живыми! Это — наша планета! И я удивляюсь, отец, почему никому из фиан давным-давно не пришло в голову построить подобные машины?

— Это не наш путь, — упрямо гнул своё хмурый Нелнишнош.

— Предложи другой! — не менее упрямо ответила Аритайя. — А пока ты думаешь над философской проблемой, я решаю конкретную практическую задачу. Я не позволю кохам убивать дорогих мне фиан!

Минуту отец и дочь пристально смотрели друг на друга. Потом дочь опустила взгляд, и заявила:

— Однажды, многомиллионнолетнее разумное существо размером с планету объяснило мне, что развитие — это поиск эффективной реакции на боль. И что есть либо развитие, либо деградация, и третьего просто не дано. Что бы на это сказал твой мудрый старец, изобретший непротивление злу насилием?

— Полагаю..., - Нелнишнош запнулся, и закончил так: — фиг его знает! Пойдём, наши все по тебе очень скучали!

Конец.

Больше книг на сайте - Knigolub.net